

Государственная Академия Истории Материальной Культуры
имени И. Я. Марра

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ, В. И. ГРАКОВ, С. А. ЖЕБЕЛЕВ
Т. Н. КНИПОВИЧ, Ю. Ю. МАРТИ

ИЗ ИСТОРИИ БОСНОРА

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1938

ИЗВЕСТИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Том IX, выпуск 8—10

Р. В. Шнидт. Металлургия в мифе и религии древней Греции.
81 стр. Цена 1 р. 75 к.

Том X, выпуск 3.

С. А. Селенов-Зусер. Отчет о раскопках в Ольвии в 1920—21 г.
21 стр. Цена 50 к.

Том XI, выпуск 2

К. М. Колобова. Опыт палеонтологического анализа терминов власти.
28 стр. Цена 65 к.

Том XII, выпуск 9—10

Учение Маркса и Энгельса об античном способе производства.
76 стр. Цена 2 р. 25 к.

Том XIII, выпуск 3

А. В. Мишулин. О воспроизводстве в античной общественной формации.
34 стр. Цена 1 р.

Выпуск 61

К. М. Колобова. К вопросу о судовладении в древней Греции.
100 стр. Цена 4 р. 25 к.

Выпуск 62

Н. И. Мещанинов. Загадочные знаки Причерноморья.
88 стр. Цена 2 р. 50 к.

Выпуск 66

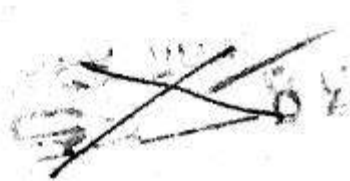
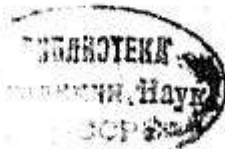
Л. Л. Раков. К проблеме разложения рабовладельческой формации.
50 стр. Цена 1 р. 50 к.

Выпуск 70

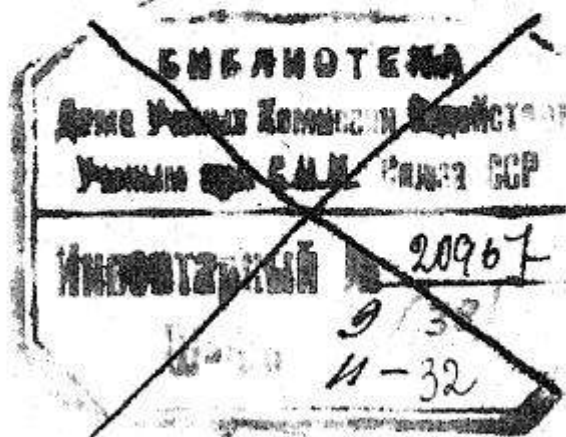
С. А. Жебелев. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре.
36 стр. Цена 1 р. 50 к.

ИЗВЕСТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Выпуск 104

ПРОВЕР.36

В. Ф. Гайдукевич, Б. Н. Граков, С. А. Жебелев,
Т. Н. Книнович, Ю. Ю. Марти

ИЗ ИСТОРИИ БОСПОРА

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1984

ЕВ_1934_BAN_1AK00001039

Академия Наук СССР
Дом Ученых
Библиотека

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
<i>С. А. Жебелев.</i> Боспорские этюды	7
<i>Ю. Ю. Марти.</i> Новые эпиграфические памятники Боспора	57
<i>Т. Н. Книпович.</i> К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII—V вв. до н. э.	90
<i>Т. Н. Книпович.</i> Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г.	111
<i>Б. Н. Гранов.</i> Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее.	202
<i>В. Ф. Гайдуневич.</i> Строительные керамические материалы Боспора (боспорские черепицы).	211

Боспорские этюды

С. А. Жебелев

I. Образование Боспорского царства

Античная традиция сохранила до 30 названий населенных пунктов, в меньшей части городов (πόλεις), в большей — селений (κῆραι), находившихся в пределах Боспорского государства.¹ Из городов лишь четыре могут с полной достоверностью быть признаны колониями, выведенными на Боспор во второй половине VI в.: милетский Пантикапей, теосская Фанагория, милетская Феодосия, милетская (или митиленская) Гермонасса; с меньшей уверенностью к этим четырем колониям можно присоединить пятую — милетские Сады (Κῆποι).² Из этих ионийских колоний две считались метрополиями Боспорского государства: Пантикапей в его европейской, применяясь к античной терминологии, части, Фанагория — в его азиатской части. Они, а также Гермонасса,³ и послужили опорной базой, на которой сформировалось затем Боспорское государство, Боспор, как его называли древние. Феодосия, также большой город, как увидим далее, первоначально к Боспорскому государству не принадлежала: она вошла в состав его лишь в начале IV в. Все остальные города или селения возникли уже в процессе формирования Боспорского государства. Инициатива заселения их греками исходила от самого Боспора, так что они могут быть, в отличие от исконных ионийских колоний, названы боспорскими колониями. Это была, так сказать, внутренняя колонизация Боспора.

При основании ионийских колоний греки нашли на Боспоре туземное население: скифское в европейской части, меотское — в азиатской; оно обитало там до прихода греков и имело возможность познакомиться с последними еще в ту пору, когда греческие мореходы-купцы заезжали, при своем странствовании по Черному морю, и на Боспор, где и вступали с туземцами в товарообмен, заводя на тех местах, где позднее возникли правильно организованные греческие колонии, торговые фактории. То, что Боспор был обитаем и до основания

¹ Перечисление их у Латышева, *Почтика*, 61 сл.

² Подробности в моем этюде „Возникновение Боспорского государства“, ИОГН, 1930 г., № 10, 799 сл.

³ О ней Rostowzew, *Skythien und der Bosphorus*, 252 сл.

колоний, ясно и само по себе и может быть подтверждено некоторыми указаниями. У Стефана Византийского под словом *Παντικάπαιου* сохранилась неизвестно из какого источника взятая заметка, которая, если откинуть из нее легендарные черты, показывает, что на том месте, где возник Пантикапей, обитали скифы.¹ Это подтверждается также и археологическими данными: к СВ от Керчи, на Темир-горе, было открыто курганный погребение VII в.; среди найденных в нем предметов оказалась милетская (или родосская) энохоя, очевидно, предмет импорта, но также и костяные предметы „скифского“ стиля, сработанные на месте. Точно так же в Цукурском погребении на Таманском полуострове оказалась родосская энохоя первой половины VI в. и наряду с нею бронзовые хеттские предметы, указывающие на то, что это погребение — меотское.² О наличии туземного населения на Керченском и Таманском полуостровах до водворения там греков говорит и топонимика. Название главного города Боспора, Пантикапей, — не греческое.³ И Феодосия возникла на месте, где прежде было туземное селение, которое называлось Ардабда.⁴

Если присмотреться к названиям селений на Керченском и Таманском полуостровах, то и среди них встречаются явно туземные имена (Тиритака, Китея, Казека, Корокондама, Тирамба, Аборака). Это в особенности бросается в глаза при сопоставлении с такими чисто греческими названиями, как Нимфей, Мирмекий, Ахиллий, Гераклий, Парфений, Порфмий.⁵

¹ Заметка Стефана повторена в комментарии Евстафия к периплу Дионисия, 314.

² Rostowzew, ук. соч., 307, 349 сл.

³ Пантикапей — официальное название города; это доказывается легендами его монет (Minns, Scythians and Greeks, табл. V, VI) и его *ἑθνικὰ Παντικάπαιτου* (IRE, II, 4), *Παντικάπαιεός* SIG³, 585. Однако не только в обиходе (ср. Plin. N. H., IV, 78, Steph. Byz. Βόσπορος), но и в официальном языке (BCH, LII, 1928, 190, 5, SIG³, 424 — дельфийские надписи первой половины III в. до н. э., IRE, I², 240 — ольвийская надпись императорской эпохи, откуда и соответствующие *ἑθνικὰ* в ольвийских надписях того же времени IRE, I², 202—204) Пантикапей назывался также Βόσπορος.

⁴ Anonym. per., 77 (51). Штерн (Феодосия и ее керамика, 3¹, ср. 11) отвергал показание перипла только потому, что это — поздний источник. Но ср. сказанное мною в заметке „Счастливые города“ (сборник ГАИМК в честь Н. Я. Марра, 358 сл.). С другой стороны, сослаться и на то, что в феодосийском некрополе до сих пор не встречены погребения смешанные, греко-скифского типа, нельзя: некрополь раскапывался мало и случайно. Rostowzew, ук. с., 227. На любопытном памятнике, коже со щита, со списком некоторых пунктов Причерноморья, открытом при раскопках в Douga-Europos (Cumont, Fouilles de Douga-Europos, Paris, 1926, табл. CIX—CX), читается, между прочим, фрагментированное *Αρτα*, что дополняли **Αρτα[ξάτα]*. K. Uhden, Hermes, LXVII, 1932, 117 сл., предлагает, опираясь на перипл анонима, дополнить **Αρτά[ββα]*.

⁵ О Нимфее см. этюд П. Мирмекий, в северно-восточной части Керченского полуострова, может быть, первоначально был самостоятельным полисом. Любопытно, что на некоторых пантикапейских монетах имеется изображение муравья; позднее Мирмекий стал пригородом Пантикапея, с некрополем которого некрополь Мирмекия сливается. Rostowzew, ук. с., 230. На Ахиллий указывает надгробная надпись IV в. до н. э. (Зал. Одесск. общ., XXVIII, прот. II, 5), в кото-

Наряду с этим такие названия, как Киммерик (на южном берегу Керченского полуострова), Киммерийское селение — крайний северный пункт на Таманском полуострове, — напоминают о предшественниках скифов на Боспоре, о киммерийцах.¹ Наконец, такие названия, как Горгиппия, Стратоклия, стоят, надо полагать, в связи с именами членов правившей на Боспоре династии Спартокидов.

Страбон (VII, 309—311; XI, 494—496), перечисляющий многие из названных выше населенных пунктов Боспора, характеризует одни из них как *πόλις*, другие — как *κῆμαι*. В государственно-правовом отношении отличие *κῆμη* от *πόλις* состояло в том, что *κῆμη* не была самодовлеющей политической единицей, а примыкала к соседнему с нею полису.² Но у Страбона, главным источником которого в данном отделе его географии был Артемидор Эфесский,³ вряд ли имеется в виду это различие; скорее оно обуславливается внешними признаками — удельным весом каждого из населенных пунктов (*κατοικίαι* у Страбона), занимаемой им площадью, плотностью населения и т. п. Может быть, одни из этих пунктов, заселенных греками, развились с течением времени до полисов — это можно с определенностью утверждать, напр., о Нимфее; другие, бывшие ранее полисами, напр., Мирмекий, стали потом простыми селениями; третьи, и таких было большинство, все время продолжали оставаться на положении *κῆμαι*. О той цели, которую преследовало боспорское правительство при заселении прибрежной полосы Киммерийского Боспора, вряд ли могут быть сомнения. Если посмотреть на карту Боспорского государства, бросится в глаза, что огромное большинство этих населенных пунктов помещается на берегах пролива. Они, очевидно, призваны были служить морскими станциями, облегчавшими сообщение между европейскою и азиатскою частями Боспора; с другой стороны, они являлись стоянками для судов, отправлявшихся в дальнейшее плавание по Черному и Азовскому морям. О времени основания каждой из боспорских колоний сведений у нас нет; конечно, они возникли не зараз, а постепенно, по мере роста Боспорского государства, его экономического и политического развития.⁴

рой последнее слово нужно дополнять *Ἀχιλλ[ε]ϊ[της]* по сравнению со Steph. Byz. *Ἀχιλλεῖος δρόμος*. От Парфения нужно отличать, как указал Гриневиц, Изв. Тавр. общ. I, 48 сл., Порфмий. Ахиллий и Парфений должно поставить в связь с ольвийским культом Ахилла и херсонесским культом Девы.

¹ Str., XI, 494. — О недавних обследованиях Китея и Киммерика Марти, Изв. Тавр. общ. II, 103 сл., III, 116 сл. О наблюдениях, сделанных во время Таманской экспедиции 1931 г., пока см. А. А. Миллер и А. А. Иессен, Сообщения ГАИМК, 1932 г., №№ 11—12, 61.

² Francotte, *La polis grecque*, 221, 227.

³ Rostowzew, *ук. соч.*, 37.

⁴ В древнейшем из периплов, в так наз. перипле Скилака, названы (68) в европейской части как „греческие города“: Феодосия, Китея, Нимфея, Пантикапей, Мирмекий, в азиатской части (72): Фанагория, Сады, Синдская гавань,

Первоначально каждая из ионийских колоний, основанных на берегах Киммерийского Боспора, представляла самостоятельный автономный полис по общему типу греческих полисов. Как долго длилось это, речь впереди. Пока заметим только, что уже при первых Спартокидах, т. е. с конца V в., эти города являются объединенными в одно Боспорское государство. Естественно поэтому, что объединение ионийских колоний в один государственный организм произошло при предшественниках Спартокидов, при Археанактидах.

Об Археанактидах имеется только краткое упоминание у Диодора (XII, 31, 1): при архонте в Афинах Феодоре (438/7) (правители) царствовавшие над Киммерийским Боспором и именовавшиеся Археанактидами, правили 42 года; преемником власти их был Спарток.¹ Это свидетельство Диодора, восходящее к неопределенному хронографическому его источнику, я разбирал в 1902 г.² и отнесся к нему отрицательно, выставив два положения: 1) начальная дата правления Археанактидов, 480 г., выведена Диодором искусственно, 2) сами Археанактиды созданы Диодором также искусственно, и их историческое существование на Боспоре является проблематичным. В 1930 г. одна из надписей, найденных в милетском Дельфинионе, заставила меня отказаться от второго из указанных положений.³ Последующие занятия Боспором побуждают меня теперь отказаться и от первого из указанных положений и таким образом признать достоверность свидетельства Диодора во всей его совокупности.

Диодор говорит, что Археанактиды царствовали над Боспором 42 года начиная с 480 г. Не будем придирааться к тому, что Диодор называет Археанактидов царями, каковыми они не были. Мы увидим ниже, что и Спартокиды приняли царский титул лишь с конца IV — начала III в.; тем менее оснований считать царями Археанактидов, и титул царя тут нужно понимать просто в смысле единоличного правителя. Важнее отметить, что Археанактиды „царствовали“ над Боспором, т. е. не над одною какою-нибудь из ионийских колоний на Боспоре, а над всем им в совокупности; следовательно, и Фанагория, и Гермонасса (и, может быть, Сады) были под властью Археанактидов, но эта их единоличная власть над Боспором началась лишь с 480 г., а не со времени водворения греков на Боспоре во второй половине VI в. Я предполагал, что Археанактиды — милетский род, ведущий свое происхождение

Πάτορος; последнее наименование, вероятно, искажено в рукописях, и в нем скрывается *Ἀπατοῦρον* (Str., XI, 495). Перипл Скимпна европейскую часть опускает совершенно, а в азиатской части называет: Гермонассу, Фанагорию, Синдскую гавань (населенную эллинами, пришедшими из ближайших местностей), Сады и Киммериду (*κίμμη Κιμμερίς* Страбона) — ценное указание при решении вопроса о так наз. боспорских колониях.

¹ ЖМНП, 1902 г., март, отд. класс. филол., 130 сл.

² ИОГН, 1930 г. № 10, 817 сл.

от Археанакта, основателя колонии в Пантикапее; что этому Археанакту, после того как колония была основана, вручена были верховная власть в ней; что Археанакт стал „архонтом“ Пантикапея и что последующие Археанактиды также титуловались архонтами. Что это было так, показывает не только то, что такой же титул носят позже и Спартокиды; об этом может свидетельствовать и один документальный пример, заимствуемый из метрополии Пантикапея, Милета. На одной из статуй, стоявших на священной дороге, ведущей из милетской гавани Панорма к святилищу Бранхидов в Дидимах, посвященная надпись первой половины VI в. (а может быть, и конца VII в.) гласит: *Χαρῆς ἐπὶ ὁ κλειστός Τειχιόσης ἀρχός*¹. Тихиуса находилась в окрестностях Милета (Thuc., VIII, 26,3); по словам Архестрата, писателя, бывшего современником Аристотеля, она была милетской *χώμη*. То, что Харес называется в надписи *ἀρχός*, архонтом, правителем Тихиусы, показывает, что она управлялась одним из мелких тираннов, столь обычных для того времени. Таким образом, титул „архонт“ боспорских правителей мог вести непосредственное происхождение из Милета².

Если для Пантикапея мы можем с большою долею вероятности допускать, что правитель из рода Археанактидов имел там власть пожизненного архонта, что звание это и связанные с ним прерогативы власти были наследственными и переходили от отца к сыну, как то было и при Спартокидах, то нет данных для ответа на вопрос: как организовано было правительство в других ионийских колониях на Боспоре. Если в таких же, что и Пантикапей, милетских колониях, как Гермонасса (и, может быть, Сады), во главе правительства стояли также архонты из рода Археанактидов, то было ли то же в Фанагории, теосской колонии? Стояла ли Фанагория вне сферы ведения Археанактидов, или же она, оставаясь самостоятельным полисом, признавала их власть? Бёк (см. Латышев, *Почтиа*, 72) высказал предположение, что при Археанактидах боспорские греки пользовались „свободою“, но что они управлялись архонтами из определенного аристократического рода, или избираемыми, или получавшими власть в порядке наследования. Ни подкрепить, ни опровергнуть предположения Бёка нет данных.

По мнению Брандиса (RE, III, 757 сл.), Археанактиды властвовали лишь над Пантикапеем и его областью. С мнением Брандиса трудно согласиться, если даже и понимать под „областью“ Пантикапея весь Керченский полуостров (конечно, до Феодосии исключительно). Если бы власть Археанактидов

¹ SIG³ 3 d = Nachmanson, Hist. griech. Inschr., 9.

² Athen., VII, 320. В списках дани 454/3 г. стоит [Μι]λέσιοι [ἐν Τ]ειχιόσσει. SEG V, 1. VI, 21—22. В списках дани за 429/8, 421/0, 420/9 гг. Тихиуса значится как самостоятельная единица.

ограничивалась только им, она хромала бы на одну ногу, так как без обладания Таманским полуостровом Археанактидам трудно было обойтись: слишком близко оба полуострова были связаны в их интересах политических и экономических. Мне представляется более вероятным, что если и не сразу, то сравнительно скоро после утверждения Археанактидов в Пантикапее их власть или во всяком случае их влияние распространилось также и на Таманское побережье. Лишь обладание обоими берегами Киммерийского Боспора создавало для Археанактидов необходимую экономическую базу. Едва ли есть основание думать, что распространение господства Археанактидов на Таманский полуостров, точнее сказать, на его ионийские колонии, в том числе на Фанагорию, произошло в результате каких-либо враждебных действий против них со стороны Пантикапея. Ионийские колонии на Тамани, в тылу которых обитали туземные племена меотов, вошедшие в состав Боспорского царства лишь при Спартокидах, из естественного чувства самосохранения и безопасности могли объединиться вокруг Пантикапея, более могущественного, чем каждый из таманских городов в отдельности, не исключая и Фанагорию. Это могло произойти уже при Археанактидах. И вот тут-то и вступает в свои права свидетельство Диодора, что Археанактиды правили над Боспором, следовательно, над обоими его берегами, с 480 г. (конечно, за то, что это произошло именно в 480 г., а не несколькими годами раньше или позднее, я ручаться не стал бы). Это значило бы, что с этого времени процесс объединения ионийских колоний вокруг Пантикапея и под властью Археанактидов должен считаться закончившимся. А сколько времени процесс этот протекал и как он происходил, об этом пришлось бы только гадать.

Говоря об объединении боспорских городов под властью правящей династии, неправильно было бы искать аналогии ему в практике греческих союзов и симполитий. Объединение боспорских полисов не преследовало политических целей, а вызвано было отчасти стратегическими, а главным образом экономическими соображениями, диктуемыми всем сложившимся строем Боспорского государства.¹ Не может говорить

¹ Мнение Брандиса (RE, III, 767) что Фанагория не принадлежала к составу Боспорского государства даже при Спартокидах, основывается на его неправильном толковании выражения *Βοσπόρου* в титулатуре Спартокидов и опровергается определенным указанием Страбона (VII, 310, ср. Veloch, Griech. Gesch.², III¹, 133²). Указание Аппиана (Mithr., 113) о том, что Помпей предоставил Фарнаку все Боспорское государство, исключая Фанагорию, которой он даровал свободу и автономию за то, что она первая восстала против Мифрадата, не дает право заключать о каком-то привилегированном положении Фанагории в более древнее время. Напротив, свидетельство Аппиана показывает, что привилегия, данная Помпеем Фанагории, выделяла ее из среды прочих боспорских городов.

против такого объединения и то, что такие города Боспорского государства, как Феодосия, Нимфей, Фанагория, Горгиппия, чеканили свою монету (Minns, Scythians and Greeks, табл. IX). Даже в таком строго-федеративном государстве, каким был, например, Беотийский союз, каждый из полисов, входивших в состав его, чеканил свою монету (С. Я. Лурье, Беотийский союз, 65 сл.). Еще менее говорило бы против объединения то соображение, что граждане городов, объединившихся вокруг Пантикапея, продолжают сохранять свой *ἐθνικὰ*.

В 438-7 г. Археанактидов сменяют Спартокиды. Чем была вызвана эта смена, как она произошла, Диодор не говорит, выражаясь кратко; принял власть, стал преемником (*διεδέξατο τὴν ἀρχήν*) Спарток. Так же выражается Диодор, когда говорит о преемственном наследовании Спартокидов (XII, 36, 1; XIX, 93, 1; XVI, 81, 6; 52, 10; XX, 100), так что Спарток, родоначальник династии Спартокидов, мог стать преемником последнего Археанактида и не насильственным, а мирным путем, оттого ли, что у последнего Археанактида не оказалось преемника, и государство вручило власть Спартокиду, или оттого, что он был усыновлен последним Археанактидом за неимением своих детей и таким образом стал его законным преемником. Все это, разумеется, предположения, но таким же предположением должно признать и господствующее мнение Перро (Rev. hist., IV, 33), что Спартокиды сменили Археанактидов в результате придворной революции, во время которой представители рода Археанактидов были перебиты или должны были удалиться в изгнание. Белох был готов эту придворную революцию приписывать даже проискам афинян. При отсутствии фактического материала приходится ограничиться простым констатированием факта происшедшей на Боспоре смены династии.¹

С уверенностью можно утверждать одно: Спартокиды, в

¹ Перро предполагал, что родоначальник династии, Спарток, был предводителем наемного войска при последнем Археанактиде. Военные таланты Спартока, престиж, которым он пользовался, доверие к нему войска, — все это указало на него в минуту опасности, как на человека, способного спасти государство. Брандис, RE, III, 758, допускает возможность, что Спарток состоял в каких-то родственных отношениях с Археанактидами. Geуег, RE, III A, 1540, определенно высказывается за то, что Спарток был предводителем отряда фракийских наемников и что он насильственным путем овладел властью. Что Боспорская армия в значительной своей части комплектовалась из наемников в IV в., факт несомненный (Diod., XX, 22,4; 23,6,8. IPE, II, 4 = SIG³, 209). За это говорит фрагмент пантикапейской надписи 60-х гг. IV в., поставленной аркадскими наемниками. IPE, II, 296 — пантикапейская надгробная надпись IV в. — называет некоего *Δρόσανς* (или *Δρόσανς*) *Παφλαγῶν μαχόμενος ἐν Μαίταις*. В Керчи была найдена надпись (ИАК, 3,33,1), содержащая лишь одно слово *στρατηγῶν*. Надпись найдена в том же месте, откуда происходит надпись IPE, IV, 297, называющая стратега *Τοκандυτῶν*. Сопоставление этих двух надписей делает вполне приемлемым предположение Латышева, что на пантикапейском кладбище имелось особое место для захоронения наемных стратегов. Но были ли эти стратеги предводителями гражданского, или наемного ополчения, или того и другого вместе — мы не знаем.

противоположность Археанактидам, ведшим свой род из Милета, были фракийского происхождения.¹ За это говорят такие имена боспорских правителей, как Спарток, Перисад. С другой стороны, такие имена Спартокидов, как Сатир, Левкон, Притан, Евмел, Горгипп, Метродор, Аполлоний, — имена чисто греческие; это ясный показатель того, в какой степени Спартокиды были эллинизированы. Наконец, не мешает принять в расчет еще и такое соображение. Мы знаем, что Терес, родоначальник династии фракийских одрисов, породнился со скифским царем Ариапифом, выдав за него замуж свою дочь (Herod., IV, 78, 80). Не исключена возможность, что такого рода брачные союзы заключались и между представителями фракийской и скифской знати. В таком случае родоначальнику Спартокидов не нужно было непременно приезжать из Фракии на Боспор, делаться там предводителем наемников: он мог родиться и на самом Боспоре от такого фракийско-скифского брака. И прав Ростовцев (Iranians and Greeks, 68), по мнению которого Спарток, несмотря на свое фракийское имя, принадлежал к местной скифской знати, рано уже ассимилировавшейся с греками (иное объяснение в САН, VIII, 565, которое мне кажется менее вероятным: Спарток — одрисский князь, прибывший на Боспор со свитой по приглашению Археанактидов).

Справедливо было отмечено (Brandis; RE, III, 758), что первым Спартокидам Боспор обязан и своим территориальным расширением и распространением своей власти и влияния на окружавшие Боспор туземные племена. IV и первая половина III в. считаются эпохой наивысшего и политического и экономического процветания Боспора, но оно не могло бы развиваться, если бы не было подготовлено всею предшествующею деятельностью Археанактидов. О родоначальнике династии, Спартоке I, античная традиция не говорит ничего; он, впрочем, царствовал недолго (438—431). О его преемнике, Сати́ре, царствовавшем до 387-6 г., мы знаем, что он умер при осаде Феодосии.² Поздний источник, перипл анонима (77[51]), говорит, что, по слухам (λέγεται), в Феодосии проживали некогда боспорские изгнанники. Это известие анонима напрашивается на сопоставление его с сообщением Исократ (XVII, 5) об „изгнанниках“. Выходило бы, что боспорские эмигранты, вынужденные по неизвестным нам причинам покинуть Боспор, нашли приют в Феодосии и что это обстоятельство послужило поводом для Сати́ра вступить в войну с Феодосией. Но если

¹ Севф, племянник и преемник Ситалка, паря фракийских одрисов, был сыном Спарадока. В таком начертании передают это имя рукописи Фукидида в IV 1 1.5. Но в II, 101,5 то же имя читается в одних рукописях Фукидида Σπαρδόκος, в других Σπαρτόκος. Вероятно, везде следует установить чтение Σπαρδόκος или Σπαρτόκος.

² Harpocr., Θεοδοσίαν. Schol. Dem. adv. Lept., IX, 471.

и было так, то это было именно только предлогом, причина же вооруженного конфликта между Боспором и Феодосией была иная, более существенная.

На основании археологических данных мы знаем, что Феодосия, обладавшая прекрасною гаванью (Str., VII, 309), достигла благодаря своей торговой деятельности значительного расцвета в течение V в.¹ Это должно было вызвать торговую конкуренцию между Пантикапеем и Феодосией, а эта конкуренция повела и к враждебным действиям, начатым, очевидно, Боспором, который чувствовал себя тогда уже достаточно к ним подготовленным. Они начались в последние годы правления Сатира, умершего при осаде Феодосии. Военные действия против нее продолжались при преемнике Сатира, Левконе, и закончились тем, что Феодосия в конце концов была покорена и вошла в состав Боспорского государства, правители которого отныне стали титуловаться „архонтами Боспора и Феодосии“.

Полиен в своем сборнике „Военные хитрости“ приводит несколько рассказов, как всегда у него, с анекдотическим налетом, но в общем сообщающих об имевших место фактах, именно о вооруженных столкновениях с Боспором Гераклеи Понтийской. В одном из этих рассказов (V, 23) излагается, как гераклеийский наварх Тинних ловким маневром „освободил от осады Феодосию Понтийскую, осажденную соседними тиранами“, под которым нужно разуметь либо Сатира, либо Левкона. О войне последнего с гераклейцами упоминается в двух других рассказах Полиена (VI, 9, 3.4), причем во втором из них говорится о высадке гераклейцев в европейскую часть Боспора, т. е. на Керченский полуостров.² Рассказывается у Полиена (V, 44) и о хитрости, придуманной Мемноном Родосским во время войны Гераклеи с Боспором, когда Мемнон,

¹ При раскопках в Феодосии, носивших, впрочем, далеко не систематический характер, найдено было значительное количество черепков аттических краснофигурных сосудов прекрасного стиля (вторая половина VI—начало IV в.), вазы так наз. беллой расписной техники, черепки и донышки хорошего аттического товара с нацарапанными на них graffiti, а также терракоты, исполненные под аттическим влиянием. Подробности у Штерна, Феодосия и ее керамика (ср. Roslowzew, Skythien und der Bosphorus, 227 сл., который отмечает, что и феодосийские монеты указывают на аттическое влияние). Все это определенно свидетельствует о том, что Феодосия в V и в начале IV в. была в оживленных торговых сношениях с Афинами. Найденные в Феодосии в большом количестве амфорные ручки с фасосскими, родосскими, кипдскими штемпелями указывают на то, что торговые сношения Феодосии далеко не ограничивались одними Афинами.

² Из рассказа Полиена о хитрости Тинниха следовало бы заключать, что Левкон в первые же годы своего правления возобновил военные действия против Феодосии. Следует ли два других рассказа Полиена, на этот раз о хитростях Левкона, ставить в связь с осадой Феодосии, установить нельзя, принимая во внимание, что правление Левкона продолжалось 40 лет; возможно, что в течение этого времени нашлось место для выступления Гераклеи против Боспора и после включения Феодосии в Боспорское государство.

очевидно, состоял на службе у гераклейцев. В связь со всеми этими рассказами Полиена нужно поставить и заметку в псевдо-аристотелевой „Экономике“ (II, 2, 8, р. 1947 b 3), где упоминается об отправке гераклейцами „против боспорских тиранов“ 40 кораблей.

Вмешательство Гераклеи в вооруженный конфликт между Боспором и Феодосией, помощь, оказанная последней Гераклею, находит себе объяснение в том, что Гераклея своим вмешательством хотела помешать Боспору в его агрессивной политике на Керченском полуострове и прежде всего отвести угрозу, нависшую над колонией Гераклеи, Херсонесом Таврическим. Последний имел все основания опасаться, как бы взоры Боспора, после завоевания Феодосии, не обратились и на него. Но и помимо этого Боспорское государство уже в первой половине IV в. представляло настолько значительную величину в своей экспортной торговле, что Гераклею, расцвет которой начинается как раз с 360-х годов, со времени утверждения в ней тирании Клеарха, Гераклею, которая вела также обширную экспортную торговлю, особенно рыбой (Aelian, N. A., XV, 5), важно было помешать экспансии Боспора. Цели, которые преследовал Боспор в своей агрессии против Феодосии, ясно видны из слов Демосфена (XX, 33), что Левкон, овладев Феодосией, „пристроил“ к ней торговую гавань, точнее расширил и прибавил к имевшемуся уже ее оборудованию новые сооружения.

Встретив препятствия для экспансии в западном направлении, Боспор стал проводить ее в направлении восточном. Он поставил себе целью прочно укрепиться на Таманском полуострове и на прилегающей к нему территории. Левкон и его ближайшие преемники повели там очень интенсивную политику.¹ Литературная традиция не сохранила о ней никаких указаний. Зато мы располагаем ценными, хотя и сухими, документальными данными. Это ряд посвященных надписей, датированных именами боспорских правителей, с присоединением полной их титулатуры. Последняя и дает нам возможность установить последовательные этапы территориального расширения Боспорского государства на Таманском полуострове и прилегающей к нему территории.²

¹ Движение Боспора на Таманский полуостров началось, может быть, уже при Сатире. Полиен в рассказе о мятежке Тиргатао (VIII, 55) сообщает, что Сатир умер во время военных действий против Тиргатао (не стоит ли здесь имя Сатира вместо имени Гекатея?). Это противоречит указанному выше известию о том, что смерть Сатира последовала во время осады Феодосии. Быть может, оба сообщения можно было бы согласовать так, что одновременно с этой осадой происходили военные действия и на Тамани. Из довольно спутанного рассказа Полиена можно заключить, что эти первые шаги Боспора на Таманском полуострове окончились неудачей.

² Определить хронологию, хотя бы в пределах десятилетий этих этапов невозможно.

В наиболее ранней из дошедших надписей — она найдена в кургане на западном берегу Цукурского лимана и происходит, вероятно, из Фанагории — Левкон титулуется лишь архонтом Боспора и Феодосии (IRE, II, 343 = SIG³, 210). Но тот же Левкон в другой надписи (IRE, II, 6 = SIG³, 211), точное место нахождения которой установить нельзя,¹ титулуется не только архонтом Боспора и Феодосии, но и царем синдов, торетов, дандариев, псессов.

Как в этой, так и в остальных надписях синды оказываются всегда на первом месте. Они занимали Таманский полуостров и ближайшие к нему местности до Синдской гавани. Проживая в ближайшем соседстве с греческими колониями, синды, естественно, должны были рано подпасть под греческое влияние. Их монеты конца V — начала IV в. (Minns, ук. соч., табл. IX, 25, 26, 27) имеют изображение Геракла (или грифона) и снабжены надписью Συδῶν. Царь синдов, современник Сатира, носит греческое имя Гекатей. Он пользуется покровительством и помощью Сатира, даже породнился с ним (Сатир выдает за него замуж свою дочь — Ροῦαει., VIII, 55). Синдом же, вероятно, был и тот Сопей, который известен из „Банкирской речи“ Исократ.² Сопей — приближенный к Сатиру человек, позже его свояк: дочь Сопея замужем за сыном Сатира. Когда Синдика вошла в состав Боспорского царства, Сопей, получив в управление (или заведывание) большую территорию, „радеет“ о всех владениях Сатира.³

Все это говорит за то, что включение Синдики в состав Боспорского государства при Левконе должно было произойти мирным путем.⁴ Тореты обитали непосредственно к югу от синдов, примерно между теперешней Анапой и Новороссий-

¹ Надпись, хранящаяся в Эрмитаже, поступила туда из Нахичевани, куда она, по рассказам старожилов, попала из Феодосии. Первый издатель надписи, Стефани, и вслед за ним Латышев отвергали мысль о феодосийском происхождении надписи на том основании, что в Феодосии „до сих пор“ (в 1890 г.) не было найдено ни одного памятника столь отдаленной древности. Теперь известны феодосийские памятники и более раннего времени.

² Σοπαῖος не греческое, а лишь огреченное имя.

³ Так понимает δὲναρχος у Исократа Латышев (Scythica et Caucasica, I, 357) — правильное, чем Hasebroeck (Staat und Handel im alten Griechenland, 12), называющий Сопея Staatshalter und Söldnerführer Сатира, или Ziebarth (Beiträge zur Gesch. d. Seeraubs u. Seehandels im alten Griechenland, 13), называющий Сопея „министром“ Сатира.

⁴ Не думаю, однако, что и после присоединения Синдики к Боспорскому государству там была своя особая синдская династия, стоявшая в вассальных отношениях к Пантикалею, что к этому синдскому царству принадлежала и Фанагория (Rostovtzeff, САН, VIII, 570). Начиная с Левкона, боспорский правитель — царь синдов, и Синдика составляет нераздельную часть Боспора. Что боспорские правители титулуют себя архонтами Боспора (в собирательном смысле) и Феодосии, но не называют себя, напр., архонтами Фанагории и других греческих колоний на Тамани, объясняется тем, что Феодосия была присоединена к Боспору в результате завоевания, тогда как Фанагория и другие греческие города Тамани объединились вокруг Пантикалея значительно раньше и мирным путем (см. выше).

ском. Дандарии и псессы занимали внутреннюю часть области, к востоку от торетов, по левому берегу Кубани и ее притокам (Tomaschek, RE, IV, 2099).¹

Повидимому, при Левконе владения Боспора еще не распространялись на территорию по правому берегу Кубани; она вошла в состав Боспорского государства при преемниках Левкона. В фрагментированной надписи IPE, II, 8 = SIG³, 213 сын Левкона Перисад называется царем фатеев, племени, так называвшегося, очевидно, от упоминаемой у Диодора (XX, 2, 3. 23, 1) реки *Θάτης*, одного из правых притоков Кубани.² От долговременного (342—309) правления Перисада дошло 4 надписи с упоминанием его титулатуры. Первая надпись фанагорийская (IPE, II, 344 = SIG³, 214), где Перисад называется архонтом Боспора и Феодосии, царем синдгов, торетов, дандариев. По сравнению с вышеуказанною титулатурой Левкона обращает внимание опущение псессов. Если это не случайное опущение, то его приходится объяснять тем, что в то время, когда надпись была опубликована, псессы отпали от Боспора. Но что отпадение это было временное, показывает вторая фанагорийская надпись (IPE, II, 345 = SIG³, 215), где Перисад называется архонтом Боспора и Феодосии и царем синдгов и всех „маитов (= меотов),³ а в особенности третья фанагорийская надпись (IPE, II, 346 = SIG³, 216), где к словам: „и всех маитов“, прибавлено: „и фатеев“. Наконец, четвертая надпись, также фанагорийская (IPE, II, 347 = Nachmanson, Hist. griech. Inschr., 46), содержит ту же титулатуру Перисада, что и предыдущие, но с прибавлением в конце надписи „досхов“ — это также одно из меотских племен (Str., XI, 495), местожительство которого пока не может быть точно определено.

Как понимать встречающееся в одной из указанных надписей выражение всех маитов=меотов? Значит ли это, что боспорские правители фактически стали „царями“ всех тех меотских племен, которые античная традиция помещает вокруг Меотиды — Азовского моря?⁴ Едва ли. В надписях, упо-

¹ Фрагмент пантикапейской надписи ИАК, 63, 109, 1 Шкорпил восстановил так: "Αρχωντος Λεύκωνος [Βοσπόρου καὶ Θεο]δοσίας [καὶ Σινδῶν καὶ βασιλεύοντος и пр. и замечал: здесь „синды поставлены на одну доску с Боспором и Феодосией“. Вряд ли так; скорее дело объясняется тем, что резчик по небрежности поставил Σινδῶν не после, а перед βασιλεύοντος. Примеры таких перестановок встречаются в надписях неоднократно.

² В надписи обращает на себя внимание прежде всего отсутствие пред [Θεο]δοσίας обычного Βοσπόρου. Арн. Шефер и вслед за ним другие объясняют отсутствие Βοσπόρου тем предположением, что надпись относится к совместному правлению Спартока и Перисада (347—342), когда между ними власть могли быть поделена таким образом, что Спарток был только архонтом Боспора (Пантикапей и греческих городов на Тамани). Перисад же был архонтом Феодосии, царем синдгов и других племен на азиатской стороне Боспора.

³ Такая же титулатура Перисада в фанагорийских надписях (IPE, II, 418; ИАК, 49, 63, 1) и пантикапейских (IPE, II, 10, 11).

⁴ Hermann, RE, XIV, 590.

минающих „всех меотов“, скорее всего разумеются только те меотские племена, которые обитали по течению Кубани и ее притоков. Страбон (XI, 493) говорит, что те из меотских племен, которые жили ближе к Танаису, хотя и занимались земледелием, но в воинственности не уступали кочевникам и вообще были „более дики“, а те, которые примыкали к Боспорскому государству, были более культурны.

Из рассмотрения данных, извлекаемых из эпиграфических документов, намечаются последовательные этапы включения в состав Боспора территорий тех туземных племен, которые обитали в азиатской его части. При Левконе вошли в состав Боспора те племена, которые обитали в ближайшем соседстве с береговой полосой Таманского полуострова. Затем последовало включение в состав Боспора племен, обитавших к югу от Кубани, по ее притокам. При Спартоке и Перисаде присоединились племена, жившие к северу от Кубани. На юге ниже линии, идущей от Новороссийска, продвижение Боспора не пошло. Что касается северной границы государства на азиатской стороне, то Танаис в IV в. несомненно принадлежал Боспору.¹

Сомнительно, чтобы в его состав входила территория, растянувшаяся за восточным берегом Азовского моря; но что она хотя и не принадлежала Боспору, но находилась в сфере его влияния и эксплуатации, это вероятно.²

В приведенных надписях боспорский правитель называется царем таких-то и таких-то меотских племен.³

Это означало, что отныне территории, занятые этими племенами, поступали во владение боспорского правительства, которое тем самым и получало неограниченное право на эксплуатацию их природных богатств. Правители Боспора, которым уже принадлежали значительные земельные угодья на Керченском полуострове, становились теперь обладателями больших и плодородных территорий в азиатской части Боспора. Они составляли „царскую территорию“ (*χώρα βασιλική*), которую правитель Боспора мог распоряжаться по своему усмотрению, или эксплуатируя ее самолично, или раздавая участки ее для эксплуатации членам своей фамилии, или, наконец, предоставляя, на правах аренды, эксплуатировать ее своим греческим

¹ См. этюд III.

² В пантикапейской эпитафии (IRE, II, 9 = Miller von Gaertringen, Hist. gr. Epigr., 71), относящейся ко времени Перисады, сказано: „Фаломах поставил Фебу, Антистасис [отец Фаломаха], статую, принеся бессмертный дар смертному отцу, при Перисаде, управляющем землею, крайними границами которой служат пределы, охватываемые таврами и Кавказом“. В этом непритязательном стихотворении в общих чертах, но вполне точно, определены границы Боспорского государства. На западе — Таврический полуостров (по линии, идущей от Феодосии), на востоке — северные отроги Кавказского хребта.

³ Точнее — „царствующий“, βασιλεύων; стилистическое чутье подсказало боспорской канцелярии писать, по сопоставлению с ἄρχων, не βασιλεύς, а βασιλεύων.

и туземным подданным. Подробности всего этого нам неизвестны, равно как мы не знаем и того, каким образом было организовано управление приобретенными территориями, в какие отношения к центральной власти стали прежние главы покоренных меотских племен. Можно утверждать только одно: в эпоху расцвета Боспора, в течение столетия, начиная, примерно, с середины IV в., материальная база государства значительно расширилась и окрепла, политическая и экономическая мощь Спартокидов возросла и в пределах и за пределами Боспора.

Из дошедших разрозненных упоминаний, относящихся к IV в., мы можем заключать о тех прерогативах власти, какими были облечены Спартокиды, носившие тогда еще скромный титул архонта, но фактически бывшие царями не только покоренных туземных племен, но и греческого населения Боспора. Это, однако, не исключает того, что сравнительно немногочисленные боспорские полисы на обоих берегах Боспора пользовались муниципальным самоуправлением. Но фактически эти города и их территории все же были в полном распоряжении Спартокидов. Эсхин (III, 171) преувеличивает, когда говорит, что афинянин Гилон „получил от тираннов в дар так наз. Сады“. Вряд ли Сатир подарил Гилону целый город, хотя бы и небольшой. Дело идет скорее о том, что Гилону был предоставлен в Садах большой земельный участок.¹ В конце IV в. боспорский правитель Евмел предоставил тысяче граждан, переселившихся из Каллатии на Боспор, „город для поселения“, а кроме того „разделил на участки“ и раздал каллатийцам прилегавшую к Фанагории фианнитскую территорию.²

Распоряжаясь территорией Боспора, поскольку она составляла собственность или государства, или правящей династии, Спартокиды имеют право издавать распоряжения, касающиеся всего Боспора. Мы знаем из Демосфена (X, 33, 34), что Левкон издал распоряжение (*κέρουρα*) о том, чтобы купцы, отправлявшие хлебные грузы в Афины, грузились первыми. В пантикапейском декрете IV в. (IPE, II, 1 = SIG³, 217) Перисад и его сыновья дают гражданину из Амиса проксению и связанные с нею привилегии во всем Боспоре [*ἐν παντί Βοσπόρῳ*].³ В афинском декрете 347-6 гг. (IG, II^a, 211 = SIG³, 206) в честь Спартока и Перисада последние выступают как правители всего Боспора.

Хотя Спартокиды IV в. называли себя царями только подвластных им меотских племен, в отношении же подвластного им греческого и туземного населения Боспора довольствовались исконным титулом архонта, тем не менее о характере

¹ См. II этюд.

² Diod., XX, 25 (с поправкою Латышева, *Ποσειδά*, 171).

³ Восстановление — несомненное. Труднее решить, как предпочтительнее дополнять конец декрета: *τοῖς πασίῃ* или *τοῖς δεράποισιν*.

власти Спартокидов не может быть двух мнений: они были наследственными неограниченными монархами (лишь в литературной традиции они нередко называются тираннами). Правда, в афинском документе 347-6 гг. Спартокиды Сатир, Левкон, Спарток и Перисад называются просто по их именам, без каких-либо прибавлений. Но та же практика наблюдается в афинских документах первой половины IV в. и в отношении иных монархов: Аминты македонского (SIG³, 135, 157), Кетрипорида фракийского, Липпея пеонского, Граба иллирийского (SIG³, 127), Ариббы молосского (SIG³, 228).¹ Даже такой могущественный государь того времени, как Дионисий I, удостоился от афинян прибавления к его имени лишь титула „архонт Сицилии“ (SIG³, 128, 159).² Боспорскую державу любят сопоставлять с Сицилией,³ но это сопоставление вряд ли удачно. Сицилийская держава правильно характеризуется как военная монархия: власть сицилийских правителей опиралась главным образом на наемническую армию. Правда, и Спартокиды держали наемную армию. Но политика Дионисия и политика Спартокидов IV в. различны. Дионисий силой подчиняет себе греческие города Сицилии, его агрессивная политика направлена далеко за пределы Сицилии; он стремится к созданию могущественной державы, мечтает о подчинении Карфагена, может быть, также южной Италии. Если Спартокиды подчинили своей власти Феодосию, то это было вызвано экономическими соображениями, как указано выше. Спартокиды подчиняют своей власти меотские племена в Кубанской области с определенной целью — занять их хлебородную территорию. Если уж характеризовать как-либо Боспорскую монархию, то ее правильнее было бы назвать аграрно-коммерческой монархией, но ни в каком случае не военной.⁴

¹ Лишь *Ἐβρόδαυρος* титулуется царем одрисов (SIG³, 138), Стратон — царем Сидона (SIG³, 185).

² W. Hüttle, *Verfassungsgeschichte von Syrakus*, Prag, 1929 (известно мне по рецензии Heichelheim'a, *Phil. Woch.*, 1931, № 9), полагает, что титул Спартокидов „архонт“ создан по сиракузскому образцу. Но а) Дионисий — „архонт“ Сицилии лишь в глазах Афин; его официальный титул, как позднее и Агафокла, *στρατηγὸς ἀποκράτωρ*; б) Спартокиды унаследовали титул „архонт“ от Археанактидов.

³ Ростовцев, *Сборник в честь Кареева*, Спб., 1914 г., отд. отт. 4. Stern, *Hermes*, I, 1915, 179, и др.

⁴ Было бы, конечно, неосторожно придавать слишком большое значение терминологии Страбона. Все же должно отметить, что он трижды называет Спартокидов IV в. династами (*Str.*, VII, 310; XI, 494, 495). Также и Хрисипп (III, 69, *Arnim*) называет Левкона династом. Разумеется, и династ и царь, как носитель единоличной власти, — понятия тождественные, хотя в официальном языке проводится различие между царем и династом (напр., OIS, 229, 338, 441; SIG³, 581). В греческой государственно-теоретической литературе проводится определенное различие между *δυναστεία* и *βασιλεία*. Аристотель (*Polit.*, IV, 5, 1, p. 1292 b 5, 5, 8, p. 1293 a 30) считает династию крайней формой олигархии; династия в олигархическом строе то же, что в монархическом — тирания. Если, говорит Аристотель, власть лиц, обладающих собственностью, усиливается в том отношении, что число их становится все меньше и меньше, а

До конца IV в. мы не слышим ни о каких разногласиях среди членов правящей династии, не замечаем никакого стремления к присвоению одним из них преобладающего положения. Но после смерти Перисада в 310 г. возникли распри из-за верховной власти между его сыновьями. Подробный рассказ об этом сохранился у Диодора (XX, 22—26), пользовавшегося, несомненно, хорошо осведомленным местным источником.¹

Мы не будем пересказывать живое и интересное повествование Диодора. Ограничимся лишь выделением из него наиболее важных черт.

После Перисада осталось трое сыновей: Сатир, Притан и Евмел. Старший из братьев вступил на престол, но младший вступил с ним в борьбу. Привлекши на свою сторону некоторые соседние племена туземцев в азиатской части Боспора, Евмел развернул там военные действия; союзником его был Арифарн, царь сираков, одного из меотских племен. Сатир с значительными военными силами, состоявшими из греческих и фракийских наемников под предводительством грека Мениска, а также из скифов, переправился из Пантикапея на азиатскую сторону. В происшедшей битве победу одержал Сатир. Евмел и Арифарн укрылись в хорошо укрепленный замок последнего. Попытки Сатира взять замок приступом окончились неудачей. От полученной раны он умирает, процарствовав всего 9 месяцев. На престол вступил средний брат, Притан. Евмел вступил с ним в переговоры, предложил ему поделить власть с тем, чтобы Притан правил в европейской части, Евмел — в азиатской. Но Притан на это не пошел. Тогда Евмел, опираясь на туземцев, захватил в свои руки все укрепленные пункты в азиатской части. Притан выступил против войска Евмела, но, будучи оттеснен, должен был капитулировать, передал свое войско Евмелу, отказался от верховной власти и вернулся в Пантикапей. Там он еще раз сделал попытку вернуть себе власть, но потерпел неудачу,

самая собственность все увеличивается в своих размерах, те образуются династия; все магистратуры сосредоточиваются в руках этих собственников, причем, по закону, после их смерти сыновья наследуют им в замещении магистратур. Когда же принадлежащая им собственность разрастается до чрезвычайных размеров и когда они приобретают себе очень многих сторонников, получается уже династия, близкая к монархии. Примеры, правда, немногочисленные, такого рода династической системы известны из практики греческих государств (Busolt — Swoboda, Griech. Staatskunde, 358 сл.). Государственный строй Боспора IV в. напоминает до известной степени крайнюю династию по характеристике ее у Аристотеля, хотя последний, несомненно, не имел в виду Спартокидов. На Боспоре власть переходит от отца к сыну (в одном случае к сыновьям). Власть эта была властью прочной. Спартокиды обладали большими материальными силами, были самыми крупными собственниками на Боспоре. У Спартокидов было много и сторонников (Аристотелево *πολιμία*) в лице главным образом представителей торгового класса, о чем имеется немало указаний.

¹ Rostowzew, Skythien und der Bosphorus, 113 сл.

бежал в Сады, где и погиб насильственной смертью. Таким образом Евмел оказался полным победителем в братоубийственной войне. С приверженцами Сатира и Притана и с их семьями он обошелся жестоко — все они были перебиты; спастись удалось лишь сыну Сатира, юноше Перисаду, нашедшему приют у одного из туземных царьков.

Из рассказа Диодора ясно видно, какое значение на Боспоре и в прилегающих к нему местностях имели в конце IV в. туземные племена. Братья ведут борьбу, опираясь столько же на свои наемные войска, сколько и на туземное ополчение.¹

Крутая расправа Евмела со своими родственниками вызвала в Пантикапее брожение. Евмел созвал народ на сходку, произнес на ней речь в оправдание своего поступка, и, говорит Диодор, восстановил в Пантикапее *πάτριον πολιτεῖαν*, не прежний образ правления, как обыкновенно толкуют и переводят, а „отцовский“ исконный образ правления, т. е. тот строй, который был при Спартокидах и который был нарушен событиями, разыгравшимися после смерти Перисада. Евмел подтвердил те связанные с ателией привилегии, которыми пользовались проживавшие на Боспоре иноземные купцы: он освободил Пантикапеей от *εἰσφορά*, прямой подати, которая взималась в качестве экстраординарной меры и, очевидно, шла главным образом на покрытие военных расходов, связанных с войной. Все остальное время своего правления Евмел управлял *νομίμως* в духе установившихся в государстве обычаев. Евмел старался укрепить дружественные связи Боспора с городами Причерноморья. Он оказал услуги Византию, Синопе, Каллатии (см. выше). Для поддержания регулярного судоходства по Черному морю он вел борьбу с теми туземными племенами, которые широко занимались пиратством.² За это, говорит Диодор, Евмела прославляли не только в его государстве, но и во всем мире, „так как купцы разблаговестили повсюду о его благородстве“. Он присоединил к Боспору значительную часть соседней с ним территории, занятой туземными племенами. Евмел задумывал покорить даже все племена, обитавшие по берегам Черного моря — явное, конечно, преувеличение — и, может быть, замечает Диодор, привел бы свое намерение в исполнение, если бы этому не помешала его внезапная и преждевременная смерть.

¹ Евмел одерживает победу главным образом благодаря помощи, оказанной ему Арифарином. В рукописи Диодора он называется фракийским царем, что, конечно, неверно. Бек, а за ним и Латышев, предлагали *Θρακῶν* исправлять на *Θατίων*. Но Фатен входили тогда уже в состав Боспора. Более вероятное исправление было предложено К. Мюллером: вместо *Θρακῶν* читать *Σιράκων*. Си-раки — независимое местское племя, обитавшее у реки Алардея, недалеко от Дона (Kretschmer, RE, III, A, 283).

² Str., XI, 495.

Очевидно, Евмел решил раз навсегда покончить с существовавшей на Боспоре „династической“ системой правления, стать единоличным правителем. Объявил ли себя Евмел таковым, точнее сказать, принял ли он царский титул, неизвестно. Время для этого было, во всяком случае, подходящее. Вспомним, что в 306 г. приняли царский титул диадохи Антигон, Птолемей, Селевк, Лисимах, Кассандр. Конечно, в мировой политике того времени Евмел не мог играть какую-либо роль, да и не стремился к этому. Но что он сыграл крупную роль и на Боспоре и в окружающем его припонтском мире, в этом сомневаться не приходится.

К началу III в. процессе формирования Боспорского государства, ставшего отныне царством, должен считаться завершенным. Prestиж Спартокидов настолько возрос и упрочился, что и Афины теперь величают сына и преемника Евмела, Спартока, царем, его царство — державой (*ἀρχή*).¹ На самом Боспоре новая титулатура его правителей не выдерживается, однако, со строгой последовательностью. Тот же Спарток в одной пантикапейской надписи (IRE, II, 13) титулуется попрежнему архонтом, в другой пантикапейской надписи (IRE, II, 14) к его имени присоединяется *βασιλεύων*, в двух фанагорийских надписях он называется *ἄρχων καὶ βασιλεύων*. То же самое нужно сказать и о титулатуре преемника Спартока, Перисада, вступившего на престол в 284 г., который в пантикапейской надписи (IRE, II, 15) титулуется по-старому: архонт Боспора и Феодосии, царь синдов, всех меотов и фатеев. В пантикапейских надписях, упоминающих Перисада I (IRE, II, 16, 17, 18, ср. 308), он титулуется уже просто *βασιλεύων*.² Точно также на пантикапейских монетах поздних Спартокидов, царствовавших в течение второй половины III и во II в., они уже регулярно титулуются царями.³ Но эти Спартокиды-цари были куда слабее своих предшественников, Спартокидов-архонтов. Стало постепенно увядать и Боспорское царство. О причинах, обусловивших его увядание, мною было достаточно сказано в особом этюде.⁴

II. Афины, Нимфей и измена Гилона

Боспор завязал торговые сношения с Афинами уже со второй половины VI в. За это говорит факт нахождения в архаическом некрополе Пантикапея аттических чернофигур-

¹ Афинский декрет, изданный в феврале 288 г., IG, II², 653 = SIG³, 370.

² Но в отчетах делосских иеропоев посвященная Перисадам чаша значителен просто *Παιρισάδου φιάλη*. Durrbach, Inscr. de Délos. Comptes des Hiéropes, Paris, 1926, 293, 313, 314, ср. 320. Точно также только по имени обозначается Перисад в одном из египетских папирусов. Bell, Symbolae Osloenses, V, 1927, 33 сл.

³ Minns, Scythians and Greeks, табл. VI.

⁴ Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, Известия ГАИМК, вып. 70, 1933 г.

ных сосудов, в том числе прекрасной панафинейской амфоры конца VI в.¹ На это же указывает и найденная в Афинах чернофигурная чаша, относимая к последним годам господства в Афинах Писистратидов, на которой изображены, между прочим, стрелки с боевыми секирами, одетые в типичный скифский костюм, — ясное указание на то, что уже тогда скифы были знакомы афинянам не по слухам только, а воочию. Это ведет к предположению, что, может быть, скифы служили у Писистратидов в числе наемников, попадать же они в Афины могли скорее всего из северного Причерноморья.² Позднее, в V и в первой половине IV в., в Афинах „скифами“ назывались государственные рабы, несшие полицейские обязанности.³ Надо полагать, что, помимо рабской силы, Афины получали с Боспора уже в V в. и зерновой хлеб, может быть, и не в таком большом количестве, как это было в IV в., — главным поставщиком хлеба в Афины до сицилийской катастрофы служили Сицилия и южная Италия.⁴ После этой катастрофы вопрос о регулярном снабжении хлебом стал чрезвычайно острым, и взоры афинского правительства естественно должны были обратиться на Боспор, с которым с тех пор и завязываются постоянные торговые связи.

Возможно, впрочем, что уже Перикл положил этому начало во время своей так наз. Понтийской экспедиции.⁵ Хотя Плутарх (Перикл, 20), только один и сообщающий о ней, отмечает пребывание Перикла лишь на южном побережье Черного моря, но более чем вероятно, что он тогда же посетил и северное Причерноморье и в таком случае, конечно, не миновал и Боспора, где тогда правили или последние Археанактиды, или первый Спартокид. Что при них Боспор стоял в торговых сношениях с Афинами, доказывают найденные в архаическом некрополе Пантикапея аттические краснофигурные сосуды ранних стилей (Rostowzew, ук. соч.).

В праве ли мы, однако, из неоспариваемого и мною предположения о том, что Перикл во время Понтийской экспедиции посетил северное Причерноморье, делать те выводы, которые с давних пор прочно вошли в научный обиход? Первый вы-

¹ Rostowzew, *Skythien und der Bosphorus*, 171 сл.

² Busolt—Swoboda, *Griech. Staatskunde*, 862^b.

³ Там же, 979.

⁴ Pohlenz, *Die griech. Tragödien. Erläuterungen*, Lpzg., 1930, 45; приводит свидетельство Плиния (N. II., XVIII, 65), что Софокл в „Триптолеме“, одной из своих ранних драм, относящихся к 60-м годам V в., *frumentum Italicum ante cuncta laudaverit*.

⁵ Время экспедиции определяется различно: Duncker, *Des Perikles Fahrt in den Pontos*, Sitzber. Preuss. Akad., 1885, XXVII, 533 — весна 444 г.; Busolt, *Griech. Gesch.*, III, 585; Ed. Meyer, *Gesch. d. Alt.*, IV, 78; Beloch, *Griech. Gesch.*, II 2, 216 — 440 — 435 гг.; Glotz, *Hist. gr.*, II, 211 — 437 г., A. Weizsäcker, *Untersuchungen über Plutarchs biographische Technik, Problemata*, 21, Berl., 1931, 85 сл. — 453-2 или около 450 г.

вод состоит в том, что тогда некоторые города северного Причерноморья, в том числе и Нимфей, вошли в состав первого афинского морского союза. Это заключение выводится на основании, в буквальном смысле, жалких остатков одной, двух, трех начальных букв во фрагментах списков дани афинских союзников. В этих остатках Ульрих Кюлер и за ним Бузолт усмотрели начальные буквы названий некоторых севернопричерноморских городов и дополнили их в таком виде (IG, I², 63, 190—208, ср. Minns, Scythians and Greeks, 639, 2): Νύ[μφαιου], Ὀ[λβία], Τ[ύρας], Τα[μυράκη], Κα[ρχινε], Κιμ[μερ...], Πατ[ρασός]. Hiller von Gaertingen, переиздавая эти остатки, с полным правом поставил при каждом из восстановлений вопросительный знак и все их назвал dubia. Действительно, не с одной только формальной стороны, но и по существу дела они вызывают сильные сомнения. Первый афинский морской союз охватывал собою, как известно, большую часть островных и береговых городов Эгейского моря, некоторые города на Геллеспонте, Пропонтиде и на Фракийском побережье, в соответствии с чем союзные города и были распределены по пяти округам: ионийский, геллеспонтский, фракийский, карийский, островной.¹ Ни одного причерноморского города мы не находим в списках дани; и если бы те из городов северного Причерноморья, имена которых были восстановлены и приведены выше, действительно состояли членами союза, то к какому округу они могли бы быть отнесены? Дункер (ук. соч., 546⁴), предвидевший, очевидно, этот вопрос, пробовал дать на него ответ в том смысле, что все вообще понтийские города могли быть „отлично“ отнесены к Геллеспонтскому округу, но это „отлично“ оправдалось бы лишь в том случае, если бы мы могли найти в списках этого округа хоть один город, не только понтийский, но и вообще к Геллеспонту не принадлежащий. Далее, первоначальная цель основания союза хорошо известна: предвиделась возможность возобновления борьбы с персами, которая могла протекать только в пределах бассейна Эгейского моря. Допуская, что с течением времени, по мере роста империалистической политики Афин, у них явилось стремление включить в число членов союза города, лежавшие за пределами Эгейского бассейна в широком смысле, чем они могли руководствоваться, привлекая в союз далеко расположенные от сферы их влияния города северного Причерноморья, и к тому же в ту пору города вряд ли значительные, какими были тогда и Тира, и Ольвия, и Нимфей, не говоря уже о Киммерике и ему подобных? Смущает и размер фороса, какой должны были вносить эти города в союзную, гесп. афинскую, казну. Платить по таланту Ольвии,

¹ Списки городов см., между прочим, у Larfeld, Handbuch d. griech. Epigraphik II, 24 сл.

по два таланта Тире и Нимфею вряд ли было по силам.¹ По всем этим соображениям, думается мне, принадлежность каких-либо городов северного Причерноморья к афинскому морскому союзу должна оставаться под большим вопросом, и пока на него приходится дать ответ отрицательный.² И это даже несмотря на то, что у нас имеется свидетельство Гарпократиона, которое, казалось бы, должно служить непреложным доказательством того, что Нимфей, по крайней мере, членом афинского морского союза состоял.

В своем объяснительном словаре к десяти аттическим ораторам Гарпократион, имея в виду то место из Эсхина, разбор которого нам предстоит еще заняться, пишет под словом Νίμφαιον: „Эсхин в речи против Ктесифонта говорит: „Нимфей на Понте“. Кратер в 9-й книге „Декретов“ говорит, что Нимфей платил афинянам талант“. Не входя в обсуждение вопросов, связанных с *Ψηφισμάτων συναγωγή* Кратера,³ должно сказать, что ссылка на него у Гарпократиона так коротка, или, лучше сказать, так последним сокращена, что сделать из нее какие-либо вполне надежные выводы вряд ли возможно. Это тем более досадно, что сборник Кратера содержал, в первую очередь, полные тексты афинских декретов, отражавших наиболее важные моменты внешней и внутренней истории Афин V в. Гарпократион взял соответствующий декрет из сборника и отметил из него то, что ему нужно было для пояснения термина „Нимфей“. Мы не знаем, касался ли этот декрет специально Нимфея, или последний был упомянут в какой-нибудь иной связи с другими нам неизвестными сюжетами. Мы не знаем, имеется ли в виду в декрете боспорский Нимфей, или какой-нибудь другой Нимфей из числа

¹ Я не могу и не считаю нужным входить в подробности всех вопросов, связанных с составом и организацией союза, отсылая за необходимыми разъяснениями на этот счет к обстоятельному изложению у Busolt — Swoboda, 1337 сл. Обращу внимание на следующее, однако, соображение. Известно, что Афины стремились установить в союзных городах аттическую систему монеты, мер и веса. Это правило строго стало проводиться, начиная с декрета 434 г., на основании которого союзным городам была запрещена чеканка даже собственной серебряной монеты, предназначенной служить для внутреннего рынка. Это распоряжение натолкнулось в некоторых случаях на затруднения и не могло быть проведено со всей строгостью. Декрет, изданный в 420 г., не только подтвердил декрет 434 г., но он обязал даже находившиеся в частном владении чужие деньги обменять на аттические (Busolt — Swoboda, 1359). Что же мы видим в „союзных“ городах северного Причерноморья? Тира, Ольвия и Нимфей в конце V в., а также и в половине IV в. чеканят свое серебро по эггидской системе (Бертье-Делагард, Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды, Пум. сборн., II, 1912, 16, 45, отд. оттиск).

² В последнее время американские ученые А. В. West и В. D. Meritt произвели тщательную ревизию некоторых камней, содержащих списки дани (результаты сопоставлены в очень удобной форме в SEG, V, 1931 г.). К сожалению, ближе нас интересующих обломков камней ревизия не коснулась.

³ Обстоятельная статья F. Jacoby, RE, XI, 1617 сл.

известных нам Нимфеев, а может быть и неизвестных, поскольку самое имя Нимфей по своему характеру могло быть распространенным в греческой топонимике.¹

Мы не знаем, наконец, что нужно дополнять к словам Гарпократиона: „Нимфей платил талант“. Талант чего? Форо́са или каких-либо иных взносов? Лично я склоняюсь к мысли, что Кратер имел в виду боспорский Нимфей, а как представляется мне вероятным расшифровать слова: „платил талант“, скажу позже, в связи с разбором свидетельства Эсхина о Нимфее. Пока я хотел бы лишь указать на то, что и свидетельство Кратера, в передаче его Гарпократионом, все-таки не убеждает меня в том, что Нимфей входил в состав афинского морского союза.

На этом, впрочем, не все и настаивают. Зато с давних пор в научном обиходе получило права гражданства то мнение, что афиняне в результате понтийской экспедиции Перикла прочно утвердились в боспорском Нимфее.²

Теперь уместно будет кратко сказать о том, что мы знаем о Нимфее. Местоположение Нимфея или Нимфей (в античной традиции обычно Νίμφαιον, но в перипле Скилака, 68 — Νιμφαία) установлено прочно. Он находился в расстоянии 15 км с небольшим к югу от Пантикапея, на месте теперешнего Эльтегеня, на морском берегу.³ Страбон (VII, 309) называет Нимфей πόλις ἐβλίμενος. Когда он был основан и кем? Близость Нимфея к Пантикапею, его чисто греческое название наводят на мысль о том, что своим основанием Нимфей обязан был милетским колонистам, поселившимся в Пантикапее и прельстившимся удобной нимфейской гаванью, имевшей преимущество перед пантикапейской в том отношении, что, в то время как последняя в зимнее время замерзает, море в южной части пролива или замерзает ненадолго, или иногда и вовсе не замерзает. В общем, на Нимфей приходится смотреть как бы на филиал Пантикапея, достигший, однако, самостоятельного

¹ Из указаний, сопоставленных у Pape-Benseler, стоит отметить: Нимфей мыс и гавань в Иллирии на границе ее с Македонией, мыс на Халкидики у Афона, местность около Халкедона.

² Не ставя целью исчерпать литературу предмета, приведу следующие указания. Grote, *Gesch. Griechenlands*², VI, 723: Нимфей находился под афинской властью. Duncker, 544: Нимфей принадлежал афинянам. Busolt, *Griech. Gesch.*, III, 587: „Нимфей перешел во владение афинян“. Ed. Meyer, IV, 78: „Нимфей со времени Понтийской экспедиции Перикла стал аттическим владением... повидимому, там находился и аттический гарнизон“. Brandis, *RE*, III, 761: Нимфей — аттическое владение. Minns, *Scythians and Greeks*, 561: Нимфей был основан афинянами (в связи с понтийской экспедицией) с целью обеспечить за ними боспорскую хлебную торговлю. Stern, *Hermes*, L, 1915, 182: Нимфей — афинское владение. U. Kahrstedt, *Der Umfang des attischen Kolonialreiches*, *Nachr. d. Gesellschaft d. Wiss. zu Göttingen*, 1931, 163: Нимфей афинская колония. Rostovtzeff, *Cambr. Anc. Hist.*, VIII, 565: Нимфей — афинская клерухия.

³ Шкорпил, Нимфей и первый „список нимфейских граждан“, *Зап. Одеск. общ.*, XX, 1897, 16 сл.

значения и ставший полисом уже при Археанактидах или, в крайнем случае, при одном из двух первых Спартокидов. Это доказывается тем, что сохранились нимфейские серебряные монеты, относимые к концу V—началу IV в. до н. э.,¹ нимфейская надгробная надпись, по характеру письма могущая принадлежать второй половине V в.² За это же говорят и наблюдения над нимфейским некрополем: некоторые из погребений его могут быть относимы ко второй половине V в.³ От IV в. дошло с десятков нимфейских надгробных надписей,⁴ от III в. фрагментированный список имен с отчествами нимфейских граждан, среди которых попадаются имена туземные. В делосской посвяtitельной надписи около 100 г. до н. э. (SIG³, 1126) упоминаются два „нимфаита“, т. е. нимфейских гражданина, попавшие на Делос в качестве купцов или капитанов судов. В 65 г. до н. э. Нимфей наряду с Фанагорией, Феодосией, Херсонесом и другими городами отпал от Мифрадата, но чрез два года, когда последний вернулся в Пантикапей, должен был признать его власть (App., Mithr., 108). Хотя Плиний (N. H., IV, 86) говорит о Нимфее как о „бывшем“ городе, но это показание опровергается дошедшими до нас от императорской эпохи как нимфейскими надгробными надписями, так и открытыми в нем погребениями.⁵ Вот все наши источники о Нимфее.

Теперь обратимся к разбору того единственного свидетельства, на основании которого возникло убеждение, что было такое время, когда Нимфей принадлежал афинянам. Эсхин в произнесенной им в 330 г. речи против Ктесифонта, предложившего присудить золотой венок Демосфену за услуги, оказанные последним Афинскому государству, касаясь, между прочим, предков своего политического противника, говорит следующее (171, 172): „Отцом Демосфена был Демосфен пеаниец, свободорожденный человек... А как обстоят дела у Демосфена со стороны матери и деда с материнской

¹ А. Л. Вертье-Делагард, Нум. сборн., II, 45; Minns, табл. IX, 89.

² ИАК, 10, 52, 47: "Ασπας'Ατάκιος; и имя и отчество засвидетельствованы в греческой ономастологии впервые; едва ли они греческие. В Нимфее же, в одной из гробниц, найдена надпись (ИАК, 10, 25, 20) того же времени, если не раньше: 'Αρμ[ο]δίω. Надпись, посвяtitельная (дат. падеж!). Латышев склонен усматривать в ней посвящение Гармонию тиранноубийце; в таком случае она поставлена одним из афинян, проживавших в Нимфее.

³ Rostowzew, *Skythien und der Bosporus*, 149, 230, 291. Нимфейский некрополь только пробовали исследовать. Все же и случайные исследования его позволили Ростовцеву сделать такое наблюдение: в некрополе имеется большое число таких курганных погребений, которые по найденным в них вещам не могут считаться греческими, но принадлежат соседним скифам, так что, очевидно, население Нимфея было смешанное. В общем нимфейский некрополь напоминает пантикапейский.

⁴ IRE, II, 248; IV, 287, 325, 343, 361, 399; ИАК, 3, 44, 10; 10, 58, 59; 70, 75; 49, 73, 13.

⁵ Тут же Плинием называются в число „бывших“ город Cythae (Китея) и Dia, что также опровергается археологическими обследованиями этих пунктов.

стороны, об этом я скажу. Был некто Гилон керамеец. Предав врагам Нимфей, что на Понте, — государство [афинское] имело тогда эту местность, — Гилон, на основании [возбужденной против него] исангелии присужденный к смертной казни, не дождался судебного приговора и бежал из города. Он является на Боспор и получает там в дар от тираннов так называемые Сады. Там он женится на женщине богатой, клянусь Зевсом, принесшей ему много золота, но по происхождению скифянке. От нее родились у нее две дочери; их он прислал сюда с большими деньгами. Одну из них он выдал — ну все равно за кого ... не хочу наживать себе многих врагов. На другой дочери, презрев государственные законы, женился Демосфен пеаниец, и от него родился Демосфен, этот обтачивающий каждое слово крючкотворец.¹ Таким образом, со стороны деда он будет врагом народа, так как вы присудили одного из предков его к смертной казни, а со стороны матери — скиф, варвар, говорящий по-гречески“.²

Уже Плутарх (Демосфен, 4) писал: „О том же, что говорит оратор Эсхин по поводу матери Демосфена, будто она была дочерью некоего Гилона, бежавшего из Афин вследствие обвинения его в измене, и варварки, я не берусь сказать, правду ли Эсхин говорил тут, или он клеветет и лжет“.³ Добродушный Плутарх, которого мы нередко упрекаем за недостаточно критическое отношение к своим источникам, оказался более критически настроенным к показаниям Эскина, нежели новые ученые: они принимают показание Эскина без всяких оговорок и возводят на нем соответствующее построение.

Государственная измена всегда и везде считалась и считается тягчайшим преступлением, в Афинах она каралась смертью, конфискацией имущества, запрещением хоронить осужденного на родине.⁴ Нечего и говорить, что это преступление налагало и налагает в моральном отношении не-

¹ Перевод последних слов взят у Нейлисова. В подлиннике *περίτρος καὶ σοχοφάντης*.

² В основу перевода положено editio maior Бласса 1908 г. Некоторые считают слова: „присужденный к смертной казни“, вставкою. Я не вижу в этом необходимости и представляю дело так: Гилон бежал из Афин до судебного разбирательства, и суд над ним, как в свое время над Алкивиадом, состоялся заочно, причем ему был вынесен смертный приговор. Нужно иметь в виду, что дошедшая до нас речь Эскина против Ктесифонта подвергнута была им новой редакцией после того, как Демосфен опубликовал свою речь „О венке“, и при этой редакции речь Эскина была расширена всякого рода дополнениями. Thalheim, RE, I, 1058 сл.

³ Ср. Liban. Argum. orat. Dem., 2 и в биографиях Демосфена, помещенных в схолиях к нему (текст в Scythica et Caucasia, I, 369); по мнению Шуберта, на которого ссылается Rostowzew, Skythien und der Bosphorus, 111, сведения, сообщаемые в этих биографиях, почали не непосредственно из Эскина, а чрез посредство Динлла.

⁴ J. H. Lipsius, Das attische Recht und Rechtsverfahren, 377 сл.

смываемое пятно, по крайней мере, на ближайшее потомство изменника. В случае с Гилоном, как он изложен у Эсхина, могло бы показаться несколько странным не то, что Гилону, которому было предъявлено обвинение в государственной измене, удалось бежать на Боспор до разбирательства дела;¹ странным является то, что преступник, которому предъявлено обвинение в государственной измене, бежит на Боспор и там находит не только покровительство у представителей правящей династии, которая состояла в дружественных отношениях с Афинским государством, но и обласкан Сатиром. Гилону Сатир жалует земельное угодье, Гилон там прекрасно устранивается, обзаводится семьей и посылает затем своих дочерей устраивать их судьбу в Афины, где они и выходят замуж за афинских граждан, которые нимало не шокированы тем, что женятся на дочерях государственного изменника. Но самое удивительное — то, что Демосфен в своей ответной речи Эсхину ни словом не обмолвился о том, что Эсхин говорил о деде Демосфена как о государственном преступнике, заочно приговоренном к смертной казни за измену интересам родины. В начале речи о венке (3) Демосфен метко замечает, что все люди по своей природе вообще с удовольствием слушают, как злословят других людей, и далее говорит (9): „если бы Эсхин в своей речи говорил только по существу возбужденного им против меня процесса, то я тотчас же приступил бы к защите состоявшегося решения совета [о награждении меня венком]; но так как Эсхин расточил немало слов, распространяясь обо всем прочем [не стоящем в связи с самим делом], и при этом, по большей части, сказал обо мне одну неправду, то и я считаю необходимым и вместе с тем справедливым прежде всего сказать обо всем этом прочем, чтобы никто из вас под впечатлением не относящихся к делу инсинуаций не относился слишком враждебно к законным моим доводам, вытекающим из сущности взведенного на меня обвинения. Смотрите же, как просто и справедливо я отвечаю на то, что Эсхин старался опорочить мою частную жизнь в своей бранной речи... Если вы знаете и признаете меня и моих родственников (*τοὺς ἐμούς*) за людей гораздо лучших по сравнению с Эсхином и не уступающих никому из честных (*μετρίων*) граждан, то и во всем прочем не верьте Эсхину, ибо ясно, что он точно так же выдумал все это... Ты же, Эсхин, хоть и человек злонаправленный, тут, однако, оказался очень недалководным, коль скоро думал, что я, оставив в стороне мою политическую деятельность, стану отвечать на твою брань. Нет, я не сделаю этого — я не настолько глуп. Напротив, я под-

¹ „Критон“ Платона показывает, что за деньги в Афинах можно было бежать и из тюрьмы.

вергну критику твою ложь и твою клевету насчет моей политической деятельности, а о твоих обильных надругательствах я вспомню потом, если судьи пожелают этого» (отчасти по переводу Нейлисова).

Судьи ли не пожелали, или Демосфен не счел нужным вспомнить в дальнейшем изложении о „надругательствах“ Эсхина, мы сказать не можем. Но как бы то ни было, упоминаний о Гилоне в речи о венке нет. Зато в начале речи против Афоба, произнесенной в 364-3 г., т. е. за 30 с лишним лет до процесса Ктесифонта, Демосфен вспоминает и о Гилоне и своем отце в связи с утверждением Афоба, что Гилон состоял государственным должником (*ᾠρεῖλα τῷ δημοσίῳ*) и что отец Демосфена этого долга не уплатил. Демосфен опровергает это и указывает, что его отец долг Гилона погасил. У Демосфена нет ни слова о государственной измене Гилона, о его бегстве, о его заочном осуждении. Демосфен указывает лишь на то, что его дед, Гилон, состоял в числе государственных должников. Если Гилон действительно предал афинское владение на Боспоре, Нимфей, врагам, т. е. совершил государственную измену, то нельзя допустить и мысли о том, что афиняне заменили смертную казнь Гилону наложением на него денежного штрафа. Это было бы слишком мягкое наказание за государственную измену, каравшуюся, как указано выше, очень строго. Примирить показания Демосфена и Эсхина о Гилоне вряд ли возможно. Нужно разобрать каждое из этих показаний по существу и только тогда решить, какому из них отдать предпочтение.

Начнем с Эсхина. Поверим, что Гилон совершил то преступление, о котором говорит Эсхин: Гилон передал Нимфей, принадлежавший Афинскому государству, его врагам. Когда это могло произойти? По общепринятому мнению (Busolt, Gr. Gesch., III, 586; Ed. Meyer, IV, 81) — в конце Пелопоннесской войны, когда Афины, в результате своего поражения при Эгос-Потамах, лишились своего флота, после чего и оказались не в состоянии удерживать в своих руках далекое владение на Боспоре. Гилон, говорит Эсхин, предал Нимфей врагам. Этими врагами афинян были во время Пелопоннесской войны лакедемоняне и их союзники. Однако мы ничего не слышим о том, что лакедемонский флот крейсировал тогда на Черном море, да это и само по себе невероятно.¹

Если под „врагами“ разуместь лакедемонян нельзя, то кто же эти враги? Тут приходит на помощь схолиаст одной из лавренцианских рукописей Эсхина, дающий такое пояснение: „Нимфей — место города на Понте; им владели афиняне, и его афинянин Гилон предал боспорским тираннам“. Вот кто

¹ Исократ в „Банкирской речи“, написанной в 394—391 гг., упоминает (36), что в то время лакедемоняне действительно властвовали над морем, но вряд ли и тут под последним нужно разуместь Черное море.

оказался врагами афинян: боспорские тираны, т. е. правивший в ту пору, когда измена Гилона имела место, Сатир, тот самый Сатир, с которым, как свидетельствуют наши источники, Афины поддерживали дружественные отношения. Думается, едва ли стоит тратить много слов на то, чтобы доказывать вздорность толкования схолиаста? Скорее нужно удивляться тому, что новые ученые приняли это толкование и продолжают ему верить. И лишь у Fluss'a (RE, II A, 225) я встретил следы скептического отношения к толкованию схолиаста, хотя и Fluss не может отказаться от той мысли, что Гилон был афинский „комендант“ Нимфея. „Он оставил вверенный ему пост и передал защиту его стоявшему в Нимфее афинскому гарнизону.“ Но нужно выяснить, когда и зачем послан был в Нимфей афинянами гарнизон под командою Гилона. Проще всего было бы думать, что Нимфей был афинскою клерухиею.¹ Но и тогда дело выходит не совсем гладко. В V в. афиняне основывали клерухии преимущественно для обеспечения своей власти над городами, входившими в морской союз, а также для облегчения положения беднейших граждан путем предоставления им земельных участков в клерухиях. Известные нам афинские клерухии концентрируются все в бассейне Эгейского и Фракийского морей; спрашивается, что могло побудить афинян отправить клерухов в отдаленный Боспор, который был связан с Афинами, как и Афины были связаны с Боспором, исключительно экономическими, торговыми отношениями? В сферу афинского империализма Боспор, как и вообще северное Причерноморье, не входил. Да и каким путем Нимфей мог бы быть оккупирован Афинами? Насильственно или с согласия боспорского правительства?

Обратимся снова к Эсхину и послушаем, в каких выражениях говорит он об афинском обладании Нимфеем. Гилон, *πρόδοξ τοῖς πολεμίοις Νιμφαίων τὸ ἐν τῷ Πόντῳ, τότε τῆς πόλεως ἔχουσης τὸ χωρίον τοῦτο, ποῦράς... ἐγένετο* и т. д. Слова *τότε τῆς πόλεως ἔχουσης τὸ χωρίον τοῦτο* в окружающем их контексте производят впечатление пояснительной вставки. Эсхин как бы желает пояснить своим слушателям и читателям тяжесть измены Гилона: Гилон предал врагам Нимфей, несмотря на то, что тогда Афины имели (в своих руках) эту местность. Я вовсе не хочу сказать, что фраза, облеченная в *genetivus absolutus*, — интерполяция; эту фразу читал уже схолиаст, точнее его источник, который приводит ее дословно, лишь заменяя *τῆς πόλεως ἔχουσης* посредством *Ἀθηναίων ἔχόντων*. Но была ли эта фраза сказана Эсхином на судебном процессе, или она прибавлена была оратором при подготовке своей речи к опубликованию, — на этот вопрос я не могу дать определенного ответа за неимением внешних

¹ Об афинских клерухиях Ф. Ф. Соколов, Труды, 411 сл.

данных; внутренний же голос подсказывает мне, что фраза эта прибавлена была Эхином при обработке своей речи для опубликования широкому кругу читателей. Едва ли была нужда афинским судьям, разбиравшим процесс Ктесифонта, пояснять, что Нимфеей некогда принадлежал афинянам, если он им действительно принадлежал, хотя с тех пор и много воды утекло. Но не забудем, что процесс Ктесифонта был политический процесс, на котором столкнулись интересы тогдашних политических партий в Афинах, македонской и антимакедонской; что Демосфен долгое время был очень крупной фигурой в Афинах; что поэтому не только его прошлое, но и прошлое его ближайших предков должно было быть более или менее известно афинской публике. Иное дело — читатели речи Эхина: им нужно было подчеркнуть, какую ошибку сделали афиняне, присудив венок Демосфену, тому Демосфену, дед которого совершил государственную измену, предав врагам принадлежавший Афинам Нимфей. И неужели, если бы дело было так, Эхин, превосходный оратор, опытный политический борец, не нашел бы для указания на то, что Нимфей был афинскою клерухиею, более определенного выражения, чем довольно-таки бесцветный оборот: *tóte tḗs póleως ἐχούσης?*¹

Упоминание Эхина о государственной измене Гилона понадобилось Эхину для того, чтобы очернить своего политического противника со стороны его происхождения. Но этим Эхин не ограничился.

Отец Демосфена, говорит Эхин, женился на дочери Гилона, презрев законы государства. Тут под ногами Эхина, нужно сказать, более твердая почва. При восстановлении демократии в Афинах и при общей ревизии законов в 403-2 г. был, по предложению Аристофонта, восстановлен пришедший в забвение закон, по которому афинским гражданином считался только тот, кто происходил *ἐκ δούου Ἀθηναίων*, дети же, родившиеся от матери, не бывшей афинскою гражданкой, считались *υἱοὶ* и не могли быть заносимы в списки фратрий. По предложению, внесенному Никоменом, никто после года Евклида

¹ Kahrstedt, ук. с., сославшись на Эхина и его схолиаста, замечает: *Die Athener eiyon den Ort. Was das bedeutet, zeigt Latyschew, IPE, IV, 205, wo athenische Familien noch später dort leben* (Kahrstedt ссылается на упомянутый список III в. до н. э. нимфейских граждан). Категорическое утверждение Карштедта заставило меня сличить имена, встречающиеся в списке, с афинскими именами, зарегистрированными у Kirchner, Prosopographia attica, у Sandwall в Beiträge к ней и у Bechtel, Griech. hist. Personennamen. Вот результаты: ни в одном случае совпадений имен с отчествами их в списке и имен с отчествами их в аттической просопографии не оказывается. Из 60 имен, названных в списке, 47 зарегистрированы и в аттической просопографии. Но в числе этих имен такие имена, как: Антифонт, Дионисий, Теофил, Гераклид, Гипномах, Кратипп, Аполлоний, и им подобные можно, пожалуй, найти в любом греческом городе. Таким образом проживание афинских клерухов в Нимфее в III в. висит в воздухе.

архонта не должен был пользоваться гражданскими правами, если он не мог доказать свое происхождение *ἐκ δούτων Ἀθηναίων*.¹ Этот закон продолжал действовать и в последующее время, во всяком случае в ту пору, когда родился Демосфен-сын, так что последний должен был бы считаться *νόθος*, чего на самом деле не было. Каким образом отец Демосфена, афинский гражданин, женившийся на дочери Гилона, прижитой последним от скифянки, мог обойти упомянутый закон в отношении родившихся от этого брака детей, имевших права афинского гражданства? Ответ мы получим, сделав такое предположение: между Афинским и Боспорским государствами существовала эпигамия, наличие которой обеспечивало за женщиной одного государства, вышедшей замуж за гражданина другого государства, положение в последнем законной супруги, а детям, родившимся от такого брака, предоставляло все гражданские и фамильные права. Если мое предположение имеет право на внимание, то из него вытекают некоторые выводы и касательно „измены“ Гилона. Вряд ли за государственным изменником, осужденным на смертную казнь, но скрывшимся, были бы сохранены права афинского гражданства; его во всяком случае должна была бы постигнуть атимия. Гилон же, бежавший на Боспор, проживая там, повидимому, продолжал числиться афинским гражданином; как таковой, он женился на „скифянке“, принадлежавшей, надо полагать, к числу зажиточной туземной знати, рано уже с греческим населением Боспора слившейся и обэллинизовавшейся.²

Как в отношении „измены“ Гилона, так и в отношении его предков Эсхин сгустил краски, чтобы очернить своего политического противника. Такое же, несомненно, сгущение красок нужно усматривать и в указании Эсхина о том, что Гилон получил в подарок от Сатира так наз. Сады. Выходит, что Сатир подарил Гилону целый, хотя бы и небольшой, боспорский город. Это мало вероятно; остается понимать указание Эсхина в том смысле, что Гилону, водворившемуся окончательно на Боспоре, предоставлен был Сатиром земельный участок в Садах и, конечно, в благодарность не за то, что Гилон „предал“ Сатиру Нимфей, якобы принадлежавший Афинам, а за какие-то иные оказанные Гилоном услуги. В чем они могли заключаться, на этот вопрос можно ответить опять только предположительно.

Вопрос о регулярном и непрерывном снабжении Афин хлебом стал перед ними чрезвычайно остро в последний период Пелопоннесской войны, когда возможность получать хлеб с юга, из Сицилии и южной Италии, исчезла. Естест-

¹ Busolt — Swoboda, Gr. Staatskunde, 941.

² На это указывает и имя дочери Гилона, бабки Демосфена — Клебула. Биограф Демосфена Зосим Аскалонский предполагал, что Клебула „тайно была отправлена“ Гилоном в Афины. Вздорная догадка.

венно, что взоры афинян обратились при этом на Боспор, эту хлебную житницу. Правильный экспорт боспорского хлеба нужно было наладить, за ним нужно было наблюдать. Из речи Лисия в защиту Мантифея, относящейся к 394—389 гг., мы узнаем, что подзащитный Лисия Мантифеем и его брат были отправлены их отцом, еще до битвы при Эгос-Потамах, „на жительство к Сатиру в Понт“ (4). Нетрудно догадаться о цели этой „командировки“ и о довольно продолжительном пребывании на Боспоре братьев, вернувшихся в Афины лишь за пять дней „до прихода народной партии из Филы в Пирей“, т. е. в 403 г. Из той же речи (10) мы знаем, что отец Мантифея потерял в последний период Пелопоннесской войны значительную часть своего состояния и, надо полагать, своих сыновей он отправил на Боспор с целью наживать там деньги на закупке и отправке в Афины хлеба. Думается, что такие афинские коммерсанты на Боспоре не ограничивались только одним Мантифеем и его братом, и представляется вероятным, что к числу их принадлежал также и Гилон. Но если Мантифеем с братом отправились на Боспор по инициативе их отца, частного человека, то Гилон мог отправиться на Боспор по инициативе афинского правительства в качестве если не официального, то официозного его представителя с целью заботиться и принимать меры к тому, чтобы в экспорте боспорского хлеба не было заминок и чтобы хлеб закупался на возможно выгодных для Афин условиях. Гилон обосновался в Нимфее, где также грузились суда с хлебом. Близость Нимфея к Пантикапею, правительственному центру Боспорского государства, и повела к сближению Гилона с Сатиром. Что это было так, видно из того внимания, какое оказал Сатир Гилону, когда последний бежал на Боспор.

Как действовал Гилон на Боспоре до постигшей его катастрофы, гадать бесполезно. Но, очевидно, Гилон чем-то „проштрафился“ в отношении Афин. Может быть, он самовольно оставил порученное ему государством дело на Боспоре и уехал в Афины, чем и нанес государству материальный ущерб: может быть, последний выразился в чем-нибудь ином. Но что вина Гилона заключалась именно в нанесении материального ущерба Афинам, ясно следует из того, что, как указывает и Демосфен, Гилон состоял государственным должником, т. е. не уплатил того штрафа, к которому присудил его суд.¹

Уже Джорж Грот (*Gesch. Griechenlands*², VI, 191⁴⁷) указывал на то, что Эсхин изобразил все дело о Гилоне в более мрачных красках, чем то было в действительности; уже Грот обратил

¹ Размеры денежных штрафов в Афинах колебались от 25 драхм до 10 талантов. Lipsius, *ук. с.*, 396⁸⁰. К обилию предположений, с которыми пришлось мне оперировать, решаюсь присоединить еще одно: не стоит ли в связи с нимфейским делом Гилона тот афинский декрет, который был включен Крагером в его сборник и о котором Гарпократом дан столь загадочное сведение?

внимание на то, что в Нимфее проживали афинские граждане, занимавшиеся там экспортом хлеба в Афины. Все же Грот слишком доверял показанию Эсхина, когда он говорил, что эти афинские граждане, проживавшие в Нимфее, вошли в соглашение с соседними боспорскими царями и передали последним Нимфей, что Гилон при этих переговорах играл главную роль. Эдуард Мейер (*Gesch. d. Alt.*, IV, 80 сл.), как и его предшественники и преемники, доверяющий вполне Эсхину, пробовал примирить его показание с показанием Демосфена; он говорил, что при крушении афинской державы Гилону не оставалось ничего другого, как предать Нимфей; но, заключает Мейер, „что-то истинное“ должно было быть во всем этом деле, так как и Демосфен соглашается с тем, что Гилон был государственным должником. На мой взгляд, согласовать показания Эсхина и Демосфена невозможно. Или Эсхин в речи против Ктесифонта, там, где он говорит о предках Демосфена, в политических целях не только сгущает краски, но и извращает истинное положение дела касательно преступления Гилона, или Демосфен, определенно свидетельствующий в речи против Афоба, что Гилон состоял государственным должником и, следовательно, совершил какое-то преступление в отношении государства, в речи в защиту Ктесифонта „смазывает“ прошлое своих предков, прибегая к фигуре умолчания в данном случае. Кому верить, это каждый решит по-своему.

Недавно G. Colin (*Rev. de philol.*, VII, 1933 г., 239 сл.), на примере разбора свидетельства Демосфена в третьей Филиппике (41—46) о деле Аформия из Зелей, удачно показал, какому искажению иногда может подвергнуться даже исторический документ в аргументации оратора. Политические речи и Демосфена и Эсхина — ценнейшие памятники партийной борьбы, какая в ту пору велась в Афинах, и, естественно, в этих речах можно ожидать встретить всякого рода извращения истины. Поэтому и относиться к фактическим показаниям, в этих речах содержащимся, нужно с сугубою осторожностью, после критического разбора каждого из этих показаний по существу. И если для разбора нескольких строк из речи Эсхина мне пришлось написать слишком много страниц, то это объясняется тем, что все принимают показание Эсхина о предательстве Гилона за чистую монету. Мне же представляется, что это показание, на основании совокупности внутренних соображений, не должно быть принимаемо без существенных ограничений.

III. Был ли Танаис разрушен Полемоном?

Вопрос, поставленный в заголовке этого этюда, покажется праздным, так как на него давно дан ответ, и ответ положи-

тельный. Я, не спускаясь в слишком отдаленные недра литературы, с вопросом связанной, ограничусь лишь ссылками на доступную мне литературу за последние 40 лет. В 1890 г. во введении ко II т. IRE, стр. XXXVIII (русский перевод, Печиха, 101) В. В. Латышев писал: „Не желал подчиниться его [Полемона] власти, город Танаис... Полемон взял город и разрушил его до основания. Еще во время Плиния Танаис лежал в развалинах“. В 1899 г. Brandis в статье „Bosporos“ (RE, III, 779) отметил: „Полемон разрушил... Танаис за неповиновение“. В 1913 г. Minns (Scythians and Greeks, 567) пишет: „Полемон совершенно разрушил Танаис“. В 1925 г. М. И. Ростовцев (Скифия и Боспор, 153), говоря о раскопках Леонтьева в Недвиговке, замечает: „Там найдены, правда, только надписи римского императорского времени, что заставило предположить, будто расследованные руины являются руинами Танаиса, выстроенного в римское время после разрушения старого города Полемоном. О самом факте разрушения мы будем говорить в свое время“ (то же в немецком переводе, стр. 137).¹ В 1932 г. Herrmann в статье „Tanais“ (RE, IV A, 2168) констатирует: „Когда Танаис отпал от Полемона, он был разрушен им. Это было на повороте к нашему летоисчислению“. Herrmann, знакомый отчасти и с русскими исследованиями, связанными с Танаисом, различает три стадии в истории города: 1) Доэллинское поселение в устьях Дона, где в период до основания греческих колоний на Боспоре происходил товарообмен между приезжавшими туда чужеземными купцами (карийцами и клазоменцами, по свидетельству Плиния) и местными жителями (киммерийцами или скифами); это поселение находилось около станицы Елисаветовской. 2) Старый (южный) Танаис, основанный Пантикапеем, в расстоянии 2 км к СВ от ст. Елисаветовской, не ранее середины V в. 3) Новый (северный) Танаис, основанный лет сто спустя после того, как был разрушен старый Танаис, на месте теперешней Недвиговки.

Последние обследования А. А. Миллера и Т. Н. Книпович у ст. Елисаветовской и найденные при них археологические материалы указывают на то, что старый Танаис существовал в период от середины V до II в. до н. э.; самые поздние керамические черепки, по датировке Т. Н. Книпович, относятся к III в.; от II и I вв. ни одного черепка не оказалось. А мы на это в праве были бы рассчитывать, если бы старый Танаис просуществовал до разрушения его Полемоном в конце I в. до н. э. — начале I в. н. э. (более точной даты разрушения Танаиса мы установить не можем). А. А. Миллер объясняет факт перемещения Танаиса из ст. Елисаветовской не разру-

¹ Ср. Ростовцев, Древности Моск. арх. общ., XXV, 18 (отд. отт.) и ИАК, 65, 23, где сказано: „Разрушение Танаиса... вряд ли было настолько решительным“.

шением города, а заиливанием русла Дона у местонахождения старого Танаиса и вследствие этого прекращением судоходности Дона, что и заставило жителей перенести город на Мертвый Донец, в то время бывший судоходным.¹ Если это так, если старый Танаис прекратил свое существование, скажем, во II в. до н. э., то разрушению подвергся, значит, не старый, а новый Танаис.² Так как археологические исследования у ст. Елисаветовской не закончены, а у Недвиговки они не возобновлялись, то на основании археологических данных я не берусь решать, какой из Танаисов, древний или новый, был разрушен. Это, впрочем, и не имеет значения, так как самый факт разрушения Танаиса Полемоном представляется, в моих глазах, фактом мнимым.

О разрушении Танаиса Полемоном единственный источник — короткая заметка Страбона: νεωστὶ μὲν οὖν ἐξεπόρθησεν αὐτὸν (Танаис) Πολέμων ὁ βασιλεὺς (Str., XI, 493). В „Scythica et Caucasica“ (I, 131) эта заметка дана в таком переводе (П. И. Прозорова): „Недавно его (Танаис) разрушил до основания царь Полемон за неповиновение“. Слова „до основания“ прибавлены переводчиком, и прибавлены совершенно напрасно: если бы Страбон хотел выразить, что Танаис разрушен до основания, он должен был бы сказать не ἐξεπόρθησεν, а διεπόρθησεν, потому что по-гречески не ἐκ (ἐξ), а διὰ служит для указания на действия, имевшие законченный, окончательный характер. Для примера ср. Thuc. VI, 102,2 (речь идет об осаде Сиракуз афинянами в 413 г.): τὸ μὲν δεκάπλευρον προτείχισμα αὐτῶν (Эпинпол) αἰροῦσι καὶ διεπόρθησαν. Итак, „до основания“ должно быть во всяком случае зачеркнуто; но исключительно ли только „разрушил“ может означать ἐξεπόρθησεν, если под разрушением города понимать то, что обычно связывается в нашем представлении с уничтожением города, как обитаемого пункта?

Что ἐκπόρθω употребляется в значении „разрушать“, хорошо известно. Уже Гомер пользуется равнозначающим ἐκπέρθω (примеры у Ebeling, Lex. Hom.). Отсюда и у Платона (Prot., 340 A) говорится фигурально: смотри, как бы Протогор не „разрушил“ (ἐκπέρθῃ) Симонида, — мы бы сказали: как бы Протогор не разгромил Симонида. Надо заметить, что древние вообще не так уже часто и обязательно, во время военных действий, прибе-

¹ Миллер, Сообщения ГАИМК, 1932, № 9/10, 66.

² Факт находки краснофигурной пеллики, относящейся не позднее как к концу IV в., около Недвиговки (Ростовцев, ИАК, 65, 24), свидетельствует, что последняя была обитаема значительно ранее того, как на месте ее возник эмпорий, перенесенный из ст. Елисаветовской. Относительно даты наиболее раннего, допускающего датировку памятник из ст. Елисаветовской согласия нет: так наз. Ушаковский меч одни относят к VII, другие к VI, третьи к V в. (Rostowzew, Skythen und der Bosporus, 471¹). Обряд погребения, где меч был найден, и обнаруженные в нем черепки чернолаковых сосудов не позволяют восходить ко времени ранее IV в., так что меч, к какому бы веку он ни относился, очевидно, не одновременен дате погребения.

гали к разрушению даже вражеских городов, и если оно имел место, то такая крутая расправа вызывалась обыкновенно особыми соображениями.

Наша сокровищница по части греческого языка, „Thesaurus linguae graecae“ Анри Этьена, дает следующие значения для $\acute{\epsilon}\kappa\tau\omicron\rho\theta\acute{\epsilon}\omega$: *devasto, depopulo, evertio, diripio*. В греческой прозаической письменности $\acute{\epsilon}\kappa\tau\omicron\rho\theta\acute{\epsilon}\omega$ употребляется чаще не в значении „разрушать“, а в значении „громить“, „разорять“ (главным образом путем ограбления). Вот несколько примеров, взятых из разных эпох греческой письменности. Thus., IV, 57, 3: в 424 г. афиняне берут Фирею, город на границе Арголиды и Лаконики; „город они предали пламени и все находящееся в нем разгромили“ ($\tau\grave{\alpha} \acute{\epsilon}\nu\omicron\nu\tau\alpha \acute{\epsilon}\xi\epsilon\pi\omicron\rho\theta\eta\sigma\alpha\nu$); так как город был разрушен пожаром, то, очевидно, под разгромом приходится разуметь главным образом грабеж. Lys., XII, 83: „Казнь их (тридцати) и их детей может ли служить достаточным возмездием за убийство казненных без суда наших отцов, сыновей, братьев. Но, может быть, конфискация видимого имущества тридцати была бы признана достаточным удовлетворением для государства, которое они так ограбили, и для частных лиц, дома которых они подвергли разгрому ($\acute{\epsilon}\xi\epsilon\pi\omicron\rho\theta\eta\sigma\alpha\nu$)“. Опять, несомненно, имеется в виду главным образом грабеж. Plat., Epist., VII, 311 b: „Дионисий Старший получил в свои руки много больших сицилийских городов, разоренных ($\acute{\epsilon}\kappa\pi\epsilon\pi\omicron\rho\theta\eta\mu\acute{\epsilon}\nu\alpha\varsigma$) варварами“. Polyb., II, 32, 4: в 223 г. до н. э. римляне перешли реку Клузий в Галлии и вступили на территорию своих союзников гономанов, соединились с ними, снова вторглись из Альпийской страны в область инсубров, стали опустошать их землю и громить их жилища ($\tau\acute{\alpha}\varsigma \alpha\iota\chi\iota\alpha\varsigma \acute{\epsilon}\xi\epsilon\pi\omicron\rho\theta\omicron\nu$). Herod. ab excessu divi Marci, V, 4: в 218 г. н. э. император Макрин послал начальника войска разгромить отложившихся ($\acute{\epsilon}\kappa\tau\omicron\rho\theta\eta\sigma\epsilon\nu \tau\omicron\upsilon\varsigma \acute{\alpha}\phi\epsilon\sigma\tau\acute{\omega}\tau\alpha\varsigma$). Что касается Страбона, то, за отсутствием *indicis graecitatis* для него, я вынужден ограничиться случайно запомнившимися примерами. В IX, 396 Страбон, говоря о тех легендах, которые были связаны с Атикою, упоминает, между прочим, что Афидну постигло $\acute{\epsilon}\kappa\tau\omicron\rho\theta\eta\sigma\iota\varsigma$ со стороны Диоскуров; тут трудно решить, идет ли речь о разрушении Афидны, или о ее разгроме. В VII, 308 Страбон, говоря о Херсонесе Таврическом, упоминает, что последний вынужден был прибегнуть к защите Мифрадата, так как он был разорен ($\kappa\omicron\rho\theta\omicron\upsilon\mu\acute{\epsilon}\nu\eta$) варварами. Но несколькими строками выше, говоря о „Старом Херсонесе“, Страбон упоминает, что он был $\kappa\alpha\tau\alpha\sigma\kappa\alpha\mu\acute{\epsilon}\nu\eta$, т. е. срыт, разрушен до основания. Тем же глаголом $\kappa\alpha\tau\alpha\sigma\kappa\alpha\mu\acute{\epsilon}\nu\omega$ Страбон (VIII, 381) пользуется, когда говорит о разрушении Коринфа. И вообще термином $\kappa\alpha\tau\alpha\sigma\kappa\alpha\mu\acute{\epsilon}\nu\omega$ греческие писатели преимущественно пользуются, когда хотят сказать о разрушении какого-либо города.

От филологии обратимся к истории. Говоря о Танаисе,

Страбон (XI, 493) называет его „созданием“ (*κτίσις*) эллинов, владеющих Боспором. Это указание, думается мне, нужно понимать в том смысле, что боспорское правительство, очевидно, в лице первых же Спартокидов — об этом говорят археологические находки в „Старом Танаисе“, восходящие, как было указано, ко второй половине V в. — создало в Танаисе правильно организованный *ἐμπόριον*, служивший, как Страбон указывает непосредственно далее, общим местом товарообмена для азиатских и европейских кочевников, а также для приезжающих по Азовскому морю из Боспорского царства греков. Ясно, что, когда Танаис со ст. Елисаветовской перекочевал в Недвиговку, значение его, как эмпория, продолжало сохраняться. Спрашивается: какой был смысл боспорскому царю Полемону разрушать (в буквальном смысле) важный торговый пункт — безотносительно к тому, был ли это старый или новый Танаис? Если бы дело обстояло так, это был бы со стороны Полемона, в полном смысле слова, безрассудный поступок.

То толкование, которое дано словам Страбона в „*Scythica et Caucasica*“ и по которому выходит, что Танаис раньше, т. е. до предполагаемого его разрушения Полемоном, служил „общим эмпорием“, ни на чем не основано, так как в тексте Страбона этого „раньше“ нет. Если внимательно присмотреться ко всему месту Страбона о Танаисе, то само сообщение Страбона о его „разрушении“ производит впечатление чего-то, напоминающего собой редакционную вставку, попавшую в текст уже при окончательном оформлении Страбоном своего труда. Вот все это место в точном переводе: „При впадении Танаиса в Меотиду имеется населенный город, носящий то же имя, что и река Танаис, создание эллинов, владеющих Боспором. Недавно его разгромил царь Полемон за неповиновение, служил же он общим эмпорием для азиатских и европейских кочевников и для греков, совершавших к нему плавание по озеру (т. е. по Меотиде) из Боспора“. Может быть, в первоначальной редакции слов: „недавно... за неповиновение“, и не было; они могли быть прибавлены Страбоном при окончательной редакции своего труда, когда ему стало известно о судьбе, постигшей Танаис при Полемоне, — не забудем, что Страбон был родом из Амассии, резиденции понтийских царей, к числу которых принадлежал и Полемон. Но это попутно, и, разумеется, я не стану настаивать на своем соображении.

Чем мог вызвать Танаис гнев Полемона? Его неповиновением, говорит Страбон. В чем это неповиновение могло выразиться? На это, думается, нужно искать ответа в словах того же Страбона (XI, 495): „Из всех азиатских меотов одни были подвластны тем меотам, которые имеют эмпорий в Танаисе, другие — боспорцам. Случалось, что иногда то одно, то другое племя меотов отпадало от боспорцев“. (Страбоновское *ἀπειθή-*

сам — за неповиновение — я склонен был бы понимать так. Во время правления на Боспоре Полемона Танаис, находившийся тогда под властью Боспора, отложился от него, и городом завладели туземцы. Может быть, сначала Полемон потребовал от танаитов покорности, а когда они отказались исполнить это требование, Полемон заставил их исполнить его посредством вооруженного воздействия; он отправил в Танаис вооруженный отряд, который и разгромил город. Это была, как сказали бы теперь, карательная экспедиция, сопровождавшаяся убийствами, грабежами. Но до разрушения города дело не дошло и не могло дойти, так как такое разрушение нанесло бы, как указано выше, материальный ущерб интересам самого Полемона. Карательной экспедицией Полемона дана была танаитам хорошая острастка, но самый город продолжал, конечно, существовать. Да и могло ли быть иначе, коль скоро сам же Страбон (XI, 495) в числе боспорских правителей, владевших территорией до Танаиса, называет Полемона, наряду с его предшественниками Фарнаком и Асандром?

Долго я недоумевал, что побудило Латышева утверждать, будто еще при Плинии Танаис лежал в развалинах. Справка в указанном Латышевом месте из Плиния (N.H., VI, 7) убедила меня, что все это объясняется недоразумением, возникшим в результате недостаточно внимательного отношения к контексту Плиния. Последний в указанном месте перечисляет многие (до 40) племена, проживающие по Танаису и вокруг Меотиды. Это перечисление Плиний дает на основании одного из бывших в его распоряжении источников. Из другого источника Плиний приводит указание, что в область, лежащую поблизости от Меотиды, вторглись (когда — неизвестно) скифские племена авлеты, аферхеи, асампаты, и ими поголовно были истреблены танаиты и инапей. Вот эти-то слова Плиния: *ab his Tanaites et Inaraeos (вариант Naraeos) viritim deletos* и побудили Латышева говорить о „развалинах“ Танаиса. На самом же деле Плиниевое *Tanaites* значит не жители Танаиса, но служит для обозначения одного из туземных племен, которое яко бы поголовно было истреблено скифами. Таким образом, замечание Плиния не имеет никакого отношения к мнимому разрушению Танаиса Полемоном.

Из слов Страбона, что часто боспорские правители, в особенности последние (при жизни Страбона) владели территорией до Танаиса, а следовательно и самим эмпорием в Танаисе, следует, что последний не всегда входил в состав Боспорского государства. Очевидно, удерживать Танаис в своих руках удавалось тем из Спартокидов, которые обладали достаточно вооруженною силой, чтобы иметь возможность парализовать попытки туземцев завладеть эмпорием. Можно допустить, что в пору процветания Боспора в IV и в первой половине III в. до н. э. Спартокидам удавалось держать Та-

наис в своих руках,¹ и желательнее, чтобы это предположение нашло себе поддержку в археологических данных, добытых в результате обследования ст. Елисаветовской. Интересно было бы установить, насколько велико количество черепков, являющихся, несомненно, остатками тех сосудов, пантикапейское происхождение которых несомненно, — будут ли эти сосуды пантикапейской фабрикации, или какой иной (но не туземной), потому что и последняя могла попадать в Танаис путем ввоза из Пантикапея ли, или из какого-либо иного боспорского центра. При слабых Спартокидах, т. е. во второй половине III и уже, наверное, во II в., Танаис вряд ли принадлежал им. В эпоху власти над Боспором Мифрадата и его преемников Танаис входил в состав их державы. Так, надо полагать, было и в так наз. римскую эпоху, когда в самом государственном обиходе Танаиса установился своего рода дружелюбный компромисс между претендентами на обладание городом, т. е. между боспорскими греками и местными „варварами“.

Что в эпоху империи Танаис составлял нераздельную часть Боспорского государства, ясно из найденных в Недвиговке эпиграфических документов, которые датируются именем правящего боспорского царя. Последний посылал в Танаис своего легата (*πρεσβευτής*), выбиравшегося обыкновенно из числа высших боспорских, должностных лиц.² Самый город называется в документах то *πόλις*, то *ἐμπόριον*, а его обитатели именуются и *πολίται* и *Ταναεῖται*, причем в надписи 192 г. (IPE, II, 428) сопоставляются *Ἕλληνες* и *Ταναεῖται*. Несомненно, что под первыми понимаются именно танаидские граждане (в IPE, II, 423 упоминается и *στρατηγός πολιτῶν*), под танаитами же приходится понимать тех туземцев, а также приезжавших в Танаис греческих и римских купцов не из Боспора, которые постоянно или временно проживали по торговым делам в Танаисе. Это разграничение гражданского и негражданского населения Танаиса нашло свое выражение и в том, что во главе города стоит с одной стороны, *ἐλληναρχης*, с другой — *ἄρχων Ταναεῖτῶν*, избирающийся или назначавшийся, повидимому, на годичный срок.³ Характерно, что в некоторых танаидских *tituli*

¹ Kretschmer, RE, II A, 11, заблуждается, относя основание Танаиса к эпохе после Александра Великого.

² Или из *οἱ ἐπὶ τῆς βασιλείας*, или из *οἱ ἐπὶ τῶν Ἀσποργιανῶν*. В аспурггианах Ростовцев (Древности Моск. арх. общ., XXV, 16 сл., отд. отт.) правильно усматривает не племенное название, а название царской дружины, своего рода лейб-гвардию боспорских царей.

³ В надписи IPE, II, 430, 220 г. названы четыре архонта танаитов: это, вероятно, объясняется тем, что при упоминании одного архонта имеется в виду старший член коллегии. Эллинарх — всегда один. В надписи IPE, II, 432 с должностью эллинарха соединяется обязанность взимания налогов (*προσοδικός ὁ καὶ ἐλληναρχης*). Подробности о городе и о купцах, об эллинархе и архонте танаитов, с указанием соответствующей литературы, у К. М. Колобовой, К вопросу о судоправлении в древней Греции, Изв. ГИИМК, в. 61 (1933 г.), 69 сл.

aedificiorum определенно подчеркивается исключительно торговое значение Танаиса, та важная роль, какую играло проживавшее в нем торговое сословие. В надписи 220 г. (IRE, II, 430) сказано, что танаидский рынок был отремонтирован τῆ πόλει καὶ τοῖς ἐμπόροις, что городские ворота были „закончены“ τῆ πόλει καὶ τοῖς ἐμπόροις (IRE, II, 432, первая половина III в.).¹ В числе этих купцов было, конечно, немалое число туземцев. Это ясно можно проследить по надписям танаидских коллегий, объединившихся для культовых целей вокруг почитания „верховного бога“, под которым скорее всего следует разуместь Сабазия.² В этих надписях греческие имена в значительной степени перемешаны с именами туземными — ясный показатель того, насколько население Танаиса, объединенное общностью торговых интересов, было смешано из греков и из туземцев. Можно, не рискуя впасть в ошибку, утверждать, что из всех городов Боспорского государства население Танаиса носило смешанный характер по преимуществу.

На основании доступного мне боспорского просопографического материала, поскольку он издан, я попробовал составить подсчет имен и отчеств чисто греческих и римских, имен и отчеств туземных, имен и отчеств смешанных (имя — греческое, отчество — туземное и vice versa). На основании этого подсчета я составил нижеприводимую таблицу, в которой дается процентное соотношение между указанными тремя категориями. Само собой разумеется, что моя таблица не может быть рассматриваема как статистическая таблица в строгом смысле. Последнюю было бы невозможно дать, учитывая характер бывшего в моем распоряжении материала, неравномерно представленного в силу условий его находки и для отдельных городов и для отдельных эпох их исторической жизни (в этом отношении все же полезно заметить, что преобладающее число боспорских надписей относится к эпохе империи). При этом нужно еще принять в соображение, что в надписях нашло себе упоминание лишь свободное население Боспора (отчасти верхний, отчасти средний класс, обладавший большим или меньшим имущественным достатком и в большинстве случаев пользовавшийся гражданскими правами) и что в надписях лишь в единичных случаях упоминаются лица не свободного происхождения, число которых, конечно, значительно превышало количество населения свободного. Со всеми этими ого-

¹ В этих строительных надписях, сопоставленных в IRE, — к ним нужно добавить надпись Изв. ГАИМК, II, 78, 8 = SEG, II, 480, — неоднократно упоминается о производившихся в Танаисе в конце II и в первой половине III в. ремонтных работах. Их Латышев (Почткá, 127) ставил в связь с „разрушением“ Танаиса при Полемоне. Но как бы это „разрушение“ ни толковать, немислимо, чтобы город в течение чуть ли не двух веков оставался в полуразрушенном виде. Очевидно, в надписях имеются в виду обычного рода строительные и ремонтные работы.

² H. A. Winkler, Arch. f. Religionswiss., XXVII, 1929 г., 361 сл.

ворками я все же дерзаю привести мою таблицу, не как нечто такое, что соответствует фактическому положению вещей, а как примерную иллюстрацию того, что может соответствовать этому фактическому положению.¹

В первом столбце таблицы дается процентное отношение греческих (и римских) имен, во втором — процентное отношение туземных и смешанных имен (в скобках указано процентное отношение первых первой цифрой, вторых — второй).

Пантикапей	75	25(15 + 10)
Фанагория	79	21(13 + 8)
Феодосия	65	35(20 + 15)
Горгиппия	80	20(14 + 6)
Танаис	60	40(23 + 17)
Итого процентного отношения	74	26(16 + 10)

Как бы ни была несовершенна моя попытка, все же бросается в глаза, что туземное и смешанное население в Танаисе значительно превосходило такое же население в других городах Боспора. И это было вполне естественно, ввиду того значения, какое имел Танаис.²

IV. Фиас навклеров в Горгиппии

В 1910 г. В. В. Латышевым была издана в ИАК (вып. 37, 38 сл.) греческая надпись, составленная им из пяти примыкающих друг к другу фрагментов. Хотя они и не были найдены при раскопках, а приобретены покупкой, тем не менее происхождение их из Анапы, древней Горгиппии, не может вызывать сомнений. Первые четыре строки надписи, дошедшие в очень поврежденном состоянии, содержат дату надписи, повторяемую и в последующих строках: надпись относится ко времени правления на Боспоре царя Тиберия Юлия Савромата, сына Риметалка, царствовавшего в 174—211 гг. Строки 5—10 даны Латышевым в следующей транскрипции и с такими дополнениями:

Θεῶ Ποσειδῶν[ος ἐπὶ βασιλέως Σαυρομάτου, υἱοῦ μεγάλου βασιλέως Ροιμητάλκου, θεῶσας ναυκλήρων οἱ καὶ ποιήσαντες τὰ ἀγάλματα καὶ τὸν ναὸν ἐκ

¹ В императорскую эпоху, а может быть и раньше, на Боспоре проживали и еврей диаспоры, как о том свидетельствуют найденные там в незначительном количестве еврейские надписи. Весь относящийся сюда материал сопоставлен и разобран у Schürer, Die Juden im bosporantischen Reiche, Sitzber. Preuss. Akad., 1897 г. 211 сл.

² Высказанное в свое время утверждение Моммсена (Римская история, V, 283, русский перевод), что Танаис в эпоху империи оставался „не греческим городом“, не соответствует во всяком случае действительности. В найденной в Таманской станице надписи 208 г. до н. э. (ИАК, 40, 112, 28) упоминается главный аланский переводчик (ср. в IG, XIV, 1636: сарматский переводчик). Это показывает, какую пеструю амальгаму населения представлял собой в эпоху империи Боспор.

Ἡμελίων ἀναστήσαντες, εἰς ἃ καὶ [εἰ]τείμησεν ὁ βασιλεὺς τὸν θεὸν καὶ τὴν
 θέασον [εἰς]αγώγιον ἀρταβῶν χειλίων, т. е. богу Посидону при царе
 Савромате, сыне великого царя Риметалка, фias навклеров,
 которые соорудили статуи и воздвигли храм от основа-
 ния, на что царь и почтил бога и фias... тысячи артаб.
 Далее, в строках 10—14 идет список должностных лиц
 фiasа, а за этим списком (строки 14—27) — список членов
 фiasа, дошедший, однако, с не могущими быть восстано-
 вленными лакунами.¹ Несколько поправок к именам этого
 списка, сделанных в свое время на основании изучения
 оригинала надписи, хранившегося тогда в Музее древностей
 Петербургского университета, были даны Ф. В. Кипарисовым
 в статье „К Горгиппийской надписи фiasитов“ (ЖМНП, 1915 г.,
 отд. класс. фил., 283—285). Первые 19 строк надписи пере-
 печатаны в транскрипции Латышева и с его дополнением
 Minns'ом (Scythians and Greeks, 655, 51). Строки 5—10, также
 в транскрипции Латышева и с его дополнениями, воспроизве-
 дены у Ziebarth'a в его „Beiträge zur Geschichte des Seeraubs
 und Seehandels im alten Griechenland“ (Hamburg, 1929 г.,
 140, 106).

Из надписи следует, что фias навклеров, т. е. общество
 судовладельцев - купцов, в Горгиппии, объединенное отпра-
 влением культа Посидона, поставил статуи его и других бо-
 жеств в заново восстановленном фiasом храме Посидона, при-
 чем в этом деле принял участие и царь Савромат.²

В чем это участие царя выразилось? На камне сохрани-
 лось *αγώγιον ἀρταβῶν χειλίων*, причем перед *αγώγιον* пропали
 две-три буквы; Латышев дополнил *ε[ισ]αγώγιον*, и это дополне-
 ние принято всеми, кто имел случай заниматься надписью.
 По поводу предложенного им дополнения Латышев замечает:
 „Слово *εἰσαγώγιον* — весьма редкое; оно отсутствует у Stephanus'a
 в его „Thesaurus linguae graecae“, а van Herwerden в „Lexicon
 graecum suppletorium et dialecticum“ цитует его по одной

¹ Кроме упомянутых пяти фрагментов, имеется еще 6-й небольшой и очень
 поврежденный фрагмент, относящийся к концу надписи, но не примыкающий
 к первым пяти фрагментам.

² В комментарии к надписи Латышев отмечает, что в языке ее встречаются
 особенности, свидетельствующие о том, насколько он отошел от „классической
 чистоты“ греческой речи, в частности „главная фраза о постройке храма не-
 правильно построена в синтаксическом отношении: вместо *verbum finitum*
ἐποίησεν и *ἀνέστησεν* поставлено *οἱ καὶ* с причастием и с конструкцией *κατὰ σύνεσιν*“.
 В следующем за главной фразой предложении Латышев понимает *εἰς ἃ* как за-
 мену *δεῖ ἃ*. Но это можно было бы понимать и так: фias поставил статуи и про-
 извел ремонт храма, на что (т. е. на исполнение чего) царь и почтил бога и
 фias своим вкладом. Встречающиеся в языке надписи особенности, аналогии для
 которых можно указать в достаточном количестве и в иных поздних эпиграфи-
 ческих памятниках, К. М. Колобова в своей статье „К вопросу о сармат-
 ском языке“ (Сборник „Из истории докапиталистических формаций“, Известия
 ГАИМК, вып 100, 1933 г., 16 сл.) склонна объяснять влиянием сарматского
 языка на греческий.

только надписи острова Коса (SIG³, 1106, ср. R. Herzog, *Koische Sakralgesetze*, Abh. Pr. Ak., 1928 г., 28), где оно обозначает плату натурой за вступление в религиозное общество (*pretium introductionis*). В нашем документе это слово обозначает без сомнения, пошлину за право ввоза грузов в гавань; дар царя состоял, очевидно, в том, что он освободил от этой пошлины тысячу артаб, ввозимых членами фиааса... Окрестности Горгиши в древности, как и ныне, вряд ли могли производить хлеб в количестве, достаточном для продовольствия ее населения, которое поэтому нуждалось в привозном хлебе, и стало быть, царский дар был весьма кстати для судохозяев". По мнению Миннза (стр. 624), Савромат вступил сам в фиаас навклеров, и *εἰσαγωγήον* — членский взнос царя, обращенный на восстановление храма и его украшение. Цибарт (стр. 68): „Савромат II, как член тамошнего (горгишпийского) общества навклеров, подобно всем прочим членам, сделал свой вступительный взнос (*Eintrittsgeld*), именно 1000 артаб зерна“. М. И. Ростовцев (*Social and economic history of the Roman Empire*, 565, 14): Савромат „почтил фиаас и бога уплатою членского взноса в 1000 артаб зерна“.

Так ли все это? Может ли быть удержано предложенное и принятое дополнение [*εἰσαγωγήον*]? Меня не смутило бы то обстоятельство, что *εἰσαγωγήον* — редкое, пока единственный раз, в косской надписи, встретившееся слово: коль скоро оно, несомненно, засвидетельствовано в косском документе, оно могло стоять и в горгишпийском. Посмотрим сначала, что означает это слово в косской надписи, относящейся, как заключают на основании характера ее письма, к началу III в. до н. э. В ней речь идет об учреждении косским гражданином Диомедонтом религиозного общества для отправления культа Геракла. Диомедонт посвятил Гераклу земельный участок и раба и завещал, чтобы на получаемые с участка доходы члены общества справляли культ Геракла, называвшегося, по имени жертвователя, Гераклом Диомедонтовым. В § 7 надписи читается: *εἰσαγωγήον δὲ δίδωτω, ᾧ κα γένηται παιδίον, οἷ[ς] μέτεστι τῶν ἱερῶν, χοῖρον, ἱερά, λιβανωτόν, σπονδάν, στέφανον*, т. е. тот [член общества], у которого родится ребенок, должен доставлять [членам], имеющим право совершать жертвоприношение, поросенка и полагающиеся при жертвоприношениях [так я понимаю несколько загадочное *ἱερά*] ладан, вино для возлияния, венок — все это как *εἰσαγωγήον*, т. е. в качестве материала для жертвоприношения, знаменующего, что новорожденный зачисляется в члены общества. В косской надписи *εἰσαγωγήον*, действительно, может быть понимаемо в смысле своего рода членского взноса за новорожденного, вступающего в общество с момента его рождения: *εἰσαγωγήον* здесь является приложением к перечисляемым далее предметам, или последние являются приложением к *εἰσαγωγήον*, почему и они и оно поставлены в одинако-

вом винительном падеже. В горгипийской надписи ἀρταβῶν χειλίων — genetivus subiectivus, зависящий от ἀγῶγιον.¹

Латышев, как сказано выше, понимал εἰσαγῶγιον горгипийской надписи как пошлину за право ввоза грузов в горгипийскую гавань: Савромат предоставил фиасу беспошлинный ввоз 1000 артаб хлеба, так как своего хлеба было недостаточно для продовольствия населения Горгипсии. Даже допуская, что в Горгипсии приходилось хлеб ввозить, напрашивается вопрос: откуда? Неужели откуда-нибудь из-за границы, а не из того или иного города Боспорского царства, которое, как мы хорошо знаем, настолько было богато хлебом, что само экспортировало его за границу? Это было бы более чем невероятно. Если же хлеб ввозился в Горгипсию, откуда-нибудь из пределов Боспорского царства, то εἰσαγῶγιον пришлось бы понимать в смысле так наз. *ostroi*, акциза, взимаемого при ввозе предметов потребления из одного города государства в другой его город. Но *ostroi* по-гречески имело свой специальный термин *διαπόλιον*, засвидетельствованный для Афин (Caillemet у Daremberg — Saglio, II, 160) и для Египта (словарь Preissigke — Kiessling).²

Но если дополнение [εἰς]αγῶγιον может вызвать сомнение в его правильности, то каким предлогом — речь может идти только о предлоге — дополнять сохранившееся на камне ἀγῶγιον? Справка в „Иудейских древностях“ Флавия Иосифа дает на этот вопрос безапелляционный ответ. В одном из эдиктов Юлия Цезаря 48 г. до н. э., касающихся привилегий, предоставляемых Иудее и правителю ее, первосвященнику и этнарху Гиркану, читается, между прочим, следующее (Ant. Jud., XIV, 10, 6, 205—206): „Город Иоппа (Яффа), которым иудеи владели с начала их дружбы с римлянами (т. е. с Ионафана, Ant. Jud., VIII, 202), должен принадлежать иудеям, как и прежде, — таково наше решение. Гиркан, сын Александра, и его сыновья должны уплачивать взносы за этот город и имеют получать с его жителей, по статье пошлин за право вывоза из гавани и из страны, 20 675 модиев (зерна), выплачиваемых ежегодно в Сидоне — φόρους τε ὑπὲρ ταύτης τῆς πόλεως Ὑρχανὸς τελεῖν Ἀλεξάνδρου υἱὸν καὶ παῖδας αὐτοῦ παρὰ τῶν γῆ, νεμομένων χώρας καὶ λιμένος ἐξαγῶγιον κατ'ἐνιαυτὸν Σιδῶνι.“³

Итак, отыскался термин, которым мы считаем себя в праве заменить εἰσαγῶγιον горгипийской надписи: этот термин — ἐξαγῶγιον. Он встречается также в одном из эдиктов Юстиниана,

¹ Латышев относил за счет малограмотности составителя надписи винительный εἰσαγῶγιον вместо ожидаемого дательного εἰσαγωγίῳ.

² Транзитная пошлина по-гречески *διαγῶγιον*, *λαραραγῶγιον*, *διαγωγικά*, *τέλη*, *διαγωγή*. Schwahn, RE, V A, 257.

³ Текст эдиктов, касающихся Гиркана, несправен и запутан. При передаче его я следовал переводу Chamonard, Oeuvres complètes de Flavius Joseph traduites sous la direction de Th. Reinach, III, Paris, 1904 г., 242.

вошедших в Corpus juris civilis (13, 15). С полным основанием Prott восстановил уже ἐξαγωγίον в приенском декрете IV в. до н. э. (Inscr. von Priene, 3) в честь эфесца Мегабиза, который награждается проксенией, ателией и прочими обычными привилегиями: в конце надписи сказано: ἀτελής δὲ ἔστω καὶ τοῦ [ἐξα]γωγίου. Можно отметить также и упоминаемые у Страбона (XVII, 798) для римского Египта τέλη ἐξαγωγικά.

Остается проверить пригодность восстановления ἐξαγωγίον в горгипсийской надписи с формальной стороны. Если присмотреться к автотипическому воспроизведению ее, данному на табл. II в ИАК, то в тех жалких остатках, которые сохранились, перед αγωγίον можно усмотреть внизу черточку от буквы, стоявшей перед α. Эта черточка может принадлежать σ, но она может принадлежать и ξ. Как на грех, ни в одном из слов, сохранившихся в надписи, ξ не встречается. Зато в горгипсийских фрагментах, одновременных с разбираемой надписью по характеру письма (№№ 3, 29, 41 в статье Латышева), ξ имеется, и начертание этого знака таково, что отмеченная мною черточка перед α могла бы принадлежать и ξ. Могут заметить, что, судя по таблице, между θέασον и αγωγίον свободного места больше, чем его требовалось бы для помещения двух букв. Но нужно сказать, что 1) надпись реставрирована посредством гипсовой заливки, и фрагмент в должен был, когда камень был цел, теснее примыкать к фрагменту б, 2) расстояние между отдельными буквами в надписи выдержано далеко не равномерно; 3) знак для ξ на упомянутых трех фрагментах, где он встречается, самый широкий среди всех прочих знаков.

Речь о вступительном взносе Савромата в фиас навклеров должна быть оставлена. Царь сделал не вступительный взнос фиасу, а пожертвование на предпринятый фиасом капитальный ремонт и украшение храма Посидона, находившегося в ведении фиаса. Пожертвование это состояло в том, что фиас имел право беспошлинно вывезти из горгипсийской гавани груз зернового хлеба в количестве 1000 артаб.¹ Какую цифру в звонкой монете давал беспошлинный вывоз груза в 1000 артаб, мы не можем определить. Вывозная пошлина на Боспоре в IV в. до н. э. равнялась $\frac{1}{30}$ стоимости вывозимого товара, т. е. составляла 3,3% (Dem. XX, 32). Так ли это было и в римское время, мы не знаем: известно лишь из сопоставления разрозненных данных, что тогда размер вывозной пошлины вообще колебался от двух до пяти процентов (Cailletmer у Daremberg — Saglio, IV 1, 587 сл.).

¹ Вероятно, имеется в виду бывшая в римское время в ходу египетская артаба, равнявшаяся римскому модию, или 29 литрам с лишним. В таком случае 1000 артаб на наш счет составляли бы 29 тонн зерна. Если же, что тоже возможно, на Боспоре была в ходу мидийская артаба, соответствовавшая аттическому медимну (поздней системы), то 1000 артаб составили бы 58 тонн.

Мысль о том, что Савромат был членом *фиаса* (и даже, как утверждалось иногда, его председателем) отпадает. Это, впрочем, и раньше стало бы ясно, если бы при толковании надписи исходить не из априорных и недоказанных соображений, а из нее самой. Из нее же следует: 1) дар царя, как уже указано, поставлен в тесную связь с произведенным *фиасом* ремонтом и украшением храма Посидона; 2) в надписи приводится список членов *фиаса*; если бы в их числе был царь Савромат, то его имя должно было бы, естественно, стоять на первом месте, а это место занимает некий *Παυταλέων Φαρνάκου*; думать же, что имя Савромата значилось в пропавших частях надписи, не приходится, так как не сохранился только конец ее, и не там же искать пропавшее имя царя, 3) президиум *фиаса* в надписи назван, и в числе членов этого президиума Савромата не оказывается; 4) если бы Савромат был даже, выражаясь по-современному, почетным членом *фиаса*, то и это, пожалуй, нашло бы себе какое-нибудь отражение в надписи.

А между тем восстановленное в надписи *εἰσαγωγῆς* послужило точкою опоры для дальнейших соображений о роли Савромата в *фиасе*. Не довольствуясь тем, что его сделали членом *фиаса*, ему стали навязывать функции „представителя государственного контроля“ в деятельности *фиаса*.¹ На самом же деле надпись позволяет сделать только тот вывод, что с грузовых судов, отправлявшихся из гаваней Боспора, взималась таможенная пошлина; Савромат „почтил“ *фиас* навклеров, дав ему привилегию вывезти тысячу артаб хлеба беспошлинно, причем этот дар Савромата имел определенное назначение: сумма, причитавшаяся за вывоз тысячи артаб хлеба, должна была пойти на ремонт и украшение находившегося в ведении *фиаса* храма Посидона.²

Тем не менее, самый факт внимания, оказанного Савроматом *фиасу* навклеров, заслуживает быть отмеченным. Он указывает на то, что интересы *фиаса* были близки сердцу Савромата, что он, не входя официально в состав *фиаса*, „остается

¹ Подробности у Колобовой, К вопросу о судовладении в древней Греции, Изв. ГАИМК, вып. 61, 1933 г., 77 сл., которая мотивирует контрольные функции Савромата тем, что Боспор был включен „в состав Римской империи“. Но должно заметить, что Боспорское царство никогда не было римской провинцией (как и все вообще северное Причерноморье); что оно было самостоятельным государством, лишь находившимся под опекою и присмотром Рима, но в своем внутреннем укладе вполне автономным, чеканившим свою монету, управлявшимся не римскими магистратами, а своими царями, хотя последние зачастую и престол получали и имели возможность держаться на нем „римскою милостью“. Не входя в подробности, отсылаю хотя бы к статье Brandis в RE, III, 77 6 сл.

² В пантикапейской надписи IPE, II, 25 Посидон носит эпитет „Кораблеспаситель“.

близким к нему лицом".¹ И это понятно: благосостояние Боспора и в императорскую эпоху, как и при Спартокидах, покоилось на его экспортной торговле, а последняя была тесно связана с навклерами, были ли они только судовладельцами, или судовладельцами-купцами. И как раньше Спартокиды вели дружбу с судовладельцами-купцами, так и боспорские цари в императорскую эпоху следовали той же традиции. Спартокиды, на основании имеющихся у нас данных, и сами принимали участие в боспорской экспортной торговле, во всяком случае, держали ее в своих руках. Для императорской эпохи у нас нет данных, чтобы утверждать то же самое, но и отвергать возможность такого предположения, кажется, нет оснований.

Во главе фисаса, составляя как бы его президиум, четыре лица: жрец, синагог и два фронтиста (попечители). Жрец в то же время и *πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας*, что Латышев сопоставляет с встречающимся в других надписях (*Ποντικά*, 123) *ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας*, в котором он усматривает правителя европейской части Боспорского царства, в противоположность к *ὁ ἐπὶ τῆς νήσου*, правителю Таманского полуострова (последний у Страбона, XI, 494, называется „островом“). Соглашаясь с толкованием *ὁ ἐπὶ τῆς νήσου*, сомневаюсь в правильности понимания *ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας* в смысле правителя европейской части Боспорского царства. Дело в том, что в пантикапейской надписи IPE, II, 29 сказано *ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας καὶ τῆς Θεοδοσίας*. Так как Феодосия принадлежала к европейской части Боспора, то непонятно было бы, почему Феодосия „была отделена от остальной европейской части царства“ (Латышев, ук. м.). Поэтому и принимая во внимание, что в надписях пантикапейской (ИАК, 10, 26, 21) и фанагорийской (IPE, II, 359) назван просто *ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας*; что для Горгиипии засвидетельствовано *ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππίας* (помимо разбираемой надписи, также в IPE, IV, 434; ИАК, 23, 46; 32, 37; 61, 42), я склоняюсь к мысли, что *ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας* означает не правителя европейской части Боспора, а правителя царской резиденции, т. е. Пантикапея.²

Прибавка в надписи фисаса навклеров слова *πρῶτος* указывает, может быть, на то, что в Пантикапее, как царской резиденции, у градоначальника ее были помощники.

Итак, в президиум фисаса навклеров входили градоначаль-

¹ Колобова, 76. С такою формулировкой можно вполне согласиться, но тогда „основные выводы“ автора терпят изменения, поскольку эти выводы касаются роли Савромата в фисасе.

² Подкрепление в понимании *βασιλεία* в значении царской резиденции можно было бы усмотреть и в херсонесской надписи в честь Диофанта (IPE, II², 352 = SIG³, 709), где сказано, что Диофант отправил Савмака *εἰς τὴν βασιλείαν*, т. е. в резиденцию Мифрадата, а не в Понтийское царство вообще. Точно так же и в дионисопольском декрете в честь Акорниона (SIG³, 402) сказано, что Акорнион *ἐν τῇ πρώτῃ καὶ μεγίστῃ [τῇ βασιλίᾳ] τὰ βέλτιστα κατεργάζεται*, где под *βασιλία*, несомненно, разумеется резиденция Бурбисты.

ники Пантикапея и Горгиппии. Что касается одного из фронтисов, бывшего *ἱερῶν οἰκονόμος*, то он, очевидно, заведывал денежной частью фисаса, поскольку фисас был и культовой организацией.

В числе рядовых членов фисаса мы встречаем двух, к именам которых прибавлено *στρατηγός*, и трех, обозначаемых как *ἐγκυκλίων οἰκονόμοι*. Под стратегом Латышев склонен понимать военного магистрата. Но под стратегами можно с равным правом разуместь и гражданских магистратов, так как в императорскую эпоху стратегами назывались также и те должностные лица, которые заведывали, между прочим, транспортом съестных припасов, заботились о снабжении городского населения хлебом, надзирали за рынком, а в малоазийских городах несли и полицейские обязанности.¹ Должность *ἐγκυκλίων οἰκονόμος* встречается впервые, и Латышевым она не определена. В надписях начиная с IV в. до н. э. и до императорской эпохи экономом называется должностное лицо во всякого рода частных объединениях, исполнявшее функции казначея союзной кассы.² Такие же обязанности исполнял „эконом“ в провинции Азии, как уполномоченный таможенных откупщиков. При определении функций *ἐγκυκλίων οἰκονόμος* в горгиппийской надписи должно исходить из определяющего его прилагательного *ἐγκύκλια*, к которому может подразумеваться лишь существительное *τέλη*. *Ἐγκύκλια τέλη* же, как видно из делосского отчета 279 г. до н. э. (Michel Rec., 594 = Bleckmann, Griech. Inschr. zur gr. Staatenkunde, 24) означает подати, ежегодно сдаваемые на откуп. В Египте, как показывает папирологический материал (указания в словаре Preissigke — Kiessling), упоминаются *πραγματευταὶ ἐγκυκλίων*, οἱ τὸ ἐγκύκλιον πραγματευόμενοι, ἐγκυκλικὸς λόγος, τελώνιον τοῦ ἐγκυκλίου, τέλους εἰς τὴν τοῦ ἐγκυκλίου πρόσδοτον. На основании этих сопоставлений проще всего думать, что в горгиппийской надписи *οἰκονόμος ἐγκυκλίων* — должностное лицо, ведавшее отдаваемыми на откуп податями. Распространена ли была откупная система на все доходные статьи Боспорского царства, мы сказать не можем. Но что подати, связанные с ввозом и вывозом, сдавались на откуп, в этом сомневаться не приходится, если учесть то значение, какое эти подати имели в финансовой системе Боспора, основанной в существенной своей части на экспортной торговле. И руководство организацией податного дела для государства, пожалуй, было всего выгоднее в том случае, если оно сдавалось на откуп, особенно если принять во внимание обилие на Боспоре гаваней, откуда отправлялись и куда прибывали торговые корабли, причем горгиппийская гавань

¹ Liebenem, Städteverwaltung im römischen Kaiserreiche, Lpzg., 1900 г., 237 сл.

² P. Landvogt, Epigraphische Untersuchungen über den *οἰκονόμος*, Strassburg, Diss, 1908 г., 18). Об „экономе“ в птолемеевском Египте см. Ростовцев, История государственного откупа, 15 сл.

являлась крайней южной гаванью в пределах государства.¹

Вхождение в *фиаса* навклеров известного числа агентов боспорского правительства — любопытная черта. В особенности интересно, что членами *фиаса* состоят агенты податной инспекции, с которой навклерам постоянно приходилось иметь дело. Это только лишний раз показывает, в какой сильной степени коммерческие интересы захватывали свободное население Боспора. Участие в президиуме *фиаса* градоначальников Пантикапея и Горгиипии указывает не на то, что боспорский царский дом был „в достаточной степени демократичен“ (Ziebarth, 66), а на то, что Боспорское государство и в императорскую эпоху, как и ранее, при Спартокидах, было прежде всего торговым государством; что даже высшие должностные чины в нем могли быть в то же время и навклерами, коль скоро и сам боспорский царь, заинтересованный в развитии торговой деятельности государства и всего того, что с ним связано, оказывает объединению навклеров свое внимание.

Были ли горгиипийские навклеры лишь посредниками в товарообмене между производителями и потребителями, или же они перевозили на принадлежавших им судах также и продукты, получаемые с лично им принадлежащих угодий, — имеется в виду главным образом зерновой хлеб, — на этот вопрос надпись не дает ответа. Вероятно, те члены *фиаса*, которые, как крупные земельные собственники, собирали с своих полей хлеб в количестве, позволяющем его экспортировать, и делали это. О значительном материальном достатке членов *фиаса* свидетельствует, во всяком случае, тот факт, что он имел возможность на свой счет предпринять большие архитектурные и скульптурные работы по восстановлению разрушенного или пришедшего в ветхость храма Посидона и по его украшению.

В ту пору, к которой относится горгиипийская надпись, население Боспора в этническом отношении представляло собою такую пеструю амальгаму, что выделить среди членов *фиаса* греков и туземцев, исходя из сообщаемых в надписи личных имен, вряд ли возможно. Что среди членов *фиаса* были туземцы, показывают такие негреческие имена, как *Κοσσός* „Атта *Κοσσός*, *Κοδίνας* „Атта, *Σαρμάτας* *Κοδόρα*, также такие отчества, как *Πάτα*, *Ζαξσοῦς*. Но у нас нет уверенности в том, что среди членов *фиаса*, носящих греческие имена или отчества, мы должны усматривать непременно греков. Обэллинизировавшиеся туземцы могут скрываться и, надо полагать, скры-

¹ О *portoria* в римских провинциях см. Ростовцев, Ист. гос. откупа, 76 сл. Для провинции Азии *οἰκονόμος* *ἀρχέων* засвидетельствовал для Милета и Иоса. Landvoigt, 30. Однако, в то время как там экономы были рабами или вольноотпущенниками откупщиков и обязанности этих экономов не шли далее выполнения простых казначейских обязанностей, функции боспорских *οἰκονόμοι ἐγκοκλήτων* были, очевидно, шире и соответствовали тому, что в императорское время охватывалось термином *vestigalium publicorum conductor*.

ваются за такими именами, которые звучат вполне по-гречески: к концу II в. н. э., да и ранее, уже давно исчезло на Боспоре различие между греками и бывшими „варварами“. И население Боспора было вполне смешанным, причем весьма вероятно, хотя это и не может быть доказано, „варварский“ элемент в нем преобладал над элементом греческим и римским.

Горгиппийский *фиас* навклеров насчитывал в своем составе вместе с президиумом *minimum* до 45 членов. Все они, как показывает отсутствие при их именах *ἐδουκά*, были горгиппийскими гражданами. Что наряду с местными навклерами в Горгиппии были и навклеры иноземные, показывает неизданная горгиппийская надпись того же приблизительно времени, что и разбираемая, где назван *Τέρτιος Ρούφου*, уроженец вифинского Тиона.

Какую цель могли преследовать объединения навклеров, подобные горгиппийскому? Поланд (*Gesch. d. griech. Vereinswesens*, 116), разделяющий мнение Франкотта, едва ли прав, думая, что объединения навклеров и эмпоров носили исключительно культовый характер. Ближе к истине Цибарт, по мнению которого объединения эти, группировавшиеся вокруг культа того или иного божества, обыкновенно связанного с морской стихией, напоминают нечто в роде средневековых купеческих гильдий. Конечно, и эту аналогию нужно понимать *cum grano salis*. В самом деле, все эти и подобного рода объединения, стоявшие, применительно к античным условиям, под покровительством того или иного божества, дававшего объединению своего рода религиозную марку, преследовали практические цели, из которых главная, вероятно, состояла в том, чтобы оказывать друг другу в случае нужды материальную помощь.¹ Она могла находить применение в различ-

¹ От этих объединений, носивших организованный характер, нужно отличать временные объединения навклеров и эмпоров, возникавшие *ad hoc*. Это в особенности становится ясным из рассмотрения делосского эпиграфического материала, в свое время полностью сопоставленного Поландом (595 сл.), а теперь возросшего. Было бы заблуждением думать, что, коль скоро в надписях упоминаются навклеры и эмпоры, они обязательно были объединены в союз. Последнее мы в праве допускать лишь в том случае, когда документ определенно свидетельствует о наличии *σύνδος, θίασος, κοινόν*. Делосское посвящение I в. до н. э. (SIG, 267) в честь проквестора Мания Эмилия Лепида делают афиняне, римляне и прочие греки *οἱ κατοικοῦντες ἐν Δήλῳ* и *οἱ παρεπίδημοῦντες ἔμποροι καὶ ναυκλήροι*. Сопоставление *κατοικοῦντες*, проживающих постоянно на Делосе, и *παρεπίδημοῦντες*, проживающих там временно, эмпоров и навклеров скорее говорит в пользу того, что они не состояли в каком-либо союзе. Точно так же нет основания усматривать объединения навклеров и эмпоров в надписях OGI 135 и 344. Пока можно с уверенностью говорить лишь о двух объединениях эмпоров и навклеров на Делосе: это *κοινόν Βηροτίων Ποσειδωνιάτῶν* (OGI 591) и *κοινόν τῶν Τυρίων Ἡρακλειστῶν* (Michel. Rec. 998); о первом из них см. подробности у Колобовой, 38 сл. Об афинском *σύνδος* навклеров и эмпоров, объединившемся вокруг культа Зевса Странноприимного, мы знаем из афинской надписи 112-1 г. (SIG 706), о таких же союзах в Томах в императорское время говорят надписи IGR 610, BCH, XXV, 36, 184.

ных случаях, связанных с профессией навклера, сопряженной всегда с риском, в особенности при плавании по такому бурному морю, каким является Черное море, на котором к тому же царило пиратство. Страбон (XI, 495) для своего времени определенно свидетельствует, что как раз местные племена, обитавшие к югу от Горгииппии, „господствуют на море“ и „живут разбоем“; что области, подчиненные римлянам, бес- сильны были бороться с пиратством вследствие нерадения посылаемых туда римлянами правителей.¹

В Пантикапее, Фанагории, Горгииппии было открыто небольшое число надписей, отчасти хорошо сохранившихся, но большей частью фрагментарных, по своей структуре приближающихся к рассмотренной горгииппийской надписи. Все они относятся к императорской эпохе и представляют собою списки имен членов каких-то обществ, обозначаемых термином *σύνδος*, реже *θίασος*. Можем ли мы утверждать или даже только предполагать, что все эти синоды и *θιαсы* также представляли собою объединения навклеров, по образцу горгииппийского объединения? Или же эти надписи говорят о существовании в Пантикапее, Фанагории, Горгииппии союзов, члены которых объединялись для культовых целей, подобно известным танаисским коллегиям, группировавшимся вокруг культа „бога всевышнего“? При современном запасе наших сведений приходится считать, что эти боспорские синоды и *θιαсы* были лишь культовыми объединениями. Это, конечно, не исключает возможности, что среди членов этих объединений были и навклеры. Но обширный материал, собранный в книге Поланда, позволяет сделать такое наблюдение: во всех тех случаях, когда мы имеем дело с объединениями, члены которых являются представителями тех или иных профессиональных группировок, эти последние обязательно указываются. Так, помимо многочисленных объединений *τεχνιτῶν*, мы находим объединения *γεωργῶν Καίσαρος*, *γραμματέων κατὰ Κύπρον*, *κρητῶν*, *γυαφέων*, *ἀλιέων*. В боспорских надписях, за исключением горгииппийской, эти все объединения называются просто *σύνδοι* (*θίασοι*) без какого-либо детального их определения, а потому и считать их обязательно объединениями навклеров у нас нет никаких основа-

¹ Сообщаемое тут же Страбоном сведение, что пиратов „иногда принимают и боспорские правители, доставляя им возможность бросать якорь, выставлять и продавать награбленное“, не следует понимать в том смысле; что боспорские цари (см. Колобова, 89, 93) „временами входили в соглашение с пиратами, устраивая для них особые гавани и скупая награбленный товар“; что „среди родовитых боспорских купцов“ существовало „узаконенное пиратство“. Страбон лишь отмечает, что пираты иногда торговали награбленным добром и что боспорское правительство смотрело на это сквозь пальцы. Боспорское правительство своими силами не было в состоянии бороться с пиратством, римский же флот крейсировал в Черном море лишь периодически. Утверждение Колобовой, 88, основанное на свидетельстве Флавия Иосифа, В. jud., II, 16, 4, будто боспорские корабли были „военного типа“, основано на недоразумении: у Флавия Иосифа речь идет не о боспорских, а о римских кораблях.

ний: как бы ни было широко развито на Боспоре купеческое дело и связанное с ним судовладение, нельзя же предполагать, что все свободное население боспорских городов, в том числе Танаиса, состояло из одних только навклеров и эмпоров, которые к тому же составляли обязательно объединения. Поэтому неосмотрительно было бы утверждать, что боспорские надписи, заключающие списки членов синодов и фиасов, подразумевают под последними объединения негреческих навклеров или эмпоров или тех и других.

Несколько слов об археологическом материале, привлекаемом сюда же (о нем у Колобовой, 60 сл.). На росписях двух керченских склепов изображены корабли с экипажем и без него. Даже если и согласиться с тем, что эти корабли, не являясь воспроизведением погребального корабля, символизируют профессиональные занятия погребенных в склепах лиц, то и в таком случае мы имели бы право говорить только о том, что эти лица при жизни были навклерами.¹ Но из этого еще нельзя обязательно выводить заключение, что и в Пантикапее было объединение навклеров, подобное горгипийскому.

¹ Реальная передача кораблей делает честь художнику, с сознательностью отнесшемуся к данному ему заказу — воспроизвести бытовую обстановку, связанную с деятельностью навклера; но что говорит о том, что захороненный навклер принадлежал обязательно к числу богатых и знатных судовладельцев-торговцев (Колобова, 65)?

Новые эпиграфические памятники Боспора

Ю. Ю. Марти

1. Посвятительная надпись Аполлону Врачу

Плита из глинистого сланца, ширина 0,60, высота 0,33, толщина 0,80, с четырехстрочной надписью на боковой стороне. Выемки на верхней плоскости плиты говорят о том, что она служила постаментом статуи.

Плита найдена в районе бывшей турецкой крепости в Тамани, недалеко от Пуленцовского раскопа, 11 апреля 1926 г., на глубине 2,84 м. Надпись написана красивым, характерным шрифтом IV до н. э. Высота букв 0,025—0,02.

Δημοφῶν, Ἐργίνο[υ] ἀνέθηκεν ὑπὲρ τῆς γυναικὸς
 Ἄχιος, Ἀπόλλωνι Ἰητρῶ ἄρχοντος Λεύκωνος
 Βοσπόρο[υ] καὶ Θεοδοσίης καὶ βασιλεύοντος
 Σινδῶν καὶ Τορετῶν καὶ Δανδαρίων καὶ Ψησῶν

Перевод: Демофонт, сын Эргина, посвятил за свою жену Акию Аполлону Врачу при Левконе, архонте Боспора и Феодосии, царе синдов, торетов, дандариев и псессов.

Это 6-я посвяtitельная надпись Аполлону Врачу, найденная в пределах Боспорского царства. Следующая таблица дает сводку данных относительно этого культа:

1	IosPE, II, № 6	Стратокл, сын Динострата	за бывшего жрецом отца	Керчь	Левкон I
2	IosPE, II, № 10	Сатирион, сын Патека	бывший жрец	Керчь	Перисад I, сын Левкона
3	IosPE, II, № 15	Левкон, сын Перисада	бывший жрец	Керчь	Перисад II, сын Спартока
4	IosPE, II, № 348	Феофан, сын Сапха	бывший жрец	Ст. Сен- ная	Спарток III, сын Евмела
5	ПАК, в. 58, № 1	Каллон, сын Каллона	бывший жрец	Тамань	Перисад, сын Пе- рисада (220—150).
6		Демофонт, сын Эргина	частное лицо	Тамань	Левкон I

В четырех случаях посвящение совершает жрец по истечении срока своей выборной должности, однажды сын за отца, бывшего жрецом; в издаваемой надписи посвящение совершает частное лицо — Демофонт, сын Эргина, за свою жену Акию. Кто такие Акия и Демофонт? Несомненно, это представители богатой торговой знати местного рабовладельческого общества, часто выступавшей в роли щедрых жертвователей храмам местных божеств.

Имя „Акия“ упоминается еще в другой посвячительной надписи в честь Афродиты. Надпись найдена также в Тамани и также относится к IV в. до н. э.¹ Упоминаемая здесь Акия, вероятно, дочь Перисада I. Вполне возможно, что эта Акия идентична с Акией, женой Демофонта в разбираемой надписи.

ΜΟΦΩΝΕΡΓΙΝΟΑΝΕΟΝΚΕΝΥΓΕΡΤΗΞΓΥΝΑΙΚΟΣ
 ΑΚΙΟΣΑΠΟΛΛΩΝΙΗΝΤΡΩΙΑΡΧΟΝΤΟΣΕΛΕΥΚΩΝΟΣ
 ΒΟΣΠΟΡΟΚΑΙΘΕΥΔΟΣΙΝΞΚΑΙΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ
 ΞΙΝΔΩΝΚΑΙΤΟΡΕΤΩΝΚΑΙΔΑΝΔΑΡΙΩΝΚΑΙΥΗΣΞΩΝ

Рис. 1.

Кульτ Аполлона Врача пользовался, как видно из посвячительных надписей на Боспоре, особым покровительством Спартокидов; при Перисаде, сыне Спартока, обязанности жреца выполняет царевич Левкон.

Очевидно, на эту должность избирались только представители торговой родовой знати, выселившейся из дальней Ионии и занесшей в Причерноморье культ Аполлона Врача. Культ этот существовал за все время существования династии Спартокидов. После Митридата имя Аполлона Врача ни разу не упоминается в боспорских надписях. Окончательно отмирает культ Аполлона на Боспоре во II в. н. э. В № 351 IosPE, II, упоминается Аполлон *ἀτελής* в Диоклах, предместьи Фанагории, в № 422 IosPE, II, Аполлон в Танаиде.

Центром распространения его культа и храмов были Пантикапей, Гермонасса, Фанагория.

II. Посвячительная надпись Аполлону Дельфинию

Плита из плотного известняка. Высота наибольшая 0,42, длина 0,53, толщина 0,13, найдена в Тамани в декабре 1929 г., также в районе бывшей турецкой крепости, недалеко от

¹ ИАК, вып. 18, стр. 125—126.

места, где в 1928 г., был найден постамент статуи Аполлона Врача. На камне красивым шрифтом IV в. до н. э. вырезана надпись в пять строк; позднее в целях использования плиты для строительных надобностей на поверхности ее высечены были выемки для скрепы; кроме того, отбита нижняя часть и кусок правой стороны, вследствие чего уничтожены концы всех пяти строк надписи.

Надпись, однако, почти целиком может быть восстановлена по аналогии с другими надписями царя Левкона I.

В 4-й строке, очевидно, нехватает имени синдов, в 5-й — псессов. Так как 3-я строка заканчивается словом Βοσπόρο, а в 4-й перед καὶ βασιλεύοντος имеется место для 4 букв, то за Βοσπόρο в конце 3-й строки надо читать καὶ Θεοδοσίης, с переносом на 4-ю строку. Трудно дополнить 1-ю и 2-ю строку, где, вероятно, указывалось, что посвящалось Аполлону и за кого. Незначительная

Рис. 2.

толщина плиты — 13 см — говорит за то, что надпись была вделана в стену здания или храма, посвященного Аполлону Дельфинию.

Φαίδιμος Φαινίππο[υ] ἀνέ[θηκεν.....]
 Ἀπόλλωνι Δελφινίῳ [.....ἄρ-]
 χοντος Λεύκανος Βοσπόρο καὶ Θεοδο-
 σίης] καὶ βασιλεύοντ[ος Σινδῶν καὶ]
 Τορετέων καὶ Δανδα[ρίων καὶ Ψησῶν]

Перевод: Федим, сын Фениппа, посвятил... Аполлону Дельфинию при Левконе, архонте Боспора и Феодосии, царе синдов, торетов, дандариев и псессов.

Надпись представляет значительный интерес, так как впервые устанавливает наличие культа Аполлона Дельфиния в Боспорском царстве. До сих пор в северном Причерноморьи был известен культ его только в Ольвии.

Как указывает И. И. Толстой, „Аполлон Дельфиний стоит в тесной связи с морем, являясь покровителем мореплавания и укротителем морских бурь“... „С почитанием Аполлона Дельфиния мы встречаемся преимущественно в торговых и приморских городах Греции“.

Недавно открытая надпись в Тамани указывает, что культ Аполлона Дельфиния в северном Причерноморьи был не только в Ольвии, но и в Гермонассе (ныне Тамань).

Кто же такой Федим, сын Фениппа, сделавший посвящение Аполлону Дельфинию? Это, очевидно, один из представителей богатой торговой знати города Гермонассы, так как торговля теснейшим образом связана с мореплаванием, покровителем которого является Аполлон Дельфиний. Имя Фениппа неоднократно упоминается в надписях IV и III вв. до н. э. Так, двое сыновей Фениппа отмечены в списке граждан Гермонассы IV в. до н. э.¹ Далее, некий Фенипп в царствование Перисада (348—343 гг.) совершает посвящение за брата своего.² Не исключена возможность, что эти лица идентичны с Фениппом, упоминаемым в нашей надписи. Далее, дочь Федима при царе Спартоке II³ совершает посвящение Афродите. Считаясь с преемственностью имен в знатных греческих семьях, мы, во всяком случае, можем констатировать, что носители имен Федим и Фенипп — представители верхов богатого класса в крупном торговом городе Гермонассе.

III. Посвятительная надпись из Китея богу гремящему милостивому

Надпись кититов издана уже в 1922 г. В. В. Латышевым с обширным комментарием,⁴ но только на основании карандашного наброска, сделанного в записной книжке В. В. Шкорпиллом. Таким образом, надпись могла быть издана Латышевым только *minusculis*, правда, с дополнительными примечаниями проф. Никитского на основании эстампажа и негатива, высланных К. Э. Гриневичем.

Ввиду значения этого эпиграфического памятника, освещающего быт небольшого провинциального городка Боспора в III в. н. э. мы переиздаём надпись, дав точное факсимиле ее на основании фотографии и эстампажа.

Необходимо также выявить назначение плиты с надписью. Ни Латышев, ни Никитский не имели сведений о двух красиво изваянных постаментах, на которых, как вполне доказано, покоилась плита с надписью.

Необходимо, наконец, на основании данных, проверенных опросом рыбаков, нашедших плиту, и осмотра городища, где сделана находка, точно зафиксировать на карте местонахождение городища Китея.

Надпись высечена на узкой фронтальной части большой

¹ ИАК, вып. 54, стр. 68—69.

² IosPE, II, № 8.

³ IosPE, II, № 349.

⁴ Известия ГАИМК, 1922 г., т. II. Надпись издана также в *Supplementum epigraphicum graecum*, II, 481.

широкой плиты из керченского известняка, разбитой на две части. Длина ее 1,35, ширина 0,52—0,55, высота 0,15—0,17. Верхняя широкая площадь плиты снабжена с трех сторон невысоким бортиком; четвертой стороной без бортика плита, очевидно, была прислонена к стене. Принимая во внимание, что два красиво изваянных в виде кариатид постамента, найденные вместе с плитой, как нельзя лучше подходят к ней, естественно сделать вывод, что перед нами каменный стол, имеющий прямое отношение к упоминаемому в надписи храму и одной стороной к нему прислоненный.¹

Реставрированный храмовый стол, несомненно, представляет художественное скульптурное произведение Боспора начала III в. н. э. Оба постамента изваяны в виде своеобразных фигур кариатид, состоящих в верхней части из женских бюстов с красиво зачесанными прядями волос и особыми приспособлениями на голове для ношения тяжестей; внизу постаменты переходят в стилизованные когтистые лапы хищного зверя; посередине орнамент из листьев аканфа. Судя по сохранив-

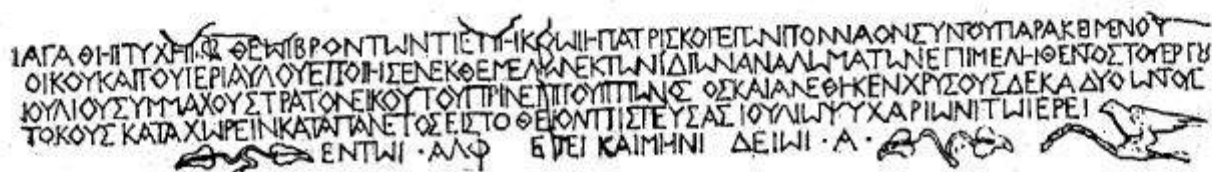

Рис. 3.

шимся очертаниям двух лошадей и всадника на правой подставке, плита, очевидно, первоначально предназначалась для надгробия, а впоследствии была обработана в виде постамента стола. Таким образом, стол, несомненно, из местного камня и сработан в местной, скорее всего пантикапейской мастерской. Необходимо отметить интересный факт, что, несмотря на общий упадок скульптурного мастерства на Боспоре в области изготовления надгробий с рельефами уже в начале II в. н. э., могли в III в. в местных мастерских изготовить подобное скульптурное произведение. Очевидно, памятник выполнен специальным мастером по заказу высокопоставленного лица.

Переходим к рассмотрению самой надписи. Надпись в пять строк высечена по линейкам красивым угловатым квадратным шрифтом; свойственным II—III вв. н. э. на Боспоре. Высота букв 0,025. Следует отметить многочисленные случаи вязи, применяемой в надписи резчиком. Вязь O и Y в виде Θ встречается часто в христианских надгробных надписях Бос-

¹ Бюллетени Керченской археологической конференции. Ю. Ю. Марти, О надписях, поступивших в Керченский музей древностей в 1917—1926 гг. Подробности о находке плиты с китейской надписью и проект реставрации храмового стола из плиты и найденных одновременно подставок, 1926 г., Керчь.

пора. Орфографически надпись, как официальный документ почти безукоризненна. Допущены следующие ошибки: черточка I поставлена в надписи два раза излишне; два раза пропущена иота adscriptum в словах Ἰουλίῳ и τῷ. Начертание альфы двойное: с изломанной переключиной преобладающее и два раза с прямой. Сигма имеет по большей части форму Σ и однажды [.

В надписи применяются, отчасти в целях интерпункции, отчасти в целях орнаментальных, листочки, свойственные официальным надписям римского времени. Так, в первой строке начальные слова Ἀγαθῆ τήχη отделяются от следующего текста небольшим листком. Кроме того, в начале и в конце 5-й строки симметрично вырезано по веточке из двух листков, заполняющих остающееся пустое место. В этих же целях свободное место вправо от надписи заполнено рельефным изображением орла, сидящего на ветке или на змее.

Ἀγαθῆ τήχη. Θεῷ βροντῶντι ἐπηκόῳ ἢ πατρὶς Κοιταειτῶν
 τὸν ναὸν σὺν τοῦ παρακειμένου
 οἴκου καὶ τοῦ περιούλου ἐποίησεν ἐκ θεμελίων ἐκ τῶν ἰδίων
 ἀναλωμάτων ἐπιμεληθέντος τοῦ ἔργου
 Ἰουλίου Συμμάχου Στρατονείκου τοῦ πρὶν ἐπὶ τοῦ ἵππῶνος,
 ὃς καὶ ἀνέθηκεν χρυσοῦς δέκα δύο, ὧν τοὺς
 τόκους καταχωρεῖν κατὰ πᾶν ἔτος ἐς τὸ θεῖον πιστεύσας
 Ἰουλίῳ Ψυχάρῳ τῷ ἱερεῖ
 Ἐν τῷ αλφ' ἔτει καὶ μηνὶ Δεῖῳ α

Приводим перевод надписи, сделанный Латышевым:

Перевод: С добрым счастьем. Богу гремящему внемлющему патрида кититов на собственное иждивение построила от основания храм с прилежащим домом и оградой, при заведывании работой Юлия Симмаха Стратоникова, бывшего начальника конюшни, который кроме того вложил двенадцать золотых, проценты с которых доверил жрецу Юлию Психариону употреблять ежегодно на священные нужды. В 531 году, 1-го числа месяца Дия.

В разбираемой надписи мы имеем, в добавление к прежним эпитетам безыменного божества, культ которого поддерживался многочисленными фиасами и синодами в боспорских городах (ἐπήκοος, ὕψιστος, παντοκράτωρ, εὐλογητός, δίκαιος), новый эпитет его βροντῶν. Эпитет этот, прилагаемый к Зевсу, встречается в Малой Азии и в особенности во Фригии, родине культа Сабазия.¹

Культ безыменного всевышнего божества, как это выяснено исследованиями о религиозных фиасах на Боспоре (Помялов-

¹ Pauly — Wissowa, Real-Encyclopädie, 1 A, 1543. βρογγῶν.

ского, Латышева, Ростовцева и Новосадского) — культ синкретический; он включает в себе элементы культов Зевса, Сабазия и иудейского Иеговы. Как интенсивно шло смешение культов уже во II в. до н. э., видно из сообщения историка Валерия Максима об изгнании евреев за пропаганду культа бога Сабазия.¹

Наличие культа Зевса-Сабазия с чертами иудейского монотеизма для Боспора доказано. Орла и змею, главные атрибуты Сабазия, мы видим на стенной живописи керченских склепов.² Изображение орла, а возможно и змеи, мы имеем и на нашем памятнике. С другой стороны, влияние иудейской религии на боспорские фисасы и синоды доказано Шюрером (*Die Juden im Bosporianischen Reiche*). Отсюда эпитеты божества *ἕψιστος*, *παντοκράτωρ*, *εὐλογητός* и другие.

Содержание надписи дает интересную картину быта позднего Боспора. Отчизна кититов построила от основания богу гремящему милостивому новый храм. Бывший шталмейстер при дворе, Юлий Симмах Стратоников, заведывавший постройкой храма, является щедрым жертвователем, передавшим жрецу Юлию Психариону 12 золотых, проценты с которых предназначаются на нужды храма.

Почему Юлий Симмах так горячо печется о постройке и благоустройстве храма? Очевидно, термин „πατρίς“ имеет, помимо значения административного, еще первоначальный смысл отчизны. Только в таком случае становится понятным, почему так тяготеет в Китею Юлий Симмах. Он когда-то исполнял при дворе своего „сюзерена“ должность заведующего царской конюшней; сложив с себя эту придворную должность, он возвращается в родной Китей. Чем он заинтересован? Полагаю, что мы не ошибемся, предположив, что он, как уроженец Китея, связан тесными экономическими узами с этим местом. Он — помещик, владеющий земельными угодьями в Китейском районе и эксплуатирующий закрепощенное туземное население (о прикреплении к земле местного населения на Боспоре мы имеем документ,³ относящийся к 151 г. н. э.).

Преданный идее постройки храма, Юлий Симмах делает щедрый вклад, жертвуя 12 золотых, проценты с которых должны пойти на храм. Не приходится сомневаться в том, что он член религиозного фисаса в Китее, нашедший поддержку своей идее у китейской знати. Что такая знать существовала в Китее, об этом говорят многочисленные склепы, высеченные в скалах возвышенности, окружающей Китей. Склепы эти (с живописью и письменами) относятся к II—III в.

¹ Roscher, *Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*, IV, стр. 240.

² Ростовцев, *Античная декоративная живопись Юга России*, табл. XCIX и XCVII.

³ *IosPE*, II, № 353.

н. э. и подтверждают зажиточность верхушки правящего класса.¹

Главнейшие выводы, вытекающие из разбора содержания китейской надписи, следующие:

1. Под руководством Юлия Симмаха китейская община воздвигла храм безыменному божеству, культ которого пользовался покровительством царствующей династии.

2. В Китее, как и в других центрах Боспора, существовал *фиас* или синод, поклонявшийся безыменному божеству.

3. В состав *фиаса* входила местная земельная знать, в том числе и строитель храма Юлий Симмах, местный помещик.

4. Храм при содействии жреца охватывал своим влиянием местное население, эксплуатируя его выдачей ссуд за проценты.

Остается еще вопрос о местонахождении Китея. Вопрос подробно разбирается Латышевым.² Здесь указывается на мыс Яныш-Такил и деревню Кыз-Аул, как на местоположение Китея. На карте Латышева при сборнике IosPE, II, также Китей обозначен у деревни Кыз-Аул. Предположения эти не оправдались. На самом деле проверка на месте городища, где был найден храмовый стол и мраморные часы, выяснили, что Китеем надо считать небольшое городище, которое до сих пор отождествлялось ошибочно с Акрой. Местоположение его на берегу моря, недалеко от скалы Скирды, возле завода Рыбтреста, между маяками Такильским и Кызаульским, в 3 километрах от татарской деревни Коп-Такиль.³

IV. Вотивный рельеф с изображением Кибелы из Нимфея

Плита из местного известняка с верхней орнаментальной частью в виде схематизированного фронтона с акротерием сверху. Размеры плиты: высота 0,46—0,40, ширина 0,35—0,36, толщина 0,10. Плита найдена крестьянином Притулой в деревне Эльтиген, за пределами древнего Нимфея, в районе его некрополя в 1929 г. (рис. 4). В четырехугольном обрамлении высечен рельеф из трех фигур, представляющий почти полное совпадение с рельефом вотивной плиты (рис. 5), опубликованной В. В. Шкорпиллом в сборнике в честь Иосифа Кроля.⁴ Плита хранится в Керченском музее.

Рельеф новой плиты изображает восседающую на троне богиню в высоком головном уборе. На лоне ее возлежит льве-

¹ Ю. Марти, Раскопки городища Китея в 1928 г., Известия Таврического общества истории, археологии, этнографии, т. III.

² Известия ГАИМК, т. II, 1922 г., стр. 86—88.

³ Ср. Ю. Ю. Марти, „Городища Боспора к югу от Керчи“ и „Раскопки Китея“ в Известиях Таврического общества истории, археологии и этнографии, вып. II и III.

⁴ Škorpil, Kybelin kult v říši Bosporské, Praha, 1913 г., стр. 199.

нок. Слева у ней большой тимпан, в правой руке богиня держит чашу. Справа от трона Гермес в коротком безрукавном хитоне и плаще, с петасом на голове и с энохоей в правой руке, из которой он собирается совершить возлияние; слева от богини юная Геката в коротком пеплосе, с двумя пылающими факелами в руках. Описываемый рельеф представляет довольно точную копию рельефа, опубликованного Шкорпилом, но несколько меньших размеров. Расхождение только в некоторых деталях: в изображении факелов, в положении петаса, положении руки, в которой Гермес держит кувшин, внешнем архитектурном оформлении. Более упрощенная орнаментика нового обетного рельефа, сводящаяся к схематизированному фронтону с акротерием, меньшие размеры, худшее выполнение — заставляют предполагать, что эльтигенский рельеф скопирован мастером с пантикапейского. Оба рельефа без надписей, но рельеф на них выпуклый, достаточно жизненный, и поэтому может быть отнесен к I в. до н. э. Несомненно, культ великой фригийской матери богов имел распространение и в Нимфее.

Рис. 4.

Культ фригийской богини весьма рано проник на Боспор. Уже в III в. до н. э. мы имеем официальные документы о посвящении ей статуи.¹ Из статуй и статуэток богини особенно выдается статуя, найденная керченским гражданином Скасси на горе Митридате в 20—30-х гг. прошлого столетия, хранящаяся ныне в Эрмитаже.² Статуя найдена у 1-го кресла Митридата, где до сих пор видны следы постройки, высеченной в скале. Принимая во внимание, что центральным местом культа Кибелы был Пантикапей и что богиня в связи с этим в лексиконе Гезихия называется „Κιμμερική θεά“ — Киммерийской богиней, весьма правдоподобно пред-

¹ IosPE, II, №№ 16, 17.

² Ашик, Боспорское царство, III, стр. 51.

Рис. 5.

надпись (высота букв 0,017—0,011), от коей сохранилось 9 строк, 10-я, верхняя, сохранилась отчасти.

.....
 του ἀφίημι ἐπὶ τῆς προσευ-
 χῆς Ἐλπιά[υ]... Α.. ΤΗΣΘΡΕΠΤ::
 ὅπως ἐστὶν ἀπαρενόχλητος
 καὶ ἀνεπίληπτος ἀπὸ παντός
 κληρονόμου χωρὶς τοῦ προσ-
 καρτερεῖν τῇ[ι] προσευχῇ[ι] ἐπι-
 τροπευούσης τῆς συναγω-
 γῆς τῶν Ἰουδαίων καὶ θεῶν
 σέβων

Перевод:... отпускаю в молельне Эльпия,... вскормленницы с тем, чтобы он не был тревожим и захватываем никаким наследником, при условии пребывания его при молельне под опекой синагоги иудеев и почитания бога.

Надпись — акт манумиссии, т. е. отпущения на волю раба, в данном случае в иудейской синагоге. В утраченной части надписи, по аналогии с другими актами манумиссии, отмечалась точная дата с именем правящего лица, далее указыва-

положение Шкорпила, что храм богини находился на самом высоком месте пантиканейского акрополя, у так наз. 1-го кресла Митридата.

V. Манумисия

Мраморная плита почти квадратной формы, сверху отбитая, посредине иссеченная острым орудием.

Высота — 0,32, ширина — 0,37, толщина — 0,115—0,075, найдена в Керчи осенью 1928 г. во время рытья большого котлована на Магазиновой улице, на весьма близком расстоянии от греческой церкви, на глубине 3 м культурного слоя.

На плите высечена

лось лицо, отпускавшее раба на волю. Формула акта в общем соответствует обычной формулировке манумиссий. Новое, что дает надпись, это выражение θεὸν σεβῶν для иудейского Иеговы. Имя отпускаемого на свободу раба Эльпий. Повидимому, он сын вскормленницы. Строка с именем отпускаемого на волю не поддается полному восстановлению.

Рис. 6.

Актов манумиссий на Боспоре насчитываем 11. Юридический акт отпущения раба на волю совершался при храме языческом, в синагоге иудеев и в храме „всевышнего божества”. Самый ранний акт манумиссии относится к 16 г. н. э., самый поздний в царствование Савромата III (229-30—232-3). Наибольшее количество актов отпущения на волю рабов падает на I в. н. э.

	Дата	Имена рабов
IosPE, II, № 364	16 г.	Дионисий
IosPE, II, № 400	41 г.	Хриса
IosPE, IV, № 204	57 г.	—
ИАК, в. 27, стр. 38, № 34	59 г.	—

*

	Дата	Имена рабов
ИАК, в. 45, стр. 10, № 2	79 г.	
ИАК, в. 49, стр. 64, № 2		
IosPE, II, №№ 52—53	81 г.	Ираклий, Эрмий
IosPE, II, № 401	92—123	Дорей
ДАН, 1930 г. стр. 224, сл.	103-4 г.	Филодеспот
IosPE, II, № 54	229-30—232-3	Фаллуса
Разбираемая надпись	I в. н. э.	Эльпий

Отпущение рабов на волю представляет характерные симптомы будущего уничтожения рабства в рабовладельческом обществе, которое, несомненно, началось еще в эпоху эллинизма на Боспоре, но проявилось особенно ярко в I в. н. э.

VI

Надгробие, высотой в 1,54, шириной в 0,54—0,53, толщиной в 0,195, принявшее коричневую окраску от рудоносной земли, в которой оно лежало, переломанное в двух местах; найдено во время рытья канавы для водопроводных труб по Феодосийскому шоссе в 1929 г. за хутором Васильевых.

Надгробие украшено сверху карнизом, под которым высечен фронтон с большими гладкими акротериями на больших базах; над фронтоном две розетки, в центре его диск, под ним три розетки.

Рельеф изображает всадника на спокойно стоящем жеребце, обращенном вправо. Пожилой всадник одет в куртку, штаны и свисающий с плеч плащ. Правой рукой он держит поводья, левой — рукоятку длинного меча, вдоль правой ноги прикреплен короткий кинжал в ножнах, за седлом висит огромный горит с луком. У лошади грива подстрижена городками, хвост подрезан, на передней и задней ноге лошади вырезаны тамги (рис. 7а), из них знак № 1 на передней ноге несомненно принадлежит тамге династии

Рискупоридов.¹ Знак № 2 на задней ноге лошади, вероятно, фамильная тамга.² Позади первого всадника высечена передняя часть другого всадника на постаменте. Перед главным всадником мальчик, подающий ему канфар правой рукой и держащий в левой другой канфар. Эта традиционная фигура отрока-прислужника подчеркивает идею обоготворения покойника. Под рельефом 11 строк красиво вычерченной по линейкам надписи религиозного фиаса (высота букв 0,04—0,05).

Ἡ σύνοδος ἡ περὶ συναγωγῶν Μάην Καλλιθένου καὶ φιλάγαθον Ἐρωτα Ἀντισθένου καὶ παραφιλάγαθον Θεαγένην Νόθου καὶ τῶν λοιπῶν διασ[ει]τῶν
 Ἄτταν Τρύφωνος τὸν ἴδιον συνοδείτην
 μνήμης χάριν

Перевод: Сход, имеющий во главе сводителя Мая Каллисфенова и добролюба Эрота Антисфенова, и товарища добролюба Феагена Нофова, и из остальных членов фиаса Атта Трифонова своего сочлена памяти ради.

Все имена участников религиозного фиаса обычны для танаидских и горгиппийских коллегий. Имя погребенного — Ἄττας Τρύφωνος — уже встречалось в IosPE, IV, № 283. Последнее надгробие найдено в том же районе, где открыто и описываемое (за Шлагбаумской улицей). Интересно отметить, что и на этом

Рис. 7.

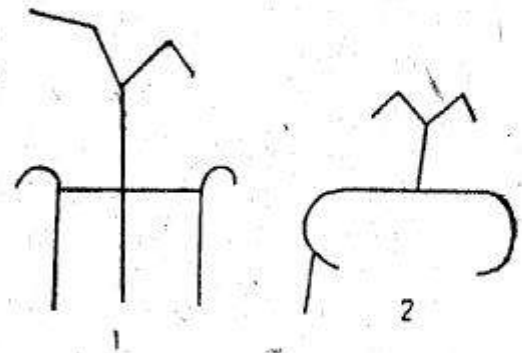

Рис. 7а.

¹ В. В. Шкорпил, О рельефе на памятнике с надписью Евпатерия, ИАК, вып. 37, стр. 1.

² И. И. Мещанинов, Загадочные знаки Причерноморья, Известия ГАИМК, в. 62.

надгробии имеется сарматская тамга, в общем весьма схожая с тамгой на нашем надгробии. Так как оба надгробия и по стилю букв, и по характеру обработки рельефа должны быть отнесены к II в. н. э., то вполне естественно сделать заключение, что речь идет об одном и том же лице, которому поставили надгробную стелу и родственники его, и товарищи фиаситы. Два надгробия, одному лицу поставленные, отмечает и Вацингер в своем сборнике надгробий, №№ 454 и 455. Тамга царствующей династии на обоих надгробиях, быть может, указывает на принадлежность к царскому отряду.

VII

Плита из крупнозернистого рассыпчатого известняка, разбитая на две части, обломанная сверху и снизу, высотой в 0,48—0,45, шириной 0,57, толщиной 0,23—0,21. Средняя величина букв, окрашенных в красную краску, 0,06. Буквы вырезаны по линейкам. Пять строк сохранилось целиком, верхняя и нижняя отчасти. Надгробие найдено 26 апреля 1923 г. надсмотрщиком Димиденко в поле кургана по нижней дороге в деревню Джаржаву у подошвы Митридата.

.....
 γον Ζαβάργο[υ]
 καὶ οἱ λοιποὶ συν-
 [ο]δεῖται Γάϊον
 Φούρτα ἀνέ-
 στησαν τῆ[ν]
 [στήλην μνήμης
 χάριν]

Перевод: [Сход, имеющий во главе и] Забаргова и остальные члены схода Гаю Фуртову воздвигли стелу памяти ради.

Перед нами погребальная стела, поставленная членами религиозного схода, поклонявшегося безыменному всевышнему божеству, умершему члену своему Гаю, сыну Фурты. Список должностных лиц, возглавлявших рассматриваемый религиозный сход, не дошел до нас, сохранился только конец имени погребенного: примерно, Ζάβαργον, Σεύραγον. Ζάβαργος — имя, встречающееся в танаидских фиасах,¹ в боспорских впервые. С этим именем следует сопоставить имя Ζάβαργος в надписи Ζάβαργος Γάϊον, написанное красной краской на стене одного китейского склепа, открытого Керченским музеем в 1929 г., и Ζαβάργιος, в горгинопийской надписи.² Имя погребенного Γάϊος Φούρτα Φούρτας также отмечено в списках танаид-

¹ IosPE, II, №№ 438, 440, 446.

² IosPE, II, № 402.

ских коллегий.¹ Следует отметить особое начертание сигмы Σ вместо Σ наряду с закругленной формой Θ .

К какому времени относится разбираемая надпись? Техника надписи красной краской, отсутствие рельефного рисунка, новые сарматские имена *Záβapγos* и *Φούpτac*, особенности шрифта — все указывает на позднее происхождение разбираемого религиозного памятника. По аналогии с другими надгробиями фиаситов без рельефов² изучаемый памятник следует отнести к началу III в. н. э. Очевидно, к этому времени должно приурочить усиление сарматского элемента как в Танаиде, так и в самом Пантикапее.

Боспорские фиасы и синоды представляют характерное явление на фоне феодализации Боспора во II—III вв. н. э. На первый план в этих корпоративных объединениях граждан выдвигается религиозная идея: культ всевышнего божества с стройной иерархией должностных лиц.

Фактически это вассальные военные отряды местных фео-

далов, мобилизующихся вместе с прикрепленным к их земле земледельческим населением по принципу территориальности.

Рис. 8.

VIII

Красивая надгробная плита, тщательно отесанная, расширяющаяся книзу, украшенная кимой и карнизом, с 3 небольшими акротериями, уподобляющими верхнюю часть надгробия черепичной крыше с антефиксами. Нижняя часть отбита. Высота 1,01, ширина 0,40—0,50, толщина 0,12. Под карнизом надпись в две строки:

Zóilos Зоил
[Σ]πίpθων. Спинфону

Первая буква второго имени повреждена. Высота букв 0,05—0,03. Оба имени, и *Zóilos*, и *Σπίpθων*, новые, не отмеченные в боспорской эпиграфике. Интересно отметить формулу эпита-

¹ IosPE, II, №№ 451, 452.

² ИАК, в. 10, №№ 23, 24, 25; в. 37, № 1, стр. 1.

фии с дат. падежом.¹ По стилю надгробие аналогично № 47 и № 51 в сборнике Вадингера „Griechische Grabreliefs aus Südrussland“. По всем данным, изучаемое надгробие должно быть отнесено к IV в. до н. э. и, судя по тщательной отделке

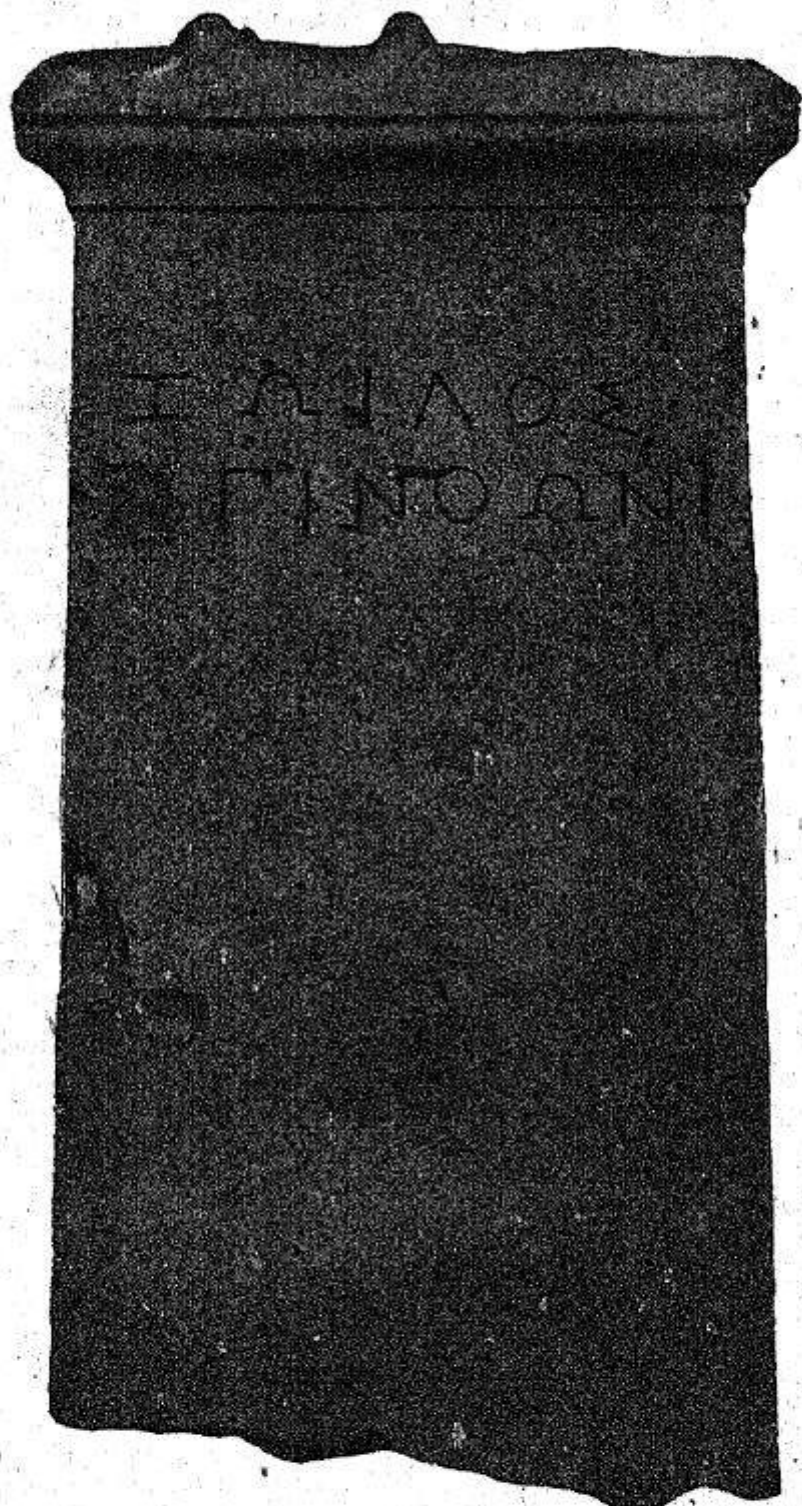

Рис. 9.

и изящной простоте формы, принадлежит знатному зажиточному гражданину.

Надгробие найдено 30 марта 1927 г. во время раскопок древнего кладбища во дворе № 86 по Карантинной ул. (ныне ул. 1-й Домны), но не *in situ* и не как покрытие позднейшей гробницы, а брошенное и не использованное вторично. Данное надгробие типично для древнейших надгробий Боспора. Надгробия эти отличаются простотой формы и отсутствием рельефов. В IV в. до н. э. мастерские Боспора копируют простейшие афинские образцы с архитектурными и растительными орнаментами, без человеческих фигур.

IX

Надгробная стела с утолщенной нижней частью для закрепления в земле. Высота 0,99, ширина 0,32 — 0,34, толщина 0,15. Украшений ни-

каких. В верхней части стелы двустрочная надпись. Высота букв 0,04—0,03.

¹ Зап. Одесского общ., XXVIII, 388 зас., 11 стр. Нимфейское надгробие того же времени: Πολέμαρχος ἔσθη σεν Ἰσωκράτει τῷ Ἀχιλλῆι.

Невзрачное, грубо сработанное надгробие найдено в некрополе Китея и служило покрытием разоренной могилы, в которой оказались чернолаковые черепки. Χανάκης туземное имя, уже отмеченное Шкорпиллом в таманской надгробной надписи.¹ Надгробие, несомненно IV в. до н. э., составляет разительный контраст по своей простоте и безыскусственности с изящным надгробием знатного пантикапейца Зоила и характеризует незатейливое производство сельской местности, где не могло быть искусных каменотесов и скульпторов.²

Х

Надгробная плита. Высота 0,93, ширина 0,47—0,44, толщина 0,11. Найдена в 1927 г. на Карантинной ул. (ныне ул. 1 й Домны) дом № 86, бывший д. Гросса.

Надгробие, слегка расширяющееся книзу, в нижней части справа обломанное, сверху украшено карнизом, под которым рельефный фронтон с круглыми плоскими акротериями по углам на изогнутых волнистых базисах. Над покатостями фронтона по двойной розетке о 8 лепестках. Внутри фронтона простая розетка с таким же количеством лепестков.

Под фронтоном квадратное расширяющееся книзу углубление, в котором изваяны бородатый мужчина с волнистыми кудрями, в куртке, отороченной мехом, опоясанный, в узких штанах и сапожках, с наброшенным сверху плащом, подающий правую руку женщине, одетой в хитон, корсаж, высокий головной убор и гиматий.

Справа от женщины уродливая фигура девочки-прислужницы в короткой одежде-безрукавке, подающая цилиндрический сосуд с конусообразной крышкой (шкатулка или корзина, не погребальная урна).

Под рельефом тщательно высеченная по линейкам надпись в две строки. Высота букв 0,025.

Παίρισαλος Ἡρακλείδου
καὶ γυναῖκα Ἄμιν χαίρειτε

¹ ИАК, в. 40, № 20, стр. 107.

² Ср. перилл безыменного автора в „Scythica et Caucasica“, стр. 283: „Итак, от Афинона до Кит живут скифы“.

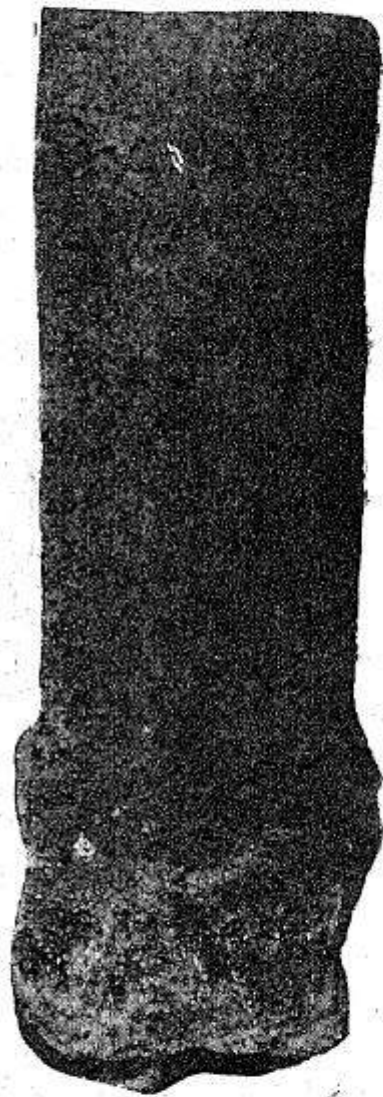

Рис. 10.

Перевод: Перисал Ираклидов и жена (его) Амин, прощайте. Начертание букв А, П, О, тщательная проработка рельефа, архитектурный стиль — все указывает на эллинистическую эпоху, на II в. до н. э. Παίρσαλος — туземное имя, часто встречающееся в римское

время, в эллинистическую эпоху здесь впервые.

К этому времени, III—II вв. до н. э., в мастерских Пантикапея вырабатывается новый тип надгробья с рельефными сценами, сменивший простейшую форму надгробий с анфемиями и карнизом. Рельефные изображения отличаются, как видно по разбираемому надгробью, большим реализмом, передающим все детали быта пантикапейцев. Интересно отметить, что на древнейших рельефах, отличающихся небольшими размерами, почти всегда отсутствуют символические фигуры прислужников и прислужниц (надо полагать, рабов и рабынь), подчеркивающих идею обоготворения покойника. В дальнейшем эти фигуры на боспорских надгробиях становятся каноническими.¹

Рис. 11.

XI

Высокая узкая стела из мрамора, первоначально служившая для строительных целей, сверху срезанная под углом

¹ Ср. Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, XXIII, №№ 335, 336 и 337, XIV, № 217 и др.

в виде фронтона, украшенного внутри розеткой с 8 лепестками. Высота 1,72, ширина 0,36, толщина 0,15. Под фронтоном два рельефа: в верхнем рельефе (площадь поля 0,27 × 0,29) изображена слева от зрителя женщина в траурной позе в хитоне, гиматии, в высоком головном уборе. Вправо от нее двое мужчин, совершенно одинаково одетых в опоясанные куртки, штаны и плащи, подающие друг другу правые руки. Изображение мужчины крайнего справа от зрителя совершенно идентично мужской фигуре вышеописанного надгробья № 10.

Под рельефом надпись в 4 строки вырезана характерным вычурным шрифтом. Высота букв 0,025.

Ἀθηνόκλη(ς) Τιμοθέου
καὶ
πατὴρ Τιμόθεε καὶ
Εὐκλεία, γυναῖκα Τιμοθέου,
χαῖρετε

Перевод: Афинокл Тимофеев, отец Тимофей и Евклия, жена Тимофея, прощайте.

За надписью идет второй рельеф (площадь поля 0,22 × 0,35) с изображением высокой женской фигуры с высоким головным убором, в хитоне и гиматии, слева фигура девочки с цилиндрическим сосудом, покрытым конусообразной крышкой.

Под рельефом двухстрочная надпись:

Εὐκλεία, γυναῖκα Τιμοθέου,
χαῖρε

Перевод: Евклия, жена Тимофея, прощай.

По стилю букв, характерному для ряда стихотворных надписей,¹ надпись должна быть отнесена к I в. до н. э. По типу тщательно сработанных рельефов,

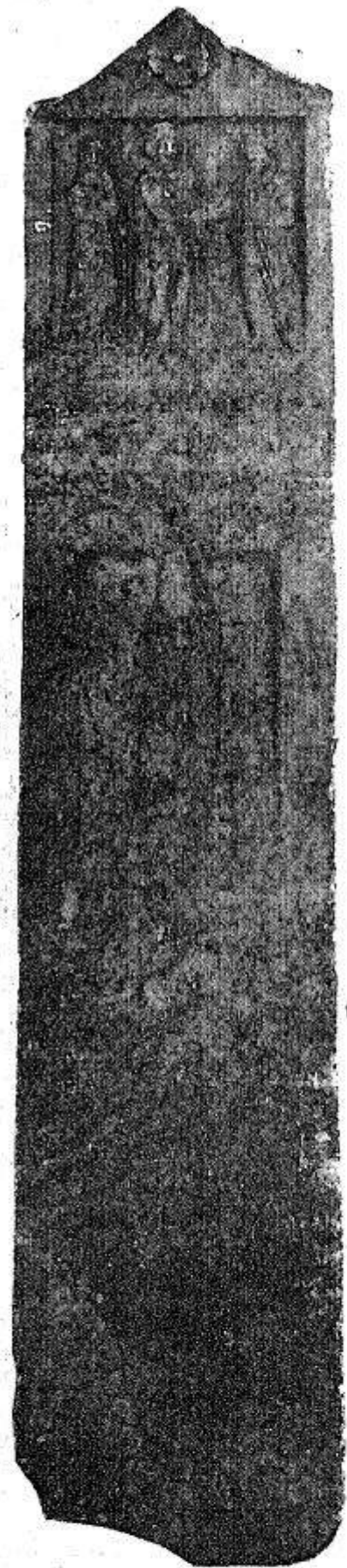

Рис. 12.

¹ Ср. стихотворную эпитафию Аполлония, сына Аполлониева (ИАК, в. 10, № 46) и известную эпитафию Трифониды и ее детей (IosPE, IV, № 218).

весьма близкому к вышеописанному надгробью Перисала, № 10, описываемая стела не может быть позднее I в. до н. э. Надгробие найдено 30 июля 1927 г. во дворе Гросса, д. № 86 по ул. 1-й Домны.

Имена Ἀθηνοκλῆς, Τιμόθεος — обычные имена на Боспоре. Εὐκλεία встречается впервые.

XII. Стихотворная эпитафия Гекатея

Почти квадратная мраморная плита. Высота 0,44, ширина 0,39 и толщина 0,09. Обломана сверху и снизу. Верхняя часть плиты была украшена рельефом, от которого сохранились только две пары ступней. Повидимому, было изваяно изображение мужчины и сопровождающей его фигуры мальчика-прислужника. Под рельефом стихотворная надпись в 4 строки, состоящая из 2 элегических двустиший. Надпись сохранилась целиком. Размер букв 0,015. Читается следующим образом:

Οὐ λόγον, ἀλλὰ βίον σοφίης ἐτυπώσαο δόξαν
αὐτοδαῆς ἱερῶν γινόμενος, κριμάτων,
Εὐδῶν οὖν, Ἑκαταίε, μεσόχρονος, ἴσθ', ὅτι θάσσοι
κόκλον ἀνιήρων ἐξέφυγες καμάτων

Под ἱερὰ κρίματα — священные приговоры — нужно подразумевать решения богов.

Μεσόχρονος — слово новое, не отмеченное ни в словаре Du Cange'a, ни Passow'a; смысл его, повидимому, „средневременный“, т. е. в среднем возрасте. Χρόνος здесь в смысле возраста жизни.¹ Εὐδῶν поэт. вместо χαθεὺδων. В стихотворении отметим старинные поэтические формы: σοφίης, ἐτυπώσαο, γινόμενος.

Перевод может быть приблизительно такой:

Ты запечатлел славу мудрости не словом, а жизнью, добровольно подчинившись священным приговорам. Итак, Гекатей, покоясь в цвете лет, знай, что ты [таким образом] скорее избегнул круга мучительных страданий.

Обычное χαίρει с именем и отчеством покойного отсутствует. Надпись эта могла быть над рельефом или совсем опущена. По стилю букв Ε, Σ, Ω, тщательности письма, материалу памятника, надгробие может быть отнесено или к концу I в. до н. э., или к началу I в. н. э. Плита куплена 20 февраля 1931 г. музеем у некоего Тарабуна, нашедшего ее на Ганькином кургане в степи за садами Булганакской улицы.

Стихотворная эпитафия намекает на безвременную трагическую кончину Гекатея, которой он добровольно содействовал, закрепив таким образом за собою славу высшей мудро-

¹ Ср. Kaibel, Epigrammata graeca, 218. Φράζε τίγος γονέως, σέο τ'οὔνομα καὶ πόσιν αὐδα καὶ χρόνον εἶπέ.

сти не словом только, но и жизнью. Повидимому, Гекатей был ученый или философ.

Интересно сопоставить с этим стихотворением другие стихотворные эпитафии, сочиненные в честь боспорских ученых: 1) филолога Илиодора,¹ 2) грамматика Саввиона, сына Стефана, изображенного на рельефе со свитком в правой руке,² 3) уче-

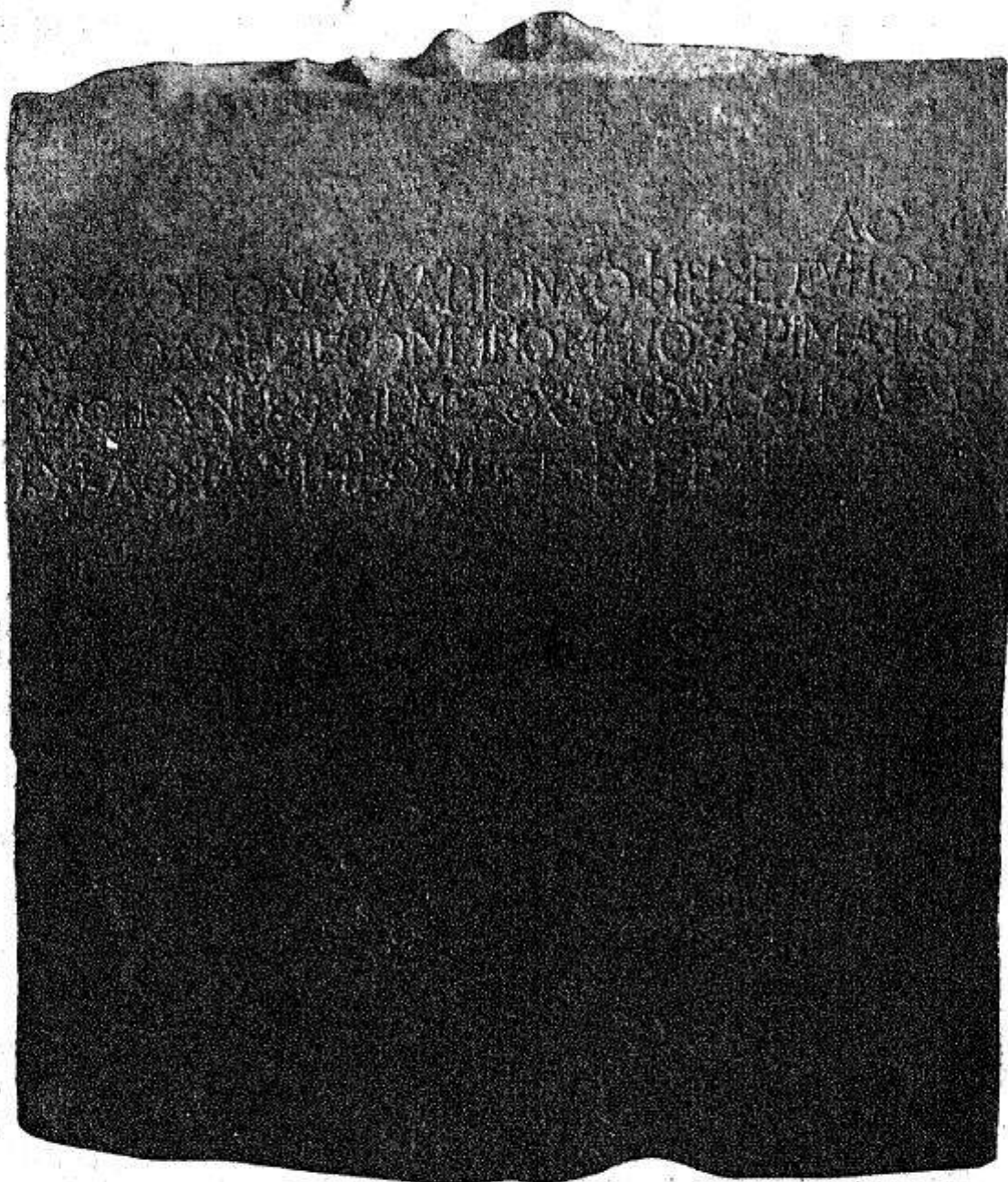

Рис. 13.

ного Стратоника, сына Зенона, которому поставил пышное надгробие его вольноотпущенник Созий. Ученый изображен со свитком в руке стоящим у стола, заполненного рукописями, и одновременно верхом на коне, с оружием в руках.³ Вот та социальная среда, где культивировались наука и поэзия.

¹ IosPE, II, № 86.

² Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, № 523.

³ ИАК, в. 54, № 5.

Рис. 14.

везенной готовой из Амастрии братьями покойного. Этот недостаток теперь восполнен в настоящем издании. Эпитафия ярко выявляет ту тесную живую связь между Пантикапеем и мало-

Боспорские стихотворения, за немногими исключениями, имели целью увековечение памяти покойного. Особенно много стихотворных эпитафий приходится на позднеэллинистическую и римскую эпохи (I в. до н. э. и I—II вв. н. э.). Сочинители стихов обслуживали богатую верхушку торгового класса, тесно связанного экономически с торговыми центрами южного Причерноморья (Амис, Амастрия, Синопа, Гераклея Понтийская), выражая его идеологию и чаяния: благородное происхождение, добрый нрав, особенно часто восхваляемый, и веру в загробную жизнь, которая представлялась в виде плодородных рощ и светлых чертогов героев.

XIII. Стихотворная эпитафия Илиодора, сына Илия

Стихотворная эпитафия Илиодора, сына Илия, была опубликована в „Известиях Таврического общества истории, археологии и этнографии“, I, еще в 1927 г., но без изображения интересной надгробной стелы, по всем данным изготовленной не в местной мастерской, а при-

азиатскими городами, которая наладилась в эллинистическо-римский период в результате усиления торговых сношений при Митридате. Многие выселенцы находили на Боспоре применение своего труда и специальности, и Боспор стал для них второй родиной. Перед нами образы, увековеченные в боспорских стихотворных эпитафиях: престарелого воина Менодора, родившегося в венчанной морем Синопе, изрубившего многие кровавые доспехи супостатов и сраженного копьем в земле боспорской; ¹ купца Христиона, занесенного Гермесом в отдаленную область сираков и преждевременно умершего на чужбине; ² синопца Фарнака, учителя гимнастики, смерть которого оплакивает местный гимнасий. ³

В пышных стихах прославляется добродетель и красота Клеопатры и Теофила, гражданок Амиса и Синопы. ⁴ Таков и амастриец Илиодор, отличавшийся высоконравственными качествами: честностью во всех делах и безукоризненным отношением к друзьям.

XIV

Надгробная стела (высота 1,24, ширина 0,57—0,55, толщина 0,14), переломанная в верхней части по линии головы всадника и обломанная снизу. Под верхним карнизом надгробия фронтоном с 3 гладкими акротериями, переходящими на боковые сто-

Рис. 15.

¹ IosPE, II, № 298.

² ИАК, в. 10, стр. 66, № 69.

³ IosPE, II, № 299.

⁴ IosPE, II, № 286, и ИАК, в. 14, стр. 124, № 47.

роны, на базисах упрощенной формы (ср. акротерии надгробия № 10), и 3 розетками внутри фронтона и над покатостями его. Под фронтоном, покоящимся на пилястрах с капителями и базисами, продолженными на боковые стороны, высечена фигура всадника, обращенного вправо, на спокойно стоящей лошади, сильно поврежденной. Отбита вся верхняя часть туловища всадника и морда лошади.

Кроме того повреждена фигура юноши позади всадника и левый пилястр.

Под рельефом двухстрочная надпись, высота букв 0,05—0,03.

Πάτροκλε, υἱὲ Πατρόκλ Πατοκῶν,
Πατόκῶν, χαῖρε прощай

Имя *Πάτοκας* новое, не отмеченное до сих пор в боспорской эпиграфике. Надгробие может быть отнесено к 1-й половине I в. н. э. как по шрифту, так и по стилю рельефной плиты.

Приобретено музеем у А. Г. Типакова, нашедшего его на Предельной ул. — продолжении Аджимушской, дом № 1.

XV

Надгробие из местного известняка, найденное в 1926 г. во дворе № 86 по улице 1-й Домны. Надгробие высотой в 1,54, шириной в 0,55—0,59, толщиной в 0,15, переломано пополам, внизу срезано для вставки в постамент. Верхняя часть украшена тройным карнизом, под которым рельефно высечен фронто́н с тщательно профилированными пальметками, заходящими на боковые стороны стелы. Свободные ме-

ста над скатами фронтона заполнены розетками с 4 лепестками; такая же розетка в середине фронтона. Под фронтоном архитрав, покоящийся на массивных пилястрах с капителями и базисами, заходящими на боковые грани стелы. Между ними рельефные изображения женщины и девочки. Женщина (лицо повреждено), одетая в хитон и гиматий, с высоким головным убором, в задумчивой позе стоит, облокотившись на колонку, слева женская фигура меньших размеров, с традиционным

Рис. 16.

цилиндрическим сосудом, закрытым конической крышкой. Под рельефом надпись в 4 строки. Высота букв 0,035.

Ἀμμία, θυγάτηρ Ψυχάρωνος τοῦ Ἰγνάντωντος, γυνὴ δὲ Λευκίου Φαρνάκου, χαῖρε.

Перевод: Аммия, дочь Психариона, сына Игниэонта, жена Луция Фарнака, прощай.

По стилю надписи и архитектурным орнаментам надгробие относится к 1-й половине I в. н. э. Все имена уже отмечены в боспорской эпиграфике.

XVI

Надгробная плита, приобретенная у Сохалева, нашедшего ее на Карантинной ул., в Новом Карантине, на участке дачи Фельдштейна, 28 января 1926 г.

Надгробие из местного мелкозернистого известняка, в общем хорошо сохранившееся, за исключением лиц, стершихся от времени. Высота 1,48, ширина 0,58, толщина 0,19. Сверху надгробие украшено рельефным карнизом, переходящим на боковые стороны плиты, и фронтоном с круглым щитком по середине над акатами и 2 розетками с 6 лепестками, по углам изящные профилированные пальметки на волютах. Под фронтоном 3 розетки с двойным рядом лепестков. Такие же розетки по бокам плиты под продолженной линией фронтона. Под розетками рельефное изображение женщины, восседающей на высоком кресле с красивыми точеными ножками, спинкой и перилами, украшенными фигурами сфинксов, и опирающейся ногами на высокую скамейку. Справа и слева по фигуре девочки: слева фигурка в траурной позе с свисающим концом гиматия в правой руке, справа — с обычным цилиндрическим сосудом.

Рис. 17.

Под рельефом по линейке высечена надпись в 3 строки, крупными буквами. Высота букв 0,045.

Θεοφίλη, γυνή
'Αλεξάνδ(ο)ρ[ο]υ,
χαῖρε

Перевод: Феофила, жена Александра, прощай.

Имена Θεοφίλη и 'Αλέξανδρος — обычные в боспорской ономотологии. В начертании 'Αλεξάνδρου резчик сделал ошибку, переставив буквы. По стилю надписи и архитектурному типу надгробие относится к середине I в. н. э. Обе символические фигуры прислужниц, стоящие по обе стороны высокого вычурного кресла, на котором восседает покойная Феофила, ярко подчеркивают идею обоготворения мертвых.

Рис. 18.

XVII

Надгробие из местного известняка, найденное каменщиком Пупковым в деревне Кош-Куй Ленинского района и проданное музеем 3 июля 1925 г. Сверху надгробие обломано, а снизу по углам срезано для вставки в постамент. Высота 1,06, ширина 0,59, толщина 0,15.

Рельеф, сильно выветрившийся в верхней части, изображает двух женщин, сидящих в траурных позах друг против друга в креслах с точеными ножками, перилами и спинками, ногами опирающихся на скамеечки. Между ними как раз посередине фигура девочки, как бы витающей в воздухе, с цилиндрическим сосудом в руке. Эта центральная фигура, очевидно, ввиду недостатка места, заменяет стереотипное изображение двух символических фигур девочек, обыкновенно стоящих у кресла умершей женщины.

Под рельефом надпись в 3 строки, высеченная по линейкам. Высота букв 0,025—0,03.

Μακαρία, γυνή Καλλι-
μάχου, καὶ θυγάτηρ Μασά-
τις, χαίρετε

Перевод: Макария, жена Каллимаха, и дочь Масатида, прощайте.

Μακαρία и Καλλιμάχος — обычные имена в боспорской эпиграфике. Женское имя Μασάτις следует сопоставить с мужским туземным именем Μάσας. Надгробие по стилю букв и по рельефу следует отнести к I в. н. э.

XVIII

Надгробная плита из плотного известняка. Высота 1,16, ширина 0,52, толщина 0,18—0,19. Сверху под карнизом фронтон с 3 гладкими круглыми акротериями на небольших базисах; над покатостями фронтона по розетке с 8 лепестками, внутри небольшой диск.

Под фронтоном изваяны две женские фигуры, сидящие лицом друг к другу в траурных позах в обычных хитонах и головных покрывалах, в креслах с точеными ножками, перилами и низкими спинками; фигуры опираются ногами о скамьи.

Под рельефом тщательно высеченная по линейкам надпись в 3 строки. Высота букв 0,03—0,02.

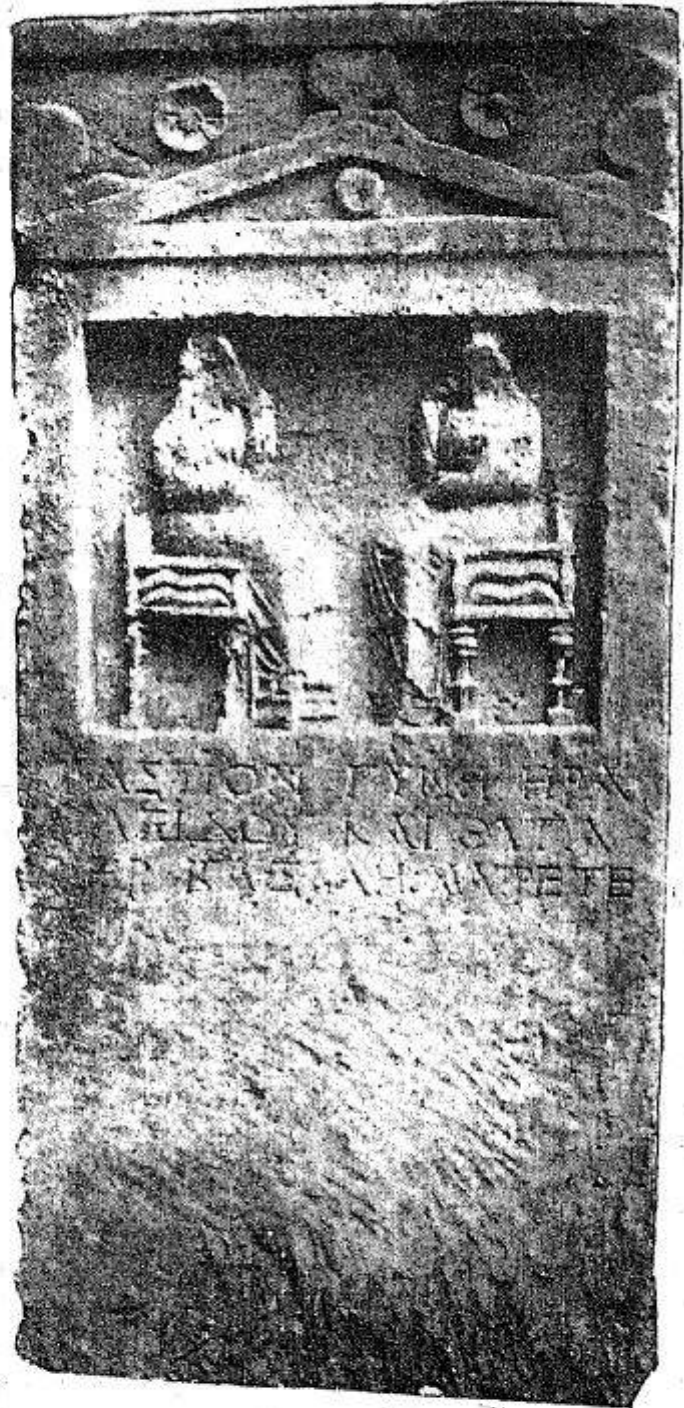

Рис. 19.

[Γ]άστιον, γυνή Ἰρα-
[κ]λείδου, καὶ θυγά-
[τ]ηρ Βασίλη, χαίρετε

Перевод: Гостион, жена Ираклида, и дочь Василя, прощайте.

*

Первые буквы каждой строки стерты.
Γάστιον, Ἰρακλείδης и Βασίλη — имена, уже отмеченные в боспорской ономастологии.¹

Отметим отсутствие обычных фигур прислужниц у кресел женщин.

Надгробие по всем данным относится к I в. н. э.

Найдено в деревне Маме у Азовского моря, недалеко от мыса Зюк в 1929 г.

XIX

Рис. 20.

Переломанное пополам надгробие с большой выбоиной справа, уничтожившей конец 1-й строки надписи, снизу срезанное по углам для вставки в постамент. Высота 1,31, ширина 0,505, толщина 0,17. Верхняя часть надгробия украшена карнизом и фронтоном, но без обычного верхнего акротерия; боковые акротерии совершенно искажены и имеют форму зубчатой пилы. Над покатостями фронтона и по середине по розетке с 4 лепестками. Рельеф представляет грубо и схематически высеченные фигуры мужчины и женщины, подающих друг другу правые руки; мужчина в хитоне и гиматии, женщина в хитоне и покрывале, подле мужчины мальчик, подле женщины девочка, детали не ясны.

Под рельефом надпись в 3 строки. Высота букв 0,07—0,06—0,05.

Χρή[στη, γυναῖ]
Ἰρακλέωνος,
χαῖρε

Перевод: Хреста, жена Ираклиона, прощай.

Дополнение первой строки, поврежденной, дано для примера. Число фигур на рельефе не соответствует надписи. По крупным буквам надписи, грубому рельефу и полному искажению архитектурного орнамента надгробие должно быть отнесено к концу I в. н. э.

Найдено надгробие по Карантинной ул. (ныне 1-й Домны), д. № 86, в 1927 г.

¹ ИАК, в. 10, № 76, стр. 71. Γάστιον в сокращенной форме и Βασίλη — Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, № 266, 340, 655.

Надгробие, целиком сохранившееся, высота 1,22, ширина 0,45, толщина 0,11. Верхняя часть надгробия украшена карнизом, под которым высечен фронтон без среднего акротерия, с орнаментами в виде столбиков с нарезами вместо боковых акротериев. Над покатостями фронтона и внутри его по розетке о 4 лепестках. Под фронтоном тройной архитрав, покоящийся на пилястрах, снабженных капителями и базами.

Рельеф изображает двух женщин в траурных позах, обращенных друг к другу, слева от зрителя девочка, повидимому, с цилиндрическим сосудом. Надпись состоит из 3 строк (высота 0,025):

Χρήστη, θυγάτηρ
Ἐπαγάθου,
χαῖρε

Перевод: Хреста, дочь Эпагафа, прощай.

По всем данным, и это надгробие относится ко 2-й половине I в. н. э. Полное искажение боковых акротериев и излишняя неуместная вторая женская фигура, не соответствующая тексту надписи, подтверждают позднюю дату надгробия. Найдено в 1927 г. по Карантинной улице при рытье фундаментов консервной фабрики.

XXI

Плита из крепкого дикарного известняка, обломанная сверху и снизу. Высота 0,90, ширина 0,61, толщина 0,20, с тремя рельефными сценами. В верхнем обрамлении высечена сцена заgrabной трапезы. Рельеф с обычными фигурами мужчины, с канфаром в руке возлежащего на тщательно отделанном ложе со спицкой, украшенной львиной головой, с подушками и узорчатым одеялом, и женщины, восседающей в траурной позе в кресле с точеными ножками и скамеечкой. Тут же обычные спутники заgrabной трапезы (не члены семьи): символическая фигура девочки с цилиндрическим сосудом у кресла женщины и отрок

Рис. 21.

с перекинутым через плечо полотенцем у изголовья ложа. Перед ложем стол на трех ножках с профилированным верхом, на котором стоят канфар и кратер, черпательная ложка и круглый предмет (хлебная лепешка).

На нижней раме рельефа надпись (высота букв 0,02):

Δ[ι]ονύσιος Ν[ικ]άνδρου χαῖρε

Перевод: Дионисий, сын Никандра, прощай.

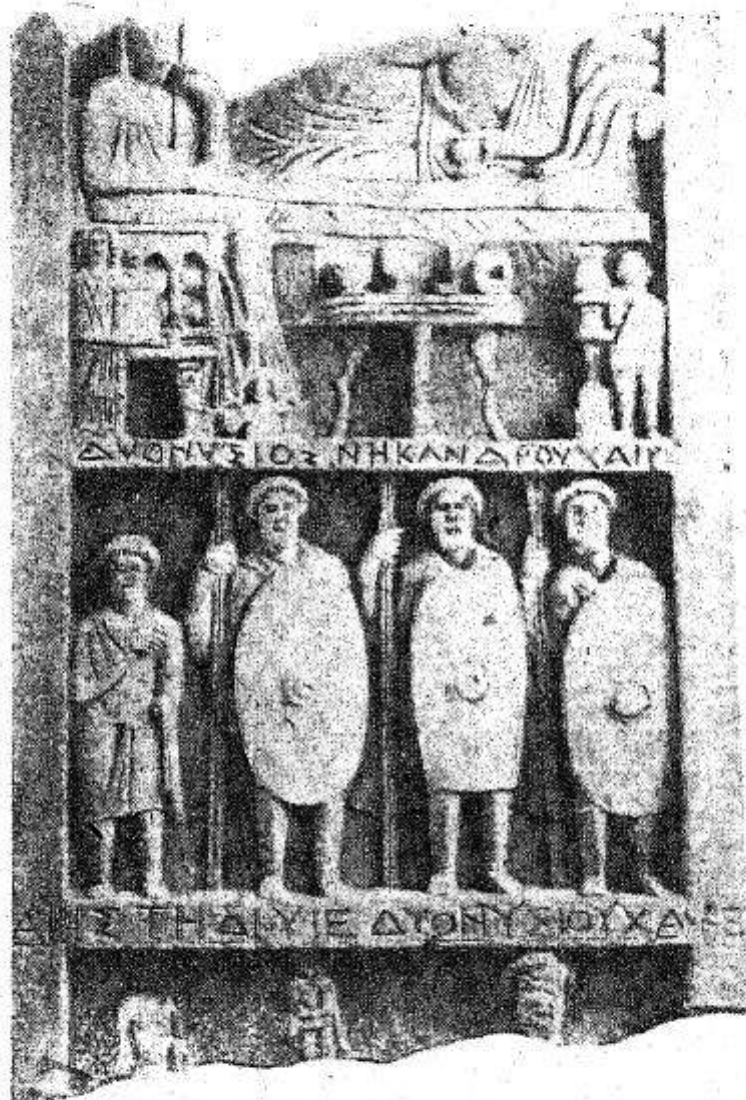

Рис. 22.

Следующий рельеф представляет отрока, рядом с которым стоят три возмужалых воина с большими овальными щитами, опирающиеся на два коня. На нижней раме надпись (высота букв 0,03):

Ἄριστ[εῖ]δ[η] Δ[ι]ονύσιου
χαῖ[ρ]ε

Перевод: Аристид, сын Дионисия, прощай.

Аристид, повидимому, изображен в виде отрока. Три копейщика, обозначающие пешее войско, намекают, надо полагать, на отношении Аристида к войску.

В третьем рельефе, почти целиком отбитом, повидимому, сидящая в кресле женщина, а перед ней мужчина (на коне?). Между ними поставлена высоко фигура

мальчика. Возможно, что под третьим рельефом была еще надпись.

В надписи следует отметить ряд орфографических ошибок: Διονύσιος дважды после δ имеет υ вместо ι; Νηκάνδρου вместо ι имеет η; Ἄριστῆδι вместо Ἄριστείδη.

Ошибки, очевидно, вызваны тем, что η, ει, ι, υ ко времени изготовления надписи уже мало отличались в произношении.

Надгробие найдено 29 июля 1927 г. во дворе № 86 по Карантинной ул. (ныне ул. 1-й Домны).

Стела относится к типу огромных, свыше 2 метров, много-

этажных рельефных надгробий, характерных для второй половины I и начала II в. н. э.

XXII

Высокое надгробие (высота 2,15, ширина 0,53—0,55, толщина 0,18—0,15), переломанное наискось по второму рельефу, сверху снабженное эпистилем, снизу срезанное по углам для вставки в постамент. Эпистиль несколько шире самой стелы, без карниза, сверху украшен тремя круглыми акротериями на длинных плоских базисах, почти соприкасающихся друг с другом. Внутри фронтона розетка, под фронтоном три розетки. Надгробие имеет три рельефа.

Первый рельеф, грубо и плоско изваянный, представляет сцену загробной трапезы: слева от зрителя, в кресле, весьма примитивно сработанном, сидит женщина в траурной позе, у кресла стереотипная фигура девочки с цилиндрическим сосудом. Между женщиной и возлежащим на ложе мужчиной еще фигура девочки в пространстве. На ложе со спинкой, украшенной фигурой льва, возлежит мужчина с канфаром в левой руке. На фоне одеяла выделяется столик на одной ножке с расставленными на нем предметами: ложкой, сосудом и круглым хлебом (?). У изголовья фигура мальчика в штанах и опоясанной рубашке.

Второй рельеф представляет женщину, сидящую в обычной траурной позе на кресле с изогнутой спинкой, ажурными перилами и грубо сработанными ножками. Перед женщиной стоят трое отроков, из которых первый опирается правой рукой на суковатый посох.

Третий рельеф изображает четырех мужчин, из которых двое слева вооружены овальными щитами и опираются на копья.

Под рельефами высечена крупными буквами надпись в 4 строки (высота букв 0,04):

Γοζίου Σωστρά-
του ἀναστήσας τ-

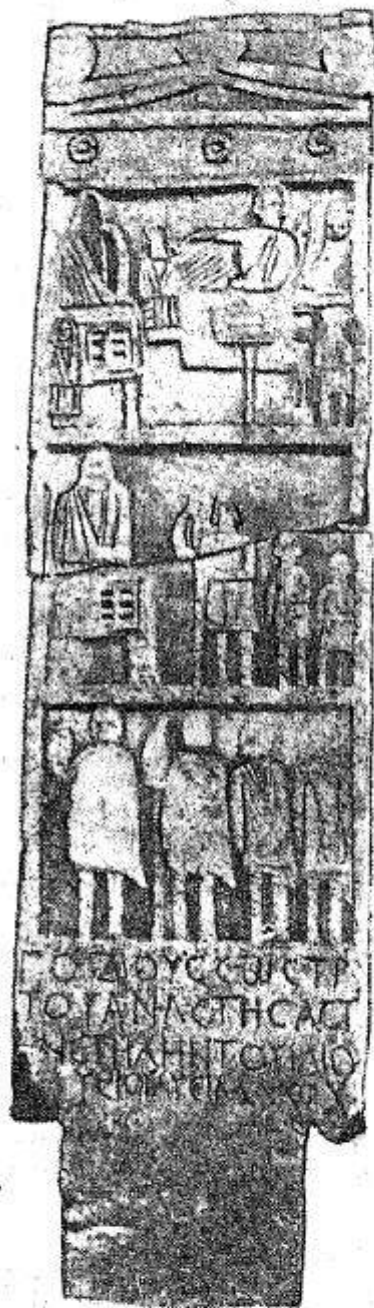

Рис. 23.

Перевод: Гозий Состратов, поставивший стелу своему сыну Лисимаху.

Совершенно схематичное, безжизненное исполнение рельефа, причастная форма ἀναστήσας вместо ἀνέστησε, встречающаяся в ранних христианских памятниках Боспора, и характер письма — все указывает на то, что перед нами надгробие начала II в. н. э., когда скульптурное искусство на Боспоре явно стало вырождаться. Γοζίουc — имя новое; его следует сопоставить с иранскими именами Γόσαν и Γώσακος.¹ Надгробие найдено на территории металлургического завода 6 апреля 1927 г. во время

рытья фундаментов для нового рабочего поселка.

Какое отношение имеют к покойному три рельефные сцены? В первой сцене и во второй покойный Лисимах, очевидно, в своем семейном кругу: он представлен возлежащим на ложе, он же с суковатым посохом в руке вместе с двумя отроками стоит перед женщиной (женой), сидящей в кресле. Третий рельеф, представляющий группу воинов, намекает на его общественное положение: он был воином и, возможно, погиб в бою.

Рис. 24.

XXIII

Надгробие из местного известняка, в виде прямоугольника, обломанное снизу, с тремя рельефными изображениями. Высота 1,12, ширина 0,59, толщина 0,19. Сверху надгробие было украшено анфемием, как видно по двум сохранившимся отверстиям.

Верхний рельеф представляет сцену загробной трапезы: слева восседает на кресле женщина в траурной позе, ниже кресла маленькая фигура

¹ В. Миллер, К иранскому элементу в припонтийских греческих надписях, ИАК, в. 47.

девочки; на ложе возлежит бородатый мужчина с венком в правой руке, ниже ложа мальчик с сосудом в приподнятой руке и каким-то предметом в другой (кувшин). У ложа стол на трех ножках с какими-то неясными предметами.

Второй рельеф изображает двух всадников в развевающихся плащах, впереди мальчик в такой же позе, как выше; первый всадник с бородой, без копья, за ним, повидимому, прислужник его с копьем наперевес, с остроконечной головой (остроконечный шлем).

В третьем рельефе снова два всадника с развевающимися плащами, без копий, впереди фигурка мальчика с приподнятым сосудом в руке.

Походные сцены характеризуют покойного как военачальника.

Надпись, которая была, очевидно, под рельефом, не сохранилась. Рельефная работа сделана грубо, примитивно, но оригинально и сильно. Венки в руке возлежащего — признак позднего времени.¹ Надгробие должно быть отнесено к началу II в. н. э. и представляет грубое искажение типа ранних скульптурных традиций. Плита в 1922 г. была уже во дворе музея; по словам надсмотрщика Л. Димиденко, найдена на Долгой скале.

¹ См. Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, № 732.

К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V веках до н. э.

Т. Н. Нипович

Необходимость исследования периода, непосредственно предшествовавшего основанию боспорцами торгового города в области дельты Дона, неоднократно становилась передо мной в последние годы при занятиях городищами области Танаиса, в особенности городищем у станицы Елисаветовской. Так как и самая постановка темы, и определение временных границ интересующего меня периода обусловлены именно этой работой, мне придется привести прежде всего некоторые выдвинутые в ней положения.¹

На основании размеров городища, его положения у судоходной реки, окружающего его некрополя, наконец, сделанных при расследовании городища и некрополя находок Елисаветовское городище с полной уверенностью может быть определено как крупный торговый пункт, в котором сходились для торговли местное население Придонья с одной стороны, греки области Боспора — с другой; а сравнение данного городища с другими поселениями дельты Дона делает в высшей степени вероятным предположение о локализации здесь Танаиса первого периода. Временем возникновения этого боспорского торгового пункта, как об этом свидетельствуют находки в первом из содержащих античный материал слоев, следует считать рубеж V и IV вв. до н. э. до того здесь существовало местное поселение того же типа, что и расследовавшиеся А. А. Миллером „архаические“ поселения в городищах Кобяковом, Гниловском и т. д.

Расположенный в непосредственном соседстве с городищем курганный некрополь дает нам представление о той части местного населения Придонья, которая вела в Танаисе торговлю с греками.

Быт этой группы общества представляется несомненно уже очень усложненным. Греческий импорт фигурирует здесь не только в виде отдельных ценных предметов: керамика греческих типов, чернолаковая и простая, присутствующая в большинстве погребений, и ряд находок бронзовых сосудов гре-

¹ См. следующую статью настоящего сборника.

ческих форм указывают на широкое применение греческой посуды в быту тех слоев местного общества, к которым принадлежали погребенные; остродонные амфоры, также составляющие постоянную принадлежность погребального инвентаря, говорят о вошедшем в обычай потреблении вина и масла. Наряду с этим налицо и целый ряд элементов, характерных для скифских погребений. Таковы части туш барана или лошади, постоянно помещаемые в могилу, иногда в типичных скифских котлах; таково скифское оружие, скифские ритуальные сосуды и характерные для скифов украшения (гривны, нашивные бляшки и т. д.). Такого рода наслоение свойственных греческому обиходу черт на быт, сохраняющий в основном негреческий характер, типично для местного общества северного Причерноморья повсюду, где это общество вступает на почве торговли в теснейшее общение с колониями; и наряду с таким проникновением греческих черт в обиход известной части туземного общества мы во всех подобных случаях можем наблюдать усиливающееся расслоение внутри этой группы общества. Это сказывается прежде всего в большем или меньшем богатстве инвентаря; определенной степени богатства погребения соответствуют известные особенности обряда. А. А. Миллер, особенно детально прорабатывавший некрополь Елисаветовского городища, в читанном им в мае 1932 г. в секторе рабовладельческой формации Гос. Академии истории материальной культуры сообщении особенно подчеркивал наличие таких групп, по которым распределяются все погребения Елисаветовского некрополя; по его наблюдениям, этих групп, резко отличающихся друг от друга, здесь намечается не менее четырех.

Отмеченные черты местного общества области Танаиса могут явиться только в результате уже существовавших в течение известного времени торговых сношений данной области с греками. Но где начало этих сношений? На рубеже V и IV веков, когда здесь возникло боспорское торжище, или когда-то раньше? Скорее последнее: подавляющее большинство погребений Елисаветовского некрополя принадлежит тому же времени, что и слои с греческими находками в городище, в том числе и первый, ранний слой; и самые ранние из этих погребений уже характеризуются всеми отмеченными мною особенностями, указывающими на связь с греками. Невольно напрашивается предположение, что основанию торжища предшествовал известный период, во время которого торговля с греками существовала, но, может быть, не имела той организованности и интенсивности, создать которую могло только наличие постоянного торгового пункта.

В археологической литературе этот вопрос пока никак не освещен. Не говоря уже о Леонтьеве и других археологах прошлого столетия, располагавших слишком бедным материа-

лом, ни А. А. Миллер, ни М. И. Ростовцев, ни Миннз ни единым словом не касаются вопроса о том, нет ли среди донских находок материала, свидетельствующего о греческой торговле в эпоху более раннюю, чем та, которой принадлежат греческие слои Елисаветовского городища и Елисаветовский некрополь. Вообще для эпохи, предшествовавшей основанию в устье Дона боспорского торжища, мы в литературе имеем только указания на „архаические“ поселения нижнего Дона, расследовавшиеся А. А. Миллером в 1923—1928 гг. („кобяковские культуры I и II“); верхние слои этих поселений определяются А. А. Миллером как „культура доскифская, но по времени к этой скифской культуре очень близкая, быть может, ей непосредственно предшествовавшая“.¹ Между эпохой, которой принадлежат поселения „II культуры“ (VIII—VII вв.?), и временем, которым датируются греческие слои Елисаветовского городища и одновременный им некрополь (начиная с конца V в.), получается, таким образом, значительная лакуна, предыдущими исследованиями никак не заполненная.

В сообщении о Елисаветовском городище, читанном мною в секторе рабовладельческой формации в 1932 г., я приводила материал, позволяющий связать две указанные эпохи.² Но для поставленного вопроса эти данные сами по себе не дают ничего. Очевидно, приходится искать соответствующий материал где-то вне Елисаветовского городища.

Указанное положение и побудило меня сделать попытку хотя бы поставить вопрос о существовании или отсутствии торговли греков с областью Танаиса до того, как здесь был основан боспорцами торговый пункт. Не зная, когда и как процесс развития местного общества данной области оказался осложненным влиянием греческой торговли, мы не сможем правильно подойти к пониманию этого процесса, не сможем вообще разобраться в том сложном комплексе, который мы встречаем здесь в IV веке до н. э. А без этого невыполнимы и дальнейшие стоящие передо мною задачи, заключающиеся в исследовании общества области Танаиса в эллинистическую и римскую эпоху. Поэтому я и задалась целью просмотреть в связи с поставленным вопросом весь доступный мне материал, т. е. прежде всего все отчеты о раскопках и разведках области Дона, все доступные мне находки из того же района, пересмотреть также все свидетельства древних авторов о той же области.

Уже при начале работы намеченная мною тема несколько изменилась и осложнилась. Дело в том, что частный вопрос о ранней торговле области Танаиса тесно связан с более об-

¹ Сообщения ГАИМК, т. I, 1926 г., стр. 125.

² См. следующую статью настоящего сборника.

щим вопросом о том, существовала ли торговля греков со всем Причерноморьем в эпоху, предшествующую основанию колоний. До сих пор исследователи склонны были, повидимому, решать этот вопрос отрицательно. Из факта находки раннего греческого предмета в районе, более или менее близком к какой-либо из колоний, считали возможным делать вывод о том, что в это время данная колония уже существовала и уже вывозила греческие товары в соседние области. Так, Руднева, перечисляя целый ряд архаических греческих ваз, найденных в Скифии, считает их „доказательством непрерывных сношений жителей среднего Приднепровья с греческими колониями юга России с конца VII в. до р. X. вплоть по V век“. ¹ Аналогичные высказывания мы встречаем в целом ряде мест у Б. В. Фармаковского ² и Э. Р. Штерна. ³ В задачу данной моей работы не может входить детальная разработка этого общего вопроса в целом, но коснуться его мне придется, особенно в отношении Боспора. Для интересующей нас области Танаиса вопрос о существовании доколониционной торговли расчленяется на две части: 1) вопрос о торговле в эпоху, предшествовавшую основанию колоний северного Причерноморья, и 2) вопрос о торговле в то время, когда ряд колоний уже существовал, но сам Танаис еще не был основан. Итак, период, нас интересующий, должен будет охватить века VII, VI и V.

Заранее скажу, что результаты проделанной мною работы приходится считать весьма малоутешительными. Материала так мало, он так фрагментарен и случаен, что всякую возможность дать цельную и связную картину жизни данной области в интересующий нас период приходится исключить. В своей работе я смогу, в сущности, лишь дать представление о состоянии вопроса и вместе с тем ознакомить с отдельными имеющими значение для поставленной темы памятниками тех, кто еще не имел случая их узнать.

Письменные источники не дают нам определенных и надежных сведений по интересующему нас вопросу. Единственное свидетельство о данной области в период, предшествующий основанию Танаиса боспорцами, находится у Плиния. ⁴ У него говорится, что окрестности Танаиса занимали сначала карийцы, затем клазоменцы и меоты, затем пантикапейцы. Если полагаться на это свидетельство, мы должны будем считать, что торжище, основанное боспорцами, не было первым греческим поселением в дельте Дона; ему предшествовало поселение ионийское, а еще раньше здесь было поселение карийское. Следует отметить, что известие Плиния не под-

¹ ИАК, в. 40, стр. 140.

² Напр., Архаический период в России, МАР, в. 34, стр. 29—30.

³ См. Klio, IX, стр. 141 сл.

⁴ Naturalis Historia, VI, 18.

тверждается источниками более ранними и, в частности, Страбоном, вполне определенно называющим Танаис „κτίσμα τῶν τῶν Βόσπορον ἔχόντων Ἑλλήνων.“¹ Кроме свидетельства Плиния, известий, имеющих какое бы то ни было отношение к вопросу о ранних сношениях греков с областью Танаиса, я не знаю. Чтобы разобраться в этом вопросе, нам придется обратиться к материалу археологическому. Перехожу к его обзору.

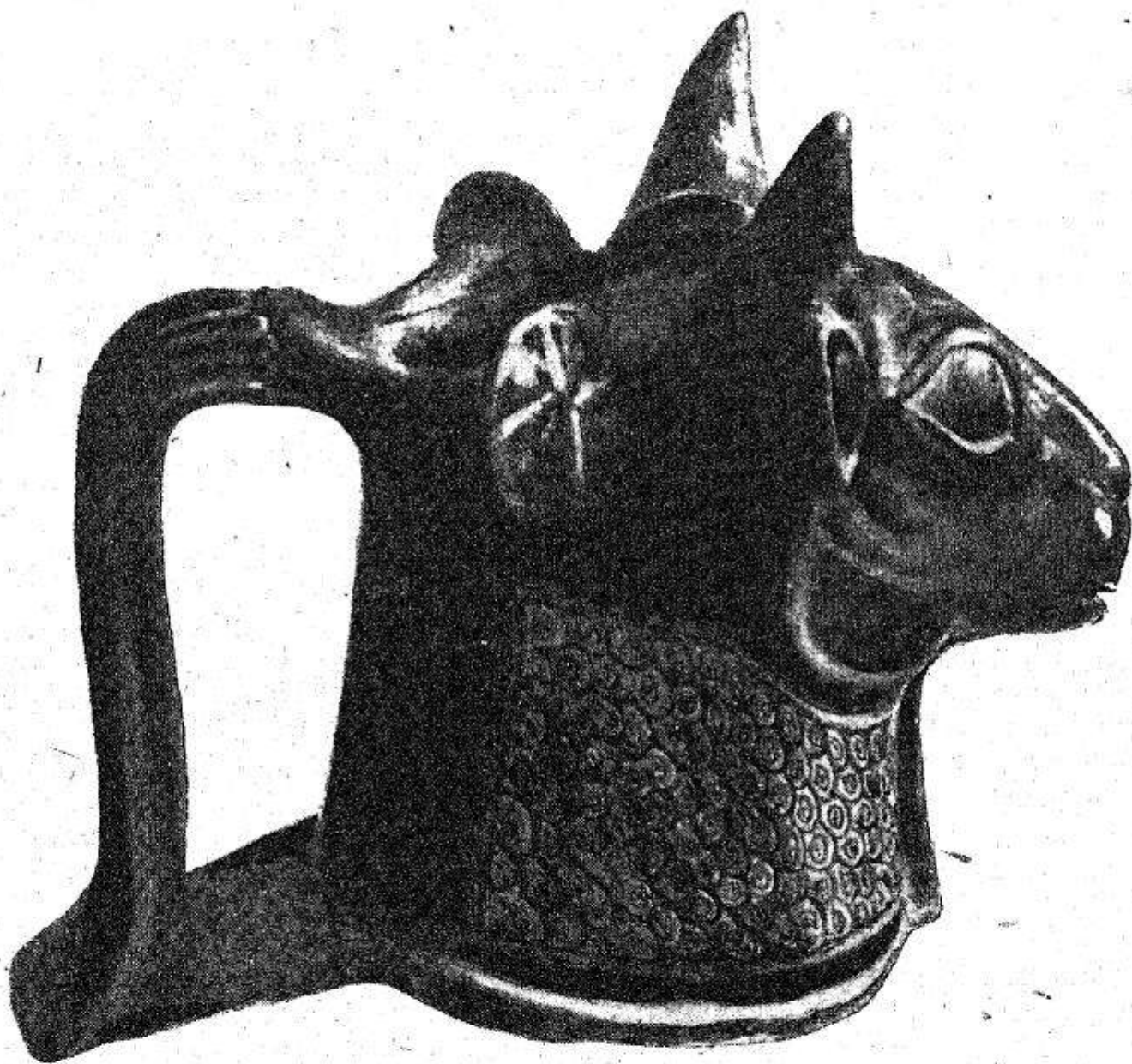

Рис. 25. Фрагмент ионийского архаического сосуда, найденного в Хоперском округе Донской области (Новочеркасский Донской музей).

Самый ранний из имеющихся памятников — фрагмент ионийской вазы, вверху заканчивающейся головой быка (рис. 25). Этот во многих отношениях совершенно исключительный памятник не издан и до сих пор не известен широким кругам археологов; я вместе с другими членами работавшей в 1928 г. на Дону экспедиции Гос. Академии истории материальной

¹ Lib. XI, с. II, 3.

культуры случайно увидела его среди самого разнородного, преимущественно относящегося к римской эпохе материала, занимавшего одну из витрин Новочеркасского Донского музея. По имеющимся в музее сведениям, любезно сообщенным мне хранителем музея И. И. Ногиным, этот фрагмент найден в Хоперском округе, т. е. в самой северной части Донской области; более точных сведений об обстоятельствах его находки в музее, к сожалению, нет.

Недостаточно отчетливая фотография, дающая к тому же представление о фрагменте только с одной стороны, вынуждает меня дать краткое его описание. Он представляет собою верхнюю часть довольно большого¹ кувшина, горло которого переходит в голову быка; отверстие для наливания жидкости находится в теменной части головы, для выливания ее служила узкая щель рта. Ручка состоит из четырех стебельков; в месте ее прикрепления к горлу — характерные кружки, заимствованные от металлических сосудов. Форма нижней части не может быть восстановлена с точностью; во всяком случае это был кувшин с широкими и высокими плечами. Сосуд был сделан из плотной и хорошей глины красновато-желтого цвета и частью покрыт сплошным слоем коричневатого-черного „лака“ (голова с рогами, внутренняя часть ручки, задняя часть горла), частью расписан тем же лаком по желтоватой обмазке. Орнаменты очень типичны: чешуйки на горле, „мельничное колесо“ на кружках в месте прикрепления ручки к горлу, ряды точек и косых черточек на стебельках ручки, черточки в верхней части плеч. Скульптурная лепка морды дополнена линиями белой краски (складки кожи на веках, контур глазного яблока и т. д.).

Определение данного памятника не встречает, на мой взгляд, затруднений. Как технические особенности (глина, лак, обмазка), так и детали формы и росписи встречают многочисленные аналогии в той группе керамики, которая в литературе обозначается как родосская, милетская или „родосско-милетская“; последнее определение вызывается трудностью окончательно решить вопрос в пользу Родоса или Милета. Я не буду здесь подвергать новому пересмотру давний спор о родосском или милетском происхождении данной группы: выделялись ли эти вазы в Родосе или Милете, — а только об этих центрах и может идти спор, — мы во всяком случае достаточно хорошо представляем себе тот район, откуда вывозилась эта керамика, знаем и то, что для данного времени главным центром, экспортировавшим изделия всего района (а не только свои собственные), был Милет. Также едва ли уместно в данной работе давать подробный стилистический анализ новочеркасского фрагмента, для искусствоведа

¹ Размеры обломка: высота 0,20 м, диаметр горла 0,12—0,13 м.

представляющего интерес несомненно исключительный;¹ я ограничусь лишь самым необходимым, без чего не может быть убедительным и данное мною определение.

Отмечу прежде всего, что новочеркасский фрагмент представляет собою памятник действительно уникального характера. За исключением одной неизданной находки, речь о которой будет в дальнейшем, мы вообще не знаем в древнейшей ионийской керамике такого рода кувшинов, вверху переходящих в головы животных.² В то же время ряд особенностей теснейшим образом сближает его с группой расписных „родосско-милетских“ энохой; эти особенности касаются как деталей формы, так и орнаментации. Особенно близкую аналогию нашему фрагменту представляет изданный Б. В. Фармаковским фрагмент, найденный в „скифском“ погребении в имении Болтышка, Киевской губ.³ Наряду с техническими особенностями (характер глины, лака, обмазки) у обоих обломков повторяется также и ряд деталей формы и орнаментации, как, например, форма и изгиб ручки, орнамент на кружках, выступающих по обе стороны от ручки, орнамент черточек на плечах; и самый характер выполнения некоторых из этих деталей (орнамент „мельничного колеса“ на кружках) настолько сходен здесь и там, что этим устанавливается не

¹ Необычен и своеобразен прежде всего тип быка. При тщательности работы, при умелой скульптурной передаче деталей мускулатуры, исключавшей возможность предполагать плохую, неумелую руку, тип быка получился странный и едва ли не фантастический: морда сильно укорочена, глаза несоразмерно велики, расширены и выпуклы, надбровные дуги слишком сильно выступают и еще подчеркнуты белыми линиями, уши очень малы и имеют необычную круглую форму, рога почти конической формы и торчат вверх, как уши кошки. В результате наш бык при беглом взгляде вообще больше напоминает животное кошачьей породы, чем быка; между тем черты головы быка не только налицо — они особенно подчеркнуты (отвислые щеки, подгрудок и т. д.). Многие элементы выраженной здесь сильной и своеобразной стилизации восходят к искусству крито-микенскому. Именно в этом искусстве создан тот тип быка с несоразмерно большими и выпуклыми глазами, короткими коническими рогами и подчеркнутыми складками век, который лежит в основе нашего изображения (см. ВСН, 1907 г., табл. XXIII, 1; ср. *Revue archéol.*, 1904 г., II, 220, fig. 8, 9). Также в микенском искусстве мы встретим аналогии и орнаменту чешуек в том виде, в каком мы его находим на горле фрагмента из Новочеркасского музея (см. *Furtwängler-Loeschke*, *Mykenische Vasen*, табл. X, 62, XXXVII). Для интересующихся вопросом, уже не новым (см., напр., *Boehlau*, *Aus Ion. u. Ital. Nekropolen*, Leipzig, 1898 г., стр. 62), о связи между микенским искусством и искусством греческой Ионии новочеркасский фрагмент представляет характерный и ценный памятник.

Все высказанные положения были развиты мною подробнее в специальной статье, представляющей предварительную публикацию новочеркасского фрагмента и еще в 1929 г. сданную мною в сборник статей, посвященный О. Ф. Вальдгауеру. Дальнейшая судьба статьи, как и всего сборника, мне неизвестна.

² Все известные мне сосуды такого типа принадлежат другим локальным группам и по стилю не имеют ничего общего с нашим обломком. См., напр., *Pfuhl, Malerei u. Zeichnung d. Griechen*, München, 1923 г., т. III, табл. 12 и 21.

³ См. Б. Ф. Фармаковский. Милетские вазы из России, Москва, 1914 г., („Древности“, т. XXV), табл. VI—VII.

только принадлежность обоих памятников одной группе, но и приблизительная их одновременность. С другой стороны, голова нашего быка встречает аналогии в некоторых фигурных вазах, родосское производство которых не вызывает, — насколько я знаю, сомнений.¹

По вопросу о хронологии керамики „родосско-милетской“ группы больше сделано для выяснения эволюции стиля и связанной с этим относительной хронологии тех или иных типологических особенностей, чем для установления определенных дат. Но мы имеем все же некоторые твердые опорные точки, благодаря которым та группа „родосско-милетской“ керамики, к которой относится фрагмент из Болтышки, а вместе с ним и наш новочеркасский,² с большой долей уверенности может быть отнесена к концу VII века до н. э.³ Точнее датировать я не берусь, чтобы не повторять ошибок прежних археологов, слишком часто произвольно фиксировавших определенные хронологические даты на этапах типологического развития.

Для поставленного нами вопроса новочеркасский фрагмент имеет несомненно первостепенное значение. Он дает нам основание предполагать наличие каких-то торговых сношений греков-ионийцев с областью реки Танаиса уже в конце VII в. до н. э.; при этом привозившиеся греками изделия не только достигали устья Танаиса, места, впоследствии ставшего центром оживленного торгового обмена между греками и кочевниками Придонья, а уже тогда проникали далеко в глубь данной области. Остается очень пожалеть об отсутствии более точных сведений относительно обстоятельств находки обломка; к счастью, некоторые другие аналогичные находки дают нам представление о том, кто мог быть потребителем такого рода изделий ранней архаической Ионии. О них речь будет впереди. О происхождении второй находки, во многих отношениях аналогичной только что описанной, мы осведомлены лучше.

¹ Ближайшая известная мне аналогия — сосуд в форме головы быка из Камира, находящийся в Британском музее. См. М. И. Максимова, *Античные фигурные вазы*, Москва, 1916 г., табл. X, 77 и стр. 126.

² По установленной Кинком классификации „родосско-милетской“ керамики наши обломки должны относиться к концу периода свободного стиля. См. Kinch, *Fouilles de Vroulia (Rhodes)*, Fondation Carlsberg, Copenhagen — Berlin, 1914, стр. 207—220.

³ Твердые опорные точки дает, с одной стороны, материал Навкратиса и италийских некрополей, с другой — находки в некрополях и поселениях, более поздних, как, например, исследованный Boehlau самосский некрополь (см. Boehlau, *Aus ionischen u. ital. Nekropolen*, Leipzig, 1898 г.), эллинион в Навкратисе, также некоторые комплексы северного Причерноморья. На основании всего этого материала мы видим, что встречающиеся в комплексах VI в. „родосско-милетские“ вазы принадлежат группе иной, несомненно более поздней, чем та, к которой следует отнести фрагмент из Болтышки и наш новочеркасский. О хронологии „родосско-милетской“ керамики см. E. Pfuhl, *Malerei und Zeichnung der Griechen*, т. I, стр. 140 и 143, München, 1923 г.

В 1869 г. крестьянин Малоколодезянского поселка Донецкого округа Шацкий, добывая для себя камни в степи, случайно наткнулся на гробницу с вещами. Присутствие среди этих вещей двух ценных изделий — одного золотого, другого серебряного — заставило Шацкого объявить о своей находке по начальству; поспешивший на место находки сотник Чернояров в рапорте на имя сыскного начальника Донецкого округа представил подробное описание местоположения потревоженной гробницы, обстоятельств ее обнаружения и состояния, в котором он ее застал. Так как это описание не попало ни в одно из печатных археологических изданий,¹ я считаю не лишним в извлечении привести его здесь.

Место находки описано в рапорте очень подробно: „Ниже слободы Криворожье, по течению реки Калитвы, в 3¹/₂ верстах на правом берегу находится поселок Алексеевка б. Слюсаревых; над этим поселком возвышается гора, хребет которой против соседних гор правой стороны есть самый высший; на вершине ее 6 курганов, кольцеобразно расположенных, из коих один самый большой и ближайший от реки именуется Должиков курган; от него по направлению к востоку на сто шагов ровно... нашел место, где найдены вещи. До разрытия место это представляло весьма малый кургашек, возвышавшийся от подошвы земли никак не более полуаршина, в диаметре около полторы сажени, на вершине были сгруппированы камни из песчаника, забитые землей и обросшие мохом. Вещи, по словам Шацкого, находились в земле против центра возвышенности, не более, как на один аршин от поверхности и лежали прямо в земле, венец и около его, кувшинчики. По прибытии моем на это место я встретил груды мелких камней, перемешанных с землею и песком, из коих некоторые были закопчены дымом, другие перегорелые, а иные обратились в сплав жужелицы“.

То состояние, в котором оказалась могила к моменту прихода Черноярова, не дает, к сожалению, ясного представления об обряде погребения. Тем не менее ряд отмеченных в рапорте обстоятельств очень характерен. Мы находим здесь обычное для „скифских“ некрополей расположение курганов на вершине горного хребта, здесь возвышающегося над долиной реки: сразу же вспоминается группа „Семибратных курганов“, расположенных на высоком горном хребте над Кубанью, группа курганов над Цукурским лиманом на Таманском полуострове, курган на Темир-горе близ Керчи и многие другие. И самое устройство разрытого „весьма малого кургашка“ встречает повторения в тех же группах: так, сходные черты (земляная неглубокая могила под завалом из камней) имело, повидимому, раннее „скифское“ погребение в кургане на Темир-горе близ

¹ Рапорт имеется в деле Арх. ком. № 23/1869 г.

Керчи.¹ Упоминающиеся в рапорте Черноярова копоть, перегорелые камни и земля и кусочки угля представляют, повидимому, остатки погребальной тризны, место которой могло находиться в непосредственном соседстве с могилой: в поисках новых находок крестьяне перерыли, очевидно, и его. Все это не составляет сомнений в том, что здесь мы имеем дело с одним из типичных „скифских“ погребений.

В раскопанном погребении были найдены: 1) „золотой обруч с загнутыми под прямым углом на наружную сторону краями, с изображением на внутренней части двух иероглифических знаков, большой и тяжелый (весом 1 ф. 47 зол.)“,² 2) „небольшая серебряная головка быка, отломанная от нижней части“,³ 3) и 4) „два глиняных малых кувшинчика простой работы“, 5) „один большой кувшин лучшей работы, испещренный разными греческими узорами и изображениями“, горлышко которого в верхней части переходит в голову барана. Последний предмет был во время раскапывания могилы разбит лопатой, и обломки нижней его части были разбросаны, раздавлены и затоптаны в землю крестьянами; Чернояров, судя по рапорту, все же собрал кое-какие черепки, но до нас они не дошли. Не дошли до нас и два простых кувшинчика. По имеющимся в „деле“ материалам, они поступили в Эрмитаж вместе с другими находками криворожского погребения; если они и имеются там, они, очевидно, уже давно попали в группу предметов, данные о происхождении которых безнадежно утрачены. Среди криворожских вещей их, во всяком случае, нет.

Возможно, что погребение заключало в себе также и какие-то мелкие бронзовые предметы: рапорт отмечает наличие „мелких частей какого-то перегорелого вещества ярко-зеленого цвета“ — обычный вид окислившихся и разрушающихся от лежания в земле бронзовых изделий.

Для нас особенно интересен „кувшин, испещренный разными греческими узорами и изображениями“, от которого мы имеем верхнюю часть в форме головы барана (рис. 26). В своем настоящем виде и эта часть сохранилась плохо: она склеена из кусков и реставрирована гипсом, поверхность ее сильно стерта, ручки, одного из рогов и около половины второго нет. Но в основном тип ясен. Мы имеем дело с памятником, несомненно аналогичным находящемуся в Новочеркасском музее: в обоих случаях это кувшин, расписанный по светлой обмазке,⁴ с горлом, в верхней части переходящим

¹ См. ОАК, 1870—1871 гг., стр. XX.

² Воспроизведен в издании „Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи“, Спб., 1909, табл. VI, рис. 1.

³ Там же, табл. V, 16.

⁴ Для криворожского фрагмента роспись туловища кувшина устанавливается описанием Черноярова; вероятно, таково же было оно и у новочеркасского.

в голову животного; голова покрыта сплошным слоем темного „лака“ с обозначением деталей белыми линиями. Размеры кувшина были, повидимому, близки новочеркасскому: высота сохранившегося обломка 0,132 м, диаметр горла 0,102 м. Повторяются здесь и характерные детали формы как, например, кружки в месте верхнего прикрепления ручки. Но есть и различия. У криворожского фрагмента иная глина, изобилую-

Рис. 26. Фрагмент ионийского архаического сосуда из кургана близ Криворожья (Государственный Эрмитаж).

щая частицами слюды, менее плотная, розовато-желтого цвета; другой оттенок обмазки; другие орнаменты — на кружках розетка из точек, на горле меандр и плетенка. При несомненной принадлежности криворожского экземпляра той же раннеархаической ионийской керамике, мы можем предположить здесь иной центр производства. Характер глины и обмазки и некоторые детали формы и орнаментации делают наиболее вероятной принадлежность данного экземпляра не „родосско-милетской“ керамике, а так называемой группе Фикеллура,

т. е., скорее всего, самосской.¹ Следует только отметить, что наш фрагмент принадлежит эпохе, более ранней, чем большинство известных нам сосудов той же группы, носящих явные признаки упрощения и вырождения и формы, и орнаментации. Свойственное ему обилие орнаментальных мотивов (орнаменты имеются даже на черном поле) и некоторые исчезающие в более позднее время детали формы (кружки в месте прикрепления ручек) сближают его по времени с той группой ионийской керамики, к которой мы отнесли новочеркасский фрагмент; учитывая эту близость и вместе с тем черты отличия от самосской керамики, находимой в комплексах второй и третьей трети VI в., мы должны будем датировать его временем не позже начала VI в. до н. э.

Металлические предметы криворожского погребения представляют оба изделия не греческие, а восточные. Не являясь специалистом в этой области, я не решаюсь брать на себя их определение и датировку, тем более, что оба они не принадлежат к числу предметов, не вызывающих сомнений. Происхождение и назначение большого золотого „обруча“ или „венца“ до сих пор представляет, насколько я знаю, загадку для специалистов по восточным древностям, что не дает и нам возможности правильно понять все значение его находки. Серебряная головка быка в „Восточном серебре“ определена Я. И. Смирновым как ахеменидская, и с такой же атрибуцией она выставлена и на экспозиции сектора Востока Эрмитажа. Но существуют и другие мнения. Н. Д. Флиттнер, к которой я обращалась по данному вопросу, указала мне на ряд весьма убедительных аналогий, говорящих скорее, за вавилонское происхождение криворожской головки; все эти аналогии относятся к VII и началу VI в. до н. э.² Таким образом, и эта находка говорит за принадлежность погребения ко времени не позже начала VI в. до н. э.

¹ К числу деталей, типичных для группы „Фикеллура“, относится валик вокруг горла, встречающийся в данной группе с большим постоянством. См. Boehlau, *Aus Ion. u. ital. Nekropolen*, стр. 54 сл., рис. 22, 23, 25, 26, 29 и др.; плетенка совершенно иной разновидности, чем родосская, там же, стр. 56 сл., рис. 26, 29, 29а. О локализации группы там же, стр. 52 сл.

² За принадлежность криворожской головки быка к кругу вавилонского искусства говорит целый ряд деталей, встречающихся в трактовке морды, глаза и т. д. Те же приемы в передаче морды и глаза, та же аналогичная „кайма“, ограничивающая морду снизу, повторяются в ряде вавилонских «памятников»: см., напр., изображение быка на „вратах Иштар в Вавилоне“ (H. Schäfer u. W. Andrae, *Die alte Kunst des alten Orients*, Berlin, 1925 г., стр. 489), также фигуру льва на „улице процессий“ в Вавилоне (там же, табл. XXVIII) и др. Указанные приемы трактовки определенных деталей восходят к глубокой древности. В близком виде мы находим их на золотой голове быка из раскопок Wolley в „царских“ гробницах в Уре (около 3000 лет до н. э.); далее мы встретим их в ассирийском искусстве, напр., на рельефах дворца Ассурбанипала VII в. до н. э. (ук. соч., стр. 533). Из всех этих аналогий позднейшие датируются временем около 570 г. до н. э.

Полностью оценить значение криворожского комплекса мы сможем только тогда, когда будут подвергнуты детальному изучению и определению входящие в него восточные вещи.¹ Но даже и те немногие данные, которыми мы располагаем, свидетельствуют об исключительном интересе и значении этого комплекса для нас. Датировка его устанавливается фрагментом ионийской вазы, принадлежащей, самое позднее, началу VI в.; этой датировке вполне соответствует, как мы видим, и серебряная головка быка. Таким образом, мы уже для начала VI в. до н. э. можем считать установленным факт ввоза в область Придонья и ценных металлических изделий восточного происхождения, и художественной греческой керамики, т. е. факт существования хотя бы и зачаточных торговых сношений и с Грецией, и с Востоком.²

Инвентарь погребения дает нам представление и о потребителе, на которого рассчитан этот импорт. Это погребение невелико; оно не включает ни большого количества разнообразных предметов, ни многих десятков конских костяков, как это свойственно богатым скифским погребениям более позднего времени; и все же оно, несомненно, принадлежало представителю богатой верхушки, выделившейся из среды местного населения Придонья. Мы уже наблюдаем скопление в одних руках сразу по нескольку ценных привозных изделий; очевидно, здесь мы имеем дело с одним из ранних моментов того процесса, в результате которого через два столетия создается общество с далеко зашедшим расслоением и сильно развившимися греческими чертами обихода, которое мы находим в Елисаветовском некрополе.

Чтобы правильно подойти к оценке значения описанных ранних находок, постараемся представить себе, что известно нам о находках того же времени во всем северном Причерноморье.

В археологической литературе мы встретим немало указаний на то, что находки ионийских ваз второй половины VII в. до н. э. характерны для наиболее глубоких слоев ко-

¹ Отмечу, что криворожское погребение не только не издано и не изучено, но и вообще странным образом осталось неизвестным нашим археологам. Так, ни Ростовцев, ни Минин, ни Фармаковский ни единым словом не касаются его в своих общих трудах и, по видимому, совсем о нем не знают.

² Очень интересен для нас факт находки вавилонского предмета. Каким путем попал он в эту область, можно только гадать. Если и признавать вероятность его завоза греческими, малоазийскими или персидскими купцами, то все же не исключена возможность наездов сюда и самих вавилонских купцов. Значительная торговая экспансия Вавилона вне всяких сомнений. И невольно вспоминается в связи с этим легендарный Нин Ассирийский, совершивший поход в Скифию и покоривший припоитийские варварские племена „до Танаиса“ (Diodori Bibl. hist., lib. II, c. 2). Не является ли этот рассказ отражением действительных путешествий в область Причерноморья ассирийцев или вавилонян, имевших место, конечно, не в эпоху Нина, а значительно позже?

лоний северного Причерноморья. ¹ Верным это положение будет из всех колоний этой области только для поселения на острове Березани: обломки ионийских ваз конца VII в., действительно, неоднократно встречались там в самых нижних слоях. Но уже для Ольвии мы имеем другую картину. Неоднократный и внимательный просмотр всего ольвийского материала всех музеев СССР дает мне возможность утверждать, что керамика VII в. ни в коем случае не может считаться характерной для нижних слоев Ольвии. Среди всех имеющихся находок из Ольвии я знаю всего только один обломок, относящийся к концу VII в., — тот обломок, который в красках воспроизведен в „Архаическом периоде в России“ Б. Ф. Фармаковского. ² Все остальные находки уже значительно позже; они не могут принадлежать ни VII в., ни даже началу VI в. до н. э. Только со второй четверти, особенно же с середины VI в., количество находок заметно увеличивается. Это впечатление подтверждает и некрополь Ольвии, в котором самые ранние погребения принадлежат середине VI в. до н. э. К сказанному прибавлю, что архаические слои и погребения Ольвии раскапывались неоднократно и материал они дали громадный. Трудно при таких условиях допустить, что только случайно до нас дошел всего лишь один обломок VII в. до н. э. Естественнее предположить, что сосуд, которому принадлежал этот обломок, был завезен сюда до того, как была основана Ольвия. О таких случаях речь будет еще в дальнейшем.

Указанное положение привлекло внимание специалистов, в последнее время подвергающих пересмотру вопрос о времени основания Ольвии и в связи с этим о толковании свидетельства хроники Евсевия. Этим занимается М. Ф. Болтенко, уже выпустивший в свет посвященную данному вопросу статью; ³ тот же вопрос разрабатывается и в отделении античных колоний северного Причерноморья в Эрмитаже. Решенным пока он еще не может считаться.

Если в Ольвии материал VII века до н. э. представлен всего лишь одним обломком, а остальные находки принадлежат во всяком случае не самому началу VI в., то в боспорских колониях картина еще более ясная. Большая коллекция Эрмитажа, собрания музеев Московского Исторического, Керченского, Таманского, Темрюкского, наконец, материалы последних таманских экспедиций не содержат ни одного экзем-

¹ См., напр., Б. В. Фармаковский, Милетские вазы из России, стр. 9: „Типичные для глубоких слоев Ольвии и Березани милетские вазы, очевидно, являются свидетелями начала жизни греков на юге России во второй половине VII в. до р. Хр.“; ср. там же, стр. 15.

² МАР, в. 34, табл. I, 1.

³ М. Болтенко, Донитання про час виникнення та назву давнішої іонійської оселі над Бористеном.

пьяра, который можно было бы отнести к VII или хотя бы к самому началу VI в. до нашей эры. Материал Пантикапей архайческой эпохи в большей своей части принадлежит второй половине VI в.; единичные более ранние экземпляры (напр., самосский амфориск, см. ОАК за 1913—1915 гг., стр. 93, рис. 153) датируются временем всего лишь немного раньше середины VI в.; что касается колоний Таманского полуострова, то там более ранние находки имеются в большем количестве, но и они не могут быть значительно старше середины VI в.¹

Считаю нужным остановиться здесь на одном недоразумении, слишком распространившемся, чтобы можно было о нем не упомянуть. Э. Р. Штерн и Б. В. Фармаковский в некоторых получивших широкую известность работах неоднократно упоминают о находящейся в Эрмитаже милетской вазе из Керчи, из Пантикапея или, в лучшем случае, из окрестностей Керчи.² Имеется в виду ваза, найденная в туземном погребении кургана Темир-гора близ Керчи; но ни тот, ни другой из упомянутых авторов ни единым словом не упоминают о том, что ваза найдена в местном погребении. С результатами этого нам, работникам Эрмитажа, часто приходится считаться. Приезжие из других городов СССР, также ленинградские экскурсоводы неоднократно осведомлялись у меня о „керченской милетской вазе“, иногда выражали недоумение по поводу того, что самый ранний материал из боспорских колоний датировался у нас на выставке VI в., тогда как ведь есть пантикапейская ваза VII в. Причиной этого несомненно являются те неправильные или небрежные обозначения, о которых я говорила. Случай очень характерен. Ни Э. Р. Штерна, ни Б. В. Фармаковского, несомненно, нельзя обвинять в небрежном отношении к изучаемому материалу, нельзя заподозрить и того, что им не были известны обстоятельства находки вазы из Темир-горы. Дело, несомненно, в недостаточном учете значения того, найдена ли ваза на территории колонии или в туземном погребении района колонии; а этот недоучет связан в свою очередь со свойственным обоим авторам представлением, что греческие изделия могли попадать в среду туземного населения только через посредство колоний.

Итак, просмотр наличного материала из колоний северного Причерноморья убеждает нас в том, что только для поселения на острове Березани характерны находки в глубоких слоях ионийской керамики конца VII—начала VI в. Это заставляет особенно внимательно отнестись к тем сведениям,

¹ Говоря об этом сравнительно раннем материале, я имею в виду не изданные пока находки, сделанные в 1930 г. в городище при ст. Таманской, в настоящее время находящиеся в ГАИМК.

² См. E. Stern, Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schw. Meeres, Кюо, XI, 1909 г., стр. 141; Б. В. Фармаковский, Милетские вазы из России, стр. 5 и дальше.

которые имеются у нас о находках материала данного времени в северном Причерноморьи.

Припомним все известные нам случаи находок VII и начала VI века, сделанных в области северного Причерноморья. Кроме находок березанских и одной ольвийской, к этой эпохе будут относиться: 1) обломки ионийской керамики, „родосско-милетских“ ваз и родосских киликов, найденные в Немировском городище б. Подольской губернии;¹ 2) горло „родосско-милетского“ сосуда, найденного в бывшем имении Болтышка, б. Киевской губ.; 3) „родосско-милетская“ ваза из погребения на Темир-горе близ Керчи. Четвертую и пятую находки составят описанные нами фрагменты из Хоперского округа и из погребения близ Криворожья.

Среди обломков из Немировского городища целый ряд принадлежит сосудам „родосско-милетской“ группы,² при этом той же подгруппы, как и та, с которой мы сопоставляли наш новочеркасский фрагмент; также и они должны датироваться концом VII в. до н. э. Приблизительно тем же временем датируются и остальные найденные там ионийские черепки. Несмотря на то, что они были найдены при раскопках, проводившихся под руководством опытного специалиста, мы ничего или почти ничего не можем сказать о том комплексе, которому они принадлежали. В городище оказался перемешан между собою материал различных эпох (от эпохи „раннескифской“ до „посуды русского периода“); было поэтому совершенно невозможно составить представление о данном поселении в интересующую нас эпоху. Мы можем только констатировать, что здесь еще в VII—VI вв. до н. э. находилось туземное поселение, в котором наряду с большим количеством типичной местной керамики, вылепленной от руки, обнаружены были также и обломки привозной художественной греческой керамики конца VII и начала VI в. до н. э.

Также весьма неполны наши сведения и об обломке из Болтышки.³ Запись прежней его владелицы, Раевской, так описывает обстоятельства его находки: „Найдено в 1863 г. крестьянами в могиле, в поле, Киевской губ., Чигиринского уезда, в им. Болтышка, между лесами Куцовым и Нерубаем, где, по словам крестьян, были заметны следы толстых сгнивших брусьев, расположением своим обличавших устройство как бы погреба. Там же найдены были черепки на подобие чайных блюдец, которые затерялись. Могила находится в крестьянской даче и теперь окончательно раскопана“.⁴

Ценным для нас здесь является указание на деревянное

¹ ОАК за 1909—1910 гг., стр. 179—183.

² Изданы Б. В. Фармаковским, см. МАР, в. 34, табл. II, 3.

³ Издан Б. В. Фармаковским, Милетские вазы из России, табл. VI и VII.

⁴ Там же, стр. 3.

сооружение в погребении: нет сомнений, что мы имеем дело с типичным скифским погребением. К сожалению, об инвентаре его мы ничего не знаем, кроме невразумительного упоминания о „черепках на подобие чайных блюдец“. О времени и локализации сосуда, которому принадлежало это горло, речь была выше.

Из местного, а не греческого погребения происходит и третий упомянутый нами памятник — сохранившаяся почти полностью, хотя и склеенная, „родосско-милетская“ ваза. Курган на „Темир-горе“, близ Керчи, в котором была найдена эта ваза, содержал ряд разновременных погребений; в ряде мест кургана оказались „кострища“ с остатками тризны.

Интересующее нас погребение описано в отчете недостаточно подробно и ясно.¹ Оно было расположено под грудой камней, с северной стороны кургана; в нем лежал человеческий костяк, окруженный вещами. Эти вещи — упомянутая нами „родосско-милетская“ ваза² той же группы и того же периода, что и остальные рассматривавшиеся нами в данном исследовании, и мелкие украшения — бронзовый стерженек в золотой обкладке и ряд костяных изделий (шесть трубочек, восемь пуговиц и цилиндриков, резное украшение); из них наиболее интересны обломки резного украшения в „скифском зверином стиле“.³

Вместе с фрагментами новочеркасским и криворожским, это и все, что дошло до нас из найденных в области северного Причерноморья греческих изделий интересующего нас периода. Численно материал очень невелик; но он дает все же возможность сделать некоторые обобщения.

Из перечисленных находок три происходят из типичных погребений туземного населения северного Причерноморья и одна (черепки от нескольких сосудов) — из поселения, тоже туземного. Думаю, что мы в праве предположить аналогичное происхождение и для фрагмента Новочеркасского музея, только таким образом могущего оказаться в отдаленном Хоперском округе. Итак, мы видим, что в то время, когда из колоний северного Причерноморья существовало одно только поселение на острове Березани, в область северного Причерноморья, при этом в различные районы его, уже проникают привозные греческие вещи. Весь этот греческий импорт, во всяком случае весь, нам известный, совершенно однороден: это дорогие художественные изделия, представляющие, в полном смысле слова, предметы роскоши, а не предметы повседневного обихода. Характерные для местных погребений более позднего времени греческие амфоры с вином и маслом,

¹ См. ОАК 1870—1871 гг., стр. XX.

² Издана Б. В. Фармаковским, Милетские вазы из России, т. VIII и IX.

³ Издана Г. И. Боровка. См. Geschichte des Kunstgewerbes aller Zeiten u. Völker, Berlin, 1928 г., стр. 111, 6 (Gregor Boroffka, Kunstgewerbe der Skythen).

также привозная посуда более простых, утилитарных типов здесь отсутствуют совершенно.

Характер инвентаря содержащих эти изделия погребений свидетельствует о том, что в них хоронили представителей состоятельного слоя местного общества. В то же время впечатление они производят гораздо более скромное, чем погребения верхушки местного общества в более позднее время. Нет высоких курганов с монументальными сооружениями, нет многочисленных разнородных предметов: вещей немного, курганные насыпи невысоки, могилы невелики. Очевидно, в это время верхушка туземного общества еще не была так богата, как после, при дальнейшем развитии греческой торговли.

Каким образом попадал в среду туземного населения северного Причерноморья этот ранний греческий импорт? Едва ли через колонии. Если для района Болтышки или Немировского городища мы и могли бы допустить импорт греческих изделий при посредстве греческих колоний, а именно при посредстве поселения на Березани, то из колоний области Боспора ни одна не существовала, по-видимому, в то время, которому принадлежат фрагмент Новочеркасского музея или ваза из Темир-горы. Естественнее предположить другое, а именно, что такие изделия завозились в Причерноморье греками еще до того, как покрылась сетью колоний приморская полоса этой области. Это, конечно, еще не была регулярная, организованная торговля, а лишь отдельные наезды, может быть, наезды рекогносцировочного характера — такие же, как путешествия фокейцев, о которых рассказывает Геродот.¹ Такая торговля, при которой находили сбыт греческие художественные изделия и вместе с тем выяснялась, очевидно, и возможность получать необходимые Греции товары северного Причерноморья, как раз и могла подготовить почву для основания новых колоний, при существовании которых эксплуатация данной области могла стать более организованной и регулярной.

Эта ранняя „доколониционная“ торговля доходила, как мы видим, также и до района реки Танаиса, причем привозимые сюда изделия проникали далеко в глубь страны. Было ли сильным ее воздействие на уклад туземного общества в данный период? Едва ли; никаких признаков этого мы, во всяком случае, не улавливаем. Правда, область Дона исследовалась очень мало. Но я думаю, что и при дальнейших исследованиях мы не найдем следов охвата торговлей кого-либо, кроме представителей родовой верхушки: масса населения, наверное, оставалась в стороне.²

¹ I, стр. 163. О такого рода первых торговых сношениях см. Hasebroeck, Staat und Handel im alten Griechenland, Tübingen, 1928 г., стр. 69.

² О жизни массы населения Придонья дают представление расследовавшиеся А. А. Миллером поселения низовьев Дона. Мы встречаем по берегам

При всем том эта ранняя торговля несомненно начала оказывать известное воздействие на тот процесс, в результате которого образовалось уже сильно усложненное местное общество, представленное погребениями Елисаветовского некрополя. Пока это воздействие сказывалось в накоплении ценных вещей у отдельных представителей родовой верхушки общества, что усиливало имущественное неравенство между ними и остальной массой.

К середине VI в. положение дел в северном Причерноморьи меняется. Возникает ряд колоний, из которых некоторые занимают тот район, который, естественно, должен был связаться и с областью реки Танаиса, а к концу V в. мы находим здесь, в дельте, уже и постоянный торговый пункт.

Насколько втянута была эта область в сферу греческой торговли в тот период, который отделяет основание крупных колоний Боспора от основания Танаиса? Дать ответ на этот вопрос мы пока не в состоянии: материал, относящийся к данному периоду, так ничтожен, что твердой почвы для каких бы то ни было обобщений он нам не даст. Все-таки рассмотрим его.

Среди исследованных нами находок Елисаветовского городища нам попало несколько экземпляров привозной керамики, безусловно принадлежащих времени, более раннему, чем конец V в., принятый нами за самую раннюю дату основания Танаиса. Так, среди обломков остродонных амфор некоторые совершенно идентичны тем, которые мы находим в слоях VI в. (например, обломок № 320; также обломок № 628); сосуду конца VI в. до нашей эры принадлежал также чернофигурный обломок № 448. Мне не представляется возможным из-за этих единичных находок отнести дату основания Танаиса ко времени более раннему: вся масса материала Елисаветовского городища слишком определенно принадлежит более позднему времени, более позднему времени принадлежит

рек ряд оседлых поселений, жители которых занимались главным образом рыбной ловлей, отчасти пастушеским скотоводством и земледелием; глиняную посуду они изготовляли себе сами, имели и начатки производства металлических (бронзовых) изделий. Население такого поселка представляло, повидимому, первоначально родовую группу (см. В. И. Равдоникас, Готский сборник, Известия ГАИМК, т. XII, в. 1—8, 1932 г., стр. 52 сл.); с течением времени жизнь такой общины, несомненно, сильно усложнилась. Никаких следов влияния греческой торговли на уклад этих поселений мы не находим. А. А. Миллер считает, что эти поселения принадлежат эпохе „доскифской“, но очень близки, может быть, непосредственно предшествуют эпохе „скифской“ (Сообщения ГАИМК, т. I, 1926 г., стр. 125). Мне думается, что их конец наступает несколько позже: в Елисаветовском городище материал „кобяковской культуры II“ был обнаружен в слое V, может быть, даже начала IV в. до н. э.; а единственный найденный в слоях „кобяковской культуры II“ в Кобяковом городище обломок ионийского сосуда принадлежит времени, никак не более раннему, чем VI в. до н. э. В то время, которому принадлежат наши ранние греческие находки (конец VII в.), эти поселения, во всяком случае, еще существовали.

и почти весь некрополь; слой, содержащий греческие находки в значительном количестве, везде должен быть отнесен ко времени не раньше конца V в. до н. э. Более вероятно другое. Мы знаем, что и до того, как на месте Елисаветовского городища был основан торговый пункт, здесь существовало местное поселение типа поселений Кобякова и Гниловского; весьма возможно, что боспорские торговцы приезжали сюда для обмена товарами еще до того, как здесь был основан постоянный торговый пункт. Интенсивной и регулярной торговля, очевидно, еще не была; но в небольшом количестве греческие товары уже начали сюда ввозиться.

Особенно заслуживающим внимания представляется мне следующий факт. В 1927 г. в Елисаветовском городище был обнаружен слой, лежащий ниже „греческого“ слоя конца V—начала IV в.; наряду с обломками местной керамики, родственной керамике „кобяковской культуры II“, в верхней части этого слоя оказалось несколько обломков остродонных амфор VI—V вв. Думаю, что эти обломки как раз и свидетельствуют о той торговле греков с областью Придонья, которая была, может быть, слабо развита, не была постоянной и регулярной, но все же имела место в эпоху, непосредственно предшествующую основанию Танаиса.

Из содержащих привозные греческие вещи курганов Елисаветовского некрополя только один может относиться к этому периоду: это курган, раскопанный в 1901 г. И. И. Ушаковым.¹ О времени этого кургана много спорят, причем основанием для той или иной датировки служит меч в золотых ножнах, украшенных изображениями в „скифском зверином стиле“: Талыгрэн² относит его к VII в. до нашей эры, Кизерицкий³ — к VI, Ростовцев⁴ — к V или IV веку; Ростовцев ссылается при этом также на сходство, обнаруживающееся в обряде погребения и погребальном инвентаре между Ушаковским курганом и исследованными А. А. Миллером курганами IV—II вв. Вопрос датировки так называемых скифских вещей пока слишком мало разработан, чтобы была возможность с уверенностью датировать Ушаковский меч на основании стилистических признаков; отмечу лишь, что датировка IV веком представляется мне совершенно исключенной — все фигуры животных производят впечатление гораздо более архаического. В погребении были найдены два обломка чернофигурного сосуда, у которых от росписи осталось очень мало, но тип тем не менее ясен: это — ионийский чернофигурный сосуд второй половины, может быть, даже конца VI в. до н. эры. Думаю, что это время наиболее подходит и к стилистическим

¹ Отчет Ушакова не издан. Рукописный отчет в деле Арх. ком. 240/1901 г.

² Tallgren, Coll. Tovostine, Helsingfors, 1917 г., стр. 66.

³ Arch. Anzeiger, XVII, 1902 г., стр. 44.

⁴ Скифия и Боспор, изд. ГАИМК, 1925 г., стр. 531—532.

особенностям меча. Ушаковский курган относится, таким образом, к тому же интересующему нас периоду; чернофигурный сосуд и до нас, к сожалению, не дошедшие греческие амфоры принадлежат к числу привозных изделий тех же категорий, какие мы встретили в глубоких слоях городища. В том, что курган этот безусловно принадлежал представителю высшего слоя туземного общества, сомневаться не приходится — дорогой меч в золотых ножнах свидетельствует об этом достаточно определенно. Интересно, что обряд погребения Ушаковского кургана совпадает с тем, что дают более поздние курганы из раскопок А. А. Миллера.

Мы имеем, таким образом, хотя и очень немногочисленные предметы, относящиеся к эпохе, когда ряд боспорских колоний уже бесспорно существовал, но Танаис, как боспорский торговый пункт, еще не был основан: эти предметы попадали сюда, очевидно, из колоний Боспора. И характер их совпадает уже с тем, что мы знаем об импорте из колоний в другие области северного Причерноморья: ввозятся не только художественные раритеты, а уже и товары, свидетельствующие о новых чертах в быту местного населения (амфоры).

Мы, конечно, должны еще раз сделать оговорку: материала так мало, расследования Придонья велись настолько малоудовлетворительно, что всякие обобщения можно делать лишь с величайшей осторожностью. И тем не менее, даже на основании этих находок ряд моментов устанавливается твердо. Фактом является существование спорадических торговых сношений еще на рубеже VII и VI вв. до нашей эры; фактом можно считать и проникновение сюда хотя бы и очень немногочисленных греческих товаров в VI и V вв. Все это не могло не оказывать влияния на процесс разложения родового строя местного общества, к IV в. зашедший, как показывают елисаветовские погребения, уже очень далеко. Проверить, исправить и дополнить эти наши наблюдения должны дальнейшие расследования области древнего Танаиса.

Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г.

Т. Н. Книпович

Задача издаваемого исследования — дать характеристику вещественного материала, найденного в городище у станицы Елисаветовской во время работ экспедиции ГАИМК в 1928 г., и определить, что дает этот материал для выяснения характера данного поселения.¹

Истории расследований Елисаветовского городища мне придется коснуться только в рамках стоящей передо мной задачи: приступая к обзору находок 1928 г., мы должны отчетливо представить себе, какая работа в этой области уже проделана, и какие вопросы, разрешению которых должно помочь изучение находок, уже поставлены прежними исследователями Елисаветовского городища.

Основная цель, которая стояла перед первыми исследователями области нижнего Дона Стемпковским и Леонтьевым,² состояла в отыскании древнего Танаиса, который, как „самое

¹ Печатаемая статья представляет собой отчет о работе, непосредственно связанной с теми функциями, которые мне пришлось выполнять в экспедиции ГАИМК 1928 г., и окончательно порученной мне после отчетной выставки Северо-Кавказской экспедиции в 1929 г. Издание, посвященное Елисаветовскому городищу, мыслилось в то время как коллективная работа участников экспедиции; на мою долю выпала характеристика вещественного материала, найденного в 1928 г. Сейчас приходится издавать только мою статью. Отсутствие в ней изложения результатов произведенного в 1928 году исследования протоков Дона, весьма важного как раз в связи с некоторыми из затрагиваемых мною вопросов, недостаточное освещение материалов некрополя, отсутствие очерка исследований Елисаветовского городища и другие пробелы объясняются тем, что первоначальный план работы, остававшийся в силе до самого последнего времени, предполагал детальную разработку всех этих тем в издаваемых вместе с моей статьей исследованиях других участников экспедиции; иначе следовало бы, конечно, хотя бы вкратце коснуться всех этих тем в данной работе. Сейчас включение в издаваемую статью всего того, что предполагалось осветить в других работах, было бы не всегда выполнимой и во всяком случае очень сложной задачей; это еще задержало бы опубликование работы, и без того издающейся через два года после того, как она была закончена.

² См. Два письма Стемпковского к Бларамбергу о местоположении древнего города Танаиса, Прописи, сборник статей по классической древности, изд. П. Леонтьевым, кн. IV, Москва, 1854 г., стр. 387—395; П. Леонтьев, Археологические разыскания на месте древнего Танаиса, там же, стр. 397—524.

большое после Пантикапея торжище варваров“,¹ внушал надежды на богатые находки ценных в материальном или художественном отношении вещей, могущих обогатить коллекции столичных музеев. В связи с таким подходом, внимание раскопщиков неизбежно должно было сосредоточиться на двух самых больших и наиболее подходивших для Танаиса по своему внешнему виду и местоположению городищах данной области — Недвиговском и Елисаветовском; но в результате лежащей в основе того же подхода погони за ценными находками оба эти поселения раскапывались совсем не так, как следовало бы: до сих пор раскопаны лишь ничтожные кусочки их, давшие материал, крайне недостаточный для сколько-нибудь ясного представления об их характерных особенностях.

В этом отношении история исследований Елисаветовского городища действительно поучительна. Открывший Елисаветовское городище и впервые выдвинувший гипотезу об его соответствии „допелемоновскому“ Танаису Леонтьев, естественным образом, относился с напряженным интересом к его исследованию; тем не менее на городище он ограничился пятью „пробными ямами“, уделив главное внимание курганному некрополю. Причины такого хода работ вполне ясны: „время, а еще более руки рабочих были нам дороги“, пишет Леонтьев,² а курганы составляют „предмет разысканий во всяком случае более надежный и к тому же в особенности указанный моею инструкцией“. В итоге работ, предпринятых с целью выяснения возможности отождествления Елисаветовского городища с древним Танаисом, оказались раскопанными 23 кургана некрополя, едва ли заключавшего погребения основной массы населения Елисаветовского городища, самое же городище осталось едва тронутым.

Было бы, впрочем, ошибочным винить за такую постановку дела самого Леонтьева. Он понимал, что значение добытых при раскопках вещей нельзя определять только по их художественной или материальной ценности; он мечтал о времени, когда с ростом археологической науки „вещи, не имеющие в отдельности никакой цены, получают неизмеримую ценность, как памятники цивилизаций, отличающихся друг от друга и уже не безыменных“.³ Но он знал, что от него ждут именно ценных вещей, „археологической добычи“, как он сам обозначает находки при раскопках, знал и то, что без такой „археологической добычи“ раскопки считаются не оправдывающими производимых на них затрат, и с этими требованиями не мог не считаться. Более того, его действия были и прямо стеснены особой инструкцией, характер кото-

¹ Strabo VII, 310.

² П. Леонтьев, ук. соч., стр. 512.

³ Там же, стр. 518.

рой вполне ясен как из приведенной выдержки, так и из других неоднократных упоминаний Леонтьева.

Что же извлек Леонтьев из своих работ для определения характера городища? В пяти „пробных ямах“, по его словам, „не было найдено никаких вещей, кроме одной чашечки хорошей формы с черною поливой и вообще попадалось мало остатков древних построек“, ¹ а несколько предметов, случайно найденных на поверхности городища, также не дали чего-либо решающего; что же касается раскопанных Леонтьевым курганов, то в них и их материале Леонтьев просто не сумел разобраться. Для того, чтобы оказалось возможным признать Елисаветовское городище допалеонтологическим Танаисом, требовалось, по мнению Леонтьева, во-первых, чтобы среди находок были типичные греческие вещи, во-вторых, чтобы эти вещи принадлежали „допалеонтологическому“ времени. Подойдя с этой точки зрения к добытому в курганах материалу, Леонтьев стоит перед ним в полном недоумении, не находя типичных предметов, „оказывающих греческое искусство времени до р. Хр.“; более того, он вообще не знает, как к этим находкам подступиться, к какому времени отнести: „Вообще свойство елисаветовских находок такого рода, что эпоху курганов трудно определить: иные могут восходить весьма далеко в древность; другие могут относиться ко времени довольно позднему, даже, может быть, ко времени аланов“. ² В полное недоумение повергает его находка наконечника стрелы из кремня: он колеблется, отнести ли его „в самую отдаленную древность, можно даже сказать, во времена незапамятные“, или „ко времени переселения народов, когда следы греческой образованности должны были в таких странах совершенно исчезнуть“. ³ Подводя итоги всем своим наблюдениям над материалом курганов, Леонтьев дает им общее определение, что они, „очевидно, принадлежат не греческому племени, но показывают однакоже цивилизацию, испытавшую греческое влияние“: вследствие этого не в этих курганах надо искать погребения основного греческого населения допалеонтологического Танаиса. Отсюда естественно вытекает и заключительный вывод Леонтьева, что центр тяжести предстоящих работ должен быть перенесен с курганов на городища Недвиговское и Елисаветовское вместе с их грунтовыми некрополями.

Несомненно, что со своей точки зрения, т. е. с точки зрения исследователя, ищущего „допалеонтологический“ Танаис, Леонтьев вполне правильно наметил очередные задачи пред-

¹ П. Леонтьев, ук. соч., стр. 512. Зная насыщенность почвы Елисаветовского городища обломками керамики, я не сомневаюсь, что слова „никаких вещей“ надо понимать условно: очевидно, Леонтьев не считает такие обломки достойными внимания и упоминания вещами.

² Там же, стр. 517.

³ Там же, стр. 516—517.

дища, а включали и его окрестности, был раскопан целый ряд курганов и проведена небольшая „пробная траншея“ в городище. В следующие годы работы продолжались и на городище, и в курганном некрополе. Но распределение работ между городищем и курганами было очень неравномерным: при значительном количестве раскопанных курганов на городище было проведено в 1908, 1909 и 1910 гг. всего три совсем небольших (9,10 м × 3,10 м; 10,60 × 3,00 м, третий определяется в отчете как „траншея на незначительной площади“) раскопа, давших материал безусловно показательный, но слишком малочисленный. В отчетной статье А. А. Миллера о расследованиях 1908—1909 гг. находкам на городище посвящено несколько страниц; здесь мы получаем представление о характерных группах находок, а наиболее показательные экземпляры воспроизведены на хороших рисунках. К сожалению только, А. А. Миллер, давая в своей публикации представление о встреченных в Елисаветовском городище группах материала, совсем не касается вопроса о соотношении этих групп между собой, что для правильного представления о характере поселения особенно важно. Сосуществование в обиходе привозных греческих предметов с типичными местными изделиями вроде грубых вылепленных от руки горшков — черта, общая для всех поселений северного Причерноморья, будут ли это греческие колонии или местные городища; разница между различного рода поселениями будет состоять главным образом именно в соотношении этих групп между собой. Не помогает и приложенная к статье А. А. Миллера опись находок: в нее включен только отобранный материал, и, как мы видим, отобрано было очень мало предметов. Сам А. А. Миллер не вводит в свою статью попытки определить на основании находок характерные черты поселения и ограничивается указанием на обширность площади находок и время, которые могут „вполне соответствовать древнему Танаису“.¹

Подводя итоги сделанному за весь дореволюционный период работам, мы не можем не отметить еще раз, как мало внимания было уделено самому городищу. Курганный некрополь раскапывался многократно и основательно: более сотни раскопанных курганов дают возможность составить вполне ясное представление о характерных особенностях погребений этого некрополя, хотя многие из курганов и оказались разграбленными. Что же касается городища, то там в итоге всех работ мы имеем „пробные ямы“ Леонтьева и Хицунова и три совсем небольших раскопа А. А. Миллера. Мы уже указывали на основную причину сосредоточения внимания на курганах: гласными и негласными инструкциями

¹ А. А. Миллер, ИАК, в. 35, стр. 124.

курганы постоянно указывались как „предмет разысканий во всяком случае более надежный“ в смысле возможности получения ценных находок. Та же погоня за „археологической добычей“ влекла за собой и вообще недостаточное внимание к области нижнего Дона, отношение к ней как к чему-то безусловно стоящему на втором плане по сравнению с крупными колониями, как Ольвия, Херсонес и др. Уже Леонтьев вполне определенно высказывает такой взгляд в конце упоминавшейся нами статьи: „Наш „тихий“, „святой“ Дон не может соперничать не только с знаменитыми местами нахождения археологических памятников, какие представляют Италия, Греция, Египет, Передняя Азия, но и с многими пунктами в нашем отечестве. Ольвия и Херсонес, Керчь и Тамань из мест исследованных или исследуемых имеют над ним несомненное преимущество“. ¹ Очевидно, той же точки зрения держались и археологи XX в., уделявшие Ольвии, Херсонесу и Керчи гораздо больше внимания, чем поселениям области нижнего Дона. Даже Недвиговка, соответствие которой Танаису римского времени уже давно вполне доказано, не составила исключения. После Леонтьева здесь копали в 1867 г. Тизенгаузен, в 1870 г. — Хицунов, ² затем всякие работы на городище прекращаются до 1908 г.; в 1908—1909 гг. Веселовский копал только некрополь. ³ В общем о Недвиговском городище мы знаем все же значительно больше, чем о Елисаветовском, так как в результате работ археологов прошлого столетия в нашем распоряжении имеется богатый эпиграфический материал, не только устанавливающий с полной несомненностью существование близ Недвиговки Танаиса римского времени, но и заключающий важнейшие сведения о жизни и организации этого поселения. Зато по части наличного материала положение дел с Недвиговским городищем много хуже, чем с Елисаветовским: работ, подобных работам А. А. Миллера, не производилось там вовсе, и в наши музеи попали оттуда только отдельные немногочисленные предметы более или менее художественного характера. Что касается остальных поселений области нижнего Дона, то в них работы производились в еще значительно меньших размерах, и опять-таки они сводились преимущественно к раскопкам курганов. ⁴

Описанный характер исследований и самого Елисаветовского городища, и других поселений той же области неиз-

¹ П. Леонтьев, ук. соч., стр. 523.

² См. ОАК за 1867 г., стр. XIX и за 1870—1871 гг. стр. XIII. Отчеты об этих работах дают яркую картину непонимания значения сделанных находок, среди которых преобладают, как пренебрежительно отмечается в отчете за 1867 г., „лишь самые обыденные предметы домашнего хозяйства“.

³ См. ОАК за 1908 г., стр. 122 сл., 1909—1910 гг., стр. 139 сл.

⁴ См. ОАК, 1865 г., стр. XI, 1866 г., стр. XIV.

бежно должен был привести к недоразумениям. Курганный некрополь около городища при станции Елисаветовской оказывался почти единственным источником для суждения о типе данного поселения, при самом слабом представлении о материале, найденном в самом городище, при невозможности учесть особенности всей области нижнего Дона. Между тем интерес к вопросу о местоположении древнего Танаиса не падал. А. А. Миллер в уже упоминавшейся нами статье высказался в пользу отождествления Елисаветовского городища с древним „допелемоновским“ Танаисом; взгляд его не встретил поддержки у других археологов. Миннз, ссылаясь на отсутствие среди елисаветовских находок типичного для греческих поселений материала, в частности эпиграфического, склонен считать Елисаветовское городище упоминаемой Страбоном Алопекией;¹ с резким отпором против мнения А. А. Миллера выступил и М. И. Ростовцев, с наибольшей определенностью высказывающийся в „Скифии и Веспоре“:² „Во всяком случае, Елисаветовское городище на роль древней Танаиды претендовать не может. Курганный некрополь его дает картину, типичную для некрополей около городищ Киевщины, Полтавщины и Подолья, отнюдь не картину греческого некрополя и даже не картину некрополя смешанного, как мы его наблюдали в соседстве Нимфея, Горгипсии и полуэллинских городов устья Днепра и Буга, раскопанных Гопшкевичем и Эбертом“.³ Наиболее вероятным представляется Ростовцеву, что и в допелемоновское время Танаис находился там же, где мы знаем его в римскую эпоху, т. е. на месте Недвиговки.

Итак, Миннз возражает против возможности локализации древнего Танаиса около нынешней Елисаветовской станции главным образом на основании отсутствия материала, характеризующего греческое поселение; Ростовцев — потому, что курганный некрополь дает иную картину, чем некрополи греческие или смешанные. По существу вопроса я выскажусь тогда, когда, ознакомившись с находками 1928 г., мы сможем сделать ряд твердых выводов о времени существования Елисаветовского городища и о характере, который оно имело. Сейчас коснусь только аргументации обоих авторов. Как мы видели, оба они исходят из представления о Танаисе, как о чем-то почти идентичном крупнейшим причерноморским городам — Ольвии, Пантикапею и другим. Это, несомненно, ошибка. Танаис, как это достаточно ясно отражено в известиях древних авторов, не колония греков — ионийцев или дорийцев,

¹ Ellis H. Minns, *Scythians and Greeks*, Cambridge, 1913 г., стр. 567.

² Кроме нижеследующего отрывка из „Скифии и Веспора“, см. также ИАК, в. 65, стр. 22. М. И. Ростовцев, Эллинство и иранство на юге России, Птгр., 1918 г., стр. 154.

³ М. И. Ростовцев, *Скифия и Веспор*, изд. РАИМК, 1925 г., стр. 529. *Skythien und der Bosphorus v. M. Rostowzew*, т. 1, Berlin, 1931 г., стр. 469.

а торговый пункт, основанный жителями Боспора, при этом основанный далеко от Черноморского побережья, поддерживавшего деятельные сношения с метропольной Грецией; местные условия не могли в силу этого не сказываться здесь гораздо резче, чем в остальных колониях. И то, что мы знаем о Недвиговке—Танаисе римского времени,—вполне подтверждает такое представление: неоднократно отмечалось исследователями, что танаисские надписи дают больший процент негреческих имен и более испорченный греческий язык, чем надписи других причерноморских городов; архитектурные остатки, по свидетельству Леонтьева, также отличаются несвойственной греческим строениям грубостью и небрежностью, свидетельствующей, „что тот Танаис, развалины которого мы имеем в Недвиговском городище, не только не есть греческий город хорошего времени, но и вообще не есть чисто-греческий город“.¹ Леонтьев склонен считать отмеченные им черты особенностью Танаиса позднего, „возродившегося“ после разрушения его Полемоном, от Танаиса же „дополомоновского“ он ждет и большего богатства, и более греческого облика. Едва ли он в этом прав.

Несостоятельность аргументации Ростовцева еще усиливается тем, что она основана на изучении одного только курганного некрополя: этот курганный некрополь он сравнивает с некролями других поселений, известными нам полнее, во всех их частях. Между тем курганный некрополь Елисаветовского городища еще не есть весь его некрополь: грунтовые погребения не раскопаны, а мы знаем хорошо, что в смешанных некрополях (напр., некрополе того же Нимфея) именно грунтовые погребения и принадлежат обыкновенно греческому населению. Пока эта часть некрополя не раскапывалась, нельзя противопоставлять Елисаветовский некрополь некролям смешанным.

Из рассмотрения всей той полемики, которая возникла вокруг вопроса о Елисаветовском городище, мы видим, в каком трудном положении оказывались все исследователи, интересовавшиеся данным поселением: самое городище почти не раскапывалось, материала добыто было мало, и то, что было найдено, не было сделано достаточно доступным широким кругам археологов; а неудовлетворительность постановки исследований донских поселений не давала возможности выяснить положение Елисаветовского городища среди всех поселений той же области.

Существенно меняется вся постановка работ в области нижнего Дона после революции, когда во главе археологических исследований становится преобразованная из Императорской археологической комиссии Академия истории мате-

¹ Проппен, кн. IV, стр. 416.

риальной культуры. „Южнодонские городища“, — пишет А. А. Миллер в своем отчете о работах Северо-Кавказской экспедиции в 1923 г.¹ — введены были в план работ экспедиции не в пределах исторических уже вопросов о месте древнего Танаиса, итальянской Таны или соотношений между эпохами эллинистической и римской, насколько это соотношение могло быть выражено в реальных остатках древних поселений. Задача поставлена была шире — предстояло сделать рекогносцировку всей территории дельты Дона, точно определить места нахождения остатков древних поселений и характер их культуры в пределах того, что могла дать разведка“. И хотя ежегодно имевшие место в течение следующих шести лет (1923—1928 гг.) работы в области нижнего Дона и производились обычно в течение лишь очень незначительного отрезка времени, результаты нового подхода уже скоро сказались; время существования большинства южнодонских городищ и основной их характер выяснились настолько, что сейчас мы уже располагаем данными, позволяющими набросать хоть и схематическую, но все же достаточно ясную картину жизни области нижнего Дона в античную эпоху; Елисаветовскому городищу принадлежит в этой картине уже вполне определенное место.

Производившиеся за годы 1923—1928 в Елисаветовском городище работы состояли, кроме инструментальной съемки городища, нивелировки некоторых его участков и обследования местности в целях изучения изменений русла Дона, также в проведении небольших пробных раскопов, давших возможность ознакомиться со всей системой слоев городища; кроме того, во время всех останавливавшихся здесь экспедиций (в 1923, 1924, 1925, 1927 и 1928 гг.) производился тщательный сбор находок на поверхности городища, с отбором всего сколько-нибудь показательного материала. Таким образом, также и эти работы носили характер чисто разведочный — систематические раскопки городища не производились, даже не были начаты и в эти годы; но нельзя не отметить все же, что работы эти существенно отличаются от всех предыдущих. Разрезы с исследованием слоев и послойным изучением материала были проведены в целом ряде мест, намеченных не случайно; площадь городища и в особенности те ямы, где вследствие выемки местными жителями камней вышел наружу материал из более глубоких слоев, обследовались самым тщательным образом на всей территории городища. Возможность случайного подбора материала становится при таких условиях уже весьма маловероятной, хотя мы все же должны сделать оговорку, что все наши выводы должны рассматриваться пока, до систематических раскопок городища, лишь как предварительные.

¹ Известия РАИМК, т. IV, стр. 1.

С такими предпосылками мы должны подойти и к той задаче, которая стоит сейчас перед нами. Работы 1928 г. завершают собой всю длинную, начатую еще Леонтьевым серию разведочных исследований на территории Елисаветовского городища: необходимо подвести итоги всему сделанному, необходимо постараться определить, что же на основании этих работ мы знаем или хотя бы можем предполагать о данном городище, чтобы на этой почве можно было правильно наметить и ближайшие задачи предстоящих исследований, исследований уже вполне планомерных и систематических. Следует при этом коснуться тех вопросов, с которыми мы будем подходить к изучаемому материалу. Исследователи XIX в. ставили себе главной целью отыскание древнего Танаиса, в котором они видели прежде всего богатый источник для получения ценных вещей; и из слов Леонтьева ясно вытекает, что если „пробные канавы“ не оправдают его надежды обнаружить на месте Елисаветовского городища греческий город, работа должна быть оставлена. Мы подходим к задачам исследований иначе. Мы прежде всего интересуемся воссозданием картины жизни человеческого общества, занимавшего данное поселение, и изучать это общество мы должны во всем его своеобразии, выясняя не только принадлежность его тому или иному типу, той или иной общественно-экономической формации, но и все те специфические особенности, которые характеризуют именно данное общество данного поселения. А случай перед нами несомненно сложный. В области, население которой характеризуется еще очень примитивной степенью общественно-экономического развития, возникает город, „торжище“, основанное греками, но греками, живущими за пределами собственной Греции уже по меньшей мере в течение столетия. Что происходит в результате этого столкновения двух обществ, стоящих на совершенно различных уровнях, каковы будут судьбы и местных и греческих элементов в этой удаленной от всех античных центров области? Все это вопросы, ответ на которые мы едва ли будем в состоянии дать теперь, но которые должны быть в сфере нашего внимания даже и при самом начале нашей работы. А этим определится и весь план этой работы. Подойти к разрешению поставленных вопросов можно только на фоне изучения всего данного района во всех его частях. Мы должны составить себе представление прежде всего о той среде, которая имеется в данной области еще до появления в ней греков; и мы должны заняться всеми поселениями, имеющимися здесь в интересующую нас эпоху, выясняя роль и значение каждого из них: только так мы сможем разобраться во всем том сложном комплексе явлений, который разворачивается здесь перед нами.

Само собой разумеется, что данная работа — только первый шаг по намеченному пути. Более того, выяснение и решение

интересующих нас вопросов окажется возможным только тогда, когда более полные и систематические раскопки данного района дадут нам и более показательный материал. Но едва ли было бы правильно откладывать какие бы то ни было обобщения по затронутым вопросам до того, как будут проведены эти раскопки: подведение итогов тому, что мы знаем на основании уже проделанных исследований, даст нам возможность поставить хоть первые вехи и вместе с тем наметить и ближайшие задачи предстоящих исследований.

В этом смысле следует понимать и стоящую передо мной задачу, о которой я говорила в первых словах моей статьи. Мы видели, что посвященные области Елисаветовского городища публикации не дали чего-либо определенного и общепризнанного для определения характера данного поселения; да, в сущности, авторы их и не делали попыток выяснить на основании результатов исследований все специфические черты поселения, ограничиваясь высказываниями о его соответствии или несоответствии древнему Танаису. В результате этого археологи до сих пор не могут столкнуться между собой по вопросу о Елисаветовском городище. И поскольку эта неясность, эти разногласия зависят не только от того, что городище мало исследовано, но в значительной мере и от того, что даже и производившиеся исследования слишком мало известны широким кругам археологов, мы и должны постараться устранить эту причину недоразумений.

Для выполнения той части задачи, которая лежит на мне, я и считаю нужным дать прежде всего возможно более полный обзор всех находок 1928 г. с привлечением, конечно, также и материала предшествующих годов и затем попытаться наметить, что дает этот материал для выяснения характера городища.

Еще два слова по вопросу о соответствии Елисаветовского городища древнему Танаису. Вопрос этот будет, конечно, интересовать и нас, поскольку Танаис играет роль действующего фактора в протекающем в данной области процессе изменения ранее сложившегося здесь общественного строя — процессе разложения родового строя и превращения общества доклассового в классовое. Но тот или иной ответ на этот вопрос ни в коем случае не будет иметь для нас настолько решающего значения, как это было для Стемпковского и Леонтьева. Мы не оцениваем, как Леонтьев, различные поселения с точки зрения „археологической добычи“. В поставленной нами задаче любой местный рыболовный поселок заслуживает ничуть не меньшего внимания, чем богатый торговый город: два таких поселения освещают разные стороны изучаемого нами явления, которое должно быть охвачено все целиком.

Перехожу к рассмотрению находок, сделанных во время работ 1928 г. Материал, подлежащий нашему рассмотрению, был в главной своей части извлечен из раскопов, проведенных в различных местах площади Елисаветовского городища. Всего было проведено шесть раскопов, все по одной линии, пересекающей городище с севера на юг, начиная с примыкающего к нему с севера старого протока Дона и кончая пространством между внутренней и внешней оградой в южной части (см. рис. 27). Порядок этих раскопов в направлении с севера на юг: IV, II, I, III, V, VI.

В связи с задачей, стоящей перед нами, оба южных раскопа (V и VI) не имеют значения: материал, извлеченный из них, был и очень немногочислен, и маловыразителен. Но раскопы I, II, III и IV содержали значительное количество находок, дающих вполне определенное представление о времени существования поселения и характерных его чертах. При исследовании этих находок особое значение имели для меня раскопы I и IV, содержавшие правильные, неперекопанные слои, что дало мне возможность сделать некоторые наблюдения об изменениях, происходящих в материале за время существования городища; особенно важный материал дал в этом отношении раскоп I. Приведу краткое описание всех раскопов.

Раскоп I. Расследование велось на участке неправильной формы, размером 6×4 м; до лёсса, не содержащего находок, был раскопан четырехугольник площадью в 5×4 м. Общая толщина культурного слоя колеблется на этом участке между 2,51 м и 2,90 м; он заключал три следующих слоя:

I (нижний). Толщина 0,60—0,95 м. В основе песок с примесью глины и изредка золы; слой желтовато-серого цвета, плотный, однородный, без признаков слоистой стратификации.

II. Толщина до 0,80 м. Мешаный слой, рыхлый, легкий, сухой, пепельно-серого цвета, с резко выраженной слоистой стратификацией. В основе зола, перемешанная с камешками и черепками; в средней части слоя примесь желтоватого суглинка; в нижнем горизонте выделяется особая зольная прослойка, состоящая из золы с кусочками угля. Местами слой имеет розовый оттенок от примеси горелого песка.

III. Толщина 1,22—1,80 м. Амбфонный почвенный слой темного, буровато-серого цвета с значительным содержанием мелких камней и обломков керамики; местами зола; встречаются полуистлевшие корни растений.

Из трех перечисленных слоев слои I и III прошли через весь раскоп в виде ясно выраженных и мощных отложений; слой II, более толстый в восточной части раскопа, к западу становился все тоньше и тоньше и наконец исчез совсем: на западной стенке раскопа слой III лежит непосредственно на слое I. Исследование многочисленных находок, сделанных в слоях I и III, свидетельствует о том, что эти слои соответ-

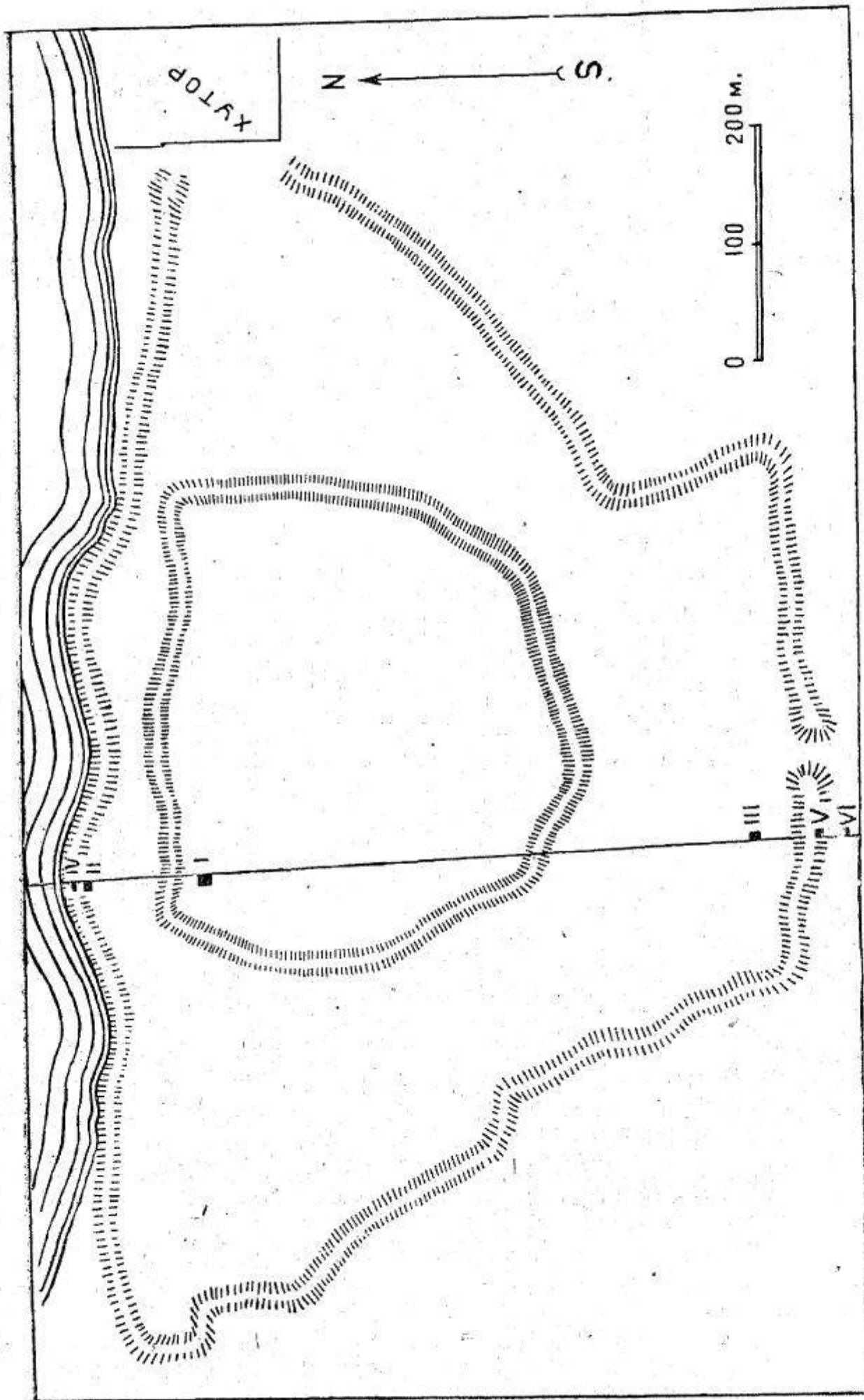

Рис. 27. План городища у станции Елисаветовской.

вуют двум разновременным отрезкам времени: слой II заключал в себе материал промежуточной эпохи. Подробнее мы ознакомимся с этим при рассмотрении сделанных в раскопе I находок.

Раскоп IV. Второй раскоп, также сохранивший правильные, соответствующие определенным отрезкам времени слои, — раскоп IV, у старого протока. Раскопка велась на площади 6×4 м; общая толщина культурного слоя около 1,50 м, на глубине 1,57 м (от пикета 47) — уровень стояния воды. Привожу описание слоев.

I (нижний). Песок, разделяющийся на несколько горизонтов; волнистая стратификация. Верхний горизонт песка окрашен в серый цвет и имеет характер нижнего почвенного яруса. Песок не имеет глинистой примеси, слегка цементирован. Нижний ярус песка более светлый, не содержит находок. Неизменный уровень водоносного слоя во время раскопок.

II. Пестрый стратифицированный слой; более интенсивно окрашен, внизу имеет характер болотного почвенного образования. Стратификация волнистая и прерывистая. В числе находок большое количество кусков обмазки. Песок в большом количестве, как в виде небольших прослоек, так и в виде конкреций.

III. Темный ровно окрашенный почвенный слой.

Как мы увидим при рассмотрении находок, здесь мы также имеем последовательные, сменяющие друг друга наслоения, соответствующие определенным периодам жизни поселения.

Что касается раскопов II и III, то там картины правильных слоев мы не имеем. Многочисленные наслоения раскопа II, иногда резко различающиеся между собой по характеру почвы, нельзя, повидимому, считать слоями, соответствующими последовательно сменяющим друг друга периодам жизни поселения: этого мнения держатся как руководившие раскопкой данного участка П. Н. Шульц и Б. Б. Пиотровский, так и начальник экспедиции А. А. Миллер. Отмечу, что и находки раскопа II подтверждают высказанное мнение. Здесь нет, как в раскопах I и IV, смены раннего материала нижних слоев поздним материалом слоев верхних: разновременные находки встречаются вместе и вверху и внизу, причем некоторые самые поздние экземпляры оказались лежащими особенно глубоко и наоборот — ранние попали наверх. Первоначальные слои здесь, несомненно, потревожены. Раскоп же III весь относится, повидимому, к одной эпохе. Характерных, четко отделяющихся друг от друга слоев в нем замечено не было; весь поддающийся датировке материал принадлежит приблизительно одному времени.

Перейдем к рассмотрению находок. На стр. 198—199 нами дана таблица всех находок, сделанных в упомянутых шести раскопах. Эта таблица нуждается в пояснениях и дополнениях.

Прежде всего, о датировках, которые устанавливаются на основании найденного материала и для всего городища, и для отдельных раскопов или слоев раскопов. Возможность довольно точных датировок создается главным образом обломками гре-

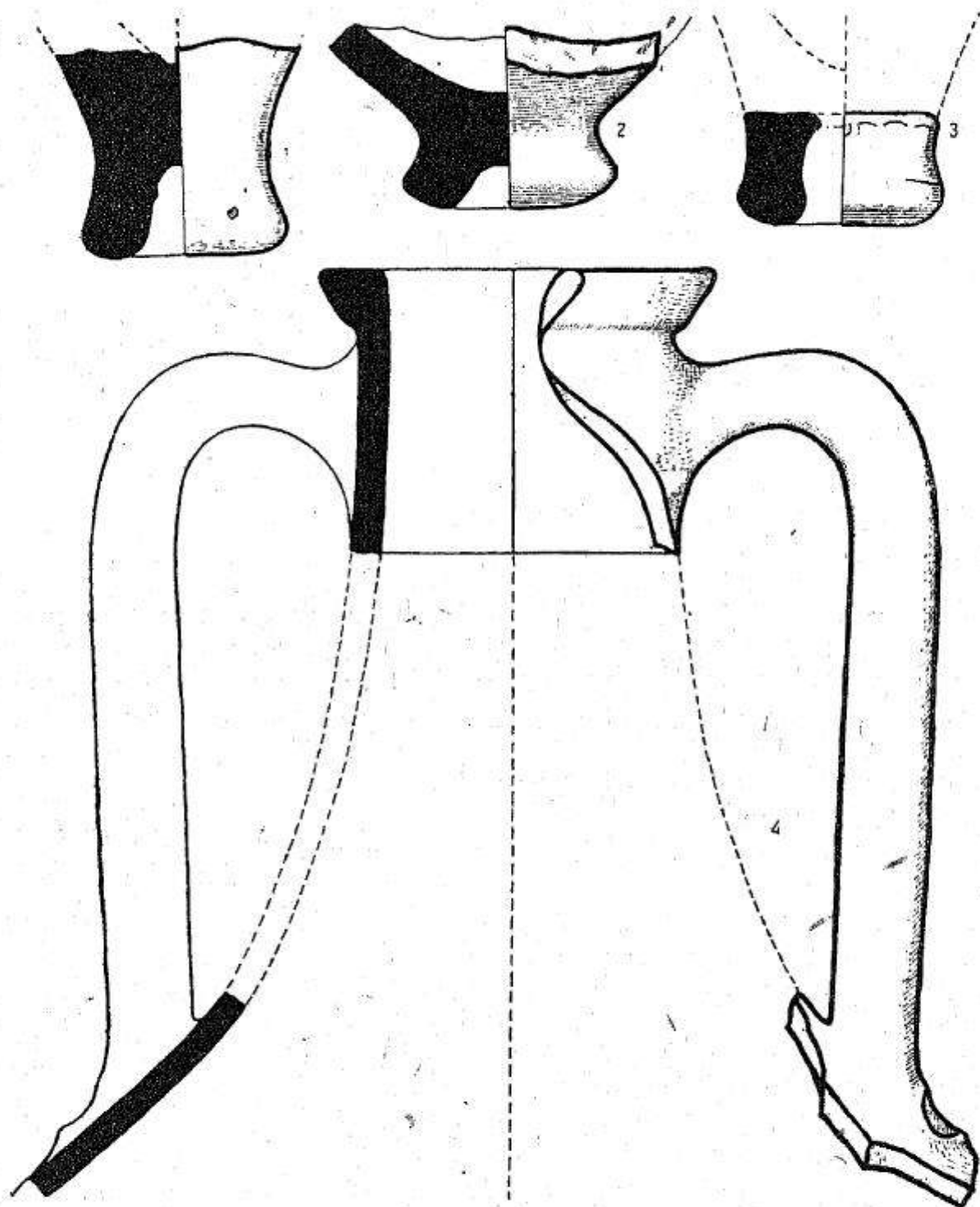

Рис. 28. Обломки остроногих амфор из нижних слоев раскопов I и IV; 1, 2, 3 найдены в нижнем (песчаном) слое; 4—на границе слоев I и II раскопа I.

ческой керамики, в значительном количестве встречавшимися в городище. Рассмотрим с этой точки зрения последовательно все раскопы.

Раскоп I. Слой I. Наиболее показательны №№ 212, 290, 297, 301, 306—307, 320.

№ 290 (рис. 30, 1) — обломок аттического краснофигурного сосуда, очень маленький и не дающий ясного представления ни о форме сосуда, ни о содержании росписи. Покрытие внутренней стороны черным лаком указывает на то, что мы имеем дело с сосудом открытым: вероятно, это был килик или скифос. По характеру росписи (тонкие веерообразные расходящиеся линии, исполненные частью густым, частью разбавленным лаком) и по качеству густого черного лака мы можем с полной уверенностью датировать обломок еще V в. до н. э. Пятому веку принадлежит и второй краснофигурный обломок I слоя, № 212 (рис. 30, 2) — обломок глубокого килика; на наружной стороне сохранилась часть женской головы, на внутренней — исполненный белой краской по лаку растительный орнамент, типичный для данной разновидности килика. Также к V, может быть к самому началу IV в., относится и ряд чернолаковых обломков: № 297 — обломок ручки чернолакового килика простой и строгой формы, характерной для раннего времени, с лаком густым, черным и блестящим; № 306/307 — обломок кувшинчика, покрытый прекрасным черным лаком, снаружи сплошь, внутри в верхней части; № 222/223 — обломок стенки открытого сосуда, отличающийся лаком исключительно высокого качества, и другие.

№№ 320 и 210 (рис. 28, 1—2) представляют нижние части днищ остродонных амфор. Обе они принадлежат раннему типу, восходящему еще к архаической эпохе и не встречающемуся позже V — начала IV века до н. э. Этот тип характеризуется коротким, по большей части припухлым горлом, короткой ножкой с глубокой ямкой внизу на наружной стороне дна и округлыми стенками, постепенно переходящими в плечи. Характерный экземпляр такой амфоры, найденной в Марицыне, в погребении V в. до н. э., воспроизведен на рис. 29, 1.¹

Из наших обломков № 320 представляет данный тип в ранней его разновидности: амфора, которой он принадлежал, могла бы относиться даже еще и к VI в., во всяком случае не позже чем к V в. до н. э. № 210 — ножка амфоры, представляющей более позднюю разновидность того же типа; в форме появляется известная подчеркнутость, зависящая от меньшей постепенности переходов. Такие амфоры типичны для слоев и погребений раннеклассической эпохи (V — начало IV в. до н. э.).² № 301 (рис. 28, 4), найденный на границе слоя II, представляет обломок верхней части (ручка с частью горла) амфоры уже более позднего типа, появляющегося не раньше

¹ Рисунок взят из Ebert'a, *Ausgrabungen auf d. Gute Maritzyn, Prähistorische Zeitschrift*, 1913 г., стр. 12, рис. 9.

² Самый поздний из известных мне комплексов, содержащий амфоры сходного типа, — курган № 11, раскопанный А. А. Миллером в Елисаветовском некрополе в 1909 г.; курган принадлежит, судя по другим находкам, началу IV в. до н. э. См. ИАК, в. 35, стр. 105, рис. 10, 4.

2-й половины V в. и характерного для IV в. до н. э. Горло здесь удлиненное, постепенно расширяющееся книзу, ручка длинная и плоская. Это — ранний экземпляр того типа узкогорлых стройных амфор, который становится господствующим в IV—III вв. до н. э.; но форма венчика и общий характер очертаний говорит еще за сравнительно раннее время — не позже начала IV в. до н. э.

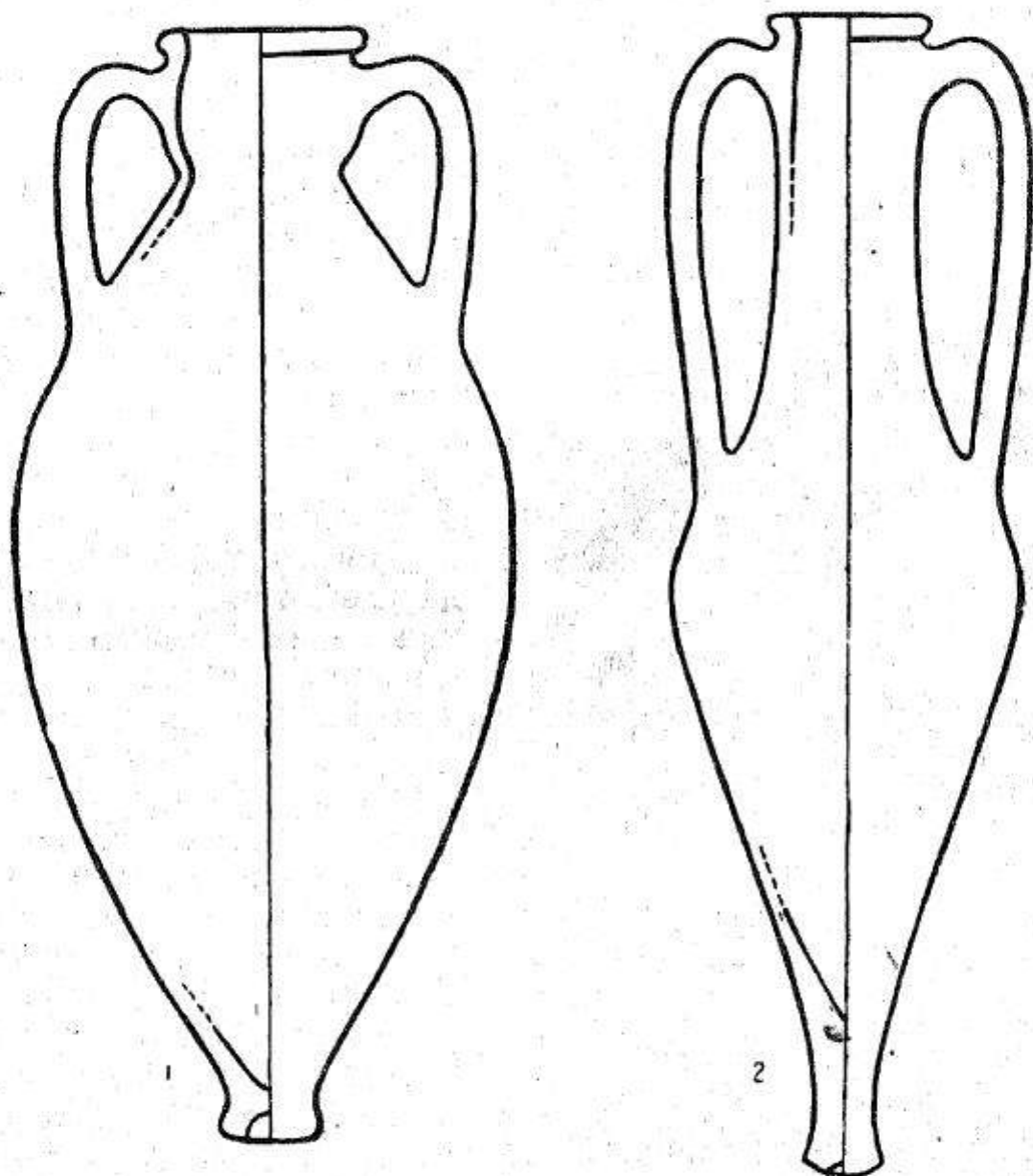

Рис. 29. Типы остроногих амфор: 1—амфора архаического типа VI—V в. до н. э., 2—амфора IV—III в. до н. э.

Тот же характер имеют и все остальные находки слоя I: преобладает материал V в., отдельные экземпляры могут относиться к началу IV в. По этим поздним экземплярам мы и должны датировать слой: время его, следовательно, конец V или начало IV в. Характерно полное отсутствие в этом слое типичных для верхнего слоя обломков амфор с клеймами, раннеэллинистической керамики с буроватым тусклым лаком

и т. д.: здесь перед нами чистая картина слоя классической эпохи, при этом сравнительно раннего ее периода.

Слой II. Большая часть поддающихся датировке находок II слоя указывает на время несколько более позднее. Так, краснофигурный обломок № 285 (рис. 30, 3) уже значительно отличается от найденных в I слое №№ 290 и 212. Это часть краснофигурного скифоса IV в., подобные которому уже встречались в районе Елисаветовского городища, а именно — в по-

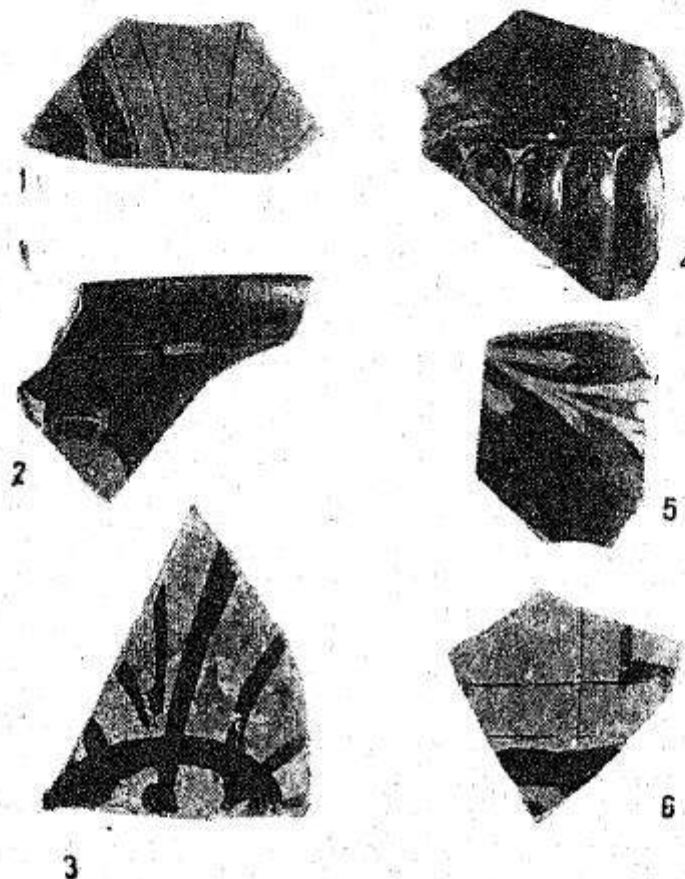

Рис. 30. Образцы привозной керамики из раскопов I и IV Елисаветовского городища: 1, 2 и 6 из I (нижнего) слоя; 3, 4 из II слоя; 5 из III (верхнего) слоя.

гребениях курганного некрополя (см. изображенный на рис. 31 скифос, найденный в 1911 г.: пальметка под ручкой совершенно аналогична пальметке нашего обломка). Лак этого обломка уже не имеет блеска и густоты, свойственных V веку. Среди чернолаковых обломков слоя II попадают отдельные экземпляры с хорошим лаком, черным и блестящим, но преобладают обломки, покрытые лаком более тусклым, иногда имеющим сильный металлический отлив. Типичный для IV в. экземпляр представляет обломок реберчатого канфара № 110/237 (рис. 30, 4): за данное время говорят и техника и детали выделки, чуждые V в. Вместе с тем материал, указывающий на эллинистическую эпоху, отсут-

ствует и здесь: нет ни типичной эллинистической керамики с коричневым или красноватым лаком, ни амфорных обломков с клеймами III—II вв.

Слой III. Новая черта в материале этого слоя — присутствие предметов эллинистического времени. Здесь интересны прежде всего амфоры с клеймами, дающими уже довольно надежную опору для датировки. Всего в III слое раскопа I было найдено 6 амфорных обломков с клеймами — №№ 88, 120, 127, 130, 134, 146 (см. список амфорных клейм на стр. 200). По определению специально прорабатывавшего этот материал О. О. Крюгера, клеймо № 134 по характеру письма может относиться еще к IV в. до н. э.; № 127 — из-за плохой сохранности не поддается определению; №№ 120, 130, 146 при-

надлежат III в. до н. э. и все относятся к группе „клеи́м с именами астиномов“.¹ Наиболее вероятной представляется О. О. Крюгеру датировка III веком и для последнего экземпляра — № 88: высказаться о нем с уверенностью он затруднялся.² Датировке, данной на основании амфорных кле́йм, вполне соответствуют также и наблюдения над формой амфор III слоя. Здесь встречаются уже только амфоры удлиненной формы, с длинным прямым горлом и вытянутой длинной и тонкой ножкой, характерные для IV и III вв. до н. э.; таким амфорам

Рис. 31. Краснофигурный скифос, найденный в одном из курганов Елисаветовского некрополя.

принадлежат, например, воспроизведенные на рис. 32,₁₋₃ обломки №№ 321, 126, 157, также №№ 172 и 174. Рис. 29,₂ и рис. 33 дают представление о типах амфор, каким могли принадлежать обломки III слоя.³

¹ Об этой группе см. Б. Н. Граков, Древнегреческие керамические кле́йма с именами астиномов, РАНИОН, Москва, 1928 г., также А. Ко́свалов — В. Н. Граков, *Altgriech. keramische Stempel mit den Namen der Astynomen*, *Philologische Wochenschrift*, 53 Jahrgang, Leipzig, 17 Juni 1933 г., № 23/24, стр. 630.

² № 88, о датировке которого О. О. Крюгер затруднялся высказаться с уверенностью, принадлежит группе, целиком укладывающейся, как это выяснил Б. Н. Граков, в промежуток времени с конца IV до третьей четверти III в. до н. э. См. Б. Н. Граков, *Эпиграфические кле́йма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор*, Труды Гос. Историч. музея, I, Москва, 1926 г., стр. 165—206.

³ Рисунок 29,₂ взят из Ebert'a, *ук. соч.*, стр. 27, рис. 28 (г); рис. 33 — из Гракова, *ук. соч.*, табл. I, 1, 2.

Меняется характер также и других групп керамики. Прежде всего следует отметить присутствие в этом слое типичной для эллинистической эпохи керамики, покрытой уже не черным, а коричневым лаком — более тусклым, более бледным, часто имеющим металлический отлив (напр., №№ 139, 150, 204, 249, 251 и др.), также обломков сосудов, украшенных поверх темного лака орнаментом, исполненным полужидкой массой желтого цвета (№№ 68, 231, 233, 234; из них № 231 изображен на рис. 30,5); все эти обломки датируются временем не раньше IV в., а скорее уже и III в. Не раньше второй половины IV в. и единственный найденный здесь краснофигурный обломок № 274 — ручка с частью стенки скифоса. Среди довольно многочисленных обломков чернолаковой керамики есть и более ранние, но ни один не может принадлежать ни V, ни даже началу IV в. до н. э.

Не встречается здесь и материала, датирующегося временем более поздним, чем III в. Если большая часть находок III слоя отличается от типов, характерных для классической эпохи, то нет здесь также и материала, типичного для эпохи развитого эллинизма: отсутствуют так часто встречающиеся в поселениях северного Причерноморья группы „мегарских чашек“, александрийская керамика с росписью по белой обмазке; а из керамики с орнаментом, исполненным резьбой и накладными красками по лаку коричневатого цвета, здесь представлены только самые ранние образцы. Привозный греческий материал отражает, таким образом, эпоху раннего эллинизма, почти эпоху перехода к эллинизму.

Итак, время всех наслоений, открытых нами в раскопе I, охватывает века V (вторую половину), IV и III; преобладающее количество находок принадлежит IV в.

Приблизительно ту же картину мы находим и во втором раскопе, сохранившем неповрежденные слои, — раскопе IV. И здесь нижний слой (I — песчаный) содержит ранние находки не позже начала IV в. до н. э., насколько, по крайней мере, можно судить: определение материала затрудняется сохранностью обломков — большая часть их окатана водой. Самую раннюю дату дает здесь обломок № 448 (рис. 30,6), принадлежавший ионийскому чернофигурному сосуду конца VI в. до н. э.: сохранилась часть характерной для этой группы рамки, образованной перекрещивающимися линиями, от самого изображения не осталось ничего. Очень маловыразительны и десять чернолаковых обломков слоя I; мы можем лишь заметить, что везде, где можно хоть в какой-либо мере уловить характер очертаний сосуда, очертания эти просты и строги; повидимому, большинство этих черепков принадлежит V или началу IV в. С этим совпадает и характер их лака, более всего напоминающего лак ионийской чернолаковой керамики конца VI и V веков до н. э. Из двух найденных здесь ножек

остродонных амфор одна (№ 628, рис. 28, 3) принадлежит амфоре уже встречавшегося у нас типа, характерного для VI и V вв. до н. э., другая (№ 640) — более позднему типу амфоры с вытянутой ножкой, но ранней его разновидности: амфора сходной формы была найдена в характерном погребении первой половины IV в. в Марицыне.¹ Итак, I слой раскопа IV соответствует, повидимому, I слою раскопа I: и здесь весь материал относится к V и началу IV в. до н. э.

Поддающиеся датировке находки II слоя указывают на более позднее время. Чернолаковые обломки имеют очертания менее строгие и четкие; среди них попадаются экземпляры, характерные для развитого IV в. Не раньше IV в. должны быть датированы и все амфорные обломки. Из трех найденных в этом слое обломков с клеймам, №№ 563, 564, 597, наиболее четкое и характерное клеймо имеет № 597 — обломок ручки херсонесской амфоры с клеймом ΑΠΟΛΛΑ;² по определению О. О. Крюгера, характер букв указывает на IV, может быть и III в. до н. э. Два других обломка (№№ 563 и 564) сохранили часть клейма на горле. Датировать их на основании характера букв О. О. Крюгер считал затруднительным; но несомненно, что оба обломка принадлежат амфорам все той же группы, принадлежащей, как это выяснил Б. Н. Граков, IV—III в. до н. э. (см. примечание 2 на стр. 129). Таким образом, слой II раскопа IV включает материал IV—III вв. до н. э.; он близок слою III раскопа I, но не содержит настолько типичных экземпляров III в.

В слое III все находки создают еще более определенную картину эпохи раннего эллинизма: III век представлен здесь уже вполне характерными образцами. Таков, например, обломок ручки амфоры № 546 с клеймом ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ ΜΝΗΣΙΚΛ... датирующимся III в.;³ этому времени соответствуют и формы встречающихся здесь ножек, чаще всего аналогичных № 321 раскопа I (рис. 32, 1), иногда дающих иные разновидности (напр., 542, см. рис. 32, 4). Чернолаковые обломки слоя III принадлежат также все позднему времени — простые, строгие формы, блестящий черный лак отсутствуют здесь совсем; впрочем, самые поздние экземпляры датируются все же временем не позже III в. К числу таких поздних экземпляров относится № 535 (см. рис. 35, 1) — обломок стенки канфара; характерны для этого времени вызванные неравномерным обжигом переходы основного темного цвета лака в красный. Слой III раскопа IV совершенно одновременен, таким образом,

¹ См. Ebert, ук. соч., стр. 27, рис. 28 г. У нас та же амфора воспроизведена на рис. 29,2.

² Повидимому, родительный падеж имени 'Απολλᾶς, ср. Е. М. Придик, Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания, Пггр., 1917 г., стр. 139, № 16.

³ Датировка и здесь дана О. О. Крюгером.

слою III раскопа I: они сходны и по характеру — здесь и там это темный почвенный слой, аморфный, без признаков слоистой стратификации. Повидимому, также и слой II раскопа

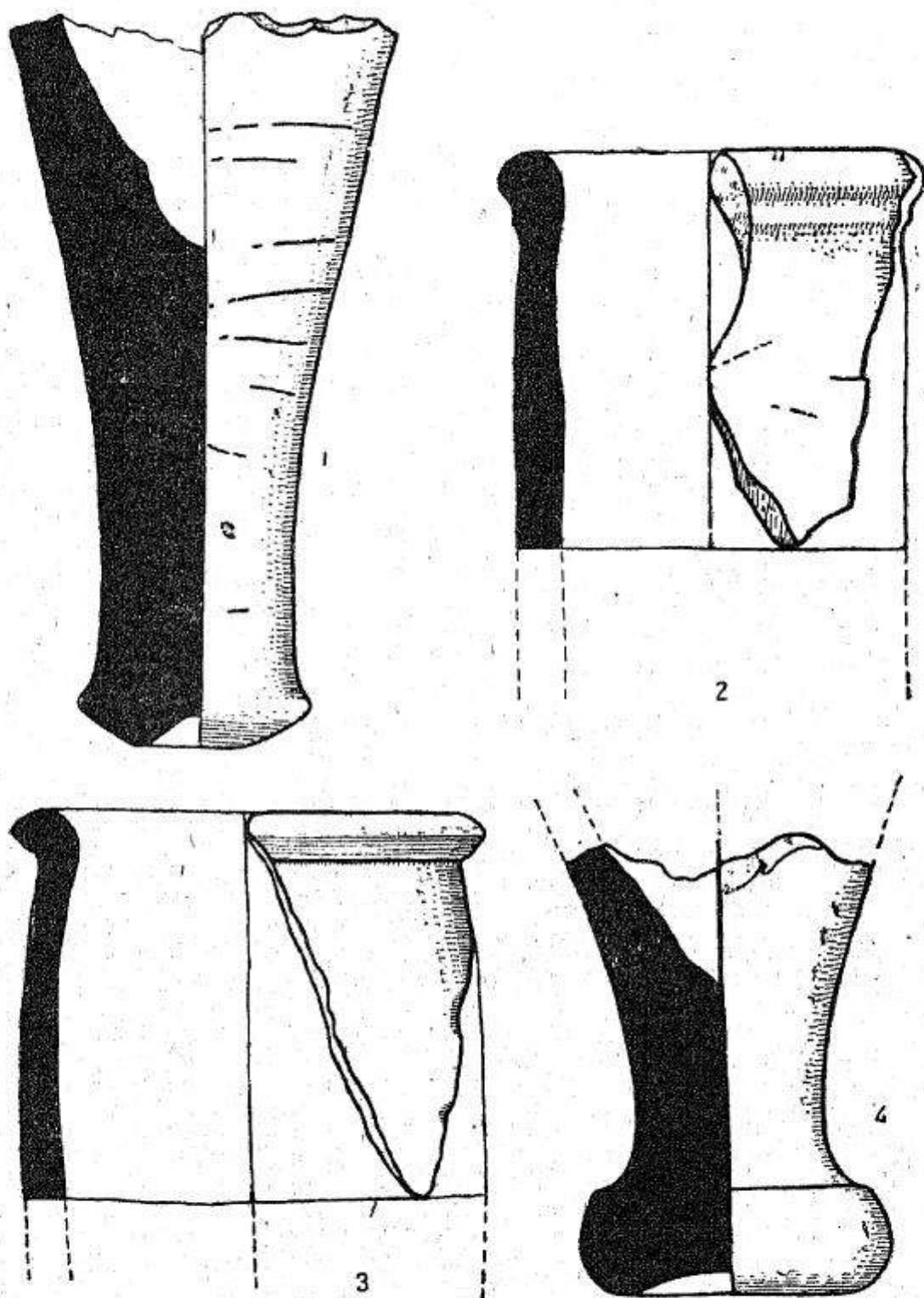

Рис. 32. Обломки остродонных амфор из верхнего (почвенного слоя).

IV должен быть по времени объединен со слоем III того же раскопа; во всяком случае, он ближе к III слою, чем к I.

В раскопах I и IV устанавливаются, таким образом, два основных слоя, соответствующих двум периодам жизни поселения: нижний песчаный, с материалом V и начала IV в. и

верхний почвенный, с находками второй половины IV и III вв. Более позднего материала оба раскопа не дали совсем.

К тем же V—III вв. относятся и все находки остальных раскопов, а также материал, собранный на поверхности городища. Большое количество обломков греческой керамики, легко поддающихся датировке, дал раскоп II. Самый ранний типологически предмет данного раскопа — обломок ножки амфоры № 443 (рис. 34, 1) уже встречавшегося у нас типа VI и V вв.; здесь этот обломок обточен, просверлен и использовался, вероятно, в качестве какого-то грузила. К числу поздних экземпляров относится обломок горла амфоры с клеймом NI (№ 374), отнесенный О. О. Крюгером к III или концу IV в., также обломки ножек №№ 455 и 463 (рис. 34, 2 и 3). Приблизительно тем же временем датируются и некоторые экземпляры чернолаковой керамики с типичным для конца IV и III вв. плохим тусклым лаком, напр., № 347 — ножка канфара с характерным для малоазийской керамики III в. небрежно очерченным профилем (рис. 35, 4), № 364 — обломок чашечки с лаком, имеющим сильный металлический отблеск (рис. 36, 2), № 388 и другие. Наконец, в том же раскопе найден и обломок раннеэллинистического большого сосуда (кратер) с росписью, исполненной коричневой и красной красками по белой обмазке;

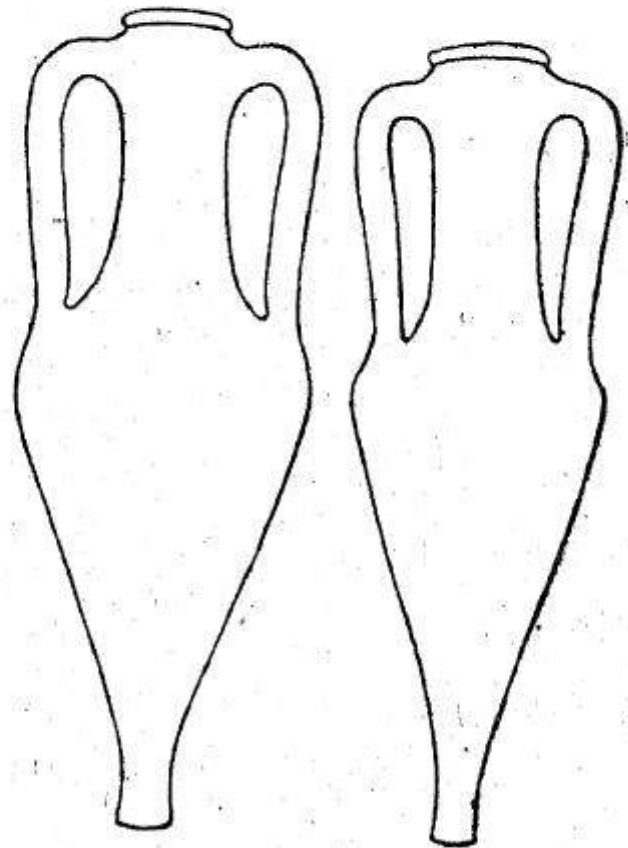

Рис. 33. Типы остродонных амфор IV—III веков до н. э. (группа амфор с английскими клеймами).

о месте его производства я затрудняюсь высказаться с уверенностью, скорее всего, это один из малоазийских центров. Из остальных находок большая часть принадлежит IV в.

В раскопе III греческой керамики было найдено очень мало; то, что найдено, не выходит за пределы того же промежутка времени. Два обломка чернолаковых сосудов (№№ 722 и 723) принадлежат IV, может быть началу III в.; два имеющиеся налицо обломка амфорных донышек (№№ 695 и 696) и один обломок, оставленный на месте, недостаточно ясно воспроизведенный в журнале раскопок, принадлежат знакомому нам типу амфоры с вытянутой ножкой IV—III вв. до н. э. Форма ножки № 695 близка уже упоминавшемуся нами № 321 (рис. 32, 1); она встречает многочисленные ана-

логии в марицынских погребениях IV—III вв.;¹ форма доннышка № 696 (рис. 34, 4), повторений которой я не знаю среди изданного материала, встречает наиболее близкие аналогии опять-таки среди амфор из комплексов IV—III вв.;² наконец, воспроизведенный в журнале обломок в точности соответствует № 542 раскопа IV, найденному в III слое, с материалом IV—III вв. (см. рис. 32, 4).

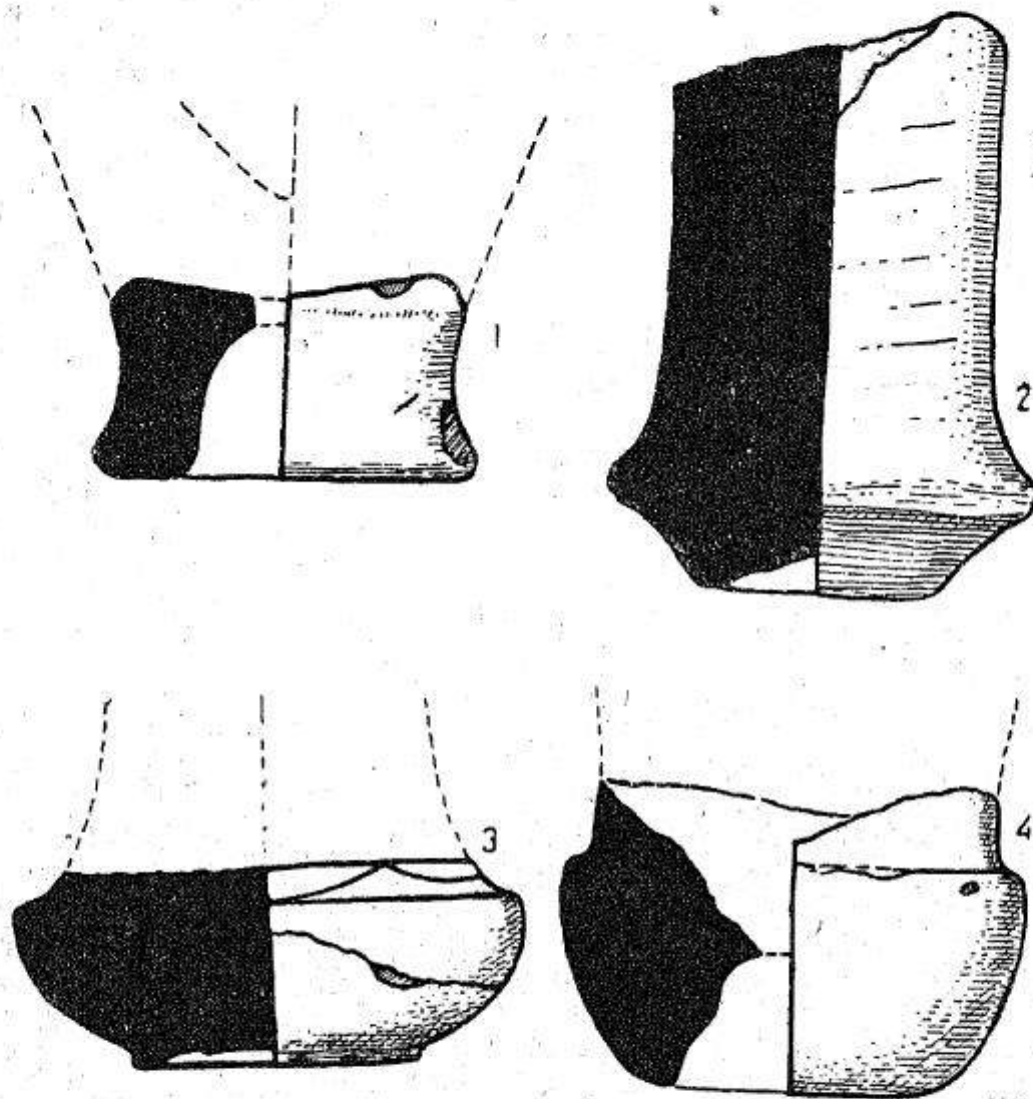

Рис. 34. Обломки остродонных амфор из раскопов II и III.

Определить время раскопов V и VI невозможно — в них было найдено очень мало материала, и весь он сводился к обломкам стенок амфор или грубых горшков, не дающим представления о типе сосуда. Во всяком случае, обломков более поздних, чем в остальных раскопах, и здесь обнаружено не было.

Значительное количество материала, собранного сотрудниками экспедиции на поверхности, также не дало ни одного

¹ См. Ebert, ук. соч., стр. 27, рис. 28 (1Nr); стр. 38, рис. 41 (3Xc, 3Xg, 3Xi, 3Xl, 3Xo, 3Xp), стр. 41, рис. 43 (3Bc) и мн. др.

² Там же, стр. 27, рис. 30 (1Nf).

экземпляра, относящегося к другой эпохе, чем V—III вв. до н. э., и вместе с тем пополнило собрание елисаветовских находок характерными и хорошо датированными обломками керамики. На первом месте здесь стоит целая коллекция обломков амфорных ручек с клеймами — „астиномными“, родосскими, фасосскими и херсонесскими (№№ описи 742—763). Все они были определены О. О. Крюгером и все, по его заключению, должны быть отнесены к III в. до н. э.; возможность датировки началом II в. допускается только для № 763. Не вносит ни-

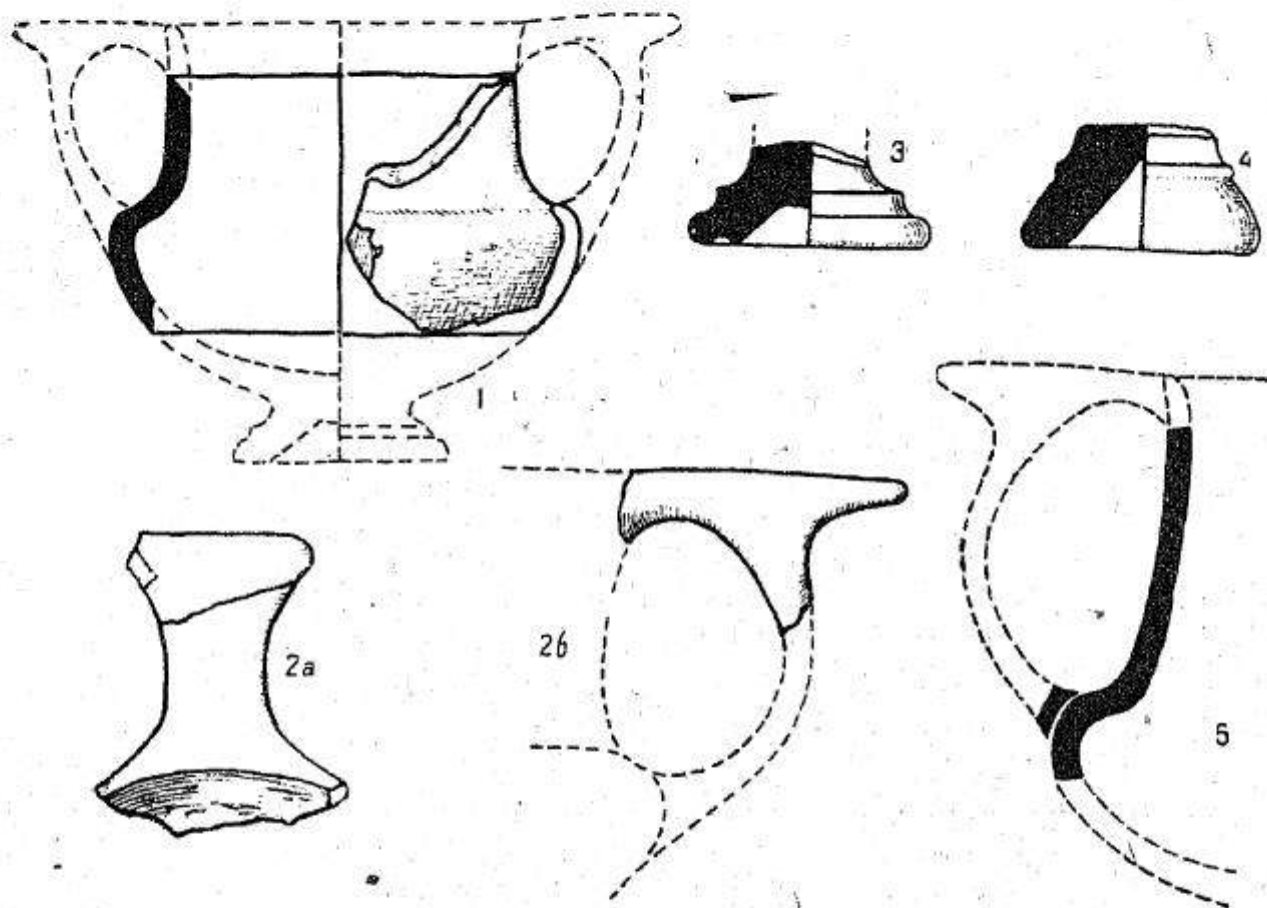

Рис. 35. Образцы малоазийской чернолаковой керамики из Елисаветовского городища. Тип канфара.

каких изменений в наши заключения и ряд обломков греческой чернолаковой керамики: все они укладываются в тот же промежуток времени V—III вв. до н. э., причем подавляющее большинство должно быть отнесено к IV в.

Я задержалась так долго на датировке, так как по вопросу о времени существования Елисаветовского городища между исследователями не было полного соглашения; вместе с тем от той или иной даты зависит и определение городища, в частности решение вопроса, можно ли видеть в Елисаветовском городище древний Танаис, прекративший существование вследствие разрушения его Полемоном. А. А. Миллер в прежних своих работах относил время Елисаветовского городища к длинному периоду с VI по I в. до н. э.; прекра-

шение существования поселения связывалось у него благодаря такой датировке с известием о разрушении Танаиса Полемоном.¹ М. И. Ростовцев, выдвигая ряд доводов против отождествления Елисаветовского городища с „дополомоновским“ Танаисом, указывает также и на неточность датировки А. А. Миллера: сам он высказывается за IV—III вв. до н. э., как за дату городища.² Мы видели, что обе датировки нуждаются в поправках: А. А. Миллер чрезмерно расширяет, М. И. Ростовцев несколько сужает временные границы, в которые укладывается жизнь Елисаветовского городища.

Следует отметить, что все находки, добытые предыдущим исследованием городища, вполне подтверждают датировку, получившуюся у нас на основании материала экспедиции 1928 г.

Характерно, что при отсутствии в Елисаветовском городище типичной эллинистической керамики II—I вв. — „мегарских чашек“, светильников и бальзамариев выраженных эллинистических типов эллинистической керамики с резным и накладным орнаментом, наконец, позднеэллинистических остродонных амфор — мы находим все эти группы в той же области нижнего Дона, но в другом поселении, а именно в Недвиговском городище. Это еще более подтверждает то заключение, что отсутствие данных групп в нашем городище не является случайным, а действительно указывает на прекращение жизни поселения в то время, которым датируются эти группы.

Перейдем к рассмотрению найденного при исследованиях 1928 г. материала. В помещенной у нас на стр. 198—199 таблице указаны все группы, на которые распадается этот материал, с количественным учетом находок в каждом раскопе и каждом слое. Эти данные требуют пояснений и дополнений.

Среди керамических находок, сделанных в 1928 г. в Елисаветовском городище, постоянно отмечаются следующие группы: 1) керамика, характеризующаяся применением черного „лака“:³ сосуды, сплошь покрытые этим лаком („чернолаковые“), или с поверхностью, частью сплошь закрашенной, частью расписанной лаком по фону красноватой глины („чернофигурная“ и „краснофигурная“ керамика); 2) большие остродонные амфоры; 3) простая керамика из глины красно-желтого цвета — в дневниках раскопок она фигурирует под именем

¹ См. ИАК, в. 56, стр. 220 и 222. Здесь дана датировка некрополя, а не городища; но на материале некрополя и основываются главным образом выводы А. А. Миллера. Отметим, что и материал некрополя не дает находок позже III в. до н. э.

² См. М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, Лнгр., 1925 г., стр. 533 и прим. 1 на той же стр.; *Skythien und der Bosphorus*, Berlin, 1931 г., стр. 472, прим. 2.

³ Употребляю обычное, но неправильное определение, как условное обозначение, так как оно до сих пор не заменено никаким другим, которое хоть в какой-либо степени получило бы общее признание. Правильнее было бы называть этот „лак“ глазурью.

„тонкостенной“ или „простой тонкостенной“; 4) керамика из серой глины; 5) сосуды — обычно большие чашки и блюда — из светлой и довольно грубой глины, отличающиеся очень толстыми стенками, большой тяжестью и простыми, чисто-хозяйственными формами; обычное определение — „толстостенная керамика“; 6) керамика из серой глины с поверхностью, подвергнутой „лощению“; 7) сосуды, сделанные от руки, без гончарного круга, из грубой глины с большим количеством примесей („грубая местная керамика“, „лепная местная керамика“).

Такого рода обозначения — обозначения чисто-внешние, формальные — простительны, а иногда и неизбежны в условиях полевой работы, но совершенно недопустимы в отчете, имеющем целью охарактеризовать значение сделанных находок. Мы должны прежде всего расшифровать все эти определения, объяснить, где мы имеем дело с местной продукцией, где с импортом, и если с импортом, то откуда; должны объяснить также основной характер и назначение каждой из групп. Только тогда этот материал получит какое-то значение, и только тогда он создаст возможность обобщений, касающихся всей культуры поселения.

Начнем с керамики, характеризующейся применением черного лака. Не так давно понятия керамики чернолаковой или краснофигурной неизбежно ассоциировались с представлением об Аттике; исключение делалось чуть ли не для одной Италии. Сейчас такое представление приходится совершенно оставить. Многочисленные раскопки, производившиеся в целом ряде областей античного мира, убеждают нас в том, что производство такого рода керамики существовало чуть ли не везде, куда проникали в сколько-нибудь значительном количестве греки, вернее, где они составляли значительную часть постоянного оседлого населения. К сожалению, как раз для классической эпохи все такого рода наблюдения до сих пор высказывались лишь в виде отдельных замечаний: сводных работ о различных локальных группах мы почти не имеем. Такое положение дел заставит нас несколько дольше задержаться на вопросе о группах, представленных в Елисаветовском городище, чем это было бы необходимо при большей изученности вопроса.

Для Елисаветовского городища работа по классификации чернолаковой керамики особенно осложняется тем, что там преобладают мелкие обломки, не дающие представления о форме сосуда, часто при этом с сильно поврежденной поверхностью. Но, при значительном количестве экземпляров трудно определимых, мы все же отчетливо различаем в материале 1928 г. три различных группы. Первая группа характеризуется особенно высокими техническими достоинствами. Глина очень хорошо обработанная, мелкозернистая, однородная, с мельчайшими частицами слюды и без сколько-нибудь заметных других примесей; цвет ее обычно желтый, оранжево-красный. Вы-

сокими качествами отличается и лак — густой, черный, иногда имеющий коричневатый, синеватый или оливковый оттенок; покрытая им поверхность на ощупь гладкая и ровная; обычно лак имеет сильный блеск. Все перечисленные черты свойственны аттической керамике V—IV вв. до н. э. — группе, хорошо известной благодаря богатейшему материалу, найденному на почве самой Аттики.

Сколько-нибудь крупных и значительных экземпляров аттической керамики в 1928 г. найдено не было: все находки — мелкие черепки, определяемые по их глине, лаку и некоторым техническим особенностям. Составить представление о форме сосуда удастся лишь в редких случаях. Я перечислю наиболее характерные находки:

1. № 212. Рис. 30,2. Обломок глубокого килика с краснофигурной росписью (часть женской головы) снаружи и растительным орнаментом, исполненным белой краской по черному лаку, внутри. Принадлежит к довольно распространенному типу аттических киликов на низкой подставке, датирующихся еще V в. до н. э. Найден в I слое раскопа I.

2. № 290. Рис. 30,1. Маленький обломок краснофигурного открытого сосуда. Изображение трудно понять по сохранившейся слишком незначительной части его (одежда со складками?), но характерные черты аттической росписи V в. с обозначением деталей тонкими линиями, исполненными частью густым, частью разбавленным лаком, выражены здесь вполне ясно. Найден в I слое раскопа I.

3. № 274. Обломок краснофигурного скифоса — ручка и часть стенки с сохранившимся у верхнего края ничтожным кусочком краснофигурного изображения. Форма ручки, лишенная строгости и простоты ранних сосудов, и характер лака — буроватого, не очень блестящего — заставляет датировать обломок IV в., вероятно, даже второй половиной его. Найден в III слое раскопа I.

4. № 285. Рис. 30,3. Обломок нижней части краснофигурного скифоса IV в., подобного только что описанному. Сохранилась часть пальметки, находившейся внизу боковой части скифоса, под ручкой; ср. изображенный на рис. 31 краснофигурный скифос с аналогичным орнаментом, найденный в одном из курганов Елисаветовского некрополя.¹ Найден во II слое раскопа I.

5. № 406. Обломок небольшого сосуда с прямыми, вертикально вверх поднимающимися стенками. Поперечные борозды на наружной стороне не покрыты лаком и по фону глины закрашены красной краской. На внутренней стороне сохранились остатки орнамента, исполненного белой краской по лаку. V — начало IV в. до н. э. Найден во II раскопе.

¹ 1911 г., кург. № 26: см. ИАК, в. 56, стр. 239—240, рис. 45 на стр. 240.

6. № 422. Часть стенки килика (у основания ручки). По характеру лака принадлежит V или первой половине IV в. Найден во II раскопе.

7. № 472. Обломок миниатюрного канфара с реберчатым туловищем. V — первая половина IV в. Найден во II раскопе.

8. № 222/223. Обломок открытого сосуда, покрытого лаком особенно высокого качества, с сильным зеркальным блеском. V — начало IV в. Найден в I слое раскопа I.

Сверх перечисленных восьми экземпляров, к группе аттической керамики бесспорно принадлежит также целый ряд обломков, или вовсе не дающих представления о форме сосуда, или позволяющих восстановить только небольшую его часть. Описывать их все не стоит; всего таких обломков найдено в 1928 г. до 20.

Значительно большим количеством экземпляров представлена вторая группа чернолаковой керамики. От первой ее отличает ряд особенностей. Глина не так хорошо обработана; по большей части она содержит большое количество частиц слюды, не настолько измельченных и не так равномерно распределенных, как в глине аттической; у глины некоторых экземпляров резко выражена слоистая структура. Оттенки глины различны, но нигде она не имеет свойственного аттической глине теплого, оранжевого оттенка — основная окраска всегда остается коричневатой. Иного качества и лак; никогда он не достигает блеска и густоты аттического и всегда имеет более или менее выраженный коричневый оттенок. Часты стоящие в зависимости от несовершенств обжига переходы основного темного цвета в красный; нередко лак имеет также металлический отлив.

Различия наблюдаются и в очертаниях сосудов. Правда, основываясь на нашем материале, представляющем сплошь обломки, часто не дающие возможности восстановить форму сосуда, мы лишь очень осторожно можем об этом говорить. И тем не менее разница очевидна. Во второй нашей группе нет той четкости, выражающейся и в общих очертаниях, и в отдельных деталях формы, того, можно сказать, архитектурного строения сосуда, которое свойственно керамике аттической. Переходы одной части сосуда в другую в этой группе обыкновенно менее резко выражены, формы упрощены, они отличаются меньшим количеством таких деталей, как уступы, рельефные пояски и т. д. Вместе с тем этой группе свойственны определенные детали формы, не встречающиеся в другой группе и постоянно повторяющиеся в данной. Примером могут служить хотя бы подставки чашек и блюд. Если не считать поздних форм, упрощенных и выродившихся, основные разновидности подставок чашек и блюд той группы, о которой идет речь, сводятся к двум типам, воспроизведенным у нас на рис. 36, 3 (тип первый) и рис. 36, 4—6 (тип

второй). Особенно характерным приходится считать второй наш тип, с выемкой на нижней части подставки. Среди елисаветовских находок 1928 г. мы четыре раза встречаем такую подставку — № 411, 441, 523 (см. рис. 36, 4—6) и 770; все эти четыре обломка относятся по своим техническим особенностям к только-что описанной группе. Просматривая находки, сделанные в том же Елисаветовском городище за предыдущие годы, мы и там встречаем целый ряд повторений тех же двух типов подставок, опять-таки в сочетании с упомянутыми техническими особенностями нашей второй группы.

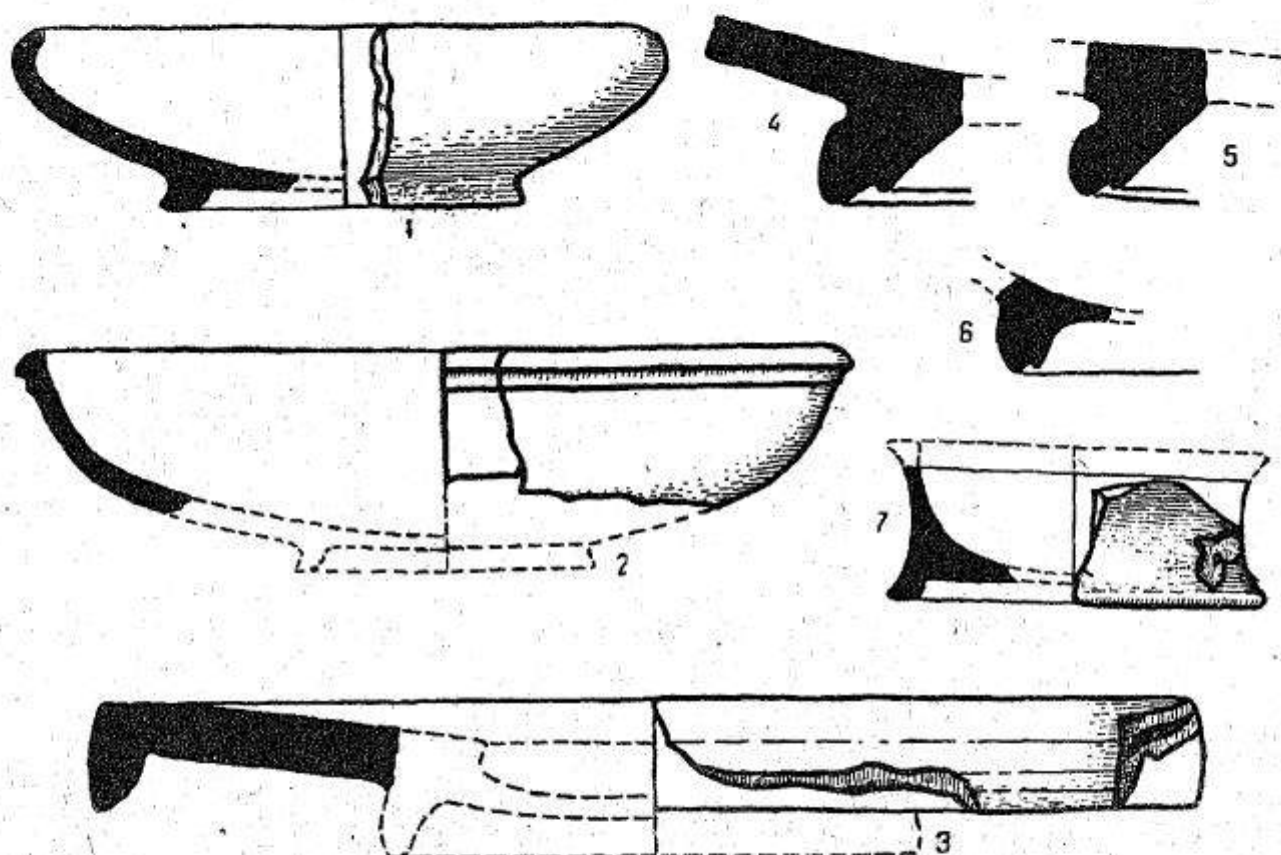

Рис. 36. Образцы малоазийской чернолаковой керамики из Елисаветовского городища. Чашечки. Рыбное блюдо. Типы малоазийских подставок.

Между тем в аттической группе мы находим у блюд и чашек тех же форм подставки иначе очерченные, как вообще находим иные детали формы.

Все перечисленные черты различия между двумя группами чернолаковой керамики, состоящие, как мы видели, в характере глины, лака, разновидностях типов, но не в самых типах, являются обычными чертами, отличающими друг от друга две родственные, но принадлежащие разным местностям группы. Рассматриваемая нами группа является скорее всего малоазийской. За это говорит, прежде всего, сходство наших обломков с чернолаковой керамикой, находимой в греческих городах Малой Азии наряду с аттическим импортом; уже высказывалось предположение, что в этих малоазийских

находках мы имеем местную малоазийскую продукцию.¹ Действительно, сравнивая нашу вторую группу с теми, малоазийское происхождение которых едва ли может возбуждать сомнение, как группа архаической ионийской керамики с одной стороны и находимая в громадном количестве в Малой Азии эллинистическая керамика, покрытая коричневатым лаком, с другой, мы убеждаемся в близком родстве всех этих трех групп между собою. Это родство проявляется в глине, совпадающей иногда до мельчайших деталей структуры и цвета, в лаке, всегда во всех трех перечисленных категориях имеющем более или менее коричневатый цвет и не сильный блеск, наконец, в некоторых деталях росписи и формы. Отличие группы малоазийской чернолаковой керамики и от большей части архаической ионийской керамики и от керамики эллинистической состоит в более высоком качестве лака; но это — общее явление, свойственное греческой керамике классической эпохи: ведь и аттический лак архаического и эллинистического времени значительно уступает лаку V и IV вв. до н. э. Вместе с тем те из малоазийских сосудов групп архаической и эллинистической, которые хронологически наиболее близки классической эпохе, оказываются иногда по своей технике вполне тождественными чернолаковой малоазийской керамике классической эпохи. Такова, например, ионийская чернофигурная керамика конца VI в. до н. э., технически часто ничем не отличающаяся от нашей группы чернолаковых сосудов.

Что наша вторая группа чернолаковой керамики идентична той, которая представлена малоазийскими находками, не подлежит сомнению. Мы находим в последней все те особенности, которые отметили в нашей. Особенно характерно повторение некоторых деталей, как, например, уже упоминавшиеся нами два типа кольцеобразных подставок (см. рис. 36, 4—6, где воспроизведены профили наших елисаветовских обломков, рис. 37, где изображены два обломка, найденные в Пергаме).

Как я уже указывала, обломков малоазийской чернолаковой керамики найдено в 1928 г. в Елисаветовском городище значительно больше, чем аттической, — свыше 90 экземпляров первой, около 20 — второй; здесь мы говорим, конечно, об экземплярах, определение которых не вызывает сомнений. Среди находок малоазийской группы также не было найдено ни одного целого сосуда; но по некоторым обломкам сосуд может быть восстановлен полностью, другие дают во всяком случае достаточно ясное представление о форме. Некоторые формы повторяются с большим постоянством. Я перечислю все главные типы сосудов, которые нам удастся установить.

¹ См. *Altertümer von Pergamon*, Berlin, изд. Georg Reimer, 1912 г., т. I, 2, стр. 269; также Wiegand — Schrader, *Priene*, Berlin, 1904 г., стр. 397.

1. Канфар (см. рис. 35). Разновидности определяются главным образом характером стенок — „реберчатых“ или гладких, формой сосуда, более стройной или приземистой, и различием в соотношении между собой частей сосуда: так, горло бывает более или менее длинным, ножка более или менее высокой и т. д. Часто горло украшено рельефным, исполненным полужидкой желтой массой растительным орнаментом (см. рис. 30,5); венчик иногда образует над стенками значительный выступ. Встречается чаще других типов; найденные в 1928 г. обломки канфаров принадлежат по меньшей мере 30 различным сосудам. Большое количество канфаров найдено было в районе Елисаветовской станицы и в прежние годы — и в городище и в курганах.¹ Среди обломков канфаров, найденных в 1928 г., большая часть принадлежит IV в., но встречаются экземпляры и III и V вв. до н. э.

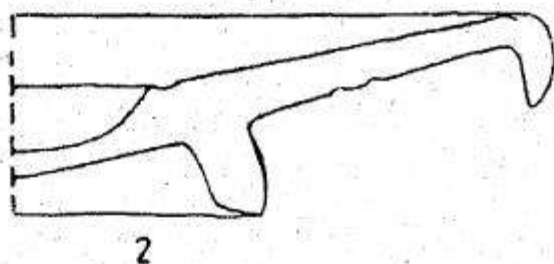
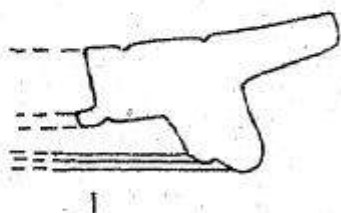

Рис. 37. Два обломка чернолаковых рыбных блюд, найденных в Пергаме.

дам. Изображенные на рис. 36, 1—2 №№ 538 и 364 принадлежат оба чашечкам раннеэллинистической эпохи: лак в обоих случаях тусклый, буроватый, имеет, особенно у № 364, сильный металлический отлив; около подставки № 538 сохранились отпечатки пальцев, державших чашечку при покрытии ее лаком. Из других обломков большинство отличается лаком лучшего качества; они относятся все к IV, может быть, еще к концу V в.³

3. „Рыбные блюда“ (рис. 36,3). Хотя ни один из обломков не дает возможности восстановить форму целиком, общий тип

¹ См., напр., ИАК, в. 35, рис. 13, 13, 14, 15 на стр. 107. Значительно распространена форма канфара и в других поселениях северного Причерноморья; ср., напр., находки в Ольвии, ИАК, в. 8, стр. 36—37, рис. 23—29.

² Обе разновидности были представлены в Елисаветовском городище и курганах и в прежние годы, см., напр., ИАК, в. 35, стр. 107, рис. 13,8—12.

³ Аналогичные чашки много раз встречались в комплексах V, IV и III вв. до н. э.; см., напр., Ebert, ук. соч., стр. 22, рис. 19 и стр. 24, рис. 21 (V в.), курган Карагодеуашх, МАР, в. 13, стр. 48, рис. 17 (IV в.) и мн. др.

вполне ясен: это — блюда с отогнутым книзу, обычно под прямым углом краем, с углублением в виде чашечки („солонки“) в центре и небольшой кольцеобразной подставкой; от хорошо известных аттических „рыбных блюд“ наши блюда отличаются обычной для малоазийских сосудов меньшей четкостью контуров. Особенно типичный экземпляр представляет № 572 (рис. 36,3) — часть наружного края блюда. Здесь особенно ясно выражено сходство с архаической ионийской керамикой, сказывающееся и в глине коричневато-желтого цвета с многочисленными частицами слюды, близко напоминающей некоторые экземпляры группы „Фикеллура“, и в темно-коричневом, местами имеющем дымчатый оттенок лаке. Всего в 1928 г. было найдено 4 обломка рыбных блюд. Все они представляют части наружного края; недостающая средняя часть с центральным углублением и кольцеобразной подставкой восстанавливается по материалу предыдущих годов и по находкам в других местах — в греческих городах Малой Азии¹ и у нас, на юге СССР.

4. Маленькая чашечка с вогнутыми стенками (рис. 36,7). Тип представлен всего одним экземпляром (№ 211), принадлежащим концу V или началу VI в.²

5. Блюда и тарелки с широким плоским дном на кольцеобразной подставке. Среди обломков этой формы некоторые принадлежали блюдам очень значительных размеров.

Восстановить по найденным в 1928 г. обломкам форму хотя бы одного из этих блюд не удастся — большая часть их дает только плоское, совершенно горизонтальное дно; внутри на дне часто встречаются круги из насечек. Все их подставки принадлежат двум упоминавшимся нами типам. Обломков блюд найдено было в 1928 г. много, и принадлежат они по меньшей мере 14 различным блюдам.

6. Килики различных типов: неглубокие килики на высокой ножке и глубокие, на низкой кольцеобразной подставке. Обломков, бесспорно принадлежащих киликам, всего 4; по лаку они все должны относиться к раннему времени.

Кроме перечисленных шести форм, вне сомнения существование в Елисаветовском городище еще целого ряда типов или разновидностей типов малоазийских сосудов, но о них мы не можем составить себе сколько-нибудь ясного представления. Описывать все эти обломки стенок, ручек, венчиков и подставок нет никакого смысла: ограничусь краткой характеристикой всего этого материала. Прежде всего останавливает

¹ Ср., напр., *Altertümer von Pergamon*, т. I, 2, стр. 270, рис. 27.

² Совершенно аналогичные чашечки были найдены: в Марицине в типичном погребении 1-й половины IV в., см. Ebert, *ук. соч.*, 28, рис. 31; в Ольвии, также в могиле IV века, см. ИАК, в. 28, стр. 34, рис. 18; в одном из елисаветовских курганов (1911 г., № 19), см. ИАК, в. 56, стр. 257, рис. 38, также в погребении IV в., и т. д.

внимание большое разнообразие форм сосудов, о чем свидетельствуют различные типы венчиков, ножек, ручек, восстанавливаемые по нашим обломкам. Преобладают сосуды небольших размеров; многие из них представляют различные виды питьевых чаш или кубков — скифосов, канфаров, киликов, на что указывает значительное количество различного рода ручек, похожих на ручки таких сосудов. Встречаются также обломки закрытых сосудов, опять-таки маленьких размеров: скорее всего это флаконы для ароматических масел — лейфы, алабастры, амфориски; возможно, что некоторые обломки принадлежат светильникам.

Среди всех ионийских обломков заслуживает особого внимания № 648 — обломок сосуда с чернофигурной росписью (рис. 30,6). От изображения сохранилось очень мало — угол рамки, исполненной тонкими линиями густого темно-коричневого лака, и совсем уж незначительный остаток какого-то рисунка, сделанного широкими мазками и более жидким лаком. Тем не менее, принадлежность черепка группе чернофигурной ионийской керамики второй половины VI в. до н. э. вне сомнения. находка эта важна именно вследствие своей ранней даты: это та же группа и то же время, какие устанавливаются для чернофигурного обломка из кургана, раскопанного Ушаковым.¹

Третья представленная находками в Елисаветовском городище группа чернолаковой керамики резче отличается от обеих рассмотренных групп, чем эти группы друг от друга. Особенно значительны отличия в лаке: он имеет блеклый, то буроватый, то темно-серый цвет, часто видоизменяющийся под влиянием обжига в коричневато-красный; наложен по большей части неровными мазками и покрывает поверхность тонким слоем, не скрывающим ее неровностей; блеска не имеет или почти не имеет. Глина по большей части обработана хуже, чем не только в аттической, но и в малоазийской группе; характерны примеси, — кроме слюды, в ней встречаются частицы кварца, иногда крупинки непромешанной извести; окраска бледная, со значительными колебаниями в оттенках — то красноватая, то почти чисто серая: переходы от бледно-красного цвета к серому наблюдаются иногда на одном обломке — они обуславливаются, повидимому, особенностями обжига. В выделке сосудов, как это можно видеть даже и по нашему очень скудному материалу, наблюдается большая упрощенность и небрежность. Так как некоторые экземпляры этой группы были найдены в глубоких слоях вместе с ранними аттическими и ионийскими обломками, то возможность отнести технические несовершенства этой керамики на счет позднего времени отпадает безусловно.

¹ См. выше, стр. 114, прим. 2.

Типичный экземпляр этой группы — килик на низкой подставке № 236/304, найденный разбитым на много кусков на границе слоев I и II раскопа I; форма восстанавливается почти полностью (см. рис. 38,1). Все отмеченные черты техники и формы выражены в этом килике особенно резко. Лак жидкий, тусклый, бурого цвета, на внутренней стороне покрасневший; форма упрощена, в выделке деталей наблюдается большая небрежность (подставка, ручки). Другие два обломка, дающие представление о форме сосудов, принадлежат оба средней части рыбных блюд. Из них № 230 (рис. 38,2) представляет состоящий из двух кусков обломок подставки рыбного блюда небольшой величины. Характерен „лак“ этого обломка — не черный и даже не коричневый, а весь темно-серый, с чем следует сопоставить и серый цвет глины: то и другое обуславливается,

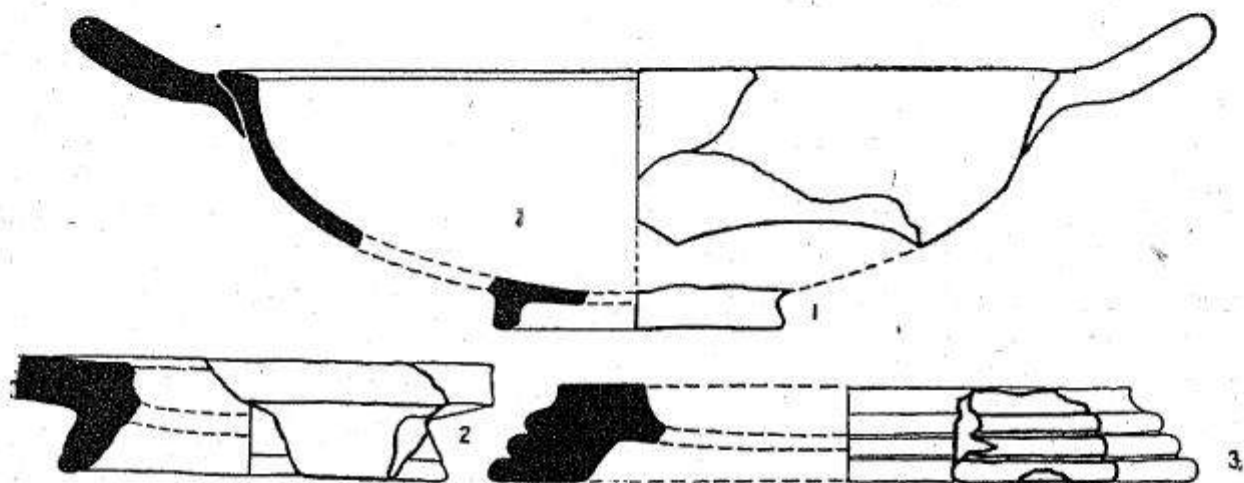

Рис. 38. Образцы боспорской чернолаковой керамики из Елисаветовского городища.

очевидно, характером обжига. На наружной стороне дна процарапаны буквы ФА. Форма подставки очень упрощена; ни подставка, ни прилегающая к ней нижняя сторона дна не покрыты лаком. Обломок найден в I слое раскопа I. № 768 (рис. 38,3) принадлежит блюду значительно больших размеров; по качеству желтовато-серой с многочисленными примесями глины и буровато-серого тусклого и жидкого лака он стоит еще ниже и еще дальше от характерной чернолаковой керамики Аттики и Ионии. Подставка № 768, при крайне небрежной и грубой ее выделке, имеет характерную форму: это три лежащих один над другим валикообразных уступа. Обломок найден на поверхности городища, на месте одного из прежних раскопов (Леонтьева или Хицунова.)

В этой группе я склонна видеть продукцию мастерских Боспорского царства, скорее всего — мастерских Пантикапея. Первым доводом за это является характер глины этих сосудов, крайне сходной с глиной многочисленных изделий, найденных в Пантикапее и прилегающей к нему области.

Особенно убедительным представляется мне сходство глины данной группы керамики с глиной различных простых поделок (грузил, пряслиц и т. д.), местное производство которых едва ли можно подвергать сомнению. Сходную глину имеют также и грубые терракотовые фигурки местных божеств, глиняные модели скифских повозок и другие характерные изделия, боспорское производство которых стоит уже безусловно вне сомнений, а также и простая керамика, в большом количестве находящаяся в области Пантикапея и принадлежащая весьма значительному промежутку времени с V—IV в. до н. э. до позднего римского времени. Среди ранних экземпляров этой простой керамики встречаются типы, в выделке и деталях формы которых обнаруживаются случаи полного совпадения с „чернолаковыми“ сосудами нашей третьей группы. Об этой простой керамике речь еще будет в дальнейшем. Далее, уже самый район распространения чернолаковой керамики рассматриваемой группы говорит в пользу высказанного предположения. Чернолаковая керамика такого рода известна мне только в области Боспора — прежде всего в районе Пантикапея, затем в городищах Таманского полуострова. Многочисленный материал, добытый на Таманском полуострове последними экспедициями, дает возможность сравнить эту группу керамики с аналогичными группами других областей северного Причерноморья — Ольвии с прилегающим районом, Херсонеса и др. Разница бросается в глаза — у каждой из этих групп есть свои характерные черты, выражающиеся в строении и цвете глины, в характере лака, в формах сосудов; те особенности, которые мы наблюдаем в наших елисаветовских находках, свойственны именно керамике, находящейся в области Боспора.

Я не имею возможности в данной работе уделять слишком много внимания интереснейшему и крайне мало разработанному вопросу о местной керамике Боспора, в частности — о чернолаковой боспорской керамике. Укажу только, что даже беглое ознакомление с тем материалом, который мы без колебаний можем сопоставить с третьей елисаветовской группой чернолаковой керамики, наводит на мысль о том, что производство и чернолаковой и расписной керамики было развито в Боспорском царстве гораздо значительнее, чем это принято думать. Просматривая находки, сделанные в районе Боспорского царства, мы убеждаемся, что те технические черты, которые были мною отмечены в связи с нашими обломками, свойственны очень значительному количеству экземпляров, среди которых есть и сосуды, украшенные краснофигурной росписью. И, что особенно убеждает меня в правильности сделанного наблюдения, этим техническим особенностям сопутствуют также и определенные детали формы. Возьмем пример. Где в типичной греческой керамике классической эпохи —

малоазийской или аттической — мы встретим подставку из трех валиков, подобную подставке нашего № 768? Между тем в боспорских находках такой тип встретился мне в целом ряде случаев, и, что особенно привлекло мое внимание, такую подставку, при этом тоже небрежно вылепленную, мы находим у большого краснофигурного рыбного блюда, найденного на Таманском полуострове в 1913 г.¹ И у таманского рыбного блюда мы встречаем все отмеченные нами технические черты боспорской чернолаковой керамики: жидкий и тусклый лак буроватого цвета, небрежными мазками покрывающий поверхность, глину блеклого цвета, ничего общего не имеющую с глиной Аттики, которой приписывали и продолжают и теперь приписывать всю краснофигурную керамику, находимую в Причерноморьи. Сделанные наблюдения убеждают нас еще раз в том, что действительно необходима основательная работа по классификации керамических находок причерноморских поселений, с выделением как различных привозных групп, так в особенности групп местных. К сожалению, в области керамики классической эпохи опыты такой классификации не делались, насколько я знаю, совсем.

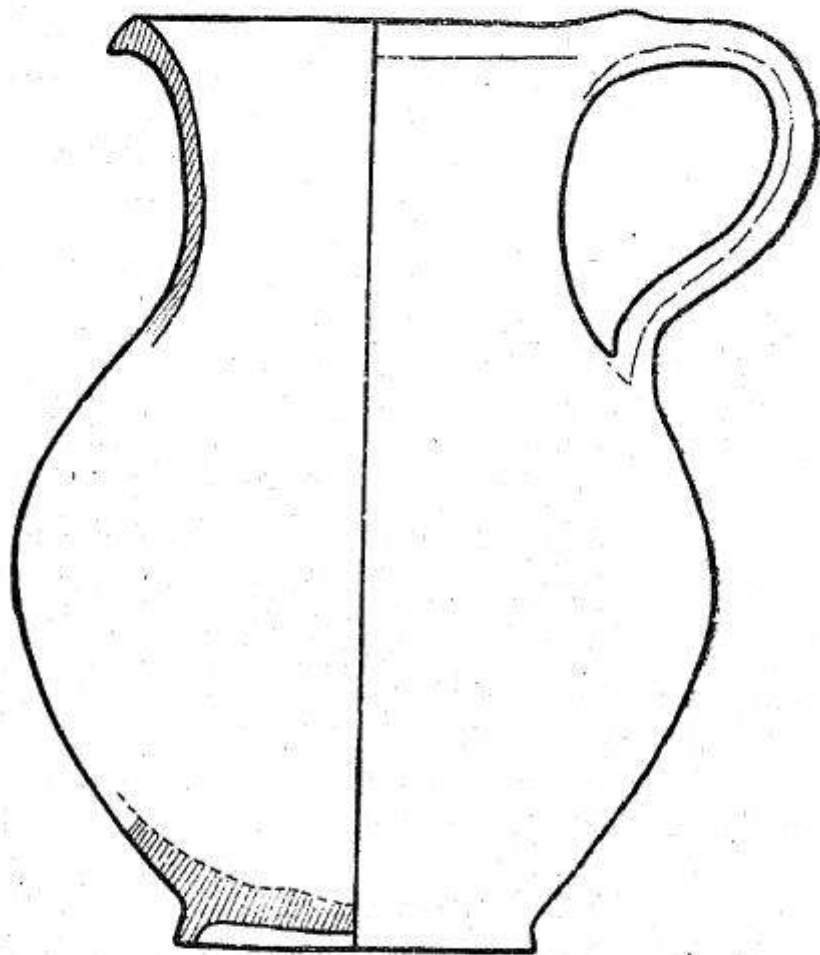

Рис. 39. Боспорская простая керамика. Тип кувшина.

По вопросу о назначении чернолаковых сосудов всех трех групп мы должны отметить существование известной разницы в положении каждой из этих групп. Аттическая керамика, чернолаковая и расписная, в значительной степени и керамика ионийская, никак не могут считаться обычной хозяйственной утварью, бывшей в ежедневном употреблении всей массы населения Елисаветовского городища. Значительную часть в этих группах составляют мелкие туалетные вещицы для аро-

¹ ОАК за 1913—1915 гг., стр. 145, рис. 228 на стр. 146.

матического масла, для хранения мелких украшений и т. д.; некоторые сосуды (расписная керамика) служили для целей декоративных более, чем для практического применения. Но и те сосуды, употребление которых в ежедневном обиходе более вероятно, как разные блюда, чашки и т. д., были обиходной посудой, конечно, только у наиболее состоятельной части населения: таково назначение большей части ионийской чернолаковой керамики. Что касается третьей нашей, беспорской группы, то такая посуда, очевидно, ценилась дешевле и могла употребляться и менее состоятельными слоями елисаветовского населения.

Еще меньше установленного и общепризнанного в смысле локализации производства имеется для групп простой керамики без росписи и глазури. Как не подходящие под понятие изделий художественных, эти сосуды привлекали очень мало внимания — издатели отчетов о раскопках обыкновенно удовлетворялись указанием на находки простых кувшинов, чашек или тарелок, не задаваясь вопросом о их происхождении.

Я начну с той группы, которая в раскопчных дневниках и описях обозначается как „тонкостенная простая керамика“. Глина большей части сосудов этой группы имеет основной красновато- или розовато-желтый цвет, довольно бледный; обычно она тонко измельчена, хорошо промыта и содержит характерные для нее примеси. Особенно типичны для этой массы ямки, получившиеся в результате разрыва поверхности при выделении плохо промешанной извести; из примесей встречаются мелкие частицы слюды и кварца. Часто основной красноватый цвет этой глины переходит в серый — иногда в виде отдельных пятен, иногда на более значительных участках. Настоящей обмазки или глазури нет, но иногда поверхность или часть ее бывает подкрашена белой, желтоватой, реже красной краской. В выделке этих сосудов наблюдаются довольно значительные колебания. Встречаются сосуды с толстыми стенками, плохо сглаженной поверхностью, грубой глиной; но преобладают тонкие стенки, тщательно сглаженная поверхность, хорошо обработанная глина. Наряду с этими особенностями привлекает внимание у сосудов самой лучшей работы некоторая, а иногда и очень значительная небрежность, сказывающаяся с одной стороны в выделке деталей, с другой — в нарушении симметрии. В результате у сосуда с очень тонкими стенками и изящными очертаниями оказывается неожиданно грубо и упрощенно вылепленная подставка (особенно та часть ее, которая не видна, когда сосуд стоит), а ручки скривлены набок. Такое сочетание работы тщательной и небрежной особенно свойственно данной группе в противоположность большинству известных нам греческих групп, будет ли то продукция Аттики, Ионии, Коринфа или еще какой-либо области.

Употребительных в этой группе форм сосудов очень не-
много; они сводятся к следующим шести основным формам:

1. Кувшин — одна из особенно часто встречающихся форм: найденные в 1928 г. обломки принадлежат по меньшей мере 18 различным сосудам. Характерный экземпляр, дающий представление о наиболее употребительной разновидности этого типа, воспроизведен у нас на рис. 39; этот кувшин на-

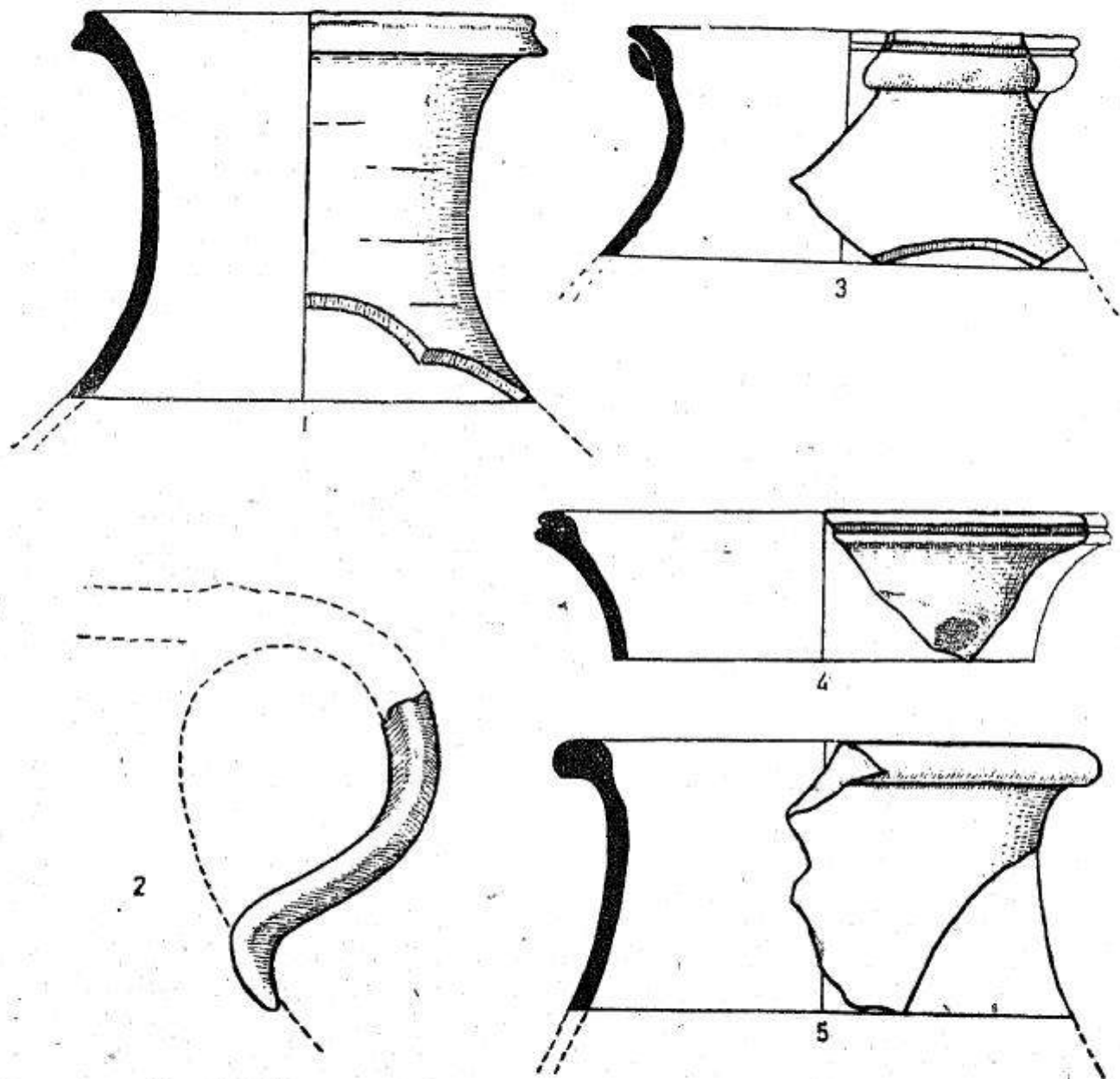

Рис. 40. Боспорская простая керамика. Обломки кувшинов.

ходится в Керченском музее. Рис. 40 воспроизводит некото-
рые из елисаветовских обломков, дающие различные разно-
видности того же типа.

2. Глубокие чашки на кольцеобразной подставке; обломки, найденные в том же году, принадлежат по меньшей мере 8 чашкам. Воспроизведенная у нас на рисунке 41, 1 чашка № 397 отличается довольно толстыми стенками и грубой вы-
делкой; из других обломков некоторые (№ 439; № 134 из на-

ходок 1927 г., см. тот же рис. 41, 2, 3) принадлежат, напротив, тонкостенным сосудам хорошей работы. Разновидности данного типа обуславливаются главным образом формой венчика, также характером выгиба стенок, то более округлых, то согнутых почти под углом.

3. „Рыбные блюда“ — тип, аналогичный уже встречавшемуся у нас в ионийской и боспорской чернолаковой керамике (рис. 45, 4—5; ср. рис. 36, 3). От „чернолаковых“, особенно ионийских, наши блюда отличаются еще более упрощенной формой; выделка обычно еще проще и грубее, чем у рассмотренных форм. Встречаются, впрочем, экземпляры, характеризующиеся тщательной работой и иногда применением

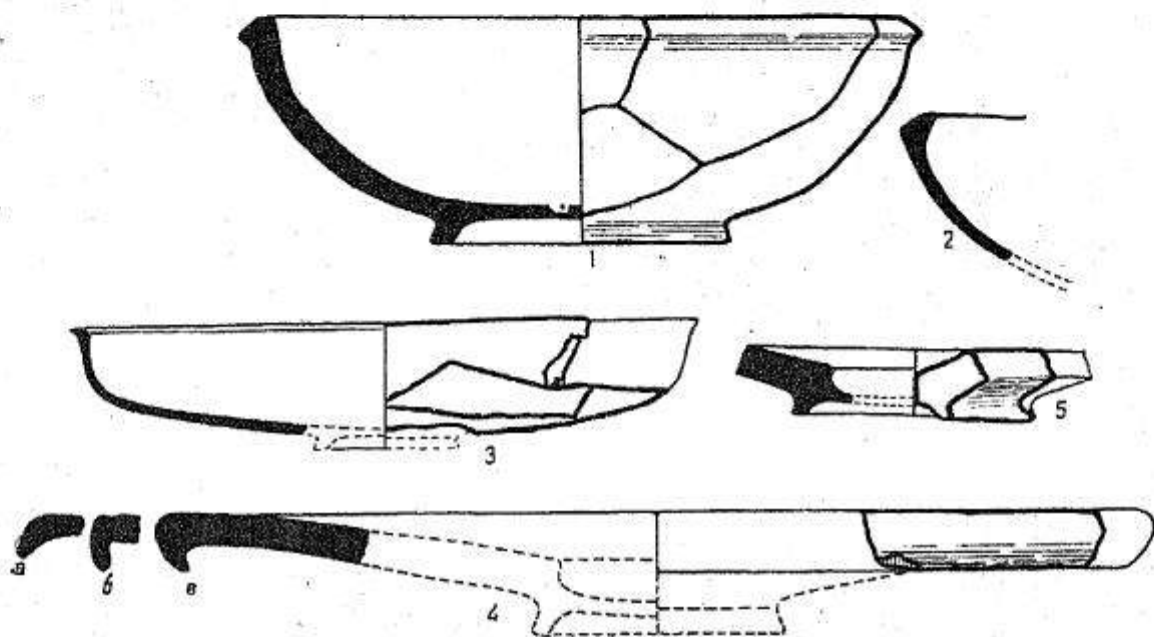

Рис. 41. Боспорская простая керамика. Чашки и рыбное блюдо.

орнаментальных деталей (напр., № 566, украшенный двумя тонкими желобками вдоль края). Найденными в 1928 г. обломками представлено не менее 14 блюд.

4. Чашки с крышкой и ручками (рис. 42, 1—4). Несмотря на значительное количество обломков, принадлежащих не менее чем 27 различным сосудам, форма не может быть восстановлена полностью; вполне ясна только верхняя часть. Внизу, судя по отдельным обломкам, по всей своей выделке очень напоминающим эти чашки, сосуд кончался плоским доньшком без подставки. С наружной стороны эти чашки постоянно бывают покрыты копотью, иногда заходящей и на крышку, — повидимому, в них приготавлилась пища прямо на огне. В соответствии с их назначением в качестве кухонной утвари, вся их выделка значительно проще и грубее, чем у других перечисленных типов; часто и глина хуже промыта, не так измельчена. Что касается разновидностей данной формы, то они определяются, повидимому, прежде всего глубиной

чашки; иногда они очень мелки, и весь сосуд превращается в нечто вроде нашей сковороды, иногда (см., напр., 42, 4) сравнительно глубоки. Ручки, судя по найденным обломкам, всегда круглые в разрезе.

5. Блюда и тарелки. Характерные черты типа: край, загнутый внутрь, почти вплотную к стенке; низкая подставка; постепенное прямолинейное углубление к центру, так что вся тарелка приобретает форму очень раскрытой воронки. В 1928 г. найдено всего два маленьких обломка таких блюд, №№ 93 и 94; оба принадлежат верхней части. Более полное представление о типе дают находки предшествующего времени — и в городище, и в курганах.

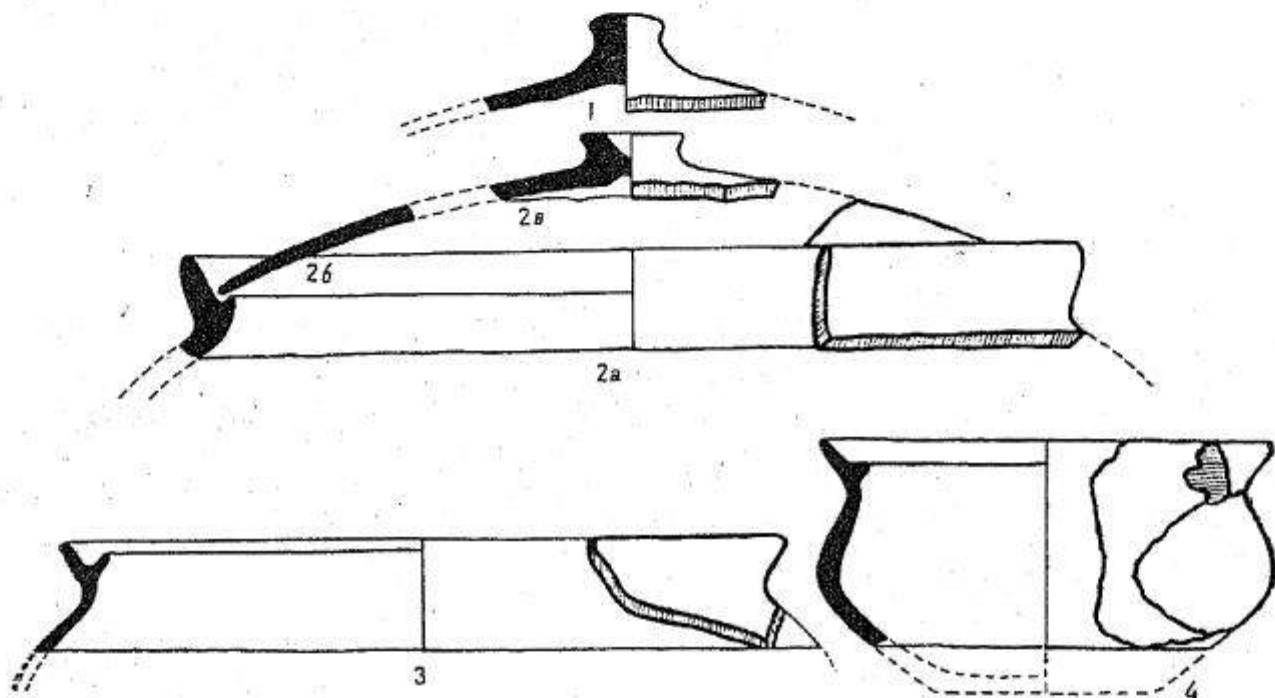

Рис. 42. Боспорская простая керамика. Чашки с крышкой.

6. Открытый светильник. Тип представлен у нас двумя обломками №№ 599/600 и 213, не дающими возможности восстановить форму полностью; более показателен обломок № XXIII/89, найденный в 1927 г. и дающий другую разновидность того же типа (рис. 43).

Кроме обломков, принадлежащих сосудам шести перечисленных типов, есть еще целый ряд таких, которые, не давая ясного представления о форме, заставляют предположить существование если и не новых типов, то во всяком случае значительных отклонений в их разновидностях. Так, среди находок 1928 г. имеется значительное количество обломков сосудов данной группы маленьких размеров — иногда настолько маленьких, что наиболее естественно считать их детскими вещами; по очертаниям стенок, по форме ручек можно предположить, что многие из этих обломков принадлежали кувшинчикам, близким типу 1-му. Но указаний на существо-

вание совсем новых типов в той же группе керамики материал 1928 г. не дает; а находки в Елисаветовском городище в более ранние годы дают, сверх перечисленных, еще два типа: маленький кувшинчик с шаровидным туловищем и узким и коротким горлом и сосудик без ручек типа эллинистического бальзамария.¹

За исключением „чашки с крышкой“ (тип 4-й), все перечисленные типы сосудов являются в основных своих чертах характерными для греческой керамики. В то же время следует отметить, что в данной группе наблюдается ряд особенностей, свойственных именно ей и отличающих ее от всех из-

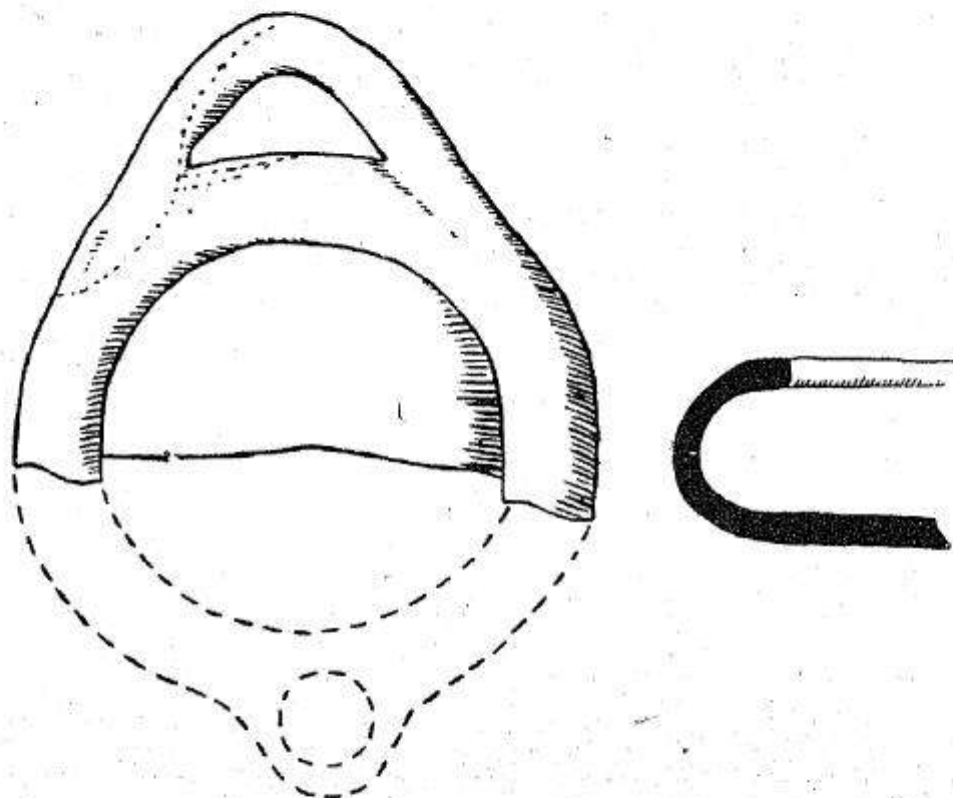

Рис. 43. Веспорская простая керамика. Светильник.

вестных мне групп греческой керамики. Характерными чертами отличается прежде всего выделка сосудов. При очень тонких стенках, при известной претензии на особенно изящные и иногда вычурные очертания (ср. сильно изогнутые ручки кувшинов), бросается в глаза известная небрежность работы. Ручки часто бывают скошены вбок; кольцеобразная подставка имеет очертания очень упрощенные и даже грубые, резко отличающиеся от свойственных обычным типам керамики классической и раннеэллинистической эпохи четких контуров со стереотипно повторяющейся детализацией (выемки, выступы и т. д.). Характерна также техника передачи некоторых деталей формы. Так, обычно в греческой керамике профиль наружной стороны создается выгибом всей

¹ См. ИАК, в. 35, стр. 95, рис. 5, ф. 17.

стенки, так что контур наружной стороны вполне соответствует контуру внутренней; здесь же такого соответствия нет, иногда даже применяются совсем необычные для античных сосудов приемы, когда, например, выступ стенки создается налеплением сверху полоски из глины (см. рис. 40, 3). Не встречает повторений в материале известных мне групп греческой керамики и глина со всеми ее перечисленными выше особенностями.

Вне Елисаветовского городища наибольшее количество находок керамики данной группы приходится на область Боспорского царства и прежде всего на район Пантикапея.¹ При этом следует особенно подчеркнуть, что здесь мы встречаем группу не родственную, а безусловно идентичную той, которая представлена находками в Елисаветовском городище. Вместе с тем „тонкостенная“ керамика, в значительном количестве встречающаяся и в других причерноморских колониях с их районами (Ольвия, Херсонес и др.), уже бесспорно не идентична, а лишь аналогична нашей; у нее иная глина, иные детали форм, даже и самые формы сосудов. Интересную картину дают, далее, находки сходной керамики на Таманском полуострове. Эта тонкостенная керамика очень распространена и там, во всех поселениях и курганах, содержащих материал классической и эллинистической эпохи; но среди таманских находок мы отчетливо различаем две главные группы, из которых одна совершенно идентична керамике, встречающейся в Керчи и в Елисаветовском городище, другая, несомненно, родственна ей, но отличается прежде всего по глине, более яркой и содержащей значительное количество примесей частиц кварца и слюды, также по некоторым деталям формы. Первая группа, вполне тождественная встречающейся в Елисаветовском городище, на Таманском полуострове представлена главным образом в районе городища у станицы Таманской, т. е. в наибольшей близости к Пантикапею; вторую мы найдем в целом ряде городищ и курганов, расположенных дальше в глубь полуострова.

Уже эти данные, касающиеся района распространения этой группы „тонкостенной керамики“, наводят на мысль, что в ней мы имеем продукт производства мастерских Пантикапея. Веским доводом в пользу такого предположения является и характер глины этих сосудов. В еще большей степени, чем можно было констатировать это для нашей третьей группы чернолаковой керамики, „тонкостенная“ керамика ближайшим образом напоминает распространенные в области Пантикапея характерные местные изделия — терракотовые фигурки, глиняные пряслица и т. д., — в большей степени, так

¹ Значительное количество такой керамики, особенно кувшинов нашего 1-го типа, происходящих в большей части из района Пантикапея, хранится в запасах Керченского музея.

как здесь близка не только самая глина, но и обработка ее поверхности. Далее, близкие аналогии, уже не только глине, но и всем особенностям этой керамики, мы найдем еще в одной группе — в боспорской группе так наз. „акварельных ваз“;¹ только у последних, в связи с их назначением для культовых целей, а не для употребления в ежедневном обиходе, глина часто бывает грубее, а обжиг слабее, чем у наших кувшинов, чашек и других обиходных сосудов. Особенности же выделки, формы, даже детали формы (подставки, венчики, ручки) совпадают в двух этих группах настолько, что объяснены они могут быть только при допущении общности производственного центра. В этом обстоятельстве — новое подтверждение нашему определению: что в „акварельных пеликах“, находимых в области Боспорского царства, мы имеем группу местную, скорее всего выделявшуюся именно в Пантикапее, едва ли кем-либо может оспариваться.

Отдельные обломки „тонкостенной керамики“, найденные в Елисаветовском городище, отличаются глиной совсем иной, чем у тех сосудов, которые мы определили как пантикапейские. Эта глина имеет основной коричневато-желтый, на поверхности серый цвет, она менее плотна, содержит много примесей, среди которых попадаются частицы какого-то темного минерала. Почти все такие обломки принадлежат типу 4-му („чашка с крышкой“). Определить центр производства этой керамики я затрудняюсь. Она во всяком случае очень близка только что рассмотренной; может быть, она представляет также продукцию какого-либо из боспорских центров, но не исключена возможность, что она изготовлялась и в самой области нижнего Дона. За последнее предположение как будто говорит характер глины этих обломков, напоминающих грубую, вылепленную от руки керамику, уже безусловно изготовлявшуюся в области нижнего Дона. Но для окончательного суждения по данному вопросу мы имеем слишком мало материала; и во всяком случае подавляющее большинство „тонкостенной простой керамики“, употреблявшейся в обиходе Елисаветовского городища, привозилось сюда с Боспора.

Тесно связана с рассмотренной группой „тонкостенной керамики из красной глины“ группа сосудов из серой глины. Сходство проявляется прежде всего в формах сосудов. Вполне ясно восстанавливаются по нашим обломкам формы кувшина, совершенно аналогичного типу 1-му керамики из красной глины (№ 445, рис. 40,5), „рыбного блюда“ (тип 3-й), чашки (тип 2-й), открытого светильника (тип 6-й), наконечника, энохой. Эти сосуды из серой глины принадлежат в некоторых случаях несомненно к той же самой группе тонкостенной керамики, ко-

¹ К сожалению, большое исследование Э. Р. Штерна об этих вазах до сих пор не опубликовано.

торая только что была нами рассмотрена. Строение глины этих сосудов и сосудов из красной глины совершенно сходно, а разница в окраске должна быть приписана условиям обжига: и как у сосудов из глины красного оттенка встречаются участки сероватого, иногда совсем серого цвета, так и у серых сосудов встречаются иногда участки красновато-желтые. Но эти наблюдения касаются не всей массы серой керамики. Для некоторых из серых сосудов, наряду с постоянным чисто-серым, грифельно-серым цветом, одинаковым и на поверхности и в изломе черепка, характерна и несколько иная выделка: стенки обычно толще, пропорции тяжелее, контуры проще и грубее; среди форм сосудов этой группы попадаются более выраженные негреческие типы. Первая из этих групп безусловно принадлежит тому же центру, что и „тонкостенная керамика из красной глины“, следовательно, скорее всего Пантикапею; вторая, несомненно, родственна ей и, вероятно, представляет также продукцию мастерских Боспорского царства; но имеем ли мы здесь дело с другим поселением, или только с другой пантикапейской мастерской, сказать с уверенностью не решусь.

Вся эта „тонкостенная керамика“ представляет простую обиходную посуду, о чем достаточно убедительно свидетельствуют формы сосудов и отсутствие росписи или какой-либо иной орнаментации; судя по многочисленным находкам, она была широко распространена в обиходе населения Елисаветовского городища, во всяком случае населения центральной части городища: об обиходной посуде населения окраинной части мы еще будем говорить в дальнейшем. Итак, в главной своей части эта обиходная посуда представляет импорт из центральной части Боспорского царства, главным образом из Пантикапея.

Чисто-хозяйственное назначение — точнее определить это назначение я пока затрудняюсь — имели, далее, тяжелые блюда и чаши на низкой подставке из светлой глины — „толстостенные блюда и чаши“ (рис. 44). Все они отличаются большой простотой и грубостью выделки: стенки толстые, глина плохо очищена, крупнозерниста, обжиг слабый, в связи с чем стоит и большая тяжесть этих чаш. У всех глина светлая; по оттенкам ее выделяются два главных типа: очень светлая глина розоватого тона, с большим количеством примесей, среди которых особенно заметны мелкие частицы какого-то темного, почти черного минерала, и глина серовато-желтого, иногда зеленоватого цвета, с меньшим количеством примесей. Последний тип глины заставляет вспомнить грубые, сделанные от руки горшки местного изделия, в большом количестве представленные среди находок в Елисаветовском городище, вследствие чего эти чаши естественнее всего считать сделанными на месте; что касается других, из глины светлой, с темными

примесями, то причерноморское изготовление их стоит вне сомнений, но центр назвать я бы затруднилась: грубые, несомненно не привозные изделия из такой глины встречаются в разных местах северного Причерноморья, и приурочить их к одной какой-либо местности было бы трудно. Очевидно только, что для Елисаветовского городища следует предполагать подвоз таких блюд опять-таки скорее всего с Боспора.

О найденных в 1928 г. обломках остродонных амфор мне приходилось не раз говорить — в связи с датировкой отдельных слоев, также при выяснении всей эпохи существования Елисаветовского городища. Здесь мне остается только дать общую сводку. Начну с обломков, имеющих клейма. Материал, поддающийся определению, хотя бы в смысле зачисления в какую-либо категорию, локализация которой

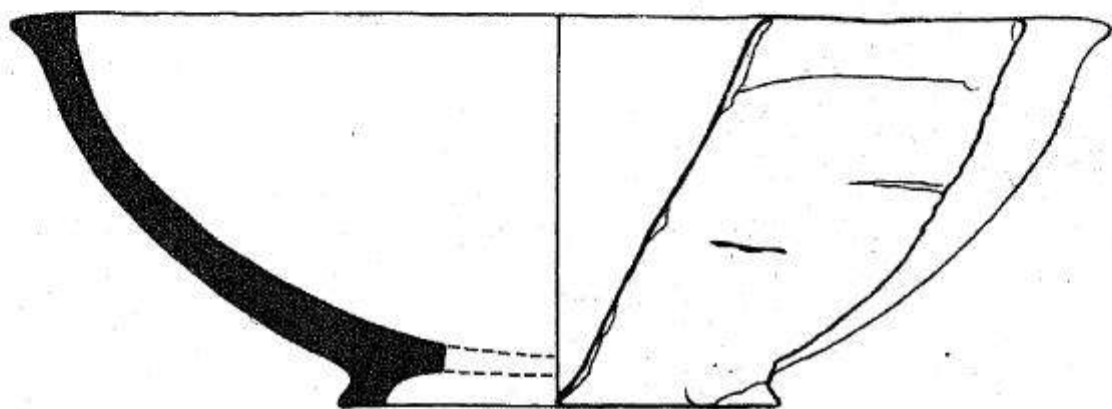

Рис. 44. Тип глубокой „толстостенной“ чаши.

иногда все еще остается спорной, распадается на следующие группы:¹

1. Группа фасосская, представленная шестью обломками — №№ 742, 745, 748, 749, 752, 753; все они найдены на поверхности городища, и все, за исключением № 745, не поддающегося определению вследствие плохой сохранности клейма, относятся к III в. до н. э.

2. Группа родосская, представленная одним обломком — № 747, найденным на поверхности городища и принадлежащим к началу III, может быть концу IV в.

3. Группа херсонесская, представленная шестью обломками; из них пять — №№ 743, 754, 757, 759, 761 — найдены на поверхности, один — № 597 — во II слое раскопа IV. Последний обломок принадлежит еще IV в., остальные — III в. до н. э.

4. Группа амфор „с именами астиномов“. Вопрос о происхождении этой группы едва ли можно считать вполне ре-

¹ Все клейма просмотрены О. О. Крюгером, разделившим их на группы и давшим датировку всех экземпляров групп 1—4.

шенным. Мнению Гракова¹ о синопской локализации этих амфор в самое последнее время противопоставлено Коцеваловым² предположение о выделке их на Боспоре. Эта гипотеза, на мой взгляд, во всяком случае заслуживающая внимания, не представляется мне достаточно обоснованной тем материалом, который приводится автором. Необходим новый пересмотр данного вопроса, при котором не только был бы привлечен эпиграфический материал всех причерноморских колоний, но и широко использовались бы все местные керамические изделия тех же центров. Только так мы сможем решить вопрос в сторону Синоп, Боспора или Ольвии (последнее тоже отнюдь не исключено). Всего в 1928 г. было найдено 11 обломков амфор с астиномными клеймами: три из них — №№ 120, 130, 146 — были найдены в верхнем слое раскопа I, остальные — №№ 746, 750, 755, 756, 758, 761, 763 — на поверхности городища. За исключением № 763, может быть, относящегося к началу II в. до н. э., все обломки принадлежат к III в. до н. э.

Б. Группа амфор с „энглифическими“³ клеймами (т. е. с клеймами, буквы которых не рельефны, а вдавлены) на горлах. Эти амфоры особенно распространены на протяжении всей области северного Причерноморья, при этом не только в колониях, но и в местностях, заселенных негреческим населением. Укажу, например, что при раскопках Эберта в Марицине в 1911 г. такого рода амфор было найдено 25 штук, при полном отсутствии амфор с клеймами других групп. Значительное количество их дали также производившиеся А. А. Миллером в 1908—1913 гг. раскопки курганного некрополя у Елисаветовского городища; много десятков — и целых амфор, и обломков — было найдено в Керчи, на Таманском полуострове, в Ольвии, в Херсонесе. Б. Н. Граков, которому принадлежит последняя публикация, посвященная этой группе,⁴ насчитывает всего до 800 экземпляров, относящихся к ней; все они происходят с юга СССР. Вне области северного Причерноморья мы не встречаем этих амфор вовсе. Это придает особую важность решению вопроса о их происхождении.

Все особенности рассматриваемой группы подробно освещены в уже упоминавшейся мною статье Б. Н. Гракова: они состоят в глине, типичной чертой которой является значительное содержание примесей, особенно белого кварца и какого-то темного блестящего минерала, в типе амфор (рис. 33,

¹ Б. Н. Граков, Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, РАНИОН, Москва, 1929 г.

² А. Коцевалов, ук. соч.

³ Термин введен П. Беккером, ЗОО, т. V, стр. 29.

⁴ Б. Н. Граков, Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор, Труды Гос. Исторического музея, т. I, Москва, 1926 г., стр. 165—206.

на котором воспроизведены две амфоры данной группы, изображенные у Гракова); в диалекте и содержании клейм. Ознакомление с этими особенностями заставляет объединить все амфоры с „англифическими“ клеймами в одну группу, ввозившуюся в различные местности северного Причерноморья из какого-то общего центра. Время существования этих амфор ограничивается, как это вполне убедительно показал на основании шрифта и диалекта клейм Б. Н. Граков, неполным столетием с конца IV в. до третьей четверти III в. до н. э. К высказанным Граковым соображениям прибавлю, что эта датировка вполне подтверждается анализом находок тех комплексов, в которых были найдены такого рода амфоры.¹

Что касается центра производства данной группы, то последнее слово об этом, на мой взгляд, еще не сказано. Соображение Гракова, что таким центром может служить только одна из мегарских черноморских колоний, представляется мне вполне убедительным; но конечный вывод — что этот центр следует видеть скорее всего в Гераклее, может быть, в Каллатии — не кажется мне достаточно обоснованным. В частности, недоказанной остается для меня невозможность херсонесского происхождения этой группы. Не имея возможности углубиться здесь в разработку затронутого вопроса, я остановлюсь лишь на некоторых обстоятельствах. Сличение имен, встречаемых нами на „англифических“ клеймах, с именами херсонесских надписей, также как и сравнение особенностей диалекта двух упомянутых категорий памятников, заставляет меня склониться как раз к выводу о вероятности локализации производства данной группы в Херсонесе. Далее, как раз такую глину, с белыми и темными частицами, мне пришлось встретить у целого ряда найденных в Херсонесе сосудов простой и грубой выделки. Предположить в этих сосудах импорт из Гераклеи, на мой взгляд, совершенно невозможно, если учесть степень развития керамического производства в Херсонесе. Повидимому, Б. Н. Граков сравнивал глину амфор с англифическими клеймами только с глиной херсонесских амфор с клеймами на ручках, а не с глиной херсонесских керамических изделий вообще; между тем, даже беглый просмотр найденных в Херсонесе простейших керамических изделий, местное производство которых едва ли может возбуждать сомнение, приводит нас к определенному наблюдению о существовании в Херсонесе различных месторождений глины и различных керамических мастерских. И наряду с светло-красной чистой и плотной глиной мы нередко встречаем у этих изделий как раз ту глину с многочисленными белыми и черными частицами, которая так характерна для рассматриваемой группы амфор.

¹ См., напр., Ebert, ук. соч., курганы, ${}_1N; {}_1Q; {}_2U; {}_3X; {}_4S; {}_4R; {}_1L; {}_2J$; к тому же времени относится и целый ряд курганов Елисаветовского некрополя, содержащих амфоры той же группы.

К сожалению, Граков не указывает точнее, какие именно „некоторые диалектические особенности“ так отличают клейма наших амфор от херсонесских надписей.

Все это только некоторые соображения по данному вопросу. На решение его я не претендую — для этого нужна еще большая специальная работа. Пока локализация производства амфор с английскими клеймами не может считаться установленной.

Экземпляров данной группы в 1928 г. было найдено всего 8; из них №№ 88 и 134 найдены в верхнем слое раскопа I, №№ 353, 374 и 514 в раскопе II, №№ 563 и 602 во II слое раскопа IV, № 760 — на поверхности городища.

Если и при наличии клейма мы не всегда можем определить происхождение амфоры, то еще хуже обстоит дело с определением тех амфор или амфорных обломков, где клейма нет. В таком положении оказываются, например, ранние амфоры VI—V вв. до н. э., на которых клейма не ставились. В Елисаветовском городище, преимущественно в нижних слоях, найдено несколько обломков амфор „архаического типа“ (см. рис. 28, 1, 2, 3 и рис. 34, 1). Подобные амфоры широко распространены везде, где вообще можно установить присутствие греческого импорта в VI—V вв. до н. э.; известная их часть на основании особенностей технических должна быть отнесена к Ионии, но несомненно, что и в других областях существовало производство амфор того же типа: разбираться в них вполне уверенно мы еще не научились. К числу обломков, бесспорно принадлежащих ионийским амфорам, относится, например, № 320 (рис. 28,1). Кроме этой категории ранних амфор ионийского типа, мы не наблюдаем каких-либо новых групп: все обломки распределяются на те же группы — фасосскую, родосскую и пр. Судя по глине и по очертаниям, преобладающее количество елисаветовских амфорных обломков принадлежит группе, родственной, если не прямо идентичной, последней рассмотренной нами категории амфор с клеймами — группе, характеризующейся наличием „английских“ клейм на горлах. Если эта группа, действительно, представляет продукцию Херсонеса, мы получаем интересное наблюдение о том, что и вино поступало в Елисаветовское городище больше из других центров северного Причерноморья, чем из Греции материковой или ионийской; во всяком случае, ввоз херсонесского вина в большей или меньшей степени имелся — на это указывают обломки нашей группы 3-й.

Переходим к рассмотрению группы уже чисто-местной — сосудов, вылепленных от руки из грубой глины. Судя по находкам 1928 г., эта группа занимала видное место в обиходе населения городища при станице Елисаветовской; во всех раскопах количество таких обломков значительно превышало все другие группы керамики, за исключением одних только

амфор, которые, как сосуды очень уж больших размеров, в особом положении. Вспомним, далее, что один из раскопов (раскоп III) дал, за вычетом амфор, почти исключительно эту группу. Тем важнее постараться правильно определить то место, которое принадлежит ей среди других категорий утвари.

Отметим прежде всего, что подобного рода горшки, вылепленные от руки из грубой местной глины, мы встречаем в поселениях нижнего Дона на протяжении всего периода их существования — и в древнейшие времена, предшествовавшие греческой колонизации северного Причерноморья, и в течение всей античной эпохи, и в продолжение многих веков после конца этой эпохи. В этой группе — одно из наиболее ясных проявлений того местного элемента, который во все времена существования поселений северного Причерноморья отличал их от поселений других областей;¹ задача всестороннего изучения этой местной утвари в античную эпоху, выяснения ее отношения к аналогичным группам эпох предшествующих и последующих, ее роли в эпоху античную и тех изменений, которые она претерпевает при внедрении в данную область греческих колонистов, приобретает таким образом первостепенное значение в деле изучения всех специфических особенностей уклада северного Причерноморья.

Моя работа никак не может претендовать на решение этой задачи: материал слишком еще незначителен, относится к очень ограниченному хронологическому отрезку, включает слишком мало экземпляров, найденных в условиях, позволяющих установить более точную датировку. Все мои наблюдения носят поэтому характер только предварительный.

Характерные черты обломков такой керамики, находимых в Елисаветовском городище, сводятся к следующему: глина крупнозернистая и грубая, плохо промешанная; много примесей, среди которых особенно бросаются в глаза камешки светлые и красные и иногда кусочки раковин; цвет чаще всего серовато-желтый, иногда с зеленоватым оттенком, нередко серый; иногда, особенно в изломе, глина совсем черная, обуглившаяся. Все сосуды сделаны от руки; выделка очень несовершенная — поверхность образует бугры, стенки в разных местах имеют неодинаковую толщину. Поверхность большей части обломков не подвергается никакой особой обработке —

¹ Само собой разумеется, что я далека от мысли характеризовать этот местный элемент только на основании данной группы: следует подвергнуть всестороннему изучению все вообще категории местного материала, из которых многие окажутся, может быть, сами по себе гораздо показательнее. Но очень часто нам приходится опираться главным образом на керамические находки прежде всего в силу исключительно малого количества экземпляров других групп, поддающихся определению. Для примера сошлюсь хотя бы на те же работы 1928 г. в Елисаветовском городище, где за совсем ничтожными исключениями все металлические предметы найдены в виде совершенно бесформенных комков металлических окислов.

нет ни какой-либо обмазки, ни лощения. Все эти несовершенства особенно бросаются в глаза при сравнении этой керамики с группами более ранними и прежде всего с распространенной в той же области нижнего Дона и наиболее близкой к ней хронологически керамикой „кобяковской культуры I“.¹

Следует, впрочем, отметить, что известная часть найденных в 1928 г. обломков отличается качествами значительно более высокими. Глина плотнее, чище, более мелкозернистая; обжиг сильнее; линия профиля более четкая и правильная. К этим обломкам мы еще вернемся.

Переходя к вопросу о формах сосудов, мы должны прежде всего указать, что находки 1928 г. не дали ни одного целого сосуда и очень мало обломков, представляющих хотя бы значительную часть сосуда. Приходилось восстанавливать формы по обломкам; а при этом всегда возможна неточность, если учесть, что сосуды сделаны от руки и поперечное сечение их хотя и приближается к форме круга, но не всегда вполне ей соответствует. При этом большинство обломков не позволяет восстановить сосуд целиком, а дает только известную часть его. Общее представление об основных типах, мы, впрочем, все же можем себе составить.

Безусловно преобладающей является форма горшка довольно значительных размеров, представленная в ряде различных типов или разновидностей типов. Главных типов горшка три:

1. Горшок с округлыми боками, постепенно переходящими в отогнутый наружу венчик (рис. 45, 1—3). Разновидности этой формы создаются различной степенью выгнутости стенок, благодаря чему и венчик может быть больше или меньше выражен, различной шириной венчика, более резким или более округлым переходом горла в плечи. Орнамент, если он имеется, обычно очень примитивен (см. рис. 49, на котором представлены разные типы орнамента лепных сосудов). По большей части это различные вдавлины, черточки и насечки, сделанные особенно часто надавливанием ногтя на сырую поверхность, иногда надавливанием палочек или стебельков; в зависимости от формы такого орудия получаются дужки, кружки, треугольники и т. д. Реже мы встречаем тоненькие черточки, проведенные заостренным предметом. Чаще всего орнамент располагается в месте перехода венчика в плечи или по верхнему краю венчика; нередко и здесь и там одновременно. Иногда плечи отделены от венчика опоясывающим сосуд выступом; бывает, что орнамент обычного типа располагается по этому выступу.

¹ Об этой группе см. А. А. Миллер, Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 гг., Сообщения ГАИМК, т. I, стр. 125 сл.

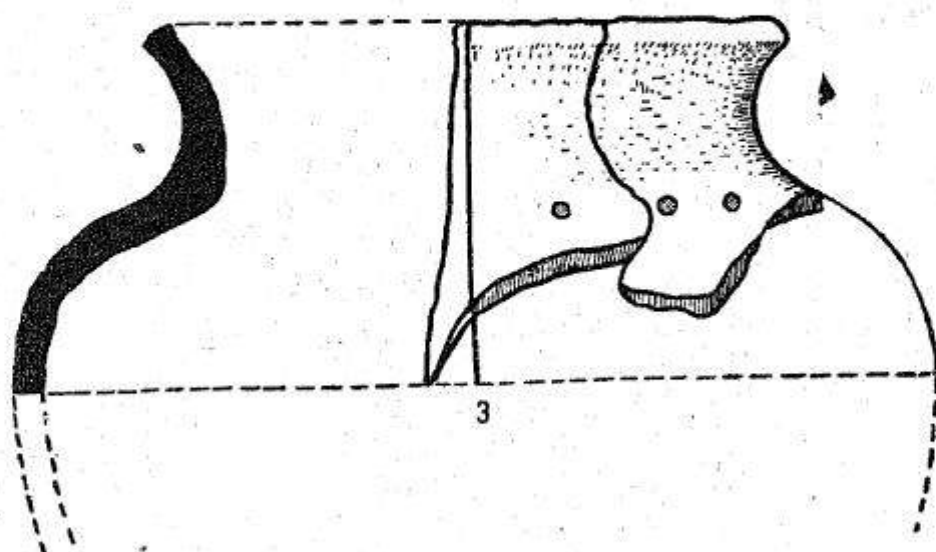
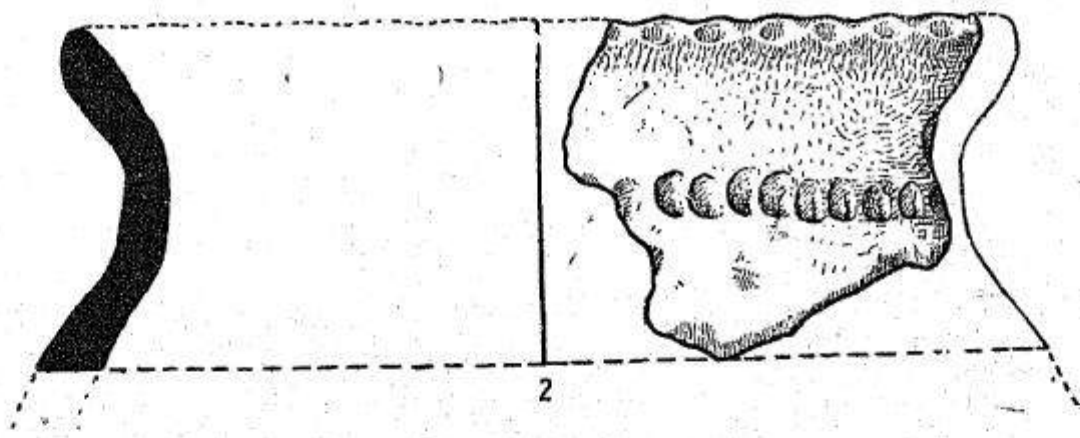
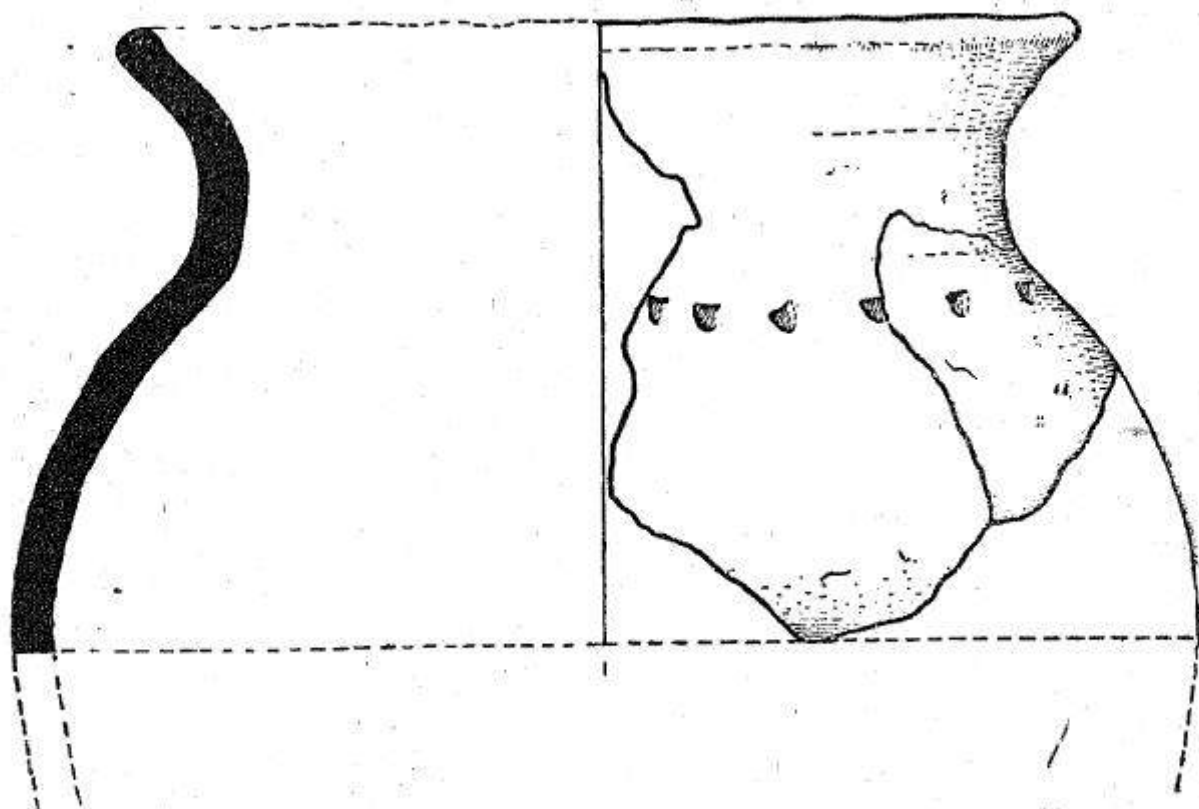

Рис. 45. Местная лепная керамика Елисаветовского городища, тип 1-й.

Размеры этих горшков очень различны. Преобладают горшки с диаметромверху в 17—25 см, но встречаются сосуды и значительно больших размеров, до 40 смверху, и меньших, сантиметров в 10.

Описанная форма, несомненно, наиболее распространена: обломки этого типа, найденные в 1928 г., принадлежат по меньшей мере 50 различным сосудам.

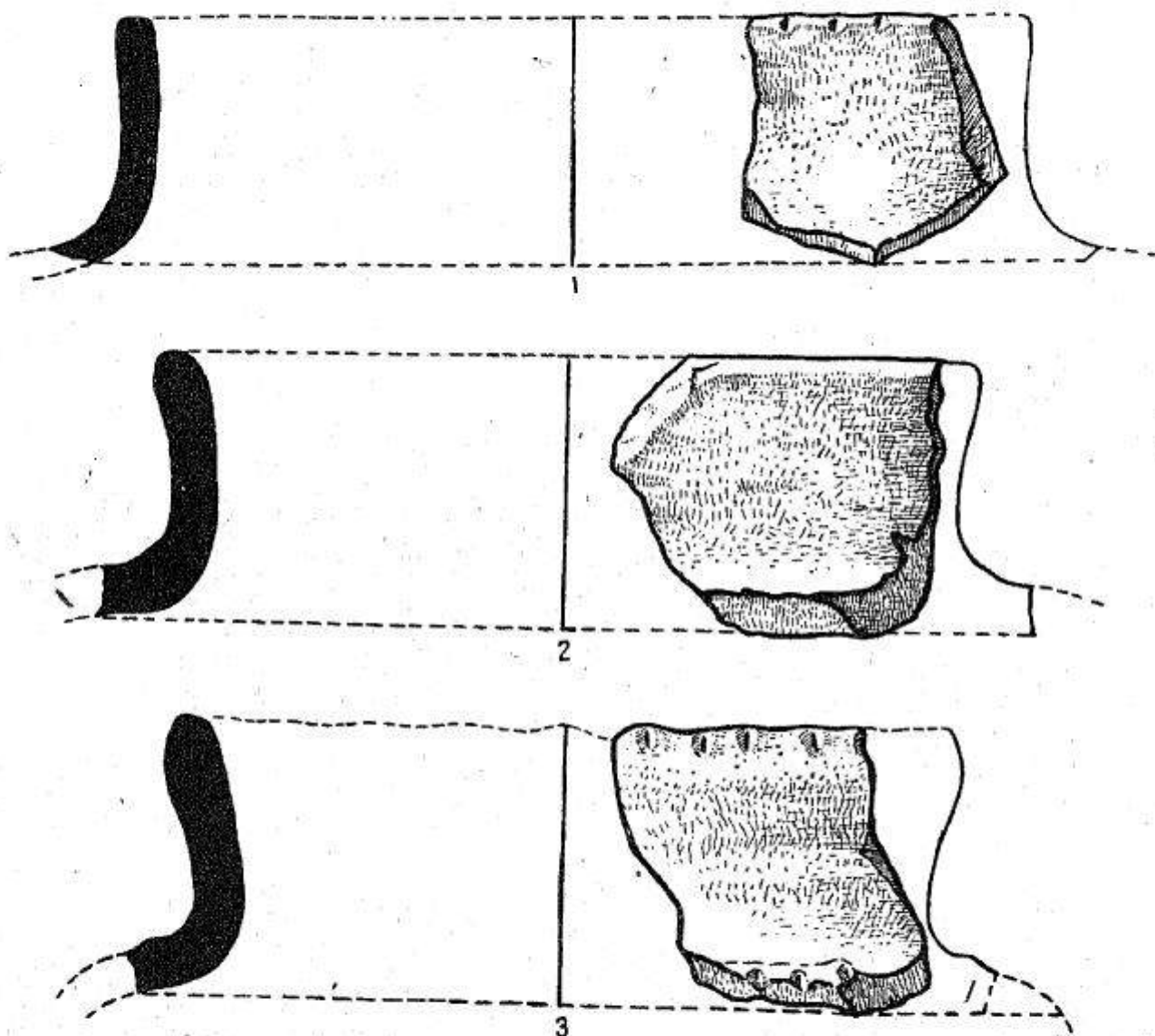

Рис. 46. Местная лепная керамика Елисаветовского городища, тип 2-й.

2. Второй тип горшка (рис. 46, 1—3) характеризуется вертикально вверх направленным коротким горлом, резко, под почти прямым углом переходящим в плечи; бока, повидимому, более округлые, чем у типа 1-го. Все наши обломки позволяют восстановить только верхнюю часть сосуда, поэтому и о разновидностях типа мы можем говорить только применительно к верхней части. Варианты создаются главным образом особенностями очертаний горла, то почти совсем прямолинейно и вертикально поднимающегося вверх, то слегка отогнутого наружу; в последнем случае стенки его обыкновенно слегка

вогнуты. Орнаментация по большей части отсутствует совсем; там, где она встречается, она аналогична орнаментации типа 1-го и также расположена или по верхнему краю венчика, или на плечах, несколько ниже сгиба. Горшки типа 2-го встречаются значительно реже, чем типа 1-го.

3. Для третьего типа горшка (рис. 47, 1—2) характерно отсутствие выраженного горла: округлые, в верхней части

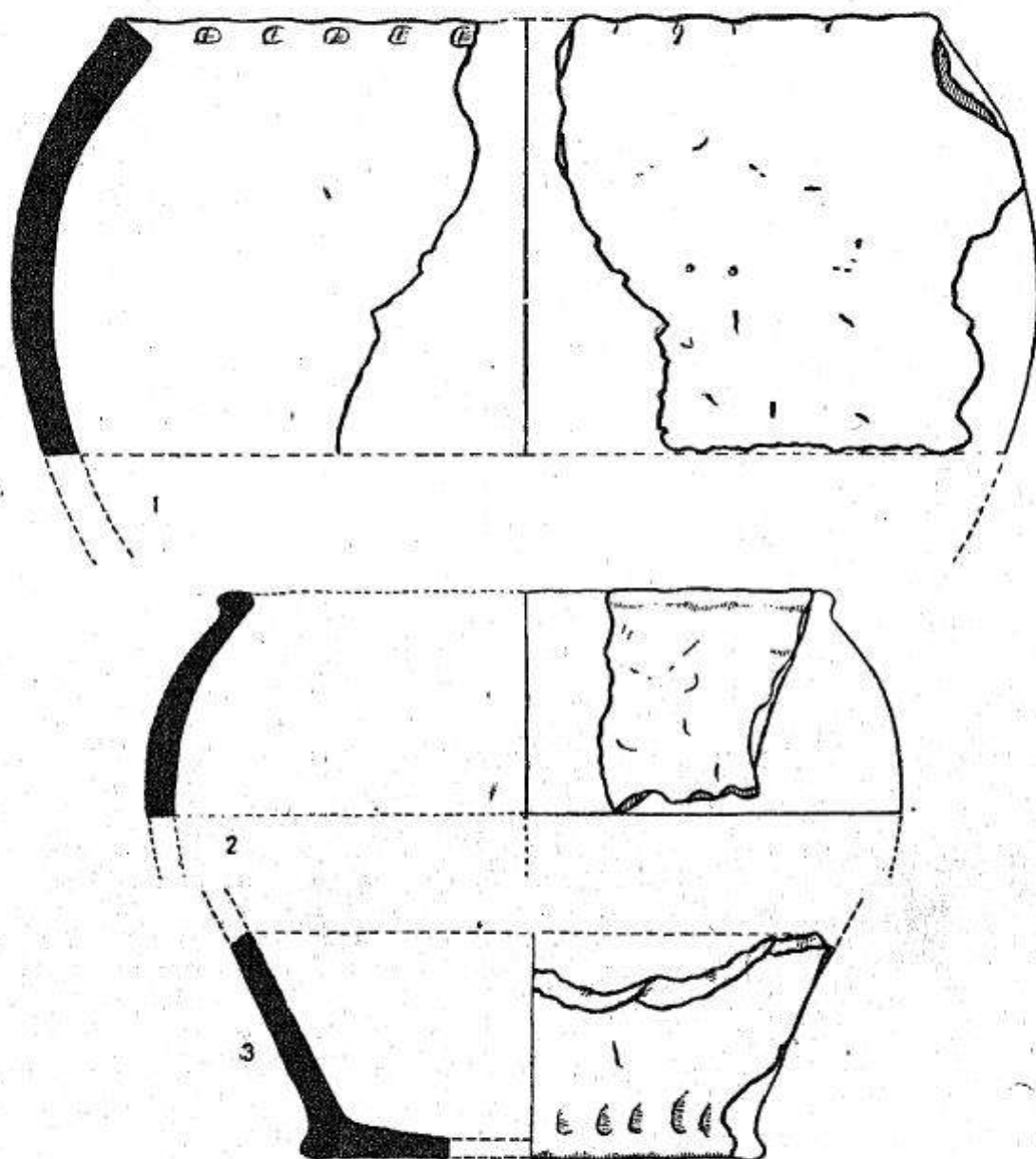

Рис. 47. Местная лещная керамика Елисаветовского городища: 1—2—тип 3-й; 3 — нижняя часть горшка типов 1-го—3-го.

направленные внутрь стенки сосуда или доходят до отверстия, вовсе не образуя венчика (см. рис. 47, 1), или венчик представляет совсем маленький и узкий отгиб (см. рис. 47, 2). Книзу эти сосуды сужаются, повидимому, значительно, чем кверху. Орнамент в виде вдавлен располагается только у самого отверстия, чаще его нет совсем. Нередко встречаются налепные выступы, заменяющие отсутствующие ручки (см.

рис. 53, 1—4). Разновидности создаются большей или меньшей выпуклостью стенок, также присутствием или отсутствием венчика. Этот тип представлен еще меньшим количеством экземпляров, чем второй.

Ряд обломков дает представление о нижней части горшков (см. рис. 47, 3); но какому из трех типов принадлежит каждый из них, установить не удастся, вследствие чего нельзя выяснить и то, отличается ли каждая из трех форм свойственной ей нижней частью, или замечаемые варианты могут наблюдаться внутри каждого типа. Все обломки нижней части имеют плоское дно; разница формы будет состоять только в том, образуют ли стенки отгиб наружу в месте их соединения с дном, или не образуют, также в относительной толщине дна и боковых стенок.

Целый ряд обломков имеет контуры, не совпадающие вполне ни с одним из описанных типов, а представляющие формы переходные. Особенно часты формы, представляющие переход от типа 1-го к типу 2-му; примером может служить обломок № 529 (рис. 45, 3). Встречаются также формы переходные от типа 1-го к типу 3-му.

Значительно реже, чем горшок, встречаются сосуды других форм: здесь каждый тип представлен уже только отдельными обломками. Более других распространены расширяющиеся кверху чашки. Каждый из наших обломков чашек принадлежит, в сущности, новой форме; в значительной степени условно мы можем выделить два основных типа: тип чашки со слабо выпуклыми стенками и слегка отогнутым наружу краем (тип 4-й; см. рис. 48, 1) и тип чашки с прямыми стенками; край чашки этого типа иногда загибается внутрь (тип 5-й; рис. 48, 2).

Из всех принадлежащих чашкам обломков только один — № 61 — имеет орнаментацию, при этом очень своеобразную: стенки в большей своей части покрыты сеткой, образованной пересекающимися крест-накрест линиями, исполненными каким-то зубчатым штампом (см. рис. 49, 11). Все остальные экземпляры не украшены ничем. Некоторые чашки характеризуются выделкой исключительно грубой и небрежной даже при сравнении их со всеми типами горшков; пример — № 275, см. рис. 48, 2.

Последняя восстанавливаемая у нас полностью форма (тип 6-й) — сосудик цилиндрической формы с плоским дном. Эта форма представлена у нас одним обломком № 273 крайне грубой работы (рис. 48, 3). Характеристику форм сосудов следует еще дополнить указанием на найденные обломки крышек, совершенно аналогичных по глине и выделке вышеописанному обломку. Этими крышками закрывались, очевидно, некоторые из горшков, особенно горшки типа 3-го.

Как я уже упоминала, местная керамика, вылепленная от руки из грубой глины, встречается в городищах нижнего

Дона в течение всего периода их существования: и в эпоху, предшествующую греческой колонизации северного Причерноморья, и в течение всей античной эпохи, и еще много позже. В связи с этим интересно представить себе, в каком отношении находится местная керамика Елисаветовского городища к группам предшествующим и последующим, то есть, с одной стороны, к керамике поселений, существовавших в области нижнего Дона в догреческую эпоху, с другой — к местной керамике римского времени.¹ Обе названные группы имеют

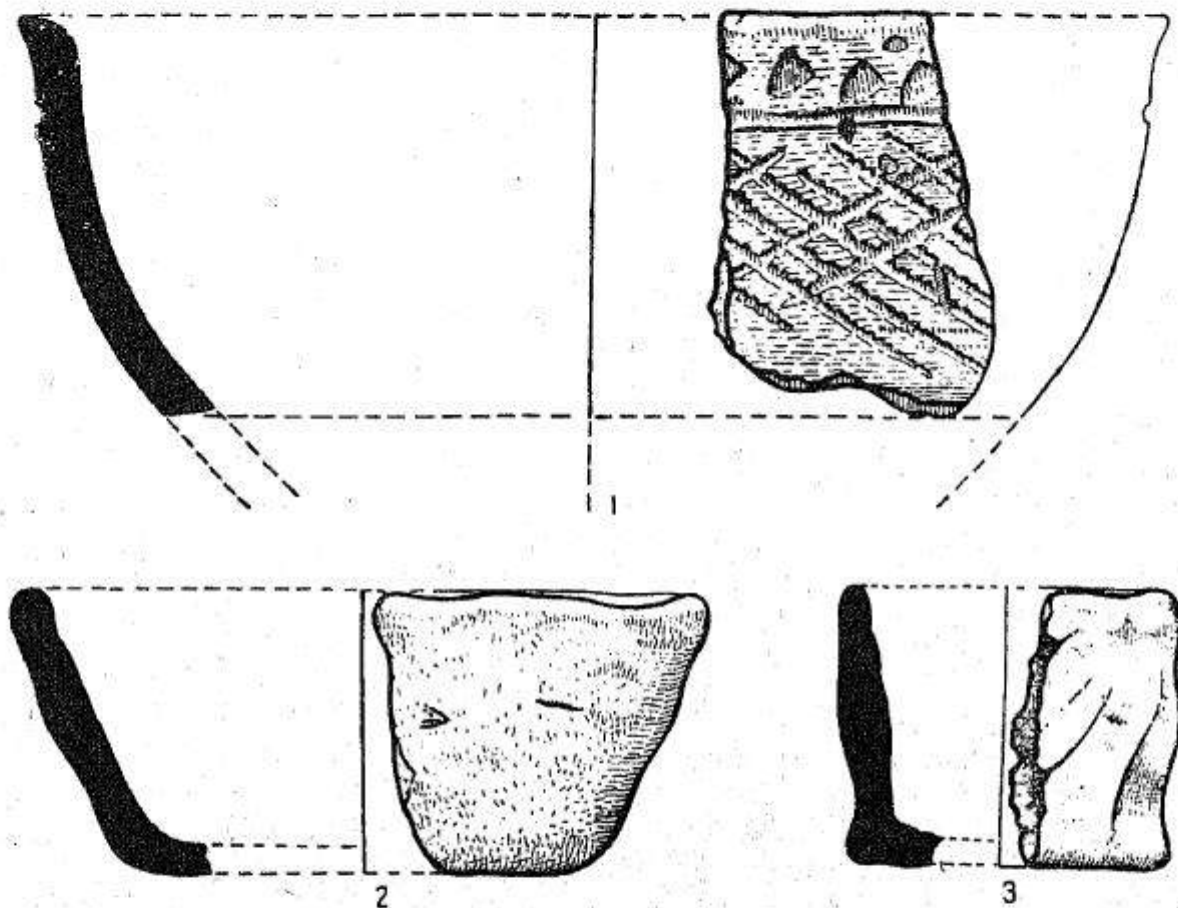

Рис. 48. Местная лепная керамика Елисаветовского городища, типы 4-й и 5-й.

и черты сходства, и черты различия по отношению к елисаветовской керамике; но как оценивать эти моменты сходства и различия, какое значение им придавать? Иначе говоря, следует ли представлять себе эти три группы как продолжающие друг друга, как три периода существования одной общей группы, или различия таковы, что следует усматривать здесь три самостоятельные группы, производителями которых были различные народности? Поставленный вопрос связан, таким образом, с общей проблемой судеб местного населения

¹ Местная керамика эллинистической эпохи, за исключением керамики представленного в Елисаветовском городище раннеэллинистического времени, пока не поддается изучению вследствие слишком малого количества имеющегося материала и отсутствия точных данных об обстоятельствах находки даже и этого материала.

северного Причерноморья и с проблемой о том, следует ли те изменения, которые мы можем уловить в жизни этого населения в известные периоды, приписывать появлению здесь новых пришлых народностей, или в основе здесь одно население, переживающее различные стадии своего общественно-экономического развития.

Соотношения между данной группой и местной донской керамикой римского времени я пока касаться не буду — для этого должна быть проделана большая специальная работа по изучению городищ римской эпохи, в настоящее время едва начатая. Я останавлиюсь поэтому только на вопросе о связи между елисаветовской керамикой и ближайшей предшествующей ей группой керамики „кобяковской культуры II“.

Вопрос этот был уже поставлен А. А. Миллером, посвятившим интересующей нас группе несколько страниц в отчете о разведочных работах в Елисаветовском городище в 1927 г.¹ „Вопрос о более точной формулировке может быть выражен так, — пишет он в вводных словах к отчету: — есть ли в Елисаветовском городище доскифская кобяковская культура II и не преобразуется ли она в те туземные формы, которые уже сопутствуют датированным греческим изделиям?“²

Добытый экспедицией 1927 г. материал по самому своему характеру не дал возможности окончательно разрешить поставленный вопрос. По поводу первой части этого вопроса — о существовании в Елисаветовском городище кобяковской культуры II, А. А. Миллер отмечает находку ряда обломков с лощеными поверхностями, „что весьма сближает их (как и по керамическому тесту) с соответствующим материалом культуры II Кобякова городища“.

Осторожность в формулировках А. А. Миллера по данному вопросу всецело объясняется характером материала, не включающего ни обломков, позволяющих реконструировать форму сосуда, ни обломков с орнаментальными украшениями. Все указанные обломки, равно как и обломки сосудов еще более ранних, сопоставляемых А. А. Миллером с кобяковской культурой I, были найдены ниже того уровня, из какого идут в сколько-нибудь значительном количестве находки греческой привозной керамики. Таким образом, первая часть поставленного вопроса должна была, повидимому, решаться положительно. Что касается второй его части, т. е. того, не преобразуется ли кобяковская культура II в те туземные формы, которые уже сопутствуют датированным греческим изделиям, то здесь А. А. Миллер склоняется к решению отрицательному. Отмечая выражающееся в основном типе и пропорциях сходство главного елисаветовского типа — горшка с отогну-

¹ Сообщения ГАИМК, т. II, Лыгр., 1929 г., стр. 86—90.

² Там же, стр. 81.

тым венчиком — с аналогичной формой в кобяковских культурах I и II, он в то же время считает, что этим сходство и ограничивается, и перечисляет целый ряд признаков, не совпадающих в группах „скифских“ и „доскифских“, признаков, которым он придает значение принципиальное.

Экспедицией 1928 г. был добыт гораздо более показательный материал, позволяющий отчасти дополнить, отчасти изменить высказанные А. А. Миллером положения.

Если сравнить типичный экземпляр кобяковской культуры II с теми сосудами, которые приходится считать наиболее характерными и наиболее часто встречающимися среди елисаветовских находок, разница, конечно, бросится в глаза. У кобяковских сосудов несравненно лучше вся выделка, глина лучше обработана, поверхность выровнена и подвергнута характерному „лощению“, стенки тоньше. Но при внимательном рассмотрении всех елисаветовских обломков местной керамики мы убеждаемся, что материал этот далеко не однороден и противоположение его кобяковской культуре II не может считаться правильным для всех без исключения экземпляров. Разобраться в этом нам поможет рассмотрение находок в датируемых слоях, т. е. в слоях раскопов I и IV. В нижнем слое мы прежде всего должны отметить безусловное присутствие обломков керамики кобяковской культуры II или, во всяком случае, какой-то очень близкой к ней группы. Сходство с кобяковской группой выражается здесь не только в хорошо обработанной, плотной глине и типичном лощении, что наблюдалось уже и у некоторых обломков из находок 1927 г.: здесь мы встречаем и характерные для этой группы профили венчиков (см., напр., рис. 51, 4, 5), и свойственные ей же орнаментальные мотивы (см. рис. 50). Всего в 1928 г. найдено 16 обломков, бесспорно аналогичных кобяковской культуре II; большая их часть найдена в нижнем слое раскопов I и IV, который мы отнесли к концу V — началу IV в. до н. э. Итак, первое наблюдение, которое мы можем сделать на основании находок 1928 г., — что в Елисаветовском городище безусловно имеется керамика, аналогичная керамике кобяковской культуры II, и что эта керамика продолжает существовать здесь и тогда, когда в быту населения Елисаветовского городища начинают играть существенную роль греческие привозные изделия; точнее это время определяется второй половиной V, может быть — началом IV века до н. э.

Далее, сравнивая все вообще (т. е. и вполне аналогичные керамике кобяковской культуры II, и определенно от нее отличающиеся) обломки местной керамики из нижнего слоя с той же керамикой верхнего слоя, мы почувствуем заметную разницу между этими двумя группами находок. Все обломки местной керамики нижнего слоя характеризуются значительно более высоким качеством выделки, чем обломки той же группы

в верхнем слое: это относится как к экземплярам, находящим безусловные аналогии в сосудах II кобяковской культуры, так и к таким, в которых присутствуют элементы, несвойственные культуре II. Везде глина лучше обработана, поверхность тщательнее сглажена, а во многих случаях и подвергнута лощению; профиль дает линию более четкую и чистую (см. рис. 51, на котором в верхнем ряду помещены профили обломков, найденных в верхнем слое, в нижнем — обломков из нижнего слоя). При вычерчивании профилей бросается в глаза еще одна особенность: у черепков нижнего слоя профили продольного разреза, взятые в разных местах черепка, будут совершенно

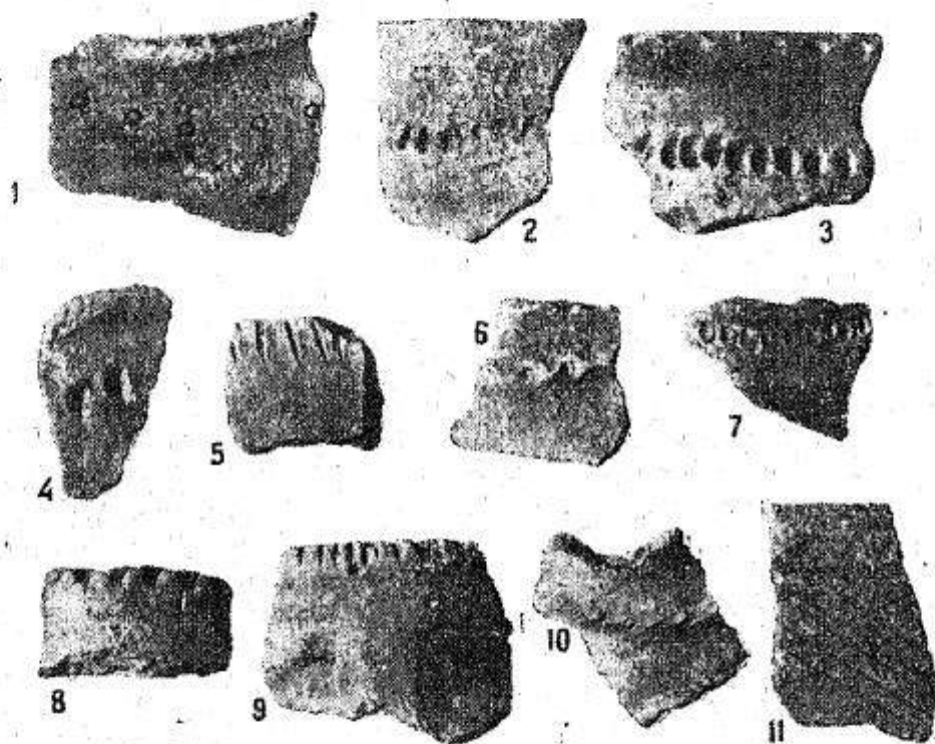

Рис. 49. Обломки местной лепной керамики из Елисаветовского городища.

совпадать, между тем как материал верхнего слоя таких совпадений не дает, — напротив, здесь различия в профилях продольных разрезов одного и того же черепка иногда очень значительны.

Наряду с известным количеством обломков, ближайшим образом напоминающих керамику кобяковской культуры II, большая часть местной керамики также из нижнего слоя имеет целый ряд черт, отличающих ее от кобяковского материала. Эти новые черты мы найдем в некоторых приемах орнаментации, например, в схеме, воспроизведенной на рис. 49, 3—схеме, очень распространенной среди елисаветовского материала и верхних и нижних слоев; новым является применение гребенчатого штампа (см., напр., рис. 49, 11); отличия от кобяковской керамики проявляются также в формах сосудов:

так, если наш тип 1-й в основных своих чертах повторяет тип широкогорлого горшка кобяковских культур I и II, то типы 2-й и 3-й имеют в этих культурах аналогии уже гораздо более отдаленные.¹ Наконец, самая выделка керамики нижнего слоя далеко не всегда отличается качествами настолько же высокими, как керамика кобяковской культуры II, хотя все же в общем она еще значительно лучше, чем у экземпляров верхнего слоя. Итак, местная керамика нижних слоев частью принадлежит группе аналогичной керамике кобяковской культуры II, частью составляет группу несомненно иную, но близкую ей в гораздо большей степени, чем материал верхнего, почвенного слоя: это группа переходная, позволяющая перебросить мост от кобяковской культуры II к местной донской керамике раннеэллинистического времени, представленной в верхних слоях Елисаветовского городища.

Наконец, еще одно наблюдение: елисаветовская местная керамика и нижних и верхних слоев сохраняет и в орнаментации, и в деталях формы много элементов, присущих „доскифским“ культурам и прежде всего все той же кобяковской культуре II. А. А. Миллер в уже упоминавшемся отчете об экспедиции 1927 г. отмечает целый ряд моментов, отличающих „доскифскую“ керамику от керамики Елисаветовского городища. Это — „почти полный параллелизм в кривых наружных и соответствующих им внутренних поверхностях“, свойственный елисаветовской керамике и отличающий ее от „своеобразных профилей доскифских“; опоясывающий сосуд выступ („гурт“) в месте встречи кривой горла с кривой тела сосуда, характерный для „доскифской“ керамики и не встречающийся в керамике „скифской“; отсутствие или крайняя редкость в елисаветовской керамике характерного для ранних групп лощения; наконец, различие в орнаментации. Находки, сделанные в 1928 году, приводят к другим заключениям.

Прежде всего о профилировке сосудов. Принципиального различия между профилями сосудов „доскифских“ и группой елисаветовской я не нахожу. Некоторые профили, безусловно характерные для керамики кобяковской культуры II, встречаются в очень близком виде и в елисаветовской группе: различия в них приходится скорее отнести на счет качества работы, более тщательной в кобяковской группе, небрежной — в елисаветовской. Примером могут служить профили отогнутых венчиков больших горшков кобяковской культуры II,² повторяющиеся в очень близкой форме у нас (см. рис. 51, 6—8); совершенно аналогичный профиль имеют и нижние

¹ Такими аналогиями, может быть, следует считать для нашего типа 3-го тип „бомбовидного“ сосуда кобяковской культуры II, см. Сообщения ГАИМК, т. I, стр. 132—133, а для нашего типа 2-го тип „кувшина“, см. там же, стр. 129, рис. 25.

² Сообщения ГАИМК, т. I, стр. 128, рис. 24.

части сосудов в месте перехода дна в стенки.¹ Опоясывающий сосуд выступ в месте перехода горла в плечи, характер-

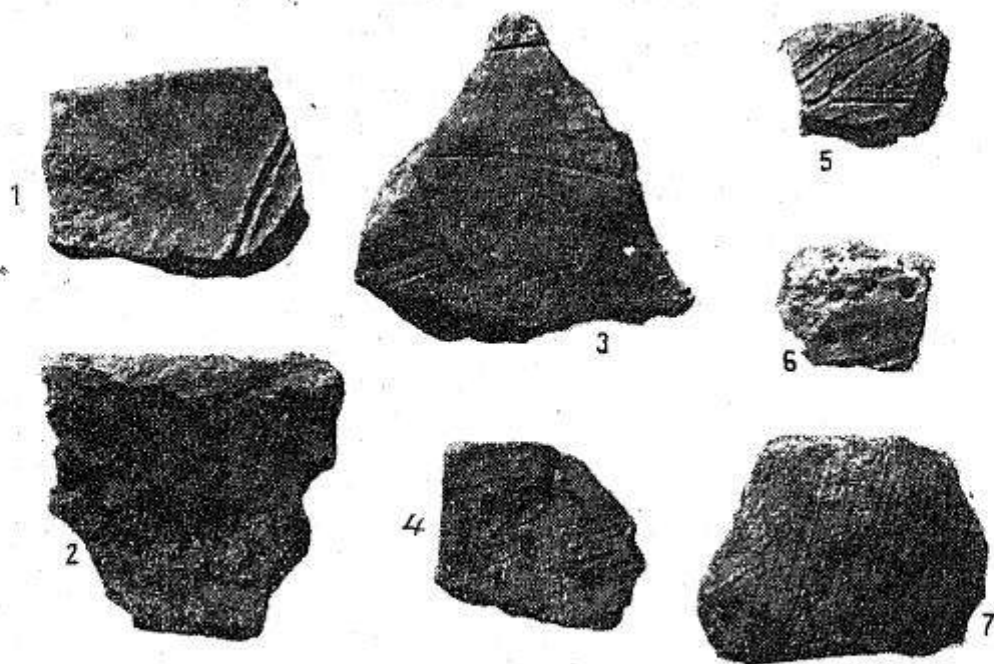

Рис. 50. Обломки „доскифской“ керамики из Елисаветовского городища (находки 1928 г.).

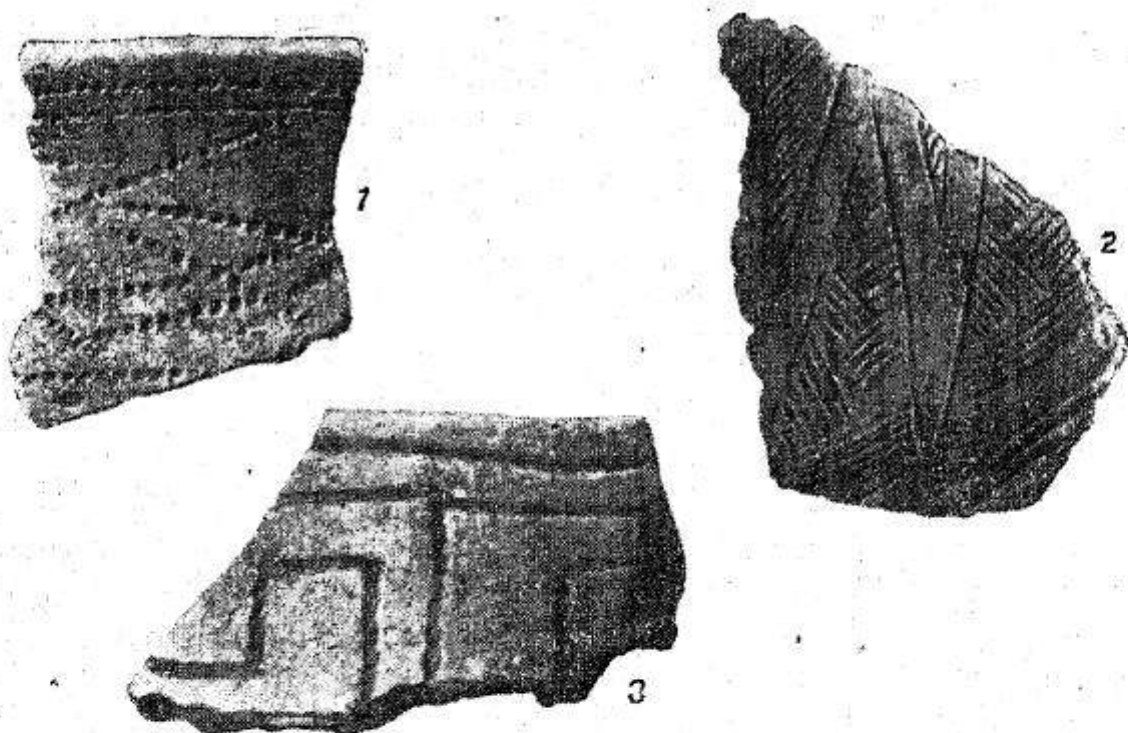

Рис. 50а. Обломки „доскифской“ керамики из Елисаветовского городища.

ный для „доскифской“ керамики, не только имеет место на черепках, найденных в 1928 г. в Елисаветовском городище,

¹См. тот же рисунок в отчете о работах Северо-Кавказской экспедиции за 1924 г. и у нас рис. 47. 3.

более того — он встречается там настолько часто, что его приходится признать характерной чертой этой группы (см. рис. 52, 1—6—елисаветовские обломки — и 7—8—кобяковские обломки); и так же, как в кобяковской культуре II, очень часто по этому выступу бывал расположен орнамент. Далее, лощение поверхности было обнаружено на целом ряде обломков, найденных в Елисаветовском городище в 1928 г.; все они происходят из нижних слоев раскопов I и IV; поверхность некоторых из них имеет характерный для керамики кобяковской культуры

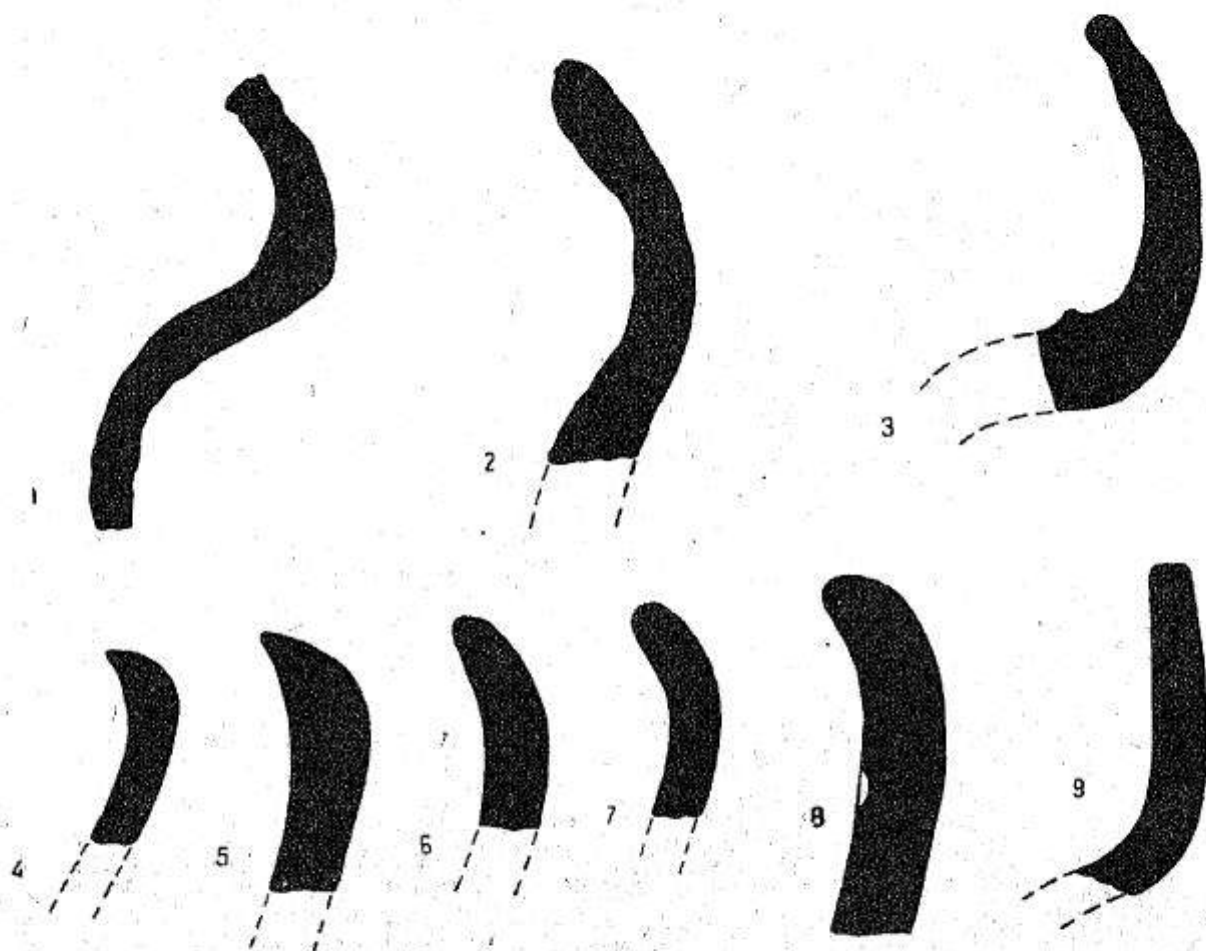

Рис. 51. Профили местной лепной керамики Елисаветовского городища. Верхний ряд — находки в верхнем (почвенном) слое. Нижний ряд — находки в нижнем (песчаном) слое.

II желтый („охряный“) цвет, у других — также встречающийся в кобяковской группе черный цвет. На одном обломке, найденном в нижнем слое (№ 279, см. рис. 50, 7), и наружные и внутренние поверхности подвергнуты характерному заглаживанию чем-то вроде щетки или метелочки, дающей вдавленные полосы. К этим особенностям можно прибавить и еще некоторые черты, позволяющие сблизить елисаветовскую керамику с группами „доскифскими“. Так, характерные для групп „доскифских“ заменяющие ручки выступы на боках горшков были четыре раза встречены и в елисаветовской группе; из них три принадлежат обломкам нижних слоев,

один — верхнего слоя (см. рис. 53, 1—4—елисаветовские обломки — и 5—кобяковский обломок). Общие черты наблюдаются и в орнаментации. Уже А. А. Миллером было обращено внимание на „кольчатые штампы“, свойственные елисаветовской керамике и вместе с тем часто встречающиеся и в кобяковской культуре II.¹ Орнаменты из различного рода вдавли и насечек, сделанных то просто пальцем или ногтем, то простейшим орудием (палочкой, костью), составляющие основную массу орнаментальных украшений елисаветовской керамики встречаются также и в керамике кобяковской культуры II главным образом среди находок в верхних, поздних ее слоях

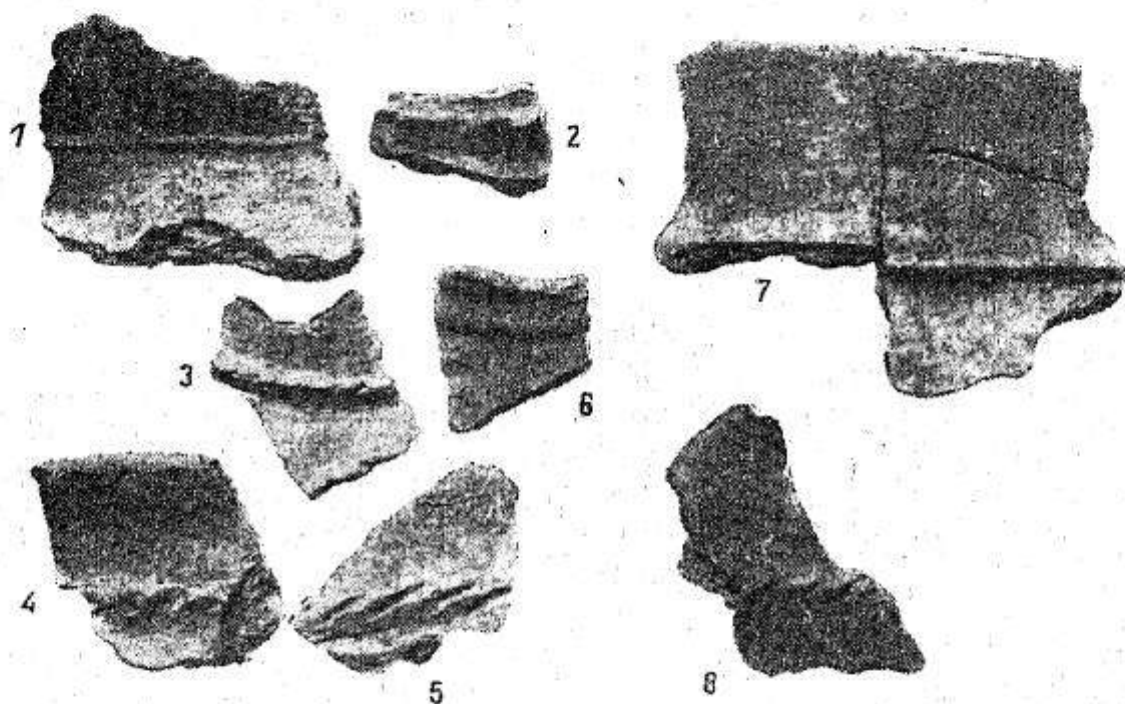

Рис. 52. „Архаические“ мотивы в лепной керамике Елисаветовского городища: выступ, опоясывающий сосуд в месте прикрепления венчика к плечам. 1—6 — обломки из Елисаветовского городища; 7—8 — обломки „II культуры“ из Кобякова городища.

Особенно характерным следует считать повторение в елисаветовской группе случаев, замеченных в кобяковской культуре II, когда вся поверхность сосуда покрывается вдавливами (№ 119; ср. № 296 из находок 1927 г.);² обыкновенно такие вдавливы располагаются в один ряд в месте перехода венчика в плечи или по верхнему краю венчика.

Итак, основной наш вывод будет значительно отличаться от вывода, к которому пришел на основании находок 1927 г. А. А. Миллер: местная керамика, изготовлявшаяся в Елисаветовском городище в античную эпоху, составляет продолжение керамики предшествующей эпохи, „доскифской“, и является,

¹ Сообщения ГАИМК, т. II, стр. 87.

² Сообщения ГАИМК, т. I, стр. 131, рис. 27, 3 и 11; у нас рис. 50, 2 и 4

таким образом, продукцией не какого-то нового племени, пришедшего в данную местность незадолго до появления в ней греков, а коренного местного населения, обитавшего здесь задолго до греков. Черты различия между группами местной керамики эпохи, предшествующей греческой колонизации северного Причерноморья (иначе — „доскифской“), и той же местной керамикой, выделявавшейся здесь при греках, должны быть отнесены на счет изменения той роли, которую играет эта керамика при изменившемся укладе городища: с началом ввоза греческой керамики, отличающейся более высокими техническими качествами, местные лепные сосуды перестают быть единственным сортом посуды — они превращаются с одной стороны в кухонную утварь, с другой — в посуду [низ-

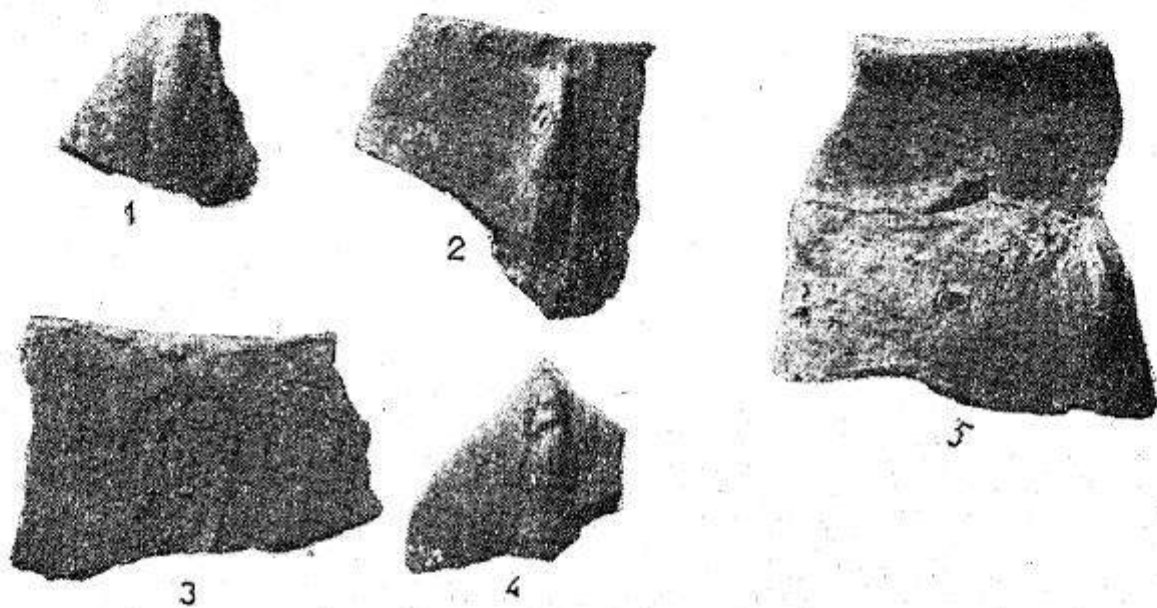

Рис. 53. „Архаические“ мотивы в лепной керамике Елисаветовского городища: набешные выступы. 1—4 — обломки из Елисаветовского городища; 5 — обломок „II культуры“ из Коблякова городища.

ших слоев населения. Это и вызывает быстрое падение качества этой керамики, наблюдаемое как раз в то время, к которому относится большая часть находок простой посуды боспорского производства; ввоз последней (а не ввоз художественной греческой керамики — чернолаковой, чернофигурной, краснофигурной и т. д.) безусловно сыграл здесь решающую роль. Что наше наблюдение правильно, на это определенно указывает тот факт, что из распространенных в эпоху „кобляковской культуры II“ типов в античную эпоху уживаются и развиваются как раз формы простых грубых горшков, в то время как сопутствующие им типы более тонкой выделки, с более сложной орнаментацией совершенно отживают: такая керамика более не нужна — она заменяется керамикой привозной, входящей в обиход не только пришлых греков, но и все более и более резко выделяющегося в составе местного не греческого населения имущественно обеспеченного слоя.

В высшей степени интересно было бы составить себе представление о жизни Елисаветовского поселения до появления в нем греков. Как я уже отмечала, в 1928 г. не было обнаружено слоя, соответствующего этому периоду: все упоминавшиеся обломки, близко напоминающие керамику „кобяковской культуры II“, были найдены вместе с греческой керамикой V и IV вв. до н. э. Иную картину дают находки 1927 года. Преобладающее количество обломков с лощеными поверхностями было найдено в слое, лежащем ниже слоя, содержащего греческую керамику, и, следовательно, соответствующем периоду, когда греческий импорт еще не проникал в данную область. Все эти обломки очень невелики, не дают представления о форме сосуда или хотя бы части сосуда; но технические особенности, отличающие группы керамики „доскифской“, выражены здесь вполне ясно, на что было указано и А. А. Миллером.¹ Единичные находки той же керамики можно, впрочем, констатировать и в следующем слое, содержащем греческую керамику и, по видимому, соответствующем слою I нашего раскопа I.

Сопоставление находок за оба года, 1927 и 1928, дает нам возможность, таким образом, сделать некоторые наблюдения, касающиеся жизни негреческого населения в Елисаветовском городище. В эпоху, предшествующую проникновению греков в область нижнего Дона, здесь существовало местное поселение; относящиеся к этому периоду находки свидетельствуют о соответствии этого поселения „доскифским“ поселениям, обнаруженным в других местах Нижнедонской области. Обитатели этого поселения, вернее, их потомки, продолжают жить здесь и во все то время, когда в Елисаветовском городище живут и греки: представляющая продукцию этой части населения Елисаветовского городища лепная местная керамика претерпевает в течение этого периода довольно значительные изменения, обусловленные проникновением сюда греческого импорта; но она никак не может рассматриваться как что-то новое, свидетельствующее об изменении в этническом составе местного населения.

Последнюю из групп керамики, обнаруженных в Елисаветовском городище исследованиями 1928 г., составляет керамика „лощенная“, хорошо известная нам по находкам в местных городищах и курганах последних веков до н. э. и первых веков н. э.; исследователи считали ее обыкновенно характерной принадлежностью „сарматской“ культуры. В Елисаветовском городище такая „сарматская керамика“ представлена только немногими обломками, из которых только четыре — два обломка венчиков широких горшков №№ 365 и 496 (см. рис. 54, 1—2), обломок горла кувшина № 561 (рис. 54, 3) и обломок

¹ См. Сообщения ГАИМК, т. II, стр. 89—90.

ручки № 469 — дают хоть какое-то представление о сосудах, которым они принадлежали. У всех этих обломков поверхность подвергнута лощению и имеет то серый, то почти черный цвет; глина грубая, с многочисленными крупными частицами слюды; следов гончарного круга нет, но выделка довольно тщательная, особенно у № 365 (рис. 54, 1). Останавливаться подробнее на этой группе я пока не буду: опыт ее характеристики я дам в работе о поздних донских поселениях, давших обильный материал этой керамики.

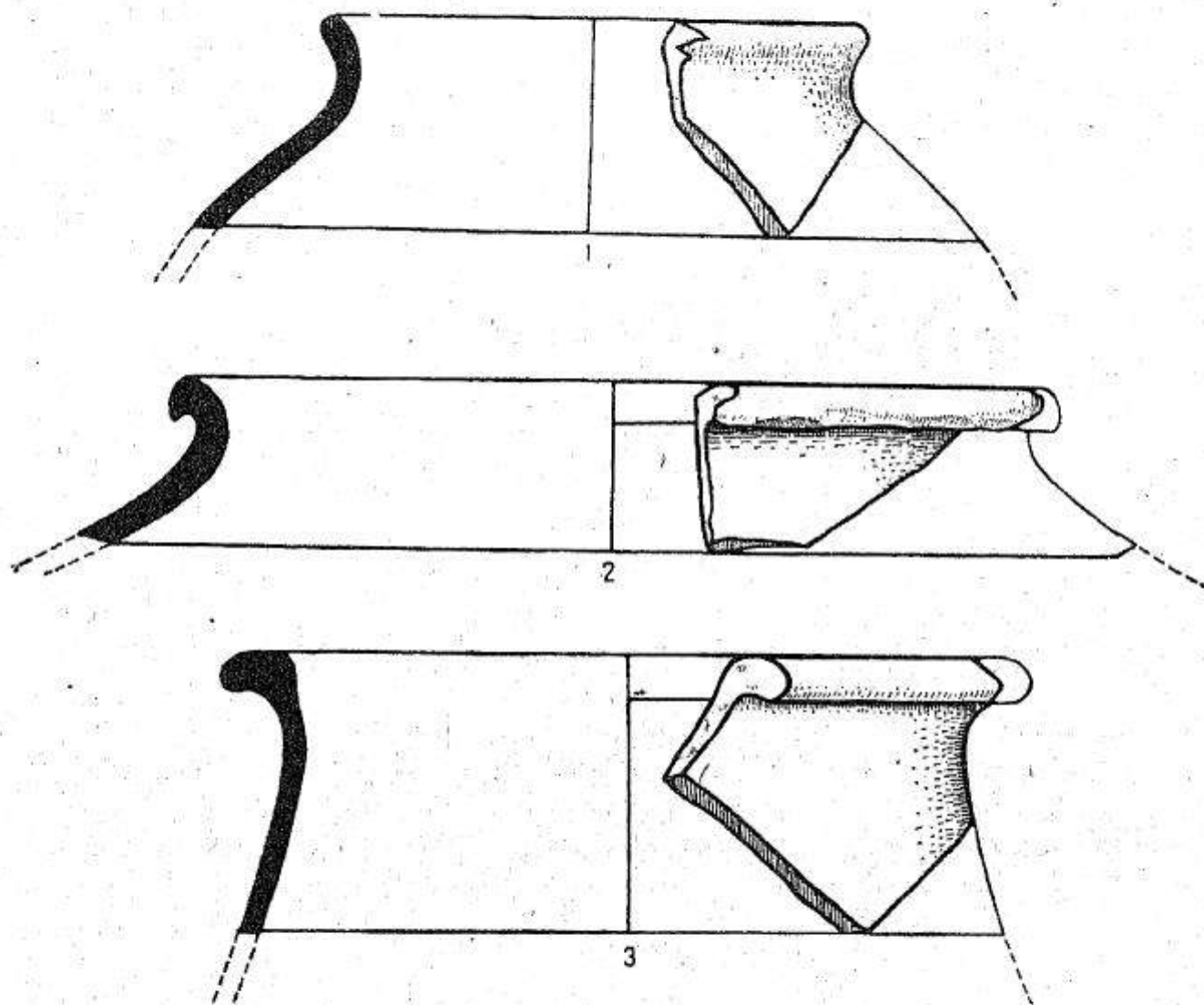

Рис 54. Образцы „лощеной“ керамики из Елисаветовского городища.

Рассмотренные группы охватывают все керамические находки, сделанные в Елисаветовском городище во время исследований 1928 г.

Не керамические находки очень немногочисленны. Среди них одно из первых мест по интересу и значению принадлежит форме для отливки какого-то металлического изделия № 764 (см. рис. 55). Повидимому, оно представляло плоскую подвеску с шариками на концах; повторений или хотя бы аналогий этому типу я не знаю нигде — он не похож ни на одно из известных мне украшений, употреблявшихся в Греции

или ее причерноморских колониях. Во всяком случае найденная форма важна для нас, как свидетельство о существовании в Елисаветовском городище производства металлических ювелирных изделий. А с этим интересно сопоставить и факт находок в курганах при Елисаветовском городище металлических изделий, резко отличающихся от тех, которые мы встречаем среди продуктов металлического производства крупных колоний северного Причерноморья — Ольвии, Пантикапея и др.¹ Эти елисаветовские изделия характеризуются прежде всего своим материалом — сплавом, в котором золото составляет не очень значительную часть, на что указывает очень бледный, чуть желтоватый цвет всех этих изделий; этим особенностям материала постоянно сопутствует и своеобразный стиль. Античные мотивы составляют и здесь основное содержание изображений; но они являются здесь в такой местной „варварской“ трактовке, какой мы не встретим у изделий ни одной из крупных причерноморских колоний, во всяком случае в это время. Ярким примером этого своеобразного местного стиля могут служить бляшки с изображениями сирен из раскопанного А. А. Миллером в 1909 г. кургана № 14² или бляшка с головой Медузы из кургана 1908 г. № 4.³

Рис. 55. Часть формы для отливки металлического изделия.

Металлические предметы, найденные в Елисаветовском городище в 1928 г., дошли до нас за немногими исключениями в настолько измененном виде, что сказать о них что бы то ни было крайне трудно: по большей части это совершенно бесформенные комки окислов меди или железа. Из обломков, сохранивших форму предмета, следует упомянуть: обломок железных удил — № 229 (рис. 56,1); обломок лезвия ножа обычной „скифской“ формы — № 207 (рис. 56,2); обломок бронзовой фигурки какого-то животного — № 426. Для каких бы то ни было обобщений такого материала, конечно, очень мало — трудно было бы даже решить, представляют ли эти предметы продукты местного производства, или они привезены; в послед-

¹ Особенности елисаветовских золотых изделий, отличающие их от изделий Пантикапея и других боспорских колоний, были впервые весьма убедительно продемонстрированы Е. О. Прушевской в докладе, читанном ею в отделении причерноморских городов Государственного Эрмитажа. Приходится очень пожалеть, что результаты работы Е. О. Прушевской не опубликованы.

² См. ИАК, в. 35, стр. 118, рис. 26.

³ Там же, стр. 95, рис. 5,1.

нем случае естественнее всего предполагать ввоз опять-таки из области Боспора.

Далее следует отметить находки грузил или отвесов различных типов, глиняных и каменных. Из них некоторые, особенно каменные, представляют скорее всего рыболовные грузила, другие естественнее считать пряслицами, отвесами прядильных станков. Выяснение назначения всех этих „грузил“ и „пряслиц“, в большом количестве находимых при раскопках всех поселений северного Причерноморья, — один из важнейших очередных вопросов; до такой специальной работы, пока

еще проделанной только в известной части,¹ было бы преждевременно делать на основании такого рода находок какие бы то ни было заключения о существовании и распространении на месте этих находок текстильного или еще какого-нибудь производства.

2 Предметов украшения экспедиция 1928 г. нашла мало, и сводится весь материал данной категории к 15 отдельным бусам и подвескам из стекла или стеклянной пасты, найденным в разных местах раскопок, по одной — по две. Большая часть их представляет бусы из одноцветного стекла, синего или белого, различных форм — круглые, пирами-

Рис. 56. Металлические предметы из Елисаветовского городища: 1 — обломок железных удил, 2 — обломок железного ножа.

дальные, биконические, цилиндрические; встречаются также синие бусы с „глазками“ желтыми и белыми. Все найденные в 1928 г. разновидности находят многочисленные повторения как среди находок в колониях Боспора, так и в материале из курганов при Елисаветовской станице; вероятно, и в этой группе мы имеем импорт из Боспора.

Особого внимания заслуживают обнаруженные в 1928 г. остатки строительных сооружений. Мы прежде всего должны

¹ Я имею в виду чрезвычайно интересную работу И. П. Красникова, выяснившего, что во всяком случае некоторые из глиняных пирамидальных грузил, прежде считавшихся рыболовными грузилами, являлись на самом деле весовыми гирями. Но как бы ни были важны выводы Красникова, они касаются пока только небольшой части того материала, о котором идет речь.

констатировать существование в Елисаветовском городище строительства городского типа, может быть, и менее совершенного, чем то, которое мы знаем в главных причерноморских колониях, но тем не менее бесспорно аналогичного именно этому последнему. Правда, обнаружить и расследовать сколько-нибудь значительную часть какого-нибудь здания не удалось. В раскопе I был обнаружен в с.-в. углу большой кусок каменной кладки, уходившей в восточный обрыв, но за недостатком времени расследование ее не было произведено: кладка засыпана землей и, таким образом, сохранена для доследования ее при предстоящих раскопках. Но части кладок, сложенных из тесаных, хорошо подогнанных камней, попадались неоднократно. С этим следует сопоставить находки обломков черепицы — соленов и калиптеров, встречавшихся во всех раскопах, расположенных внутри ограды (раскопы I, II, IV); наконец, среди случайных находок на площади городища в одной из ям, получившихся в результате выемки местными жителями камней, был найден кусок штукатурки, окрашенной с поверхности в красный цвет и совершенно аналогичной многочисленным обломкам штукатурки из Ольвии, Пантикапея, Херсонеса и т. д. Может быть, также к числу строительных остатков следует отнести и несколько обломков обработанного мрамора, обнаруженного в дерновом слое раскопа I (№№ 5, 6, 65). Всеми указанными находками засвидетельствовано с полной несомненностью существование в Елисаветовском городище строительства городского типа.

Наряду со строительным материалом такого рода встречаются во всех раскопанных участках городища остатки строений совершенно иного типа. Этот второй тип представляют постройки из камыша или прутьев, обмазанные глиной и с глинобитным полом (см. два обломка обмазки от таких жилищ на рис. 57, 1—2). Тип постройки по материалу, найденному в

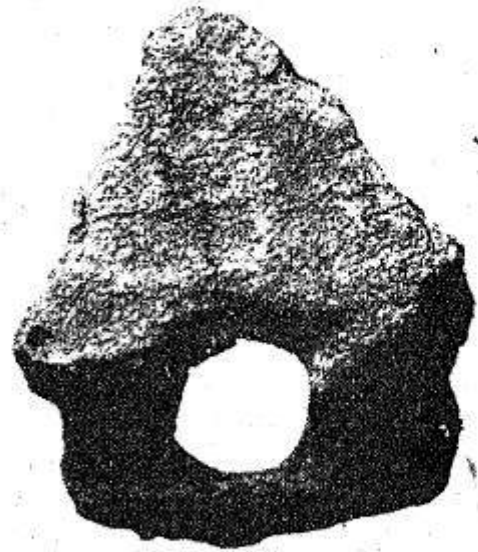

Рис. 57. Остатки глинобитных построек: куски глиняной обмазки с отверстием для кола (1) и со следами камыша и прутьев (2).

*

Елисаветовском городище, установить не удалось; но следует отметить, что все попадавшиеся остатки этих строений (многочисленные куски глиняной обмазки со следами камыша и прутьев; части пола; куски полуистлевших жердей) совершенно аналогичны тому материалу, который дали в большом количестве расследовавшиеся А. А. Миллером местные городища области нижнего Дона, особенно Кобяково городище.¹ Остатков жилищ данного типа найдено было в 1928 г. в Елисаветовском городище значительно больше, чем строений типа городского.

Очень мало можно сказать о находках обломков каменных изделий. Среди них следует отметить куски гранитной зернотерки, аналогичной встречающимся в местных поселениях нижнего Дона, и ряд обломков орудий из кремня, порфира и других камней. Все эти обломки очень мелки и не дают возможности восстановить тип какого-либо из орудий; но все же они дополняют наши наблюдения о существовании в нижних слоях Елисаветовского городища материала, аналогичного материалу „архаических” поселений нижнего Дона.

В заключение коснусь найденных в 1928 г. костей млекопитающих и рыб. К сожалению, большая их часть была найдена в виде раздробленных, иногда полуистлевших обломков, не поддающихся определению, и передать для определения оказалось возможным очень незначительное их количество. Кости млекопитающих оказались принадлежащими крупному быку, теленку, лошади и овце. Среди костей рыб попало значительное количество щитков ганойдных (осетровых) рыб, более точному определению, в силу плохой сохранности, не поддающихся; из хорошо сохранившихся костей одна принадлежит севрюге, остальные представляют позвонки каких-то очень крупных рыб, вид которых установить трудно: возможен сом или очень крупный сазан.²

Мы рассмотрели весь материал, найденный в 1928 г. в Елисаветовском городище; подведем итоги сделанным при этом наблюдениям. Среди рассмотренного материала оказался, прежде всего, целый ряд групп предметов, которые следует считать привозными; две категории, на которые распадается импорт по месту его происхождения: товары, выделявавшиеся в метропольной Греции, и товары, представляющие продукцию мастерских северного Причерноморья. К первой из этих категорий относится ряд групп керамики аттического и ионийского производства — чернолаковой, краснофигурной,

¹ См. Сообщения ГАИМК, т. I, стр. 120 (А. А. Миллер, Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг.). Существенные дополнения к имеющимся здесь данным о строительстве донских городищ римской эпохи были сделаны А. А. Миллером на основании расследований 1928 г.; эти данные еще не опубликованы.

² Считаю долгом выразить мою искреннюю благодарность проф. Л. С. Бергу, просмотревшему кости рыб и сообщившему мне помещенные здесь замечания о них, и В. И. Громовой, определившей все кости млекопитающих.

чернофигурной и т. д.; о ввозе греческого вина и масла свидетельствуют амфорные обломки с клеймами родосскими и фасосскими. Вторая категория включает главным образом боспорские изделия: простую обиходную посуду, строительные полуфабрикаты, мелкие украшения из стекла; может быть, с Боспора привозилась и часть металлических предметов. Ввозились также и продукты других центров северного Причерноморья; засвидетельствованным это можно считать для Херсонеса (вино). Следует думать, что весь этот импорт направлялся сюда через посредство Боспора: по словам Страбона, в данной области обмен производился между кочевниками и „плывущими с Боспора“;¹ и действительно — среди всех привозных групп нет ни одной, которая не встречалась бы, при этом в совершенно сходном виде, в главных боспорских колониях. Разница наблюдается только в качестве товаров: среди елисаветовских находок нет, например, ни одного обломка, принадлежащего тем первоклассным аттическим вазам, которыми так богат Пантикапей. Причину надо искать в отсутствии в Елисаветовском городище того слоя, который в городах Боспора был главным потребителем этих товаров; во всяком случае, этот слой был, очевидно, менее богатым.

Материал, представляющий продукцию Елисаветовского городища, резко отличается от всего привозного. Если привозный свидетельствует о наличии греческих черт в обиходе населения или части населения городища, то в местном проявляются как раз черты негреческие, черты, свойственные местным поселениям области нижнего Дона. Основная местная группа — грубые, вылепленные от руки сосуды, которые мы сопоставили с местной керамикой, выделявавшейся в данной области и до появления в ней греков. Эта группа является „местной“ в обоих смыслах, в которых употребляется данное слово: потому, что она сделана здесь, на месте, и по своему „местному“, негреческому характеру, иному, чем стиль и характер вещей, изготовлявшихся, хотя бы и в северном Причерноморье, мастерами-греками. Малочисленность и плохая сохранность найденных в Елисаветовском городище металлических предметов не позволяет сказать с уверенностью, не является ли также и некоторая часть этой группы местной, негреческой продукцией, дальнейшее изучение которой может вскрыть перед нами черты жизни местного населения области нижнего Дона. Обломок ножа „скифской“ формы, обломок бронзовой фигурки животного как будто свидетельствуют о существовании производства металлических вещей „скифского“ характера; но говорить об этом с уверенностью, конечно, невозможно.

Одно, что можно считать во всяком случае весьма вероят-

¹ Strabo, XI, 493.

ным, — что Елисаветовское городище собственной большой промышленности не имело; то производство, которое мы находим здесь в развитом виде, является производством местного негреческого населения и никак не обусловлено пребыванием здесь греков. Мы видели, что среди групп, представляющих аналогии греческому материалу, не удастся усмотреть местной елисаветовской продукции: отдельные обломки, на которые я указывала (стр. 154), были очень уже немногочисленны и маловыразительны. А в связи с этим, также и вследствие ряда других соображений, о которых речь будет ниже, является предположение, что Елисаветовское городище вообще было центром преимущественно торговым, гораздо более торговым, чем производственным.

Чрезвычайно важно представить себе соотношение между всеми перечисленными группами, т. е. с одной стороны соотношение отдельных групп между собой во всем городище в целом, с другой — то, как это соотношение менялось в разных местах городища и в разные эпохи его существования.

Прежде всего интересно поставить вопрос о соотношении между группой грубой местной керамики с одной стороны и группами керамики греческих форм и типов с другой; в эту вторую категорию мы отнесем и привозную из метропольной Греции керамику чернолаковую, краснофигурную и чернофигурную, и простую посуду боспорского производства, словом — все группы привозной керамики за исключением простых остродонных амфор, которые, конечно, в особом положении. По данному вопросу мы можем сделать следующее наблюдение: во всех раскопанных участках городища и во всех его слоях (то есть, во все периоды его существования) количество обломков лепной грубой керамики далеко превышает количество обломков всех остальных групп, взятых вместе. Этот факт отличает Елисаветовское городище от крупнейших причерноморских колоний, как, например, Ольвия, Пантикапей, городище у станицы Таманской (Корокондама?), Фанагория: преобладание лепной грубой керамики над другими группами утвари там наблюдалось, по крайней мере, насколько мне приходилось это видеть, лишь как исключение, обычно же мы постоянно имеем там значительное преобладание других групп.

Что касается взаимоотношения между группами привозными, то керамика боспорского производства везде преобладает над керамикой метропольной Греции, но не везде в одинаковой степени. Так, раскоп II дал значительное преобладание боспорской посуды над ионийской и аттической (271 и 39), в других случаях преобладание боспорских изделий оказывалось менее значительным.¹

¹ В приведенных в таблице на стр. 198—199 цифрах возможна, даже несомненно известная неточность. В таблице перечислены все находки, сделанные в 1928 г.,

По вопросу об изменении во времени соотношения между различными группами сказать можно мало. Резкого изменения в соотношении групп во всяком случае не наблюдается. Повидимому, в более позднее время увеличивается процент боспорской керамики; это и естественно: по данным, которыми мы располагаем для боспорских центров, развитие керамического производства падает там как раз на IV—III века; в V и начале IV в. до н. э. в быту боспорских поселений безусловно преобладают изделия метропольной Греции. Далее, в поздних слоях значительно увеличивается количество амфорных обломков, — повидимому, потребление греческого вина и масла в Елисаветовском городище заметно растет с течением времени. Наконец, перемены наблюдаются в области строительства. Все остатки, принадлежащие строениям городского типа, как обломки черепиц, части кладок, концентрируются в верхних слоях раскопов I и IV; если это не случайное явление, следует думать, что в V в. и начале IV городское строительство было здесь развито слабо — рост его наблюдается уже в более позднее время. Ко всем этим наблюдениям приходится, впрочем, относиться очень осторожно; напомним еще раз, что непо потревоженные слои, соответствующие определенным периодам существования поселения, мы нашли только в двух раскопах, занимающих в общем очень незначительное пространство.

Очень интересен вопрос о том, как распределяется материал по различным участкам городища. Здесь расследования 1928 г. дали нам один в высшей степени интересный и важный факт. Раскоп III, расположенный, в противоположность раскопам I, II и IV, не в центральной, обнесенной внутренней оградой части городища, а за пределами внутренней ограды, в южной части, дал за вычетом амфорных обломков почти исключительно обломки грубой местной керамики: на 702 обломка этой местной утвари приходится всего два обломка чернолаковой керамики и один обломок серого сосуда. Едва ли следует считать случайностью и то, что именно среди материала этого раскопа найдено наибольшее количество разновидностей лепной местной керамики и в смысле форм сосудов, и в отношении орнаментации. Характерны и остальные находки: два экземпляра пряслиц (одно целое, один

а не только те, которые были отобраны и привезены в Ленинград для дальнейшего исследования; между тем на месте регистрация находок велась не всегда с достаточным расчленением на подгруппы, в частности без деления по центрам производства группы чернолаковой керамики. Произвести выделение боспорской чернолаковой керамики удалось только по отношению к взятому в Ленинград материалу, остальной весь зачислен в группу чернолаковой керамики ионийской и аттической, поскольку эти подгруппы безусловно преобладают над чернолаковой керамикой боспорской. Возможная при этом ошибка не будет, впрочем, очень велика, так как количество оставленных чернолаковых обломков вообще очень незначительно.

обломок), два куса точильного камня; осколок кремневого орудия. В раскопе III попадались куски глиняной обмазки, но не было найдено никаких остатков строительства городского типа — ни частей кладок, ни обломков черепицы, хотя по найденным обломкам чернолаковой и боспорской керамики, также и по характеру местной лепной керамики, время всего этого материала не очень раннее, не раньше второй половины IV в. а, может быть, мы имеем здесь дело уже и с III в. до н. э. Нет среди находок этого раскопа и никаких украшений — ни бус, ни подвесок. Не подлежит сомнению, что данный участок принадлежит району, заселенному населением негреческим и имущественно обеспеченным значительно слабее, чем население частей, вскрытых раскопами I, II, IV. Что представляло собой это сосредоточенное в окраинной части городища население, каково было его социальное положение, в каких отношениях находилось оно к населению центральной части, можно, конечно, только гадать. Но несомненно, что обнаруженный факт заслуживает самого внимательного отношения к себе и что он должен быть учтен и при дальнейших исследованиях городища. Необходимо проверить сделанное наблюдение и, по возможности, дополнить его; в связи с этим исследование данной части городища должно быть признано одной из важнейших очередных задач.

Интересно, что и в других поселениях мы встречаем явления, в известной мере аналогичные только что описанному. Так, при разведочных работах на территории городища у станицы Таманской мне пришлось наблюдать за исследованием наслоений античного времени в двух местах — в центральной части городища („раскоп у моря“) и в окраинной части его („раскоп у старого озера“). Разница в находках этих двух частей городища оказалась значительная. Центральная часть дала заметное преобладание импорта из метропольной Греции, в то время как в окраинной преобладали местные боспорские изделия, частью, повидимому, привезенные из лежавшего вблизи, по ту сторону пролива, Пантикапея, частью местного производства Таманского городища. Эти боспорские изделия — как раз та группа „тонкостенной керамики“, которая в Елисаветовском городище оказалась посудой более состоятельных слоев; здесь ей принадлежит место до известной степени аналогичное тому, которое в Елисаветовском городище занимает грубая лепная керамика. Что касается этой последней группы, то она встречается в сравнительно незначительном количестве даже и в окраинной части Таманского городища.

Итак, самое явление — сосредоточение менее обеспеченного населения в окраинной части поселения — повторяется в обоих городищах; разница, в материале, характеризующем каждый из слоев населения, здесь и там, стоит, несо-

мненно, в связи с общим различием между этими двумя поселениями.

Прежде чем формулировать выводы, вытекающие из рассмотренного нами материала, необходимо коснуться находок, сделанных на территории Елисаветовского городища за годы, предшествующие экспедиции 1928 г. Ограничусь всего лишь немногими словами.

Как я уже указывала, работы на территории Елисаветовского городища велись Леонтьевым в 1853 г., Хицуновым в 1871 г. и А. А. Миллером в 1908, 1906 и 1910 гг., затем в 1923, 1924, 1925 и 1927 гг. При этом небольшие раскопы производились только в 1908, 1909, 1910 и 1927 гг., в остальные же годы, кроме некоторых работ по съемке и нивелировке городища (1923 г.), производился только сбор на поверхности. Из всех сделанных во время перечисленных работ находок мне удалось просмотреть материал годов 1910 и 1923—1927; материал 1908 и 1909 гг. известен мне только по публикациям А. А. Миллера, находки Леонтьева и Хицунова неизвестны мне совсем.

Насколько могу судить при таком неполном знакомстве со всем найденным материалом, существенные дополнения к тому, что дают находки 1928 г., могут быть внесены только в одном отношении — по вопросу о существовании на месте Елисаветовского городища в доантичную эпоху поселения, аналогичного „доскифским“ поселениям области нижнего Дона. Эти дополнения состоят, как я уже указывала, в установлении факта существования в данном месте поселения, предшествовавшего проникновению сюда греческого импорта, что доказывается обнаружением слоя, лежащего ниже всех слоев с греческими находками; этот ранний слой содержал обломки керамики, сопоставленные А. А. Миллером с материалом кобяковских культур I и II. В этом — главное достижение работ 1927 г.; но и до того находки „доисторической“ керамики встречались неоднократно на территории Елисаветовского городища: в проделанном в 1910 г. раскопе были найдены отдельные, но весьма показательные экземпляры (см. рис. 50а, 1—3), а среди обломков, собранных в 1924 г. на поверхности городища, имеется свыше 20, принадлежащих к группам, аналогичным частью кобяковской культуре II, частью — даже и кобяковской культуре I.¹ Общее количество найденных на территории Елисаветовского городища обломков, аналогичных двум указанным группам, достигает в настоящее время 60.

По тому же вопросу о раннем местном поселении небезын-

¹ Среди них встречаются экземпляры с типичным веревочным штампом.

интересно вспомнить также раскопки Хицунова в 1871 г. Мимоходом, не придавая, повидимому, особенного значения сделанному наблюдению, Хицунов отмечает в прорытых канавах и ямах „обломки глиняных грузил для сетей и толстых костяных игол, рыбы кости и толстые слои рыбьей чешуи, заставляющие предполагать, что и древние обитатели этой местности подобно нынешним казакам преимущественно занимались рыболовством“.¹ Для нас это наблюдение в высшей степени ценно. Ведь, эти остатки рыболовных приспособлений и особенно толстые слои рыбьей чешуи — как раз то, что так хорошо знакомо всем тем, кто присутствовал при открытии донских поселений догреческой эпохи; вместе с тем, такая картина не характерна для слоев Елисаветовского городища IV—III вв. до н. э. Весьма вероятно, что Хицунов в своих канавах наткнулся на неповрежденные слои, принадлежащие догреческой эпохе существования Елисаветовского городища.

Что же касается эпохи более поздней, характеризующейся применением в обиходе Елисаветовского городища греческих привозных изделий, то находки за все более ранние годы не вносят ничего существенно нового в ту картину, которая устанавливается на основании рассмотренного нами материала 1928 г. Все эти находки относятся к периоду с конца V до середины или конца III в. до н. э. и распределяются они по тем же группам, которые были нами установлены. Дополнения, которые может дать этот материал, будут состоять, таким образом, только в выяснении некоторых новых типов или разновидностей типов сосудов; даже и эти дополнения не могут быть значительны, и касаться они будут главным образом чернолаковой керамики, аттической и ионийской.

В непосредственной близости к городищу лежит многократно и основательно исследовавшийся курганный некрополь. Детальная характеристика этого некрополя не входит в мою задачу; остановлюсь лишь на некоторых моментах. Не подлежит сомнению, что все раскопки погребения этого некрополя принадлежат туземному населению. Повторяющийся в громадном большинстве курганов обряд погребения с характерными негреческими чертами,² оружие скифского типа и другие свойственные скифским погребениям предметы,³ представляющие постоянную составную часть инвентаря погребений Елисаветовского некрополя, — все это создает в общем характерную картину негреческого некрополя,⁴ дей-

¹ См. ОАК за 1871 г., стр. XLII.

² Напр., обкладка могильной ямы слоем камыша; части лошадиных, бараньих и овечьих туш, помещаемых в качестве пищи, иногда в характерных „скифских“ котлах и т. д.

³ Напр., гривны, ритоны, различные бляшки с изображениями в „зверином“ стиле и т. д.

⁴ Это было отмечено и А. А. Миллером: см. ИАК, в. 56, стр. 220 и 221.

ствительно, „отнюдь не картину греческого некрополя и даже не картину некрополя смешанного, как мы его наблюдали в соседстве Нимфея, Горгиппии и полуэллинических городов устья Днестра и Буга, раскопанных Гошкевичем и Эбертом“.¹

В то же время несомненна тесная связь этого некрополя с городищем,² и именно с городищем того периода, который характеризуется появлением в нем греческих вещей. За исключением Ушаковского кургана, принадлежащего к концу VI в. до н. э.,³ и некоторых курганов с одной только „доисторической“ керамикой, вся масса расследованных курганов падает на краткий период IV—III в. до н. э., и если время до указанного периода представлено всего лишь отдельными находками, то позже III в. нет вообще ни одного кургана. Среди всей массы происходящего из этих курганов материала я не нашла ни одного сосуда, типичного для позднеэллинистической эпохи, вроде „мегарских“ чашек, эллинистической керамики с резным и накладным орнаментом по коричневому или красному полю, александрийской керамики и т. д., ни одной амфоры, принадлежность которой даже II в., не говоря уже о I, доказывалась бы или формой сосуда, или клеймами. Везде мы имеем дело с материалом, типичным для классической, самое позднее раннеэллинистической эпохи, т. е. для того периода, которому принадлежит и весь рассмотренный нами материал городища.

Тесная связь некрополя с городищем обнаруживается также и в характере вещей. Не только основные группы, с преобладанием группы ионийской, будут одни и те же здесь и там; еще характернее, что даже типы и разновидности типов, встречаемые в городище, повторяются в некрополе в том же самом виде. Также и немногие имеющиеся экземпляры расписной керамики опять-таки почти идентичны в городище и некрополе. Различие между инвентарем курганных погребений и материалом городища состоит главным образом в отсутствии в большинстве курганов характерной для городища грубой лепной керамики и в очень небольшом количестве простой боспорской посуды. Это приходится при-

¹ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, РАИМК, 1925 г., стр. 530; ср. Rostowzew, Skythien u. d. Bosphorus, т. I, Berlin, 1931 г., стр. 469.

² Это наблюдение было также сделано уже и А. А. Миллером, см. ИАК, в. 35, стр. 123—124.

³ О различных взглядах по вопросу о датировке Ушаковского кургана см. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 531—532 и примеч. 1 на стр. 531 (ср. Skythien u. d. Bosphorus, стр. 471). Мое мнение о принадлежности Ушаковского кургана к концу VI в. до н. э. основано не только на анализе стиля изображений на известных золотых познах, но еще больше на факте находки в этом кургане двух обломков ионийского чернофигурного сосуда 2-й половины VI в. до н. э. В описи они значатся как „чернолаковые“; очевидно, ни Ушаков, ни другие исследователи не обратили внимания на остатки росписи, сохранившиеся, правда, на небольшом участке, но все же вполне достаточные для суждения о характере сосуда.

писать тому, что в расследованных курганах погребены по большей части представители более богатого слоя туземного населения, у которых грубая лепная керамика была только кухонной утварью, а не посудой, предназначенной и для приготовления и для потребления пищи; кухонную же утварь мы вообще обычно не встречаем в погребениях. Что касается боспорской простой посуды, то она вообще была мало распространена в быту негреческой части причерноморского населения. Экономическое и социальное положение погребенных в курганах сказывается также в присутствии золотых предметов, иногда очень дорогих.

Все эти факты, устанавливающие связь некрополя с городищем, в том числе, подчеркиваю, и связь во времени, заслуживают самого внимательного к себе отношения. Сосредоточение здесь богатых скифов, во всяком случае рост их притока, стоит в несомненной связи с существованием здесь торгового пункта.

К вопросу о некрополе и конкретном содержании, которое надо вкладывать в понятие связи между городищем и некрополем, нам еще придется вернуться.

Переходя к формулировке основных обобщений, которые позволяет сделать рассмотренный материал, я считаю нужным еще раз подчеркнуть, что все эти обобщения должны рассматриваться как предварительные: во-первых, потому, что вопрос о Елисаветовском городище, его характере и значении для всей области нижнего Дона может быть решен только при рассмотрении данного городища на фоне всех поселений той же области, между тем работа над нижнедонскими поселениями еще далеко не закончена; во-вторых, потому, что и Елисаветовское городище, и остальные расследованные поселения той же области расследованы так мало, что приходится учитывать возможность обнаружения в дальнейшем совершенно нового материала и новых явлений, из-за которых, может быть, все мое построение должно будет подвергнуться коренному пересмотру. Итак, перехожу к основным выводам, вытекающим из рассмотрения материала Елисаветовского городища.

1. До того, как в окрестностях Елисаветовской станицы сложилось поселение, в обиходе которого заметное место занимают привозные греческие изделия, там уже существовало местное поселение. Судя по относящемуся к этому времени материалу, это поселение было аналогично тем, которые существовали и в других местах области нижнего Дона и характерным образцом которых является исследованное А. А. Миллером поселение Кобякова городища („кобяковские культуры I и II“).

2. Время существования здесь поселения, в обиходе которого существенную роль играет греческий привозный материал, ограничивается периодом с конца V в. до середины или конца III в. до н. э.

3. Находки, сделанные здесь, создают картину большого разнообразия групп материала, применяющегося в быту населения Елисаветовского городища, прежде всего групп керамики. Мы встречаем здесь изделия художественные, как, например, различные категории расписной керамики или некоторые экземпляры греческой чернолаковой керамики; утилитарное значение их было, несомненно, ничтожно — это скорее в известном смысле предметы роскоши. Столовой посудой, но посудой, так сказать, высшего качества, употреблявшейся, несомненно, только самыми состоятельными слоями населения, была чернолаковая керамика более утилитарных типов (рыбные блюда, чашки, тарелки, канфары и килики и т. д.); обиходную посуду, применявшуюся более широкими слоями населения, мы имеем в группе простой керамики боспорского производства. Наконец, широко распространены во всем городище были грубые местные сосуды, вылепленные от руки; они представляли посуду низших слоев населения и кухонную утварь более обеспеченных групп. Засвидетельствованное строительными остатками различие в типах жилищ еще ярче дополняет наше впечатление. Все это говорит во всяком случае о существовании здесь общества значительно более сложного, чем общество местных поселений предшествовавшей эпохи; с несомненностью мы можем констатировать во всяком случае значительное расслоение в среде этого общества, не предрешая пока характера этого расслоения.

4. Для решения вопроса, имеем ли мы поселение в основе местное, но употребляющее в своем обиходе греческие изделия, или можем говорить о поселении, в котором грекам принадлежит заметное место, существенную роль играют два момента. Первым из них является присутствие значительного количества простой керамики греческих форм, свидетельствующей о греческих чертах в обиходе во всяком случае заметной части населения. Этой простой керамике боспорского производства приходится придавать гораздо более важное значение, чем чисто-художественным греческим предметам. Мы знаем, что типичные местные комплексы постоянно содержат изделия художественные, играющие роль предметов роскоши, но простая, ничем не покрытая и не украшенная греческая посуда является в них исключением; такая простая керамика греческих форм типична для обихода колоний. Второе, не менее важное обстоятельство — несомненное существование строительства городского типа, на что указывают части кладок и обломки черепицы, находимые здесь наряду с остатками глинобитных жилищ. Всем этим Елисаветовское

городище определенно отличается от местных поселений северного Причерноморья, сближаясь в указанных моментах с бытом колоний.

5. В то же время особый, своеобразный характер Елисаветовского городища состоит в том, что в составе населения необычайно велик процент местного негреческого элемента. Мы уже видели, что городище с греческими чертами в обиходе возникло на месте ранее существовавшего здесь местного поселения; и в дальнейшем местные негреческие племена, населявшие это поселение, продолжали жить здесь же, сосредоточившись может быть, главным образом на окраинах городища. Определить роль этого местного населения и его взаимоотношения с населением греческим на основании имеющегося материала едва ли возможно — это вопрос, подойти к решению которого должны помочь дальнейшие исследования городища. Пока мы можем сделать только одно наблюдение о судьбах местного производства этого населения: керамическое производство, в котором жители поселения достигли значительных успехов еще в доантичную эпоху, в течение античного периода не развивается, не совершенствуется, а быстро ухудшается под влиянием растущего импорта греческих изделий, конкурирующих с местной керамикой.

6. Размеры Елисаветовского городища, его местоположение у судоходной реки, пристань — все это, вместе с особенностями вещественного материала, содержащего значительное количество привозных изделий, создает впечатление, что здесь мы имеем дело с крупным торговым пунктом. С этим согласуется также и то, что, по всем имеющимся данным, Елисаветовское городище никак не может рассматриваться как производственный центр: мы видели, что за исключением одной только грубой местной керамики в обиходе населения преобладали изделия не местные, а привозные. Вполне понятен у крупного торгового пункта также и обширный курганный некрополь с погребениями местного населения. Курганы с не греческими погребениями, при этом преимущественно принадлежащими представителям состоятельных слоев местного населения, мы встретим около каждого из крупных торговых пунктов северного Причерноморья. Вспомним, например, местный курганный некрополь около Нимфея или аналогичные курганы, хотя и не лежащие такой сплошной группой, около Фанагории, Пантикапея и т. д. Это — та часть местного населения, которая участвует в торгово-посреднических операциях, производящихся в каждом из таких торговых пунктов; по отношению к остальной массе местного населения этот слой становится все более и более в положение антагонистическое, сближаясь на почве эксплуатации неимущих слоев населения с греками-колонизаторами. Мы

имеем случай, когда представители данной группы местного общества совсем близко входят в жизнь греческих колоний, занимая место в среде господствующего рабовладельческого класса этих колоний. Именно так, я думаю, следует понимать такие комплексы, как, например, погребение „на земле Мирзы Кекувацкого“ в некрополе пантикапейской знати на горной цепи Юз-оба близ Керчи. Различие между приведенными аналогиями и Елисаветовским некрополем состоит в том, что в последнем некрополе сильнее проявляются негреческие черты, что понятно в связи с наличием тех же особенностей и в Елисаветовском городище.

7. Последний вопрос — о том положении, которое занимает Елисаветовское городище среди других поселений области нижнего Дона, с чем связан и вопрос о возможности его отождествления с Танайсом.

Я уже указывала в начале моей работы, что расследования, производившиеся в области дельты Дона в течение последнего времени, позволяют нам внести систему в прежние наши крайне неполные и случайные представления об этой области. Обследование всего района с детальным ознакомлением с каждым из поселений, его местоположением, размерами, очертаниями и рельефом, по большей части сопровождавшееся съемкой городища и нивелировкой некоторых его частей, сбор материала с поверхности и по обрезах — сбор не случайный, а проводившийся с большой полнотой и систематичностью; наконец, что особенно важно, более основательные работы, произведенные в городищах Кобяковом и Гниловском,¹ — все это принесло ценнейший материал, который вместе с тем, что мы имеем еще от прежних исследований, дает нам возможность составить себе известное представление и обо всей области. На основании всех этих данных мы можем сделать ряд наблюдений о том положении, которое принадлежит Елисаветовскому городищу среди всех поселений той же области.

Прежде всего следует отметить, что уже по внешнему своему облику Елисаветовское городище резко отличается от большинства других городищ области нижнего Дона. Уже Леонтьевым было отмечено то впечатление, которое производит данное городище при сравнении его с остальными донскими поселениями — по размерам, по обширному некрополю; и тем же Леонтьевым Елисаветовское городище было правильно сопоставлено с городищем Недвиговским. Действительно, внешне оба эти городища выделяются среди окружающих их поселений, выделяются как центры, как „столицы“; при этом Елисаветовское городище по размерам занимает первое место.

¹ Об исследованиях городищ области нижнего Дона за годы 1923—1927 см. Известия РАИМК, в. IV, стр. I сл.; Сообщения ГАИМК, т. I, стр. 100—142 и 314—315; Сообщения ГАИМК, т. II, стр. 59 сл.

Различие наблюдается и в характере вещественного материала. Это бьющее в глаза различие заключается в большем количестве греческих привозных изделий, находимых в Елисаветовском городище: ни Кобяково городище, ни городище у Гниловской станицы, в которых я имела возможность следить за находками в слоях античной эпохи, не дают ничего похожего, а подъемный материал, собранный в других поселениях (городище у ст. Хапры, у Чалтура и т. д.), также содержит импортные изделия в минимальном количестве. И в этом отношении аналогичным Елисаветовскому городищу является опять-таки только Недвиговское: при большом количестве обломков местной керамики — и грубой лепной, и лощеной „сарматской“ — обломки привозной посуды также встречаются здесь постоянно и на поверхности и по обрезах. Только этот сбор дает уже более не чернолаковую керамику — преобладают черепки малоазийских краснолаковых сосудов римской эпохи, реже обломки „мегарских чашек“ и других сосудов позднеэллинистической эпохи.

Далее, особенность, выделяющая Елисаветовское городище уже из всех поселений данной области, — это эпоха, устанавливаемая на основании сделанных находок. Из всех городищ области нижнего Дона одно только Елисаветовское сохранило находки классической эпохи: в Недвиговке повторные исследования постоянно давали материал эллинистический и римский,¹ в других городищах античная эпоха была представлена только находками римского времени, не ранее I в. н. э. Едва ли можно предполагать, что поздний материал попадался в этих городищах только случайно. В Кобяковом и Гниловском городищах, где производились и небольшие раскопочные работы, картина получилась вполне ясная: выше слоев доантичных, „архаических“ („кобяковская культура I и II“) в обоих городищах оказался пласт земли без находок, над которым сразу же начинался материал римского времени не раньше I в. н. э. Существование этого слоя без находок, отделяющего доантичные наслоения от наслоений римской эпохи, свидетельствует с полной несомненностью о каком-то перерыве в жизни этих поселений; спорным можно считать только одно: каким временем датировать верхние, позднейшие слои кобяковской культуры II. Судя по находкам в Елисаветовском городище, где черепки, вполне аналогичные керамике кобяковской культуры II, были обнаружены в слое конца V —

¹ М. И. Ростовцев, повторно (см. ИАК, в. 65, стр. 24; Скифия и Боспор, Лягр., 1925 г., стр. 529) упоминает о восстановлении найденной в Недвиговке краснофигурной вазы IV в. до н. э. Как мне сообщил А. А. Миллер, указание это основано на недоразумении. Данная ваза вовсе не происходит из Недвиговки, в число недвиговских находок попала ошибочно, и недоразумение это было выяснено еще в 1919 г. на заседании, на котором был заслушан доклад об этой вазе.

начала IV в., и где изменение в характере этой керамики мы приписали влиянию ввоза греческой посуды, вполне возможно, что кобяковская культура II продолжает еще существовать и в V, может быть, и в IV в. до н. э.

Итак, по вопросу об отношении Елисаветовского городища к другим поселениям области нижнего Дона мы приходим к следующим заключениям: вместе с Недвиговским Елисаветовское городище резко выделяется среди всех остальных по размерам, по сосредоточению вокруг него большого курганного некрополя и по несомненно более выраженной связи с Грецией. Учитывая, с одной стороны, все то, что мы знаем о Недвиговском городище на основании и вещественных находок и эпиграфического материала, с другой — то, что отмечено было нами об Елисаветовском городище в предыдущем пункте, мы приходим к выводу, что оба эти поселения играют в данной области роль баз, учрежденных здесь боспорскими греками в целях организованной эксплуатации всего района Придонья.

Правильно ли видеть в Елисаветовском городище ранний Танаис? Окончательно решить этот вопрос мы сможем только после систематических раскопок и Елисаветовского и Недвиговского городищ. Но и сейчас в нашем распоряжении имеется кое-какой материал, дающий нам возможность высказаться по данному вопросу. До сих пор все, занимавшиеся и интересовавшиеся Елисаветовским городищем, подходили к вопросу об отождествлении Елисаветовского городища с Танаисом всегда в связи с рассказом Страбона о разрушении Танаиса Полемоном в I в. до н. э.; для подтверждения возможности такого отождествления требовалось, чтобы елисаветовский материал доходил до времени этого разрушения, т. е. до I в. до н. э., а находки в Недвиговке начинались не ранее той же даты. Что же дает по данному вопросу рассматриваемый нами материал?

Мы видели, что конец Елисаветовского городища датируется значительно более ранним временем, чем время Полемона. Из всей массы имеющихся у нас находок, сделанных в данном поселении, мы не нашли ни одного обломка, который с какой-либо долей уверенности можно было бы приписать времени более позднему, чем III в. до н. э.: одна-единственная амфорная ручка с клеймом принадлежит, по мнению определявшего эту группу О. О. Крюгера, скорее всего III в., но возможно и начало II в., для всех же остальных находок невозможно даже такое допущение — они все безусловно раньше II в. Итак, материал не подтверждает теории о существовании Танаиса на месте Елисаветовского городища до разрушения его Полемоном, т. е. до I в. до н. э.

С другой стороны, для решения того же вопроса необходимо точнее представить себе время недвиговских находок.

Мне удалось ознакомиться со всем недвиговским материалом, имеющимся в Эрмитаже (раскопки Леонтьева в 1853 г.; Ти-зенгаузена в 1867 г.; курганы, раскопанные Н. И. Веселовским в 1908 и 1909 гг.) и в Государственной Академии истории материальной культуры (подъемный материал, собранный во время экспедиций 1924 и 1928 гг.). Преобладающая масса всех этих находок принадлежит к римскому времени (I—IV вв.), но также имеются находки эллинистического времени. Среди эллинистического материала больше всего предметов II и на-чала I вв. до н. э., есть и более поздние; отдельные обломки принадлежат повидимому, еще к III в.

Эти более ранние экземпляры — обломок небольшого сосуда (канфара) с поверхностью, покрытой тусклым коричневатым лаком, и несколько амфорных обломков, ручек и горлышек с клеймами, по шрифту также при-надлежащих III в. Во время экспеди-ции 1928 г. была сделана попытка ознакомиться с ма-териалом нижних слоев городища; с этой целью была проведена „под-чистка“ слоев, об-наружившихся по обрезу канавы, про-рытой вдоль южной части городища. Из нижнего слоя, ле-жащего, повидимо-

Рис. 58. Образцы керамики из Недвиговского горо-дища.

му, на материке, были извлечены обломок эллинистического сосуда (№ 279) и обломок „мегарской чашки“ (№ 70), изобра-женный на рис. 58, 3.

Таким образом, на основании наличного материала мы де-лаем наблюдение, что в Недвиговском городище материал начинается с того самого времени, каким кончается материал елисаветовский: это время — III в. до н. э. Следовательно, если переход поселения из окрестностей нынешней Елисаветовской станицы на территорию Недвиговки имел место, то он совершился не в I в. до н. э., а раньше, в III в., и, таким образом, никакого отношения к разрушению Танаиса Поле-моном не имел, а был вызван какими-то иными причинами.

Мне такой переход Танаиса представляется вполне веро-ятым, тем более, что благодаря исследованиям А. А. Миллера

мы знаем и причины, вызвавшие переселение Елисаветовского поселения: это — заиливание прежде судоходного протока, у которого оно было расположено и от которого должна была ближайшим образом зависеть вся жизнь города, торгового по преимуществу, каким достаточно определено рисуют нам Танаис древние авторы.¹ Ясно, что с того момента, как затрудняется сообщение по реке, по которой идет импорт и экспорт товаров, должна возникнуть мысль о перенесении главного торгового пункта туда, где условия окажутся более подходящими, и район нынешней Недвиговки должен был быть в то время именно таким подходящим местом.

Вообще же все, что мы знаем и об Елисаветовском и о Недвиговском городищах, представляется мне вполне подтверждающим данное предположение. Хотя еще нельзя сказать „последнего слова о местоположении Танаиса“ до систематических раскопок обоих главных городищ области нижнего Дона, все же слишком трудно считать случайностью отсутствие доэллинистических находок в Недвиговке, так упорно повторяющееся при всех исследованиях и городища и некрополя; с другой стороны, если Елисаветовское городище — не Танаис, то трудно допустить также, чтобы существование поселения таких размеров и такого характера никак не отразилось в известиях авторов, упоминающих здесь, как крупный торговый пункт, только Танаис. Ведь, ясно, что если Елисаветовское городище и не носило имени Танаиса, то во всяком случае оно играло здесь ту же роль, какую играл Танаис: все данные говорят за это слишком определенно.

Возражения Ростовцева, построенные главным образом на том, что курганный некрополь Елисаветовского городища дает картину некрополя местного, а не греческого и даже не смешанного, не представляются мне обоснованными. Я уже отмечала, что негреческий характер погребений курганного некрополя не может еще решать вопроса о характере поселения. Курганный некрополь при Елисаветовском городище еще не есть весь некрополь городища, и весьма возможно, что нераскопанные грунтовые погребения именно и окажутся погребениями греческими; само же по себе существование негреческого некрополя около торговых пунктов — явление обычное, засвидетельствованное многочисленными примерами.

Что же касается того, что и самое городище, как мы в этом могли убедиться, существенно отличается от крупных колоний северного Причерноморья, как Ольвия, Херсонес и другие, отличается главным образом наличием гораздо более выраженных местных черт, то здесь ничего противоречащего возможности отождествления Елисаветовского городища с Та-

¹ Strabo VII, 310: μέγιστον τῶν βαρβάρων ἐμπόριον μετὰ τὸ Παντικᾶπαιον. Ср. XI, 493: ἦν δ' ἐμπόριον κοινὸν τῶν τε Ἀσιανῶν καὶ τῶν Ἑὐρωπαϊῶν νομάδων καὶ τῶν ἐκ τοῦ Βοσπόρου τὴν λίμνην πλεόντων κτλ.

наисом я не вижу: Танаис не только мог, но и должен был отличаться от этих колоний. Начать с того, что он возник в области, лежащей далеко от охваченного греческой колонизацией северного побережья Черного моря, в области, население которой и в представлении греческих авторов характеризовалось иным, более „диким“ укладом, чем то же местное население, но жившее ближе к колониям.¹ Далее, Танаис — не колония греков, ионийцев или дорийцев, он основан греками Боспора,² которые в глазах греков метрополии уже представляли нечто иное, чем они сами; и его роль „общего торжища азиатских и европейских кочевников и тех, кто плыл с Боспора по озеру (Меотийскому, т. е. Азовскому морю)“,³ требовала стечения в него значительных масс негреческого населения. Эти-то азиатские и европейские кочевники, участвовавшие в торговых операциях Танаиса, и погребены были, очевидно, в том курганном некрополе, который вызывал у Ростовцева такие сомнения в возможности отождествления Елисаветовского городища с Танаисом.⁴

Вот те заключения, которые можно сделать на основании рассмотрения материала, найденного в Елисаветовском городище, главным образом материала экспедиции 1928 г. Мне могут указать, что мы все-таки знаем о городище очень мало, что неразрешенными и неосвещенными остались основные вопросы экономики Елисаветовского городища; в частности, никак не разрешен вопрос, намеченный мною еще в самом начале моей работы, — о том, что получается в данной области из столкновения двух обществ — античного рабовладельческого и местного, социально-экономическая структура которого характеризуется как разложение родового строя. Но этот и подобные ему вопросы требуют материала гораздо большего, чем тот, который имеется у нас в результате проделанных разведочных работ. Я же вновь и вновь подчеркиваю, что задачей своей я считала определение вещественного материала с формулировкой тех обобщений, которые непосредственно вытекают из этого вещественного материала; я сознательно стремилась к тому, чтобы моя работа представляла не рассуждения о

¹ Ср. Strabo, XI, 493: οἰκοῦσι γὰρ ἐν τῷ παράπλῳ τούτῳ παντὶ οἱ Μαῖῶται, γεωργοὶ μὲν οὐχ ἦσαν δὲ τῶν νομάδων πολεμισταί. Διήρηνται δὲ εἰς ἔθνη πλείω, τὰ μὲν πλησίον τοῦ Ταναΐδος ἀγριώτερα, τὰ δὲ συνάπτοντα τῷ Βόσπορῳ χειροῦθη μᾶλλον.

² Strabo, XI, 493: κτίσμα τῶν τὸν Βόσπορον ἔχόντων Ἑλλήνων.

³ Ibid.: ἦν δ' ἐμπόριον κοινόν κτλ., см. пр.им. 1 на стр. 195.

⁴ Для вопроса об определении характера городища при станции Елисаветовской существенное значение имеет найденный на территории городища в мае 1932 г. мраморный рельеф с изображением погребального пира, изд. в „Проблемах истории мат. культ.“, ГАИМК, 1933 г., № 7—8, стр. 76. Не входя в рассмотрение особенностей этого исключительно интересного памятника, укажу только, что подобного рода надгробия (относящиеся, впрочем, к более позднему времени) мы знаем только там, где налицо важная роль греческого элемента в составе населения: обычай ставить подобного рода памятники идет, несомненно, из Греции.

Елисаветовском городище, а скорее „демонстрацию материала“. Мы могли убедиться, что ряд разногласий по вопросу о Елисаветовском и Недвиговском городищах, существовавших и существующих между исследователями, был вызван не только и не столько тем, что имеющийся материал допускал разные толкования или что материала имеется очень уж мало, но прежде всего тем, что наличный материал не был достаточно известен и доступен. Если моя работа устранил хоть в известной мере этот повод к недоразумениям, я буду считать задачу выполненной.

Таблица находок в раскопках, проведен

ных в Елисаветовском городище в 1928 г.

Приложение I

Место находки	Керамика									Другие изделия из глины	Стекло	Металлич. изделия		Изделия из камня	Строит. остатки		Органич. остатки		Датировка
	чернолаковая керамика	другие гр. греческой художественной кер.	остродон. амфоры	простая толкост. керам.		толсто-стен. чаши и блюда	«лощеная» керамика	грубая лепная керамика	железо			бронза	остатки зданий городского типа		остатки глинобитных построек	кости млекопитающих	кости рыб		
				из желтой и красной массы	из серой массы														
Раскоп I слой I (глинисто-песчаный)	48 обл. (из них не менее 14 боспорских)	1 обл. тигресского красного красно-фигурн. сосуда	144 обл.	17 обл.	8 обл.	—	—	136 обл.	—	2 + 1 обл. бус.	6 бесформенных обломков	—	—	—	Значит. кол-во глинобитной обмазки, иногда со следами камыша	69 обл.	27 обл.	Конец V — начало IV в. до н. э.	
Слой II (золенный)	17 обл.	1 обл. красно-фиг. сосуда	336 обл.	11 обл.	11 обл.	—	—	193 обл.	—	—	1 обл. удил. 6 бесформенных обломков.	—	—	Части каменных впадов	Знач. кол. глинобитной обмазки, остатки полустеблей, черев. жердей	21 обл.	40 обл.	IV в. до н. э.	
Граница II и III слоя	—	—	131 обл.	4 обл.	2 обл.	—	2 обл.	39 обл.	—	1 бу-сына	1 бесформен. облом. шпала.	—	—	—	Куски обмазки	—	—	—	
Слой III (почвенный)	72 обл. (из них более 20 боспорских)	4 обл. эллини. керам. с коричневым лаком. 1 обл. «сетчат.» сосуда	3336 обл.	97 обл. + 1 с темн. поясок.	40 обл.	—	10 обл.	1100 обл.	—	6 бус. 1 полв. 1 обл. бусы	1 обл. ножа, 8 бесформенных обломков.	2 бесформенных обломков.	4 обл. мраморной поделки	8 обл. черепицы, части каменных впадов	—	—	—	—	IV—III в. до н. э.
Раскоп II	38 обл.	1 обл. полихромного м.-аз. сосуда	2382 обл.	271 обл.	—	—	1 обл.	431 обл.	1 грузило в форме усеч. пирамидки	1 полв. веска	3 бесформенных обломков, куски шпала	1 обл. фигурки животного, 1 гвоздь	1 рыболов. грузило, куски гранит. зерноотерки, 2 обл. кам. поделки	2 раза упомянуты «черепица»	8 раз отмечена глиняная обмазка	163 обл.	4 раза отмечено «незначит. кол-во глины»	V—III в. до н. э.	
Раскоп III	2 обл.	—	482 обл.	—	1 обл.	—	—	702 обл.	1 целое + 3 обл. праслицы	—	—	—	2 куски точильн. камня, 1 осколок кремневого орудия	2 раза отмечена глиняная обмазка	38 обл.	—	—	IV—III в. до н. э.	
Раскоп IV слой I (песчаный)	10 обл.	1 обл. ионийского черно-фигурн. сосуда	839 обл.	26 обл.	7 обл.	1 обл.	—	224 обл.	—	1 обл. полв. вески	3 бесформенных обломков	—	1 обл. кремневого орудия, 1 обл. орудия из порфира, 1 кам. поделка	—	3 кусков глиняной обмазки	83 обл.	15 обл.	Конец V — нач. IV в. до н. э.	
Граница I и II слоя	1 обл.	—	338 обл.	27 обл.	10 обл.	2 обл.	—	122 обл.	—	1 обл. бусы	1 бесформен. обл.	—	—	1 обл. черепицы	77 кусков глиняной обмазки	—	—	—	
Слой II (песчаный)	9 обл.	—	473 обл.	36 обл.	10 обл.	7 обл.	—	134 обл.	—	—	—	—	—	2 обл. черепицы	46 кусков гл. обмазки	—	—	—	
Граница II и III слоя	2 обл.	—	29 обл.	1 обл.	2 обл.	—	—	18 обл.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	IV (IV—III) в. до н. э.
Слой III (почвенный)	7 обл.	—	1082 обл.	28 обл.	9 обл.	2 обл.	—	130 обл.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Раскоп V I ярус	—	—	33 обл.	—	—	—	—	2 обл.	—	—	—	—	—	1 обл. черепицы	9 кусков обмазки	—	—	—	2-я полов. IV—III в. до н. э.
Раскоп VI глуб. 0,40	—	—	2 обл.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» 0,80	—	—	1 »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» 1,00	—	—	1 »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» 1,15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
																1 зуб жвачн. животного			

Список клейм на амфорных обломках, найденных в Елисаветовском городище в 1928 г.

А. Клейма на ручках

I. Фасосская группа.

1. № 742.

ΘΑΣ. ΩΝ Θασ[ί]ων

рука

ΘΕΣΤΩ Θεέστω[ρ?]

Найден на поверхности городища.

2. № 745.

Α. ΙΕΜ Μει. ?

Найден на поверхности городища.

3. № 748.

ΘΑΣΙΩΝ Θασίων

амфора

Найден на поверхности городища.

4. № 749.

ΘΑΣΙΩΝ Θασίων

сосуд без ручек

Найден на поверхности городища.

5. № 752.

ΘΑΣΙΩΝ Θασίων

голова животного вправо

ΡΙΣΤΕΙΔΟ [Ῥ]ριστειδο[υ]

Найден на поверхности городища.

6. № 753.

Найден на поверхности городища.

II. Родосская группа.

7. № 747.

ΠΕ ...πε...

Найден на поверхности городища.

III. Херсонесская группа.

8. № 597.

ΑΠΟΛΛΑ Ἀπολλᾶ

Найден в слое II раскопа IV.

9. № 743.

ΣΤΥ [ἄ]στυ[νόμου]

10. № 754.

ΙΛΟΥ ...λου

ΟΜΟΥ [ἄστυν?]όμου

Найден на поверхности городища.

11. № 757.

ΑΠΟΛ Ἀπολ. ...

ΑΣΤΥΝΟΜ ἄστυνόμ[ου].

Найден на поверхности городища.

12. № 759. Следы неразборчивого прямоугольного клейма

Найден на поверхности городища.

13. № 762.

ΝΙΔΑ [Ῥ]απολλο]νίδα

ΝΟΜΟΥ [ἄστυ]νόμου

Найден на поверхности городища.

IV. Группа „клейм с именами астиномов“.

14. № 120.

ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ ἄστυνόμου

ΕΥΧΑΡΙΣΤΟΥ Εὐχαρίστου

ΘΥΑΙΑΣ Θυαίας

Найден в слое III раскопа I.

15. № 130.

ΑΣΤ ἄστ[υνόμου]

ΚΡΑΤ Κρατ[ιστάρχου]

ΚΑΛ Καλ[λυσθένους]

Найден в слое III раскопа I.

16. № 146.

ΑΡΤ Ἀρτ[εμιδώρου]

ΑΣΤΥ ἄστυ[νομόντος]

ΣΤΕ Στε[φάνου]

Найден в слое III раскопа I.

17. № 746.

ΤΥΝ [ἀσ]τυν[όμου]
ΜΙΚΡΙΑ Μικρία
ΙΣΤΙ Ἴστι[αίου]

Найден на поверхности городища.

18. № 750.

ΧΑΒΡ Χαβρ[ίας]
ΑΣΤΥ ἀστυ[νόμου]
ΚΡΑΤΙ Κρατι[σάρχου]

Найден на поверхности городища.

19. № 751.

ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ ἀστυνόμου
ΑΙΣΧΙΝΟΥ Αἰσχίνου
ΠΡΑΚΛΕΙΔΗΣ Πρακλείδης
виноградная голова

Найден на поверхности городища.

20. № 755.

ΥΝΟΜΟΥ [ἀσ]τυνόμου
ΤΙΜΑΧΟΥ [Ἄν]τιμάχου
ΔΙΣΘΕΝΟΥΣ [Καλ]λιθένου
рог изобилия

Найден на поверхности городища.

21. № 756.

ΜΙΘΡΑΔΑΤΗ Μιθραδάτη[ς]
ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ ἀστυνόμου
ΚΡΑΤΙΣΤΑΡΧΟ Κρατιστάρχου
городская голова

Найден на поверхности городища.

22. № 758.

ΟΡΟ ...ορο...
часть изображения птицы.
Найден на поверхности городища.

23. № 761.

ΜΙΘΡΑΔΑ ΗΣ Μιθραδά[τ]ης
ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ ἀστυνόμου
ΚΡΑΤΙΣΤΑΡΧΟΥ Κρατιστάρχου
голова вправо.

Найден на поверхности городища.

24. № 763.

Неразборчивое слово.
ΜΕΝΕΣΘΕΩΣ Μενεσθέως
Найден на поверхности городища

Б. Клейма на горлышках

V. Группа английских
клейм на горлышках амфор.

25. № 88.

ΕΠΙΚΡΑΤΙΝ ἐπὶ Κρατίν[ου]

Найден в слое III раскопа I.

26. № 134. Незаборчивое
клеймо.

Найден в слое III раскопа I.

27. № 353. ΚΕΡ Кер[κίνος]
ΑΕΚ или Кер[κίνου]

Найден в раскопе II.

28. № 374.

NI Ni[?]

Найден в раскопе II.

29. № 514.

ΩΝΙ ...ωνι...

Найден в раскопе II.

30. № 563.

ΕΤΥ Ἐτό —
ΜΟΥ μου

Найден во II слое раскопа IV.

31. № 602.

ΜΟΥ ...μου

Найден во II слое раскопа IV.

32. № 760.

ΕΙ ...ει...

Найден на поверхности городища.

Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее ¹

Б. Н. Гранов

Мне уже не первый раз достается на долю говорить, хотя бы только частично, об одной из групп греческого археологического материала, обычно мало привлекающего исследовательское внимание. Многочисленные керамические клейма на тех или иных сосудах, на кирпичах и черепицах редко, можно сказать, почти никогда не являются непосредственно объектом исследования: их издают, по большей части в транскрипции, и очень редко рассматривают как свидетеля пестрых взаимоотношений античного мира. Да и на самом деле, немногие отваживаются на то, чтобы перерывать в наших музеях пыльные груды этого материала. А между тем эти однообразные памятники таят в себе целую массу данных: торговые связи, система государственного контроля над производством и торговлей, данные о составе рабочей силы, сведения об обширности керамических мастерских и разнообразии объектов производства в них, наконец, верный материал для датировки совместно находимых памятников. Может быть, когда-нибудь удастся, наконец, обратить внимание наших антиковедов в массе на этот драгоценнейший материал.

Если это не удивительно для дореволюционного времени, когда археолог-классик интересовался больше всего богатыми формами античного искусства, то странно, как до сего времени большинство советских археологов игнорирует этот источник. Это особенно показательно для наших центральных музеев, где при экспонировании античного материала сплошь и рядом ищут показателей торговых связей и в то же время оставляют втуне этот несомненный их документ.

Предметом моей статьи являются клейма на черепицах, свидетельствующие о наличии в Пантикапее в течение какого-

¹ Данная статья печатается без приложения рисунков упоминаемых клейм, поскольку полный каталог боспорских черепичных клейм в виде точных факсимиле имеется в следующей статье этого сборника В. Ф. Гайдукевича „Строительные керамические материалы Веспора“. Поэтому ссылки на номера клейм в данной статье относятся к приложенным к статье В. Ф. Гайдукевича таблицам. *Ред.*

то небольшого промежутка времени царского завода кровельных черепиц. Широкое развитие гончарного производства на Боспоре не нуждается в особой документации. О нем свидетельствуют как посуда местной фабрикации, так и находимые от поры до времени на территории царства, в его различных пунктах, остатки керамических мастерских разного назначения. Что касается черепичных мастерских, то я не первый подхожу к этой теме. Царские имена в клеймах не могли не привлечь соответствующего внимания эпиграфистов, потрудившихся над памятниками Боспорского царства. Начиная с Беккера и др. и кончая Е. М. Придиком¹ и особенно Шкорпилом,² исследователи охотно издавали эти клейма, но с полной ясностью вопрос об этом поставил Шкорпил и по ряду данных положительно мог установить, что в эллинистическую эпоху где-то, вероятнее всего, как он считал, на территории самого Пантикапея, находился царский завод кровельных черепиц. Он не успел, однако, решить этого вопроса вполне. Моею сегодняшней задачей является пересмотреть вновь эти эпиграфические документы со стороны их хронологии и содержания. Вопросы технические и технологические, связанные с этими черепицами, подвергнуты рассмотрению В. Ф. Гайдукевичем в Ленинграде; он имеет для этого целый ряд совершенно недоступных мне данных.

Уже с тридцатых годов прошлого столетия стал известен соответствующий материал; к нашему времени он исчисляется не одним десятком памятников. Интересна территория его распространения: она ограничивается Керченским и Таманским полуостровами. Городищенская часть Митридата и пантикапейские некрополи, некоторые из городищ более мелких и прилегающие к ним некрополи, городища и некрополи Тамани, особенно Фанагория, носят на себе этот материал. На городищах это — остаток перекрытия зданий, гробницы целиком иногда сложены из черепиц. Лишь клейменные черепицы, и то не всегда, позволяют судить о борьбе местного производства с импортным. Прежде считалось, что черепица не импортировалась и не экспортировалась.³

Громадный вес отдельных плит (пантикапейских до 29 кг), казалось, должен был служить для этого препятствием. Но теперь на этот вопрос отвечать отрицательно уже нельзя: действительно, отчеты Делосского храма говорят об импорте сирской черепицы, синопские черепицы шли в соседние города Малой Азии и всего Евксинского Понта, Гераклея Понтийская вывозила черепицу в Ольвию, Херсонес и на Киммерийский Боспор, ниже мы увидим, что Боспор, хотя и в очень

¹ Е. М. Придик, Инвентарный каталог клейм Эрмитажного собрания, стр. 129.

² Шкорпил, К вопросу о времени правления архонта Игиэонта, Сборник археологических статей, поднесенный Бобринскому.

³ Придик, ук. соч., стр. 127.

малой степени, также, может быть, вывозил продукцию своих мастерских за пределы царства. Собственно же продукция царского завода, как видно по территории распространения клейм, распространялась главным образом на собственную территорию.

Где находился царский завод? Однообразие глины, подмеченное Шкорпилом, однообразие типа, наконец, тот несомненный факт, что клейма, находимые и на Керченском и на Таманском полуостровах, все без исключения сделаны одними и теми же штемпелями, все это определенно указывает на наличие одного завода. Он мог находиться и на том и на другом берегу пролива. Шкорпил априори решил вопрос в пользу Пантикапея, конечно, считаясь со значением этого центра в жизни и царства и самих царей. Есть, впрочем, более положительное основание для того же самого решения вопроса: большинство клейм царского завода встречается в Пантикапее, причем только немногие из них встречаются в пределах Тамани.

Хронологическое приурочение этой группы черепичных клейм не встречает существенных затруднений. Главными основаниями для него являются: набор царских имен, алфавит клейм и, наконец, некоторые общие исторические соображения. Поэтому нам придется со всем возможным вниманием остановиться на разборе состава царских имен в клеймах.

Мы встречаем имена Спартока, Перисада, Евмела, Игиэонта, наконец Притана. Первые два имени, как всем известно, неоднократно засвидетельствованы для царей классической и эллинистической эпох на Боспоре. Есть ли у нас данные для их отнесения к тому или иному из царей? Для решения этого мы должны возможно внимательнее присмотреться к внешности, формулам и содержанию клейм.

Клейма накладывались на солены и калиптеры обычных эллинистических типов, причем у соленов их накладывали сверху у края нижнего конца плиты, у калиптеров — на одной из внешних боковых поверхностей. Клейма эти имеют продолговатую подпрямоугольную форму и весьма различны по размерам, колеблясь от 4 до 8 см в длину. Известно, что по клеймам на амфорах и черепицах разных мест производства можно установить приготовление штемпелей из металла, может быть, камня и нередко из дерева. Для боспорских штемпелей приходится предположить наличие скорее всего именно последнего материала. За это говорят нечеткие очертания рамки клейма, в большей или меньшей степени округленные его углы, не вполне гладкая поверхность, чуждая металлическому и каменному штемпелям, и, наконец, широкие, плоские черты букв и их невысокий рельеф. Формула надписи состоит из родительного падежа имени или его сокращения, иногда имен два, первое — царское, а второе —

какого-то другого лица, о его значении я скажу ниже; имя царя не сопровождается титулом, за исключением Игизнонта, при котором в первой строке всегда значится титул „*ἄρχωντος*“, и одного неполного клейма с Таманского полуострова из сборов Харко, которое едва ли может быть прочтено иначе, как *Ἐπα[ρτόκου] βασιλέ[ως]*.¹ Пользуясь всеми данными для датировки, которыми мы располагаем, можно разделить клейма на три следующие хронологические группы:

I группа.² Формула надписи состоит из одной строки с сокращенным царским именем или из двух строк (в первой — царское имя, во второй — другого лица) с сокращенными именами. Сокращение включает 1, 2, 3 слога, но никогда не касается падежного суффикса. Иногда сокращение закончено знаком, сходным с лунарною сигмою.

Алфавит их всегда имеет Σ с скошенными чертами, она то вытянута и имеет вид зигзага с одинаковыми углами и серединою почти на уровне концов буквы, то уже сходна с Π . Π всегда имеет вторую ножку до $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ первой. Только в клеймах одного штемпеля, где имя Перисада сопровождается именем Гермократа, вторая черта почти равна первой и слегка утолщена на концах. Обычно буквы средней ширины; в именах Сатира сжаты и вытянуты и только в имени Спартока сильно расширены. Такой смешанный характер начертаний, при твердости форм Σ и Π , характерен для последних двух десятилетий IV и двух первых десятилетий III века. Если присоединить сюда обычай сокращения имен и знак для сокращений, то все эти черты не будут противоречить тому же.

Рассматривая состав имен, мы увидим следующее. Имя *Σάτορος*, встречаемое в сокращениях *Σατ* и *Σατορ*, последнее со знаком ζ , отличается иногда узкими высокими буквами; имя Перисада (только он и встречается с другим именем, иногда с именем Притана) в сокращениях *Παιρσα*, *Παιρι*, *Παιρσαδ*, часто со знаком ζ , обычно имеет средние или смешанные начертания. Притан, в сокращениях *Προτα*, *Προταλ*, *Προταν*, иногда со знаком ζ , имеет те же формы. К царю Эвмелу могут быть отнесены только клейма с сокращением *Ευμη*. Полные клейма с этим именем, встречаемые в Пантикапее, имеют начертания букв II в. до н. э., так что их приходится относить к какому-то другому лицу.

Наконец, Спарток в сокращении *Σπαρ* обычно не имеет знака ζ , и буквы этих надписей всегда растянуты в ширину, т. е. характерны для самого начала III в. Сопоставляя эти данные датировки с именами царей Боспора и их последовательным царствованием, можно установить следующее. Пе-

¹ Хранится в Музее изобразительных искусств в Москве.

² Ср. №№ 67, 68, 72, 77, 81.

рисаду клейм соответствует Перисад I, царствовавший с 347 по 309 гг. Алфавит его клейм носит смешанный характер с преобладанием переходных форм 4-й четверти века; то, что в его клеймах встречается имя его второго сына, Притана, согласуется с алфавитом. Приходится предположить, что клеймение черепиц, может быть и самая выработка их на царском заводе возникла в последние 15—10 лет царствования Перисада I. Клейма Сатира, Притана и Евмела имеют те же черты алфавита. Клейм с первыми двумя именами очень мало, Евмела также. Следует отметить, что это вполне совпадает с длительностью их царствований. Первые оба погибли в первый же год царствования (309), третий процарствовал едва 5—6 лет (с 309-8 по 303). Развитой характер почерка III в. в клеймах Спартока, при старых начертаниях буквы П, и сокращения, а также их обилие вполне подходят ко времени царствования Спартока IV, т. е. к эпохе с 303 по 284 г. до н. э.

II группа¹ царских имен очень малочисленна. В нее входят имена архонта Игиэнонта, всегда с титулом, Перисада полностью и Спартока (последний один раз с титулом βασιλέως). Клейма с титулами двухстрочные. Имена не знают сокращений и ставятся в родительном падеже. Внешность клейм — прежняя. Алфавит отличается широкими буквами, обычным заметным расширением черт на концах. Сигма имеет слабое отклонение верхней и нижней черт от горизонтали; иногда они почти горизонтальные, что нарушается их утолщениями. П имеет одну ножку короче, но иногда ее верхняя черта заходит за края буквы, А имеет горизонтальную черту, то прямую, то изогнутую вниз. Впрочем, у Перисада это неизвестно. В целом формы апексов, начертание и формы букв вполне вяжутся с нашими сведениями как об общем греческом алфавите, так и о боспорском в частности. Все черты алфавита, отмеченные выше, появляются, кроме А, в Боспоре после 284 г., с воцарением Перисада II. Нет сомнения, что ему именно принадлежат клейма с этим именем. Буквы начертаний надписей Спартока вычурнее и чаще апицированы, чем буквы клейм Перисада II, и таким образом они могут относиться к Спартоку V, но никак не к IV, о котором говорилось выше. Шрифт Игиэнонта имеет преимущественно А, сигму с почти горизонтальными чертами, апицирован сильнее надписей Спартока и Перисада. Он, таким образом, должен следовать за ними обоими. У нас нет точных сведений о времени царствования Спартока V и Игиэнонта, между ними должен стоять еще Левкон II, как и Спарток, сын того же Перисада II. Имя Левкона сохранилось только на одной не опубликованной Шкорпиллом черепице. Об эпохе архонта

¹ Ср. №№ 93, 84, 70, 83.

Игиэоннта судить пробовал ряд нумизматов, но только покойный Шкорпил обстоятельно и всесторонне рассмотрел этот вопрос и пришел, как мне кажется, к правильному выводу: он считал, что Игиэоннт правил после 251 г., так как его статеры подражают Лизимаховым и близки им по весу. Мы склонны считать возможным точнее определить время правления Игиэоннта по палеографическим данным. Обилие А и Σ с горизонтальными чертами показывает срок после 250 г., а отсутствие украшений типа ласточкина хвоста и поперечной черты, господствующие в керамическом алфавите (по Шухгардту)¹ с 220 года и обычные с того же времени в шрифте лапидарных надписей (Ларфельд),² заставляют поместить его в этот промежуток времени. Однако царствование его не могло быть сколько-нибудь продолжительным: этому порукой малое количество монет с его именем и наличие всего двух штемпелей в его довольно многочисленных клеймах (около 40).

III достаточно самостоятельную группу того же завода составляют клейма с надписью βασιλική или βασιλικός. Первая, как справедливо думали Беккер, Стефани и Придик,³ должна подразумевать слово κεραμικός или πλίνθος; под вторым обычно разумели κέραμος (Придик);⁴ но просмотр соответствующих клейм убедил меня в том, что здесь должно иметься в виду другое слово. Форма „βασιλικός“ встречается только на калиптерах. Отсюда совершенно очевидно, что под этим словом скрывался термин ὁ καλοπτήρ, известный с V в. (у Аристофана и Дионисия Галикарнасского). Таким образом, раскрывается, хотя бы отчасти, и боспорская строительная терминология, в которой различие рода в клейме с достаточной ясностью указывает на разницу в терминах и на отсутствие в пантикапейской практике для черепицы термина ὁ σωλήν.

Штемпеля с надписями βασιλικός и βασιλική, несомненно, начинаются еще в III в. На некоторых из них⁵ господствуют нормальные очертания букв и ацицирование в виде утолщений III в. Нет ничего такого, что могло бы сильно уточнить дату. Впрочем, четкое разделение верхней и нижней частей беты, появление наряду с утолщениями поперечных черт и, наконец, нормальной Σ⁶ говорит за появление этой группы после 220 г.; наконец, в ней появляются А и Σ с теми же украшениями, что, как показывает пергамская находка, датируемая 220—180 гг., свойственно керамическому алфавиту

¹ Inschriften von Pergamon, II, стр. 431.

² Larfeld. Handbuch der griechischen Epigraphik, I, стр. 406; его же, Griechische Epigraphik, 1914 г. (3 изд.), стр. 269, § 176.

³ Придик, ук. соч., стр. 129, №№ 21—25.

⁴ Там же, №№ 37—32.

⁵ Рис. 76 а и 76 д.

⁶ Рис. 76 б.

на рубеже III и II вв. Эти признаки клейм группы βασιλική, вместе с отсутствием в них царских имен, позволяют думать о их появлении после архонтства Игиэнонта и говорят за то, что эти клейма проходят во II в., но, повидимому, неглубоко.

Как особенность одного из штемпелей этой группы, отметим единственную здесь эмблему: под βασιλική, под чертою мы видим лежащий трезубец вправо и перед ним плывущего вправо дельфина.¹ Клеймо по шрифту относится к концу III или, может быть, ко II в.

История царской титулатуры на Боспоре кое в чем нам помогает. Обычно в IV и начале III в. титул Спартокидов „ἄρχων Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίας καὶ βασιλεύων Σινδῶν κτλ.“ Здесь точно различается архонт над греками и царь над варварами. Спарток IV (303—284) смешивает оба эти титула, называя себя то „ἄρχων καὶ βασιλεύων“, то „ἄρχων“, то „βασιλεύς“. Латышев справедливо отмечает,² что в это время, повидимому, уже утрачено сознание разницы. Афиняне³ именуют его царем; Перисада II тем же именем величают родосцы,⁴ но и он именуется иногда архонтом Боспора и Феодосии⁵ и царем синдов. Игиэнонт воскрешает на монетах и черепицах титул архонта.⁶ Только неясный II век, где мы знаем по крайней мере трех Перисадов, именуется этих владык царями (βασιλεῖς) на монетах, в надписи в честь Диофанта.⁷ Можно думать, что какое-то изменение положения завода в хозяйстве боспорских царей привело к исчезновению этих имен в клеймах и замене их термином, выражающим титул и власть.

Могло бы возникнуть сомнение в том, что клейма без титулатуры — не клейма царей; но монеты, надписи и источники рисуют нам эти имена как царские, а совпадение клейм со временем царей очевидно: не нужно было отмечать титул, если само имя говорило за себя. В IV в. подобным же образом опускалась магистратура астинома в синопских клеймах (заменяясь ἐπί), родосцы очень часто выпускали слово ἱερεὺς в своих клеймах.

Можно было бы предположить, как это сделал Нильссон,⁸ что царские имена на боспорских клеймах обозначали покрытие этими черепицами царских зданий. Но такое предположение опровергается фактом распространения черепиц с царскими клеймами в различных городах царства и тем, что нередко черепичные гробницы рядового населения делались из черепиц, клейменных царскою печатью.

¹ Рис. 76 в.

² *Ποντικά*, стр. 84 и 85.

³ *CIA*, II, 311 и *Ποντικά*, стр. 86.

⁴ *IosPE*, II, 35 и *Ποντικά*, стр. 86.

⁵ *IosPE*, II, 15 и *Ποντικά*, стр. 86.

⁶ Шкорницл, ук. соч.

⁷ *IosPE*, I, № 352.

⁸ Nilsson, *Timbres amphoriques de Lindos*, стр. 64 и сл.

Было ли изготовление черепиц привилегией царя? Не Наряду с царскими штемпелями встречаются имена частных лиц (Горгиппа, Аполлония, Метродора, Сатириона, Панфера, Астида и др.).² Некоторые из них (Горгипп, Метродор) могли быть царскими родственниками.¹ Таким образом, установив наличие царского завода наряду с частными мастерскими, мы открываем часть внутреннего хозяйства боспорских царей. Нам известно из ряда афинских, родосских и др. надписей и источников, что хлебная торговля в значительной степени находилась в руках боспорских царей, что богатство царей должно было быть значительным, раз Евмел мог отменить все подати.³ Черепичный завод — одна из статей царского дохода на Боспоре.

Что побудило царей взять в свои руки производство черепицы? Крупным импортером черепицы со второй половины IV в. на Боспоре была Синопа.⁴ Может быть, доходность этой торговли привела к открытию в Пантикапее царского завода. Но если Синопа вывозила свою черепицу на все берега Черного моря, то круг экспорта царской черепицы из Пантикапея был строго ограничен пределами царства и притом, судя по местам находок, пределами греческих городов. Впрочем, был и небольшой внешний экспорт, едва ли являвшийся правилом: так, например, в Пергаме были найдены два клейма βασιλική, насколько можно судить по приведенным рисункам,⁵ тех же штемпелей, что и пантикапейские.

Как управлялись царские мастерские и кто на них работал? Прямого ответа мы дать не сможем, но вероятный вывод по некоторым данным получить возможно. В некоторых клеймах (Перисада I) после имени находится второе имя: Гермократа, Гипподама⁶ и Притана. Кто были эти лица? Если бы не имя Притана, сына Перисада I и позднее царя и владельца завода, то о состоянии этих лиц можно было бы судить разное. Но это обстоятельство, как и тот факт, что Гиппо[дам] имел свою мастерскую (есть его отдельные штемпеля), указывает ясно, что лица эти не просто гончары, а управители завода. В более позднее время боспорские цари имели сложный штат чиновников, и общих и своих частных (напр., ὁ ἐπὶ τῆς ἀρχῆς). К ним, таким образом, прибавился еще один. После Перисада I обычай именовать в клеймах смотрителя завода исчез. Только один раз⁶ в клейме III группы, судя по шрифту, относящемуся ко II в. до н. э., после слова

¹ Шкорпил, ук. соч., стр. 33.

² Scythica et Caucasia, стр. 477.

³ Граков, Древнегреческие клейма с именами астиномов, стр. 121.

⁴ Inschriften von Pergamon, II, стр. 394.

⁵ Придик, ук. соч., стр. 129, № 41 и 42.

⁶ Придик, ук. соч., стр. 129, № 35.

„Βασιλική“ во второй строке читается „Διὰ Νοορηγί(ου)“. Здесь, может быть, вновь упомянуто то же должностное лицо.

Кто являлся рабочей силой на этом заводе, решить с полной определенностью трудно. Большие мастерские амфор, пифосов и черепиц (то и другое, как показывают клейма других центров производства, часто производились в одних и тех же ἐργαστήρια), несомненно, пользовались рабским трудом в эпоху эллинизма. Анализ собственных имен гончаров в родосских клеймах,¹ возможно Херсонеса,² Гераклеи Понтийской³ и Синопы⁴ демонстрирует это с полной очевидностью. В то же самое время в Аттике, как видно из надписи о ремонте Элевзинского храма IV в. до н. э.,⁵ производством черепиц и других строительных материалов занимались метеки из вольноотпущенников, пользовавшиеся трудом рабов. Производство в их мастерских достигало весьма значительных размеров (один из заводчиков поставил на храм 5000 черепиц). Диодор⁶ сообщает о том, что в хозяйстве боспорских царей Сатира II и Евмела было значительное число рабов, что позволяет предполагать применение рабской силы и на черепичном царском заводе.

¹ Nilsson, ук. соч., стр. 99.

² См. клейма со словами „Σλυδικόν“ и „Ταυρικόν“ на стр. 104, №№ 857 и 858 у Придика.

³ Об этом говорится подробно в моей статье, готовой к печати: „Рабский рынок северного Причерноморья“.

⁴ Граков, ук. соч., заключение.

⁵ IG, II, addenda, 834.

⁶ См. Scythica et Caucasica, I, стр. 478.

Строительные керамические материалы Боспора

Боспорские черепицы

В. Ф. Гайдуневич

Целью данной работы является исследование одной из областей местного производства Боспора — производства строительных керамических материалов. Обычно в понятие „керамические строительные материалы“ входит кирпич, водопроводные и дренажные гончарные трубы, черепицы и различные терракотовые архитектурно-облицовочные орнаментальные изделия, идущие на отделку соответствующих частей зданий.

Однако при данном состоянии археологических исследований поселений Боспора имеется крайне незначительный запас фактических данных по тем разделам строительных материалов из глины, которые перечислены выше, за исключением черепиц. В соответствии с таким положением дела, мы посвящаем данную работу изучению черепичного производства Боспора, как наиболее полно представленного вещественным материалом и поэтому дающего возможность уже сейчас довольно всесторонне осветить указанную отрасль местного производства, игравшую немаловажную роль в промышленной жизни Боспора, в особенности в период его экономического расцвета. Всякому, кому приходилось участвовать в археологических раскопках античных городов, известно, что наряду с фрагментами керамической посуды огромное место в „культурных слоях“ занимают скопления обломков кровельных черепиц. Это один из самых, так сказать, „массовых“ археологических материалов, с которым археологу-античнику приходится сталкиваться от первого и до последнего удара лопаты при раскопках таких поселений северного Причерноморья, как Ольвия, Херсонес, Пантикапей и т. д. В античной строительной технике глиняные черепицы являлись главным материалом для устройства кровельных покрытий в сооружениях как гражданского жилищного типа, так и для общественных зданий, крепостных стен и т. д. Правда, в античном строительном деле применялись и мраморные „черепицы“,¹ но они могли быть применяемы только при сооруже-

¹ Daremberg—Saglio, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. „Tegula“ — статья Jamot; J. Durm, Die Baukunst der Griechen, 3-е изд., Лейпциг, 1910 г., стр. 206.

нии особенно богатых, роскошных, монументальных общественных зданий вроде храмов и т. д., на постройку которых затрачивались большие средства. Можно было бы еще также указать и на применение металла для тех же целей. Известно, например, что бронзовую позолоченную крышу имел римский Пантеон.¹ Но это было, разумеется, очень редким явлением, ибо состояние античной металлургической техники делало металлические кровли предметом исключительной роскоши.

Все основное строительство в Греции и Риме применяло глиняные черепицы, и поэтому производство этого вида строительных материалов являлось широко распространенной отраслью керамического производства. В колониальных поселениях северного Причерноморья мы видим аналогичную картину.

Отсюда то обилие глиняных черепиц, которые в фрагментарном, правда, преимущественно состоянии „насыщают“, как принято выражаться, культурные отложения крупнейших городищ. Потребность в кровельном материале, каким являлись глиняные черепицы, была особенно велика в периоды экономического подъема, когда колониальные греческие поселения переживали период интенсивного строительства. Возникший при таких условиях обширный спрос на керамические строительные материалы стимулировал возникновение на местах соответствующих промышленных предприятий, изготовлявших эту продукцию, что, однако, часто не покрывало всей потребности, и поэтому часть изделий этого рода ввозилась извне в качестве одного из видов импортных промышленных товаров. Указывая на местное производство, как на основной источник, который снабжал крупнейшие колониальные центры строительной керамикой, мы исходим отнюдь не из того общего положения, которое выдвигалось некоторыми исследователями, что столь громоздкий материал, как черепицы, был не выгоден при морской его транспортировке. На это можно было бы возразить простой ссылкой на эпиграфические документы, связанные с строительными работами, например, на Делосе, где имеются точные указания на перевозку черепиц морским путем с места их производства (остров Сипрос) к месту строительства (Делос). Но о местном производстве черепиц в колониях северного Причерноморья у нас имеются более определенные свидетельства.

Для Херсонеса производство кровельных черепиц является вполне установленным фактом, хотя он почему-то оказался не достаточно замеченным. Так, например, Б. Н. Граков, в своей диссертации, между прочим, сообщает, что „Херсонес

¹ Daremberg — Saglio, „Tectum“; J. Durm, Die Baukunst der Etrusker. Die Baukunst der Römer, 2-е изд., Штуттгарт, 1905 г., стр. 335.

Таврический, производя свой самостоятельный тип амфор, не фабриковал черепицы, пользуясь привозной из Синопы".¹ Напомним следующую выдержку из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1900 г.: „Кровельные черепицы, которые употреблялись также вместо плит для устройства гробниц, а иногда в плитных гробницах служили для обкладки внутренних боковых стен, принято считать синопскими на основании штемпелей, на которых, кроме имен астиномов, изображена птица, сидящая на дельфине. Во всяком случае они не могут быть признаны херсонесскими, так как черепицы местного производства отличаются цветом и качеством глины и, кроме того, при именах херсонесских астиномов на черепицах и амфорных ручках почти всегда отсутствуют всякие эмблемы".² Как видим, К. К. Косцюшко-Валюжинич здесь совершенно точно указывает, что Херсонес производил не только клейменные амфоры, потребность в коих была особенно велика ввиду той обширной торговли вином, которую вел Херсонес, но что наряду с этим существовало и местное производство черепиц. Это указание отчета было нами проверено, и мы смогли убедиться в его правильности: характерные клейма херсонесских астиномов на амфорных ручках встречаются также и на черепицах. Этим решается вопрос о наличии в Херсонесе этой отрасли производства. Наряду с этим в Херсонес в довольно значительном количестве ввозились черепицы.

Несколько менее ясен вопрос о производстве этой категории керамических изделий в Ольвии, где при археологических раскопках в весьма значительном количестве встречаются черепицы, снабженные астиномными клеймами не херсонесского типа. Как известно, Б. Н. Граков в своем обширном исследовании, посвященном керамике с этого рода астиномными клеймами, выступил с основательно аргументированными доводами в пользу теории, согласно которой центром производства керамических изделий (амфор и черепиц) с астиномными клеймами следует считать Синопу. Эта точка зрения встретила, однако, возражения со стороны некоторых исследователей.

Так, по мнению А. Коцевалова, выступившего недавно с критическим разбором диссертации Б. Н. Гракова,³ синопское происхождение всех астиномных клейм следует считать недоказанным. Производя сопоставление личных имен, встречающихся на астиномных клеймах, с данными эпиграфических памятников Синопы, Тире, Ольвии, Херсонеса и Боспора, А. Коцевалов устанавливает, что количество аналогичных имен

¹ Б. Н. Граков, Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, Москва, 1929 г., стр. 69.

² ИАК, вып. 2, Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1900 г., стр. 18.

³ Philologische Wochenschrift, Leipzig, 17 Juni 1933 г., № 23/24, стр. 630 сл.

дают больше всего эпиграфические памятники Боспора (46,1%), далее идет Ольвия (20,8%), затем Херсонес (14,8%), наконец Синопа (10,1%) и Тира (1,8%). Автор рецензии делает вывод, что, возможно, в будущем, когда количество эпиграфических памятников Синопы увеличится, теория Гракова и подтвердится, но на данном этапе состояния наших знаний целый ряд моментов делают более вероятным предположение о происхождении астиномных клейм из Боспора или Ольвии.

Произведенное нами изучение техники производства боспорских черепиц заставляет считать гипотезу о происхождении астиномных клейм из Боспора (если при этом иметь в виду крупнейшие производственно-промышленные центры, как Пантикапей и Фанагория) совершенно неприемлемой. Остается, по Коцевалову, таким образом, предположение об ольвийском происхождении керамической продукции — амфор и черепиц, снабженных астиномными клеймами. Связь этой продукции с Ольвией пытались доказать неоднократно. Нужно сказать, что в рамках историко-филологического анализа вопрос о происхождении изделий с астиномными клеймами вряд ли может быть окончательно решен в ту или другую сторону.

Необходимо привлечь и технологическое исследование продукции, вопрос о центре производства коей является до сих пор столь спорным. Дело идет о выявлении крупного производственного центра Причерноморья.

Уже сейчас можно констатировать следующие моменты технического порядка. Амфоры и черепицы с астиномными клеймами сделаны из глины, особым характером, своеобразием внешних признаков резко отличающейся от глины заведомо боспорских и херсонесских изделий.

Года два тому назад был сделан анализ этой глины. Оказалось, что глины с аналогичными минеральными примесями не встречаются в районе Ольвии. Трудно допустить, что для производства керамических изделий в Ольвии сырье доставлялось откуда-то издалека. Это обстоятельство является серьезнейшим основанием для сомнений в возможности видеть в Ольвии центр производства керамики с клеймами астиномов. В связи с этим гипотеза Б. Н. Гракова о Синопе, как центре производства керамики с астиномными клеймами, остается наиболее вероятной и обоснованной.

В Ольвию, судя по археологическим данным, в довольно значительном количестве ввозились синопские черепицы, каковые поступали в большем или меньшем количестве почти во все колонии северного побережья Черного моря. Однако это обстоятельство отнюдь не опровергает наличия в Ольвии местного производства. Несомненно, оно было. В частности можно сослаться на то, что анализ ряда образцов строительной керамики Ольвии показал полное совпадение с составом и качеством местных глин. Дальнейшие работы по изучению

местного производства Ольвии должны выявить масштабы и специфические особенности ольвийского производства керамических строительных материалов.

Вообще следует заметить, что чем больше углубляется работа по археологическому изучению и исследованию материального производства античных городов северного Причерноморья, тем меньше остается места прежней точке зрения, рассматривавшей колониальные поселения как складочно-посреднические пункты для импортных товаров промышленности метрополии. Теперь почти всякая раскопка на территории античных поселений северного Причерноморья дает интереснейший материал по изучению местного производства в колониях, и мы все больше и больше узнаем о целом ряде отраслей промышленности, о которых раньше почти ничего не было известно.

Напомним, что за последние годы мы имеем такие результаты, как обнаружение остатков керамического производства Боспора в виде обжигательных печей в Фанагории и Керчи,¹ открытие остатков металлургического и гончарного производства в Ольвии, открытие крупнейшего рыбопромышленного производства в Камыш-Буруне, на месте предполагаемой Дио, большой винодельческой мастерской в Мирликие и т. д.

Удельный вес собственного местного производства в рабочладелецких греческих поселениях северного Причерноморья все больше возрастает, что значительно меняет установившиеся прежде представления: колонии все больше становятся производящими центрами.

Возвращаясь к рассмотрению вопроса о производстве керамических строительных материалов в колониях северного Причерноморья, можно, на основании уже сказанного, сделать вывод, что Херсонес и Ольвия производили строительную черепицу, но, наряду с собственным производством, часть потребности в этой продукции удовлетворялась импортом. Для Ольвии и Херсонеса он все-таки был, видимо, довольно значительным.

В отношении Боспора вопрос о существовании местного производства черепиц решается довольно легко. Дело в том, что боспорские черепицы подвергались в эллинистическую эпоху клеймению. Эти клейма, являвшиеся по существу как бы „фабричными марками“, содержат, между прочим, имена боспорских царей династии Спартокидов и других представителей местной знати, в руках которых, очевидно, находились промышленные предприятия, фабриковавшие черепицы. Это обстоятельство, т. е. наличие соответствующих клейм, позволяет говорить совершенно уверенно о существовании на Бос-

¹ В. Ф. Гайдукевич, Античные керамические обжигательные печи, „Известия“ ГАИМК, вып. 80.

поре черепичного производства, которое было особенно обширным и значительным в эпоху оживленного строительства в городах Боспорского царства.

Работу по изучению боспорских черепиц пришлось производить, почти исключительно имея дело непосредственно с сырым материалом. Все, что можно найти в археологической литературе по вопросу о боспорских черепицах, касается только клейм, причем и в этом отношении мы имеем дело с разрозненными публикациями отдельных клейм, без серьезного их изучения, без выводов и обобщений. Что касается технической стороны, то достаточно сказать, что ни в одном археологическом отчете мы не найдем никакого, хотя бы даже схематического чертежа или рисунка воспроизводящего конструктивные типы боспорских черепиц.

Основным материалом для настоящей нашей работы явилось собрание черепиц и фрагментов черепиц с клеймами, числом 570, находящихся в Керченском археологическом музее. Здесь, прежде всего, пришлось собрать воедино разбросанный среди многочисленных археологических коллекций материал, не подвергавшийся никогда никакому учету или систематизации. Все целые черепицы (их имеется в Керченском музее около десятка) и фрагменты с клеймами были зарегистрированы в специальной описи и получили при этом соответствующие инвентарные номера, что давало возможность затем уже свободно манипулировать с большим по численности материалом, систематизируя его по отдельным группам и т. д.

В указанную опись вошли почти исключительно клейменные боспорские черепицы. Попутно было выявлено, наряду с черепицами местного боспорского производства, наличие некоторого количества черепиц с астиномными клеймами, т. е. привозной продукции. Однако по своей численности эта группа оказалась весьма незначительной и исчислялась, примерно, несколькими десятками, в то время как клейм боспорских черепиц зарегистрировано без малого шестьсот.

В целях получения по возможности исчерпывающего материала об условиях находок боспорских черепиц, т. е. о характере того археологического окружения, в котором были находимы боспорские клейменные черепицы, — а эти сведения крайне необходимы были для решения вопроса датировки клейм, — нами были просмотрены в архиве Керченского музея, а отчасти в архиве ГАИМК все отчеты об археологических раскопках в Керчи и на Таманском полуострове, а также соответствующие описи добытых при раскопках вещей, начиная с конца 50-х годов прошлого столетия. Результаты получились, к сожалению, недостаточно эффективные, так как данных о клейменных боспорских черепицах оказалось в отчетах и описях очень мало, и условия находок в большинстве случаев мало показательны.

Ценные сведения в указанном направлении удалось извлечь из отчетов В. В. Шкорпила о раскопках керченских некрополей, производившихся им систематически в течение 16 лет. Дело в том, что на Боспоре, как и в Херсонесе и как почти повсеместно в античном мире, черепицы применялись не только для устройства кровель, но они использовались также и для устройства гробниц.

Находка черепиц в качестве материала для сооружения гробниц может быть успешно использована для датировки черепиц с соответствующими клеймами на основании хронологических показаний вещественных комплексов, заключенных в гробнице.

К сожалению, однако, выяснилось, что во многих случаях черепицы были использованы для сооружения гробниц несколько столетий спустя после своего появления на свет. В таком сочетании комплексы вещей погребения могли мало что дать для определения времени производства черепиц. Тем не менее, ряд черепичных гробниц давал, по всей видимости, очень близкое совпадение даты погребального инвентаря со временем производства черепиц. Таким путем удалось, например, подтвердить мнение, основанное на эпиграфических данных клейм, о существовании производства клейменных черепиц на Боспоре начиная с IV века до н. э.

Кроме собрания Керченского музея, нами была изучена коллекция клейм боспорских черепиц, хранящаяся в Музее изобразительных искусств в Москве. Она образовалась в результате сборов преимущественно подъемного материала на городище Фанагории, производившихся экспедициями музея. Несмотря на свою малочисленность — всего 25 клейм, из них часть в фрагментарном состоянии, — эта коллекция тем не менее очень ценна, так как дает топографически точно зафиксированный материал, что весьма существенно при решении вопроса о территориальном распространении продукции боспорских черепичных производств, т. е. о торговом распространении их.

Привлечена была также к изучению и коллекция клейменных черепиц в Эрмитаже. В ней находятся около 86 боспорских черепичных клейм, большая часть — на обломках. Материал этот в значительной мере дублирует то, что имеется в Керченском музее.¹

Таков объем материалов, которые использованы нами при разработке данной темы. Как уже отмечалось ранее, боспор-

¹ Клейма эти вошли в известный каталог клейм, изданный Е. М. Придином (Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах эрмитажного собрания, Птгр., 1917 г.). В перечень античных клейм на черепицах включены у Е. М. Придика клейма средневековых черепиц из Фанагории (№№ 72—73 на стр. 130). От античных боспорских черепиц они отличаются целым рядом технических особенностей и в первую очередь гораздо меньшими размерами.

ские черепицы привлекали обычно внимание исследователей своими клеймами. Они издавались время от времени, случайно попадая в руки того или иного издателя южнорусских античных древностей. Обычно такие публикации клейм на черепицах никакими комментариями не сопровождались и просто приводились как образцы керамической эпиграфики. Сюда относятся несколько клейм, воспроизведенных в рисунках в атласе „Древностей Боспора Киммерийского“, в известной книге Макферсона и т. д.

В 60-х годах в Эрмитаж было доставлено из Керчи около полутора десятка клейм, принадлежащих боспорским черепицам. Их издал Стефани,¹ но с грубыми ошибками в транскрипции некоторых имен, обусловленными тем, что издатель воспринимал знак сокращения, часто фигурирующий на боспорских клеймах, за лунарную сигму, что приводило к совершенно неверному чтению имен. Однако Стефани уже правильно отметил, что ряд клейм „не только содержат имена пантикапейских архонтов, но и по форме и техническому выполнению букв должны быть отнесены к тем временам“.

Интересный перечень боспорских клейм, составленный А. Орешниковым, был приведен в книге Гиля.²

Наибольшее число клейм боспорских черепиц было зафиксировано и отчасти издано В. В. Шкорпилом.³ Некоторая часть их вошла в две подготовленные к печати работы о керамических надписях, найденных и приобретенных Керченским музеем в 1903—1905 и 1906—1907 гг., которые почему-то остались не напечатанными. Они в рукописях хранятся в архиве Керченского музея и содержат большой материал не только по клеймам боспорских черепиц, но и по другим разделам клейменной керамики (астиномные клейма, родосские, фасосские и т. д.).

Вплотную подошел В. В. Шкорпил к вопросу о черепичном производстве на Боспоре в своей статье „К вопросу о времени правления архонта Игианонта“.⁴ Здесь имеется ряд интересных и ценных замечаний, касающихся этой отрасли боспорского производства. Там же дана сводка царских имен, встречающихся на боспорских черепицах, и указана литература, где они опубликованы ранее.

Судя по примечаниям, имеющимся в указанной работе, В. В. Шкорпил предполагал написать впоследствии специальную статью „Боспорские черепицы“, имевшую быть напечатанной в Известиях Археологической комиссии. Однако этого

¹ ОАК, 1861 г., стр. 168; 1867 г., стр. 208.

² Chr. Giel, Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands, Москва, 1886 г., стр. 41.

³ ИАК, в. 3, стр. 163; в. 11, стр. 155.

⁴ В сборнике археологических статей, посвященных Бобринскому, Сиб., 1911 г., стр. 31 сл.

намерения он почему-то не исполнил, и в архиве Керченского музея остались лишь фотографические снимки и чертежи, повидимому, заготовленные к намечавшейся статье.

Из вышесказанного явствует, что боспорские черепицы не подвергались до сих пор серьезному изучению, хотя производство их составляло, несомненно, одну из довольно значительных отраслей местной промышленности Боспора, особенно в пору его культурно-экономического расцвета, когда обширная потребность в этом строительном материале, большой спрос на него делали эту отрасль производства настолько коммерчески выгодной, что ею занялись даже боспорские цари и близкая к ним боспорская рабовладельческая знать, о чем красноречиво говорят клейма на черепицах.

Между тем клейма эти должным образом даже не введены в научный обиход. Изданное до сих пор охватывает количественно лишь часть имеющегося материала, причем почти все публикации сделаны примитивным способом; только два точных факсимиле клейм архонта Игиэнонта изданы в упоминавшейся статье В. В. Шкорпила. Ввиду такого положения дела мы сочли необходимым дать в настоящей работе, в виде приложения, по возможности полную сводку боспорских клейм в точно передающих оригиналы рисунках-факсимиле.

Наличие в системе боспорской местной промышленности обширного черепичного производства является уже прочно установленным фактом. Вполне естественно, однако, желание более определенно локализовать центры, где находились соответствующие промышленные предприятия данной отрасли керамического производства. Известны два наиболее крупные центра экономической и культурно-политической жизни Боспора — Пантикапей и Фанагория. Последнюю и считал В. В. Шкорпил наиболее вероятным местом, где было сосредоточено производство боспорских черепиц. Вот какие соображения высказывал он по этому вопросу: „В Керчи встречаются черепицы двух сортов: а) черепицы с именами астиномов и б) черепицы с одними полными или сокращенными личными именами. Глина черепиц этих двух разрядов неодинакова: в первых глина грязно-желтого цвета, с большой примесью черных и светло-желтых крупинок (толщина 0,022); в черепицах же второго разряда глина отличается темно-красным цветом и смешана с мелким песком белого и коричневатого цветов (толщина черепиц 0,02 м). Имена ясно указывают, что черепицы второго разряда изготовлялись в Боспорском царстве, по моему мнению, в древней Фанагории, где залегают большие пласты глины, весьма удобной для гончарного дела, и где встречается громадное количество кварцевого песку. Теперешний владелец хутора, расположенного на месте древней Фанагории, известный археологам П. П. Семеняко, помнит, что во второй половине прошлого столетия на месте древнего го-

родища были открыты четыре большие гончарные печи, что свидетельствует о большом гончарном производстве, процветавшем когда-то на восточном берегу Киммерийского пролива".¹ Чрезвычайно характерно для археологических исследований, производившихся в царское время на месте античных поселений Боспора, что об открытии на территории Фанагории четырех обжигательных керамических печей приходилось узнавать от живших поблизости хуторян, в археологических же отчетах такие факты не находили никакого отражения.

Как видно, В. В. Шкорпил считал Фанагорию вероятным местом производства боспорских черепиц ввиду особенно благоприятных условий для развития этого дела в смысле сырьевых ресурсов (наличие глины и песка), а также и ввиду открытия там непосредственных остатков керамического производства (обжигательные печи).

Однако несколько позднее В. В. Шкорпил изменил свое мнение. „Известны, — писал он, — два обломка плоских черепиц, на которых точно так, как и на боспорских монетах, читается надпись *Παυσι(καπαίτων)*. Отсюда можно вывести заключение, что завод, где изготовлялись эти черепицы, находился в пределах Боспорского царства, вероятнее всего в самом Пантикапее".²

За последние годы, как известно, были сделаны ценные открытия остатков керамического производства Боспора. В 1929 г. на северном склоне Митридата открыта большая гончарная печь позднееримского времени, а в 1930 г. открыта и в 1931 г. доследована аналогичная, но лучше сохранившаяся печь в Фанагории. Обе эти печи, чрезвычайно сходные по принципу своего устройства, свидетельствуют, что керамическая промышленность существовала одновременно и в Пантикапее и в Фанагории.

Соображения о преимуществе Фанагории в отношении сырья, нужного для гончарного дела, не имеют под собою серьезных оснований. Достаточно хотя бы указать на то, что в настоящее время на глинах окрестностей Керчи, обладающих всеми требуемыми качествами, строится механизированный завод с годовым выпуском продукции в 8 млн штук (кирпича и черепицы).³ Из бесед с техниками, работающими в области производства строительных материалов, нам удалось выяснить, что в окрестностях Керчи имеются кварцевые пески с выходами на поверхность, так что использование их для целей гончарного производства не представляет особенных затруднений как теперь, так и в древности.

¹ Рукопись В. В. Шкорпила „Керамические надписи, найденные и приобретенные Керченским музеем в 1906—1907 гг.", стр. 145—146.

² В. В. Шкорпил, К вопросу о времени правления архонта Игиэонта, ук. сборник Бобринского, стр. 34.

³ Ратынский, Стройматериалы Крыма минерального происхождения, серия „Овладеем техникой", вып. 1, КрымГИЗ, стр. 36.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что пока нет никаких оснований приписывать какому-нибудь одному крупному промышленно-экономическому центру Боспора производство всей массы клейменных боспорских черепиц. Нам кажется весьма возможным предположение, что это производство имело место и в Пантикапее и в Фанагории. В этих крупных городах, больше всего нуждавшихся в данного рода строительных материалах, было, повидимому, сосредоточено производство.

Знакомые с литературой по археологическим исследованиям Боспора могут нам поставить в вину, что мы не приняли во внимание сделанного в 1898 г., во время раскопок Пантикапея на северном склоне Митридатовой горы, открытия остатков „черепичного завода“. Действительно, в отчете об указанных раскопках, производившихся под руководством К. Е. Думберга, имеется указание на то, что в районе расположения несколько ранее открытых римских терм будто бы обнаружены остатки „черепичного завода“ в виде большой обжигательной печи. „Здесь нашлось, — читаем мы в отчете, — значительное количество полуобожженных черепиц и грузил, отчасти со штемпелями. Завод был брошен в полном действии, быть может, при внезапном вторжении неприятеля“. Это отчетное сообщение К. Е. Думберга попало впоследствии в целый ряд изданий по Боспору, сделав, таким образом, упомянутый в отчете „черепичный завод“ довольно „популярным“ археологическим памятником. Мы уже имели случай детально рассмотреть этот вопрос в связи с изучением керамических обжигательных печей, открытых в 1929—1930 гг. Поскольку в отчете 1898 г. сообщается об открытии обжигательной печи, составлявшей якобы принадлежность черепичного „завода“, были все основания заинтересоваться этим памятником, когда велось исследование вышеупомянутых гончарных печей, обнаруженных в последние годы в Керчи и Фанагории. Так как сооружение, которое определено в отчете 1898 г. в качестве обжигательной печи, сохранилось неплохо до сих пор и входит в комплекс раскопанной территории Пантикапея, находящейся на музейном положении под охраной Керченского археологического музея, — мы имели возможность ознакомиться с этим памятником в натуре. В результате обследования пришлось констатировать полную необоснованность сделанного в отчете 1898 г. определения. Никаких признаков обжигательной печи в действительности нет; сохранившиеся три бутовые стены являются остатком постройки, не имеющей в себе решительно никаких признаков, на основании которых можно было признать ее за обжигательную печь. Очевидно, встретившееся при раскопках этого строения обилие черепиц послу-

¹ ОАК, 1898 г., стр. 14—15.

жило единственным основанием к тому, чтобы счесть его за печь для обжига этих изделий.

Перейдем теперь к непосредственному рассмотрению интересных нас стройматериалов, т. е. боспорских кровельных черепиц. Боспорские черепицы (рис. 59 и 60) представляют собою большие плоские плиты прямоугольной формы, с бортами, выступающими по краям продольных сторон. Ширина черепиц 0,50—0,51 м, длина 0,59—0,60 м, толщина черепиц

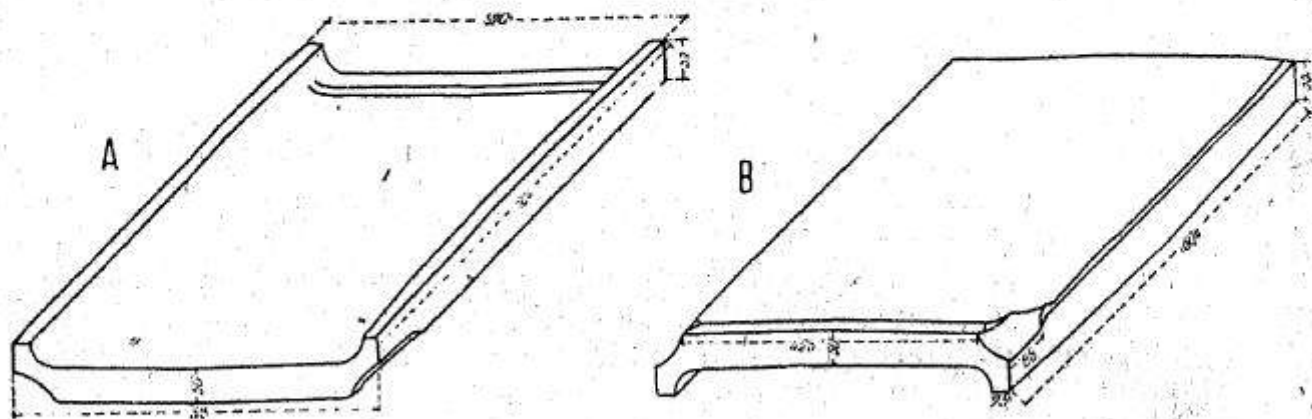

Рис. 59. Боспорская черепица (перспективный вид сверху и снизу).

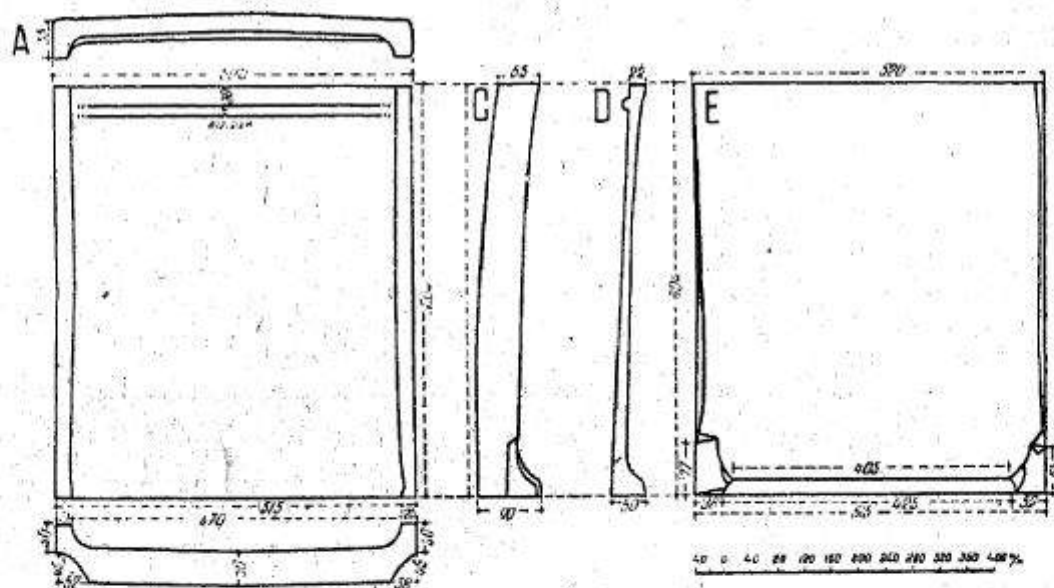

Рис. 60. Боспорская черепица (план и разрез).

0,02—0,025 м.¹ Борты возвышаются над верхней поверхностью черепицы на 0,04 м, имея в ширину обычно около 0,025 м. Вблизи края одной из узких поперечных сторон выступает округлый валик, тянущийся поперек черепицы от одного бокового борта к другому; валик этот имеет у своего основания толщину около 0,015 м и возвышается над поверхностью че-

¹ В каталоге Е. М. Придика указано, что плоские плитовые черепицы имеют толщину 0,06—0,07 м. Повидимому, здесь в размеры толщины включена и высота бортов, выступающих по продольным сторонам. Совершенно ясно, что называть эту меру толщиной черепицы никак нельзя.

репицы обыкновенно не больше 0,01 м. Расстояние же между ним и краем черепицы не выдерживается в одинаковой мере на всех черепицах: иногда это расстояние от края до валика достигает 0,025 м, на некоторых же черепицах оно равняется всего только 0,015 м. Вся остальная часть верхней поверхности черепицы совершенно гладкая. Если, перевернув черепицу, посмотреть на ее изнанку, то окажется, что против валика, выступающего на наружной поверхности, обратная сторона ровная и никаких выступов не имеет, но зато у противоположного конца картина получается другая: здесь черепица имеет у самого края выступающий книзу загиб-утолщение толщиной в 0,02, который тянется не во всю ширину черепицы, а лишь на 0,38—0,40 м; происходит это в силу того, что по углам черепица имеет снизу срезы, благодаря которым нижний выступ не достигает концов черепицы, обрываясь на расстоянии 0,05—0,06 м от угловых концов. Из таких плоских черепиц и строилась кровля, т. е. вся площадь крыши получила настил из таких плит. Укладка их производилась по определенной системе, параллельными рядами. Каждый отдельный ряд черепиц, считая по вертикали, т. е. от конька крыши до нижнего ее края, укладывался таким образом, что одна черепица своим концом частично перекрывала другую. Благодаря такому накладыванию нижнего конца одной черепицы на верхний конец следующей черепицы достигалось отсутствие щелей между концами черепиц. В пределах каждого ряда получалась ступенчатая черепичная поверхность без всяких поперечных щелей, что именно и достигалось вышеуказанным способом соединения черепиц, устранявшим простой стык их концов, куда неминуемо должна была бы попадать дождевая вода. В соответствии с указанным способом расположения черепиц, в их устройстве необходимо было предусмотреть некоторые детали, чтобы при укладке кровли одна черепица могла заходить в другую, перекрывая на некотором протяжении последнюю.

Прежде всего нужно отметить, что верхним концом черепицы должен считаться тот, где на наружной поверхности находится поперечный валик, а нижним — тот, где имеется утолщение, образующее выступ на тыльной стороне. Нижний конец каждой черепицы закрывал некоторую часть следующей черепицы, и, чтобы это могло произойти, делались вырезы по углам у нижнего выступа, последний вдвигался в следующую черепицу, занимая на ней место между боковыми бортами так, что поперечный валик оказывался позади него. Взаимоотношение кровельных черепиц, уложенных на место, в продольном разрезе показано на прилагаемом рисунке 61. Такой способ сопряжения концов черепиц заключался в том, что черепицу накладывали на черепицу, а для того, чтобы закрыть просвет между черепицами, на нижнем их конце де-

лался выступ, закрывавший этот промежуток. Поверхность у смежных черепиц в каждом продольном ряду отстояла одна от другой на 0,05 м. Стало быть, в общем, должна была получиться ступенчато-наклонная поверхность кровли с указанною высотой „ступенек“.

Мы рассмотрели устройство плоских боспорских черепиц в связи со способом их применения при постройке кровель. Только при таком условии можно уяснить значение всех деталей в самой форме черепиц. В частности, теперь нетрудно заметить, что черепицы не имеют никаких особых приспособлений для прикрепления их к кровельной обрешетке, т. е. к той деревянной основе, на которую настилались черепицы; стало быть, боспорские черепицы относятся к тому разряду античных черепиц, которые держались на крыше главным образом благодаря трению, происходящему от их собственного довольно значительного веса. Возможно, что черепицы, расположенные у края кровли, прибивались гвоздями. Несколько боспорских черепиц,

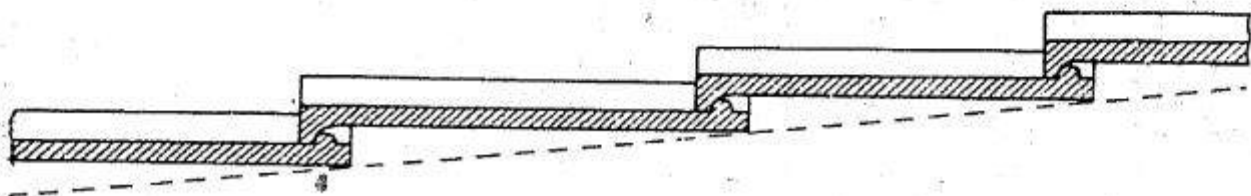

Рис. 61. Соотношение черепиц при укладке их на крышу (разрез).

находящихся в Эрмитаже,¹ имеют дырки, которые, возможно, и служили для прикрепления черепиц гвоздями к обрешетке крыши.² После укладки плоских черепиц каждый вертикальный ряд их, уложенный по вышеуказанному способу, примыкал к подобным же образом образованному смежному ряду, идущему параллельно сверху вниз. Черепицы соприкасались между собою внешней стороной своих бортов, и в местах стыка продольных сторон черепиц получались швы. Достигнуть такого плотного примыкания черепиц друг к другу, чтобы в шов не проникала дождевая вода, разумеется, было невозможно. Для предотвращения попадания воды в указанные швы места стыков перекрывались специальными покрывками, которые составляли в античных постройках неотъемлемую часть кровли, образованной из плоских черепиц. Последние обычно назывались *херамидес*, а для второго сорта черепиц, вспомогательного значения, применялся термин *калоптѣрес*, по смыслу соответствовавший русскому „покрывка“.

Боспорские калиптеры (рис. 61а и 61б) в разрезе имеют

¹ Е. М. Придик, Инвентарный каталог клейм, стр. 129, №№ 47—53, и стр. 130, № № 83—86.

² Ср. J. Durm, *Vaukunst der Griechen*, стр. 129, прим. 1 и стр. 201.

форму опрокинутого полукруглого жолоба с граненой наружной поверхностью. Широкие грани (ширина 0,09 м) образуют два ската, внизу они переходят в узкие скошенные стороны. Максимальная ширина калиптера 0,144, ширина основания 0,12 м, высота 0,088 м. Выжелобленное внутреннее пространство имеет в высоту 0,057 при наибольшей ширине внизу 0,088 м. Другой вариант боспорских калиптеров, представленный на рис. 61б, имеет несколько вдавленную форму верхних скатов и совершенно вертикальные боковые грани. При закрывании продольных стыков плоских черепиц борты последних попарно входили в желобчатое внутреннее пространство калиптера (рис. 62). Последние наклады-

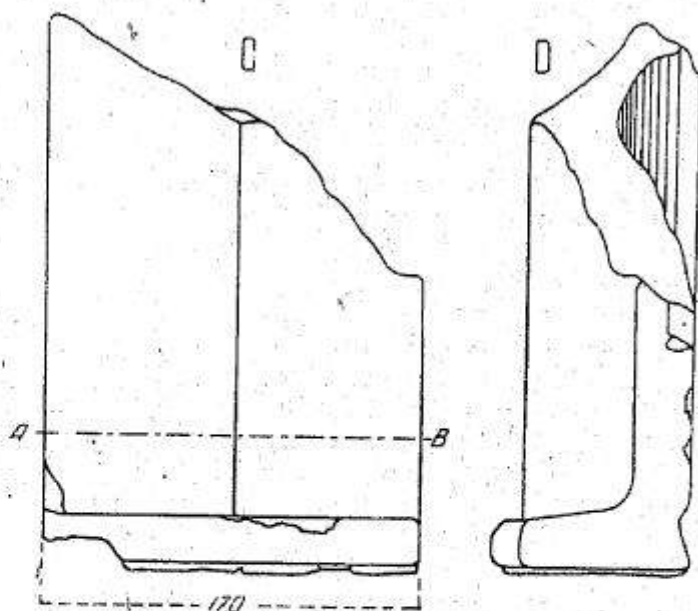
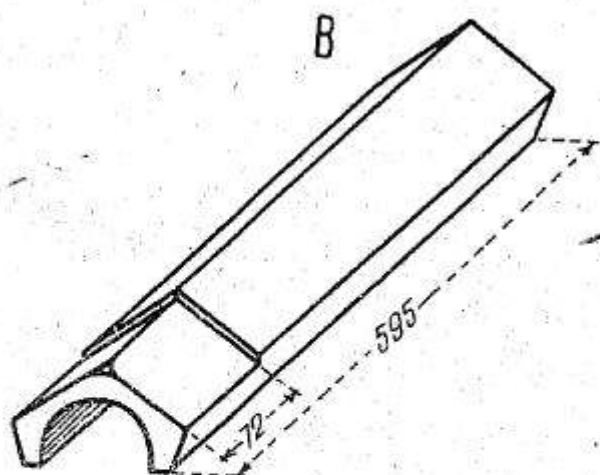
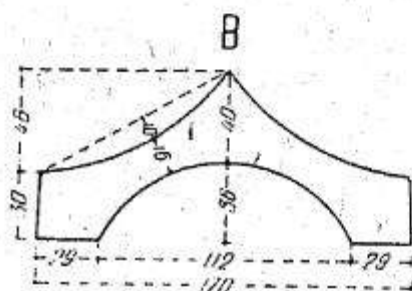
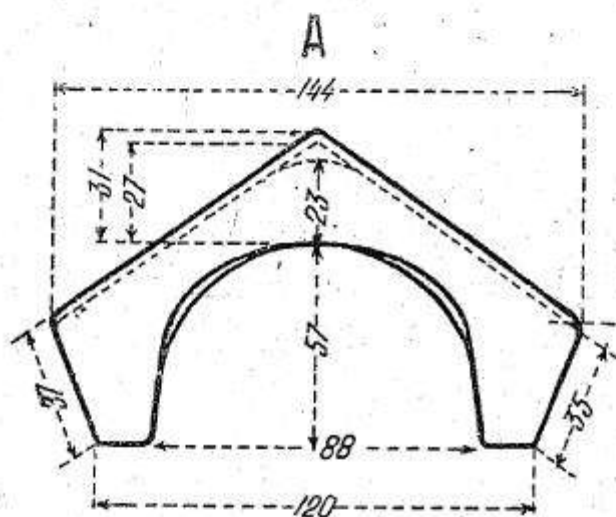

Рис. 61. Типы боспорских калиптеров: а) слева (А — разрез, В — перспективный вид); б) справа (А — перспективный вид, В — разрез, С — вид сверху, D — вид сбоку).

вались своими концами друг на друга. Благодаря этому получалась на всем протяжении линии стыка черепиц непрерывность перекрытия, образованного калиптерами.

Калиптеры, выходявшие своим концом на край кровли, так наз. фронтальные черепицы (по-немецки Stirnziegel), отли-

Рис. 62. Перекрытие боковых стыков черепиц калиптерами (разрез).

Рис. 63. Антефиксы боспорских черепиц ($\frac{1}{3}$ н. в.).

чались от обычных калиптеров тем, что конец, совпадавший с краем крыши и обращенный, стало быть, наружу, закрывался орнаментированным щитком (антефикс), составляющим элемент украшений венчающих частей здания (рис. 61б).

Некоторые образцы антефиксов,¹ выделявавшихся для боспорских кровельных черепиц, показаны на рис. 63. Они сделаны, несомненно, в специальных формах, причем соединены с концами калиптеров еще в сыром виде, до обжига. Кроме наиболее часто встречающихся антефиксов с рельефными изображениями пальметок, волют, бычьей головы и т. п., было найдено несколько антефиксов с изображением головы Горгоны.

На рис. 64 воспроизведена передняя часть (антефикс) фронтальной черепицы, представляющая лицо Горгоны. Она найдена кладочниками на горе Митридата в Керчи и передана Керченскому музею местным коллекционером И. Терлецким. Директором Керченского музея К. Е. Думбергом эта находка была отправлена в Эрмитаж, где и хранится в настоящее время.² Другой экземпляр такого же антефикса, но сохранившийся лишь частично, имеется в Керченском музее. Лицо Горгоны обрамлено змеями, вплетающимися в волосы, безобразность лица, по обыкновению, подчеркнута сильно высунутым языком.³

Рис. 64. Антефикс с головой Горгоны (1/2 п. в.).

Как известно, изображение головы Горгоны, по представлениям античных греков, обладало магической силой отращения злых духов. Придавая значение апотропея, т. е. профилактического средства, отвращающего зло, лицо Горгоны было одним из излюбленных мотивов архитектурного украшения, применявшихся с древнейших времен в виде антефиксов, как это мы и видим в данном случае.⁴

Мы не имеем возможности при данном наличии материалов выяснить все детали устройства черепичных кровель. Но это

¹ Находятся в Керченском музее.

² Рапорт от 21 декабря 1898 г. № 185.

³ Ср. Н. Веселовский, Нагрудник с изображением головы Медузы, ИАК, в. 65.

⁴ J. Durm, Die Baukunst, т. II, стр. 85.

и не является нашей задачей, поскольку в данной работе боспорские черепицы подлежат изучению главным образом как продукция определенной отрасли керамической промышленности. Основная масса этой продукции, как это было показано выше, состояла из массивных плоских черепиц, которые и составляли главный материал для устройства кровель. Для покрытия продольных стыков между плоскими черепицами употреблялись специальные покрывки — калиптеры, причем некоторое количество последних выделялось в соединении с так наз. антефиксами, в числе которых встречаются рельефные апотропеические маски Горгоны и т. д. Следовательно, производство черепиц было связано с необходимостью давать художественное оформление некоторой части изделий. Больше того, можно предполагать, что мастерские, изготовлявшие черепицы, производили также и различного рода архитектурные терракотовые украшения, применявшиеся в античном зодчестве преимущественно для карнизов, для венчающих частей построек.

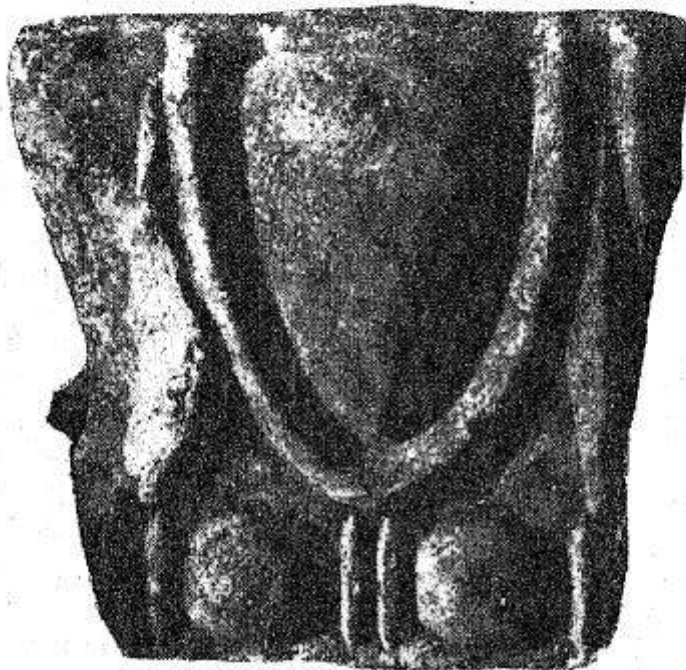

Рис. 65. Образец боспорских керамических архитектурных украшений.

На рис. 65 изображен образец характерных архитектурных украшений, найденный в Керчи и несомненно вышедший из какой-то боспорской черепичной мастерской (находится в Керченском музее). Другое аналогичное изделие было представлено в Эрмитаж с нижеследующим рапортом директора Керченского музея В. В. Шкорпила: „Фрагментированное архитектурное украшение из терракоты, найденное в апреле 1910 г. на южном склоне Митридатовой горы к СЗ от 1-го кресла Митридата. Украшение изготовлено из такой же глины и покрыто с передней стороны такой же тонкой облицовкой красного цвета, как и боспорские черепицы — с именем Спартока, Перисада, Евмела и др., из чего можно заключить, что это местное боспорское изделие конца IV в. до р. X“.¹

Выделка таких рельефных архитектурных украшений вряд ли могла представить какие-либо трудности черепичному производству, поскольку производство черепиц уже было

¹ Архив Керченского музея, рапорт № 79 от 25 мая 1910 г., дело 1910 г.

связано с необходимостью делать аналогичные орнаментальные украшения на антефиксах. Заметим, однако, что производство архитектурных орнаментов не всегда было связано с производством черепиц. Напомним, что в Херсонесе при исследовании в 1900 г. в районе башни Зенона обжигательной печи, служившей для обжигания терракоты, среди обломков сырцового кирпича найдены формы для изготовления терракотовых фигур, фрагменты уже готовых статуэток, и там же обнаружена половина глиняной формы для орнамента.¹ В

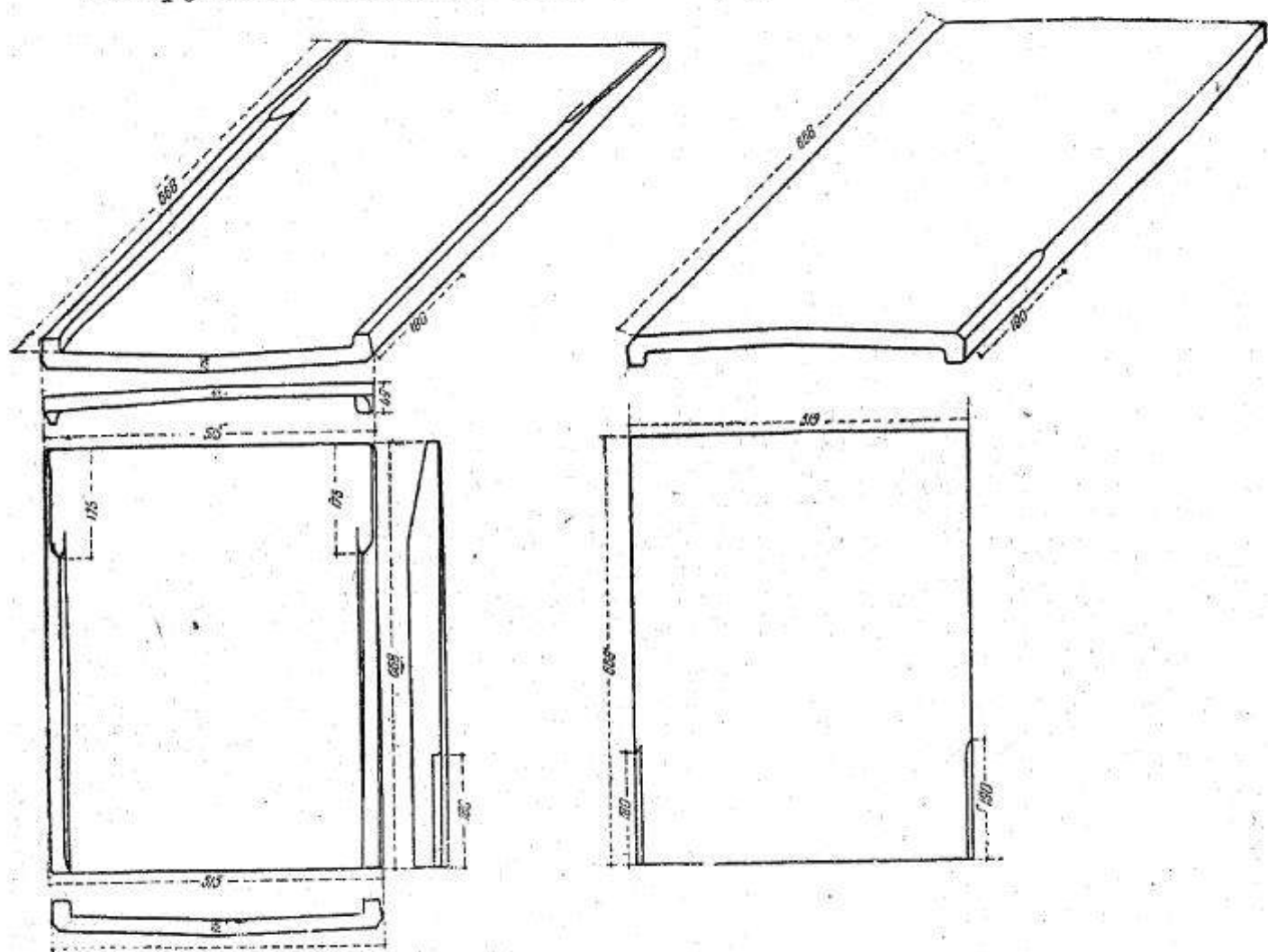

Рис. 66 а. Синопская черепица (план и разрезы).

частности, эта находка важна тем, что доказывает, какого рода формы применялись для производства данного рода изделий. Повидимому, для таких целей подобные же глиняные формы употреблялись и на Боспоре. Ранее уже указывалось, что, наряду с обширным местным производством черепиц, на Боспор все же ввозились в некотором количестве черепицы из других промышленных центров. Особенно заметным является импорт черепиц с астиномыми клеймами. И хотя в количественном отношении черепицы с клеймами астиномов,

¹ ИАК, в. 2, стр. 19.

встретившиеся в пределах Боспора, буквально тонут в обильной массе клейменных боспорских черепиц, все же факт ввоза извне черепиц является несомненным.

Здесь мы даем изображение (рис. 66 а и 66 б) совершенно цельного экземпляра синопской черепицы с астиномным клеймом, хранящейся в Керченском музее. По поводу этих черепиц Б. Н. Граков писал следующее: „Вторая категория керамики с

5 0 5 10 CM

Рис. 66 б. Синопская черепица (вид сверху).

синопскими клеймами — черепицы — не отличается особыми типологическими свойствами от черепиц других центров производства этого материала. Отличительные ее признаки состоят в типе и своеобразных клеймах; в остальном она, как и черепицы других центров, неоригинальна“. Однако непосредственное сопоставление черепиц с астиномными клеймами с черепицами боспорскими показывает, что мнение Б. Н. Гракова в данном случае не совсем верно. В основном, конечно, формы

х типологически довольно близки. Это тоже прямоугольная плита с прямо стоящими по продольным краям бортиками. Ширина 0,515 м, длина 0,67 м (боспорские по длине своей больше 0,60 м не бывают). Но в устройстве ряда деталей, рассчитанных на соединение черепиц при их укладке, заметна большая разница. Астиномная черепица не имеет поперечного валика на верхней поверхности. Также совершенно гладкой является нижняя сторона, тогда как на боспорских черепицах эта оборотная сторона у нижнего края имеет значительный выступ со срезанными углами, значение которого было нами выяснено в соответствующем месте. Кроме того, в астиномных черепицах иначе сделаны бортики. Подходя к краю одной из узких сторон, борты сходят на-нет. Это позволяло при укладке нижний конец одной черепицы накладывать на следующую черепицу так, что обратная поверхность первой лежала на верхней стороне второй. Разница в уровне поверхностей двух таким образом соединенных черепиц равнялась только толщине черепиц, в боспорских же черепицах ступенчатость получалась более значительной.

Во всяком случае, как видно из сравнения боспорских черепиц с привозными астиномными, между ними наблюдается ряд значительных конструктивных различий. Если к этому еще добавить, что астиномные черепицы, как и амфоры с такими же клеймами, отличаются особенной специфической глиной, не имеющей ничего общего с глиной боспорских черепиц, на что обращал внимание и В. В. Шкорпил, то станет ясным, что попытки доказать производство керамической продукции с клеймами астиномов на Боспоре обречены на неудачу.

Несомненный интерес представляла бы реконструкция технологии производства боспорских черепиц, восстановление основных моментов процесса предварительной обработки глины, формовки черепиц, обжига и т. д. Намеченная серия лабораторных анализов и испытаний, направленных на выяснение технологических приемов, применявшихся при производстве боспорских черепиц, — к сожалению, по некоторым объективным причинам не могла быть выполнена Институтом исторической технологии ГАИМК, который должен был эти работы выполнить, и поэтому мы здесь вынуждены ограничиться только некоторыми общими замечаниями и результатами нескольких анализов, выполненных Керченской научно-исследовательской лабораторией по изучению строительных материалов и грунтов.

Глина боспорских черепиц обычного темно-красного цвета. Один из моментов предварительной обработки глины заключался, вероятно, в тщательном смешении ее с определенным количеством кварцевого песка, наличие которого в черепицах обычно хорошо заметно. В изломе черепиц всегда наблюдается плотная однородная керамическая масса.

Формовка черепиц производилась, конечно, в специальных формах, делавшихся, вероятно, из дерева. В инвентаре Делосского храма упоминается, очевидно, именно такая форма, служившая для производства черепиц, в описи она названа: *τόπος ξύλινος κεραμίδων*.¹

Верхняя поверхность боспорских черепиц очень гладко отделана, вернее — отформована, чего не наблюдается на другой обратной стороне, отличающейся обычно шероховатостью, некоторыми неровностями и имеющей заметные следы выравнивания поверхности каким-то инструментом. Углы у нижнего выступа срезались ножом.

Все черепицы обычно хорошо и равномерно обожжены. Конструкции специальных черепичных обжигательных печей, употреблявшихся как на Боспоре, так и в других местах древней Греции, — неизвестны. Тем не менее, открытые недавно в Керчи и Фанагории позднеимские посудные обжигательные печи, рассчитанные при том на обжиг крупного гончарного товара, могут дать некоторые указания вообще о приемах обжига керамических изделий, практиковавшихся в древнем Боспоре. Как известно, эти печи построены из сырцовых кирпичей, не отличающихся особой огнеупорностью. Обжиг в таких печах мог вестись при температуре около 900°. Отметим, что керамические печи, обнаруженные в Керчи и Фанагории, — круглые. Между тем, судя по обжигательным печам, в большом количестве открытым в пределах западноевропейских римских областей, античные печи для обжига строительных материалов (кирпич, черепица) делались почти всегда прямоугольной формы, что облегчало загрузку, рациональное использование помещения обжигательной камеры и т. д., причем по размерам своим обычно эти печи значительно превосходят горны для обжига посуды, что тоже вполне понятно.

Испытание образцов черепиц, произведенное в Керченской научно-исследовательской лаборатории по изучению строительных материалов и грунтов, дало следующие результаты:

Наименование проб	Временное сопротивление на сжатие кг/см ²	Временное сопротивление на изгиб кг/см ²
Черепица с клеймом Βασιλική (инв. № 393)	194,60	27,8
То же с клеймом ΣΠΑΡ (инв. № 485)	206,50	29,5
То же с клеймом Βακιδος (инв. № 227)	221,90	31,7
Черепица с клеймом Ευμήλου (инв. № 580)	252,70	36,1
Синопская черепица с астиномным клеймом (Α)	197,40	28,2

¹ Некоторые исследователи (Wace, Nilsson и др.) хотят видеть в этом штампе для клеймения черепиц.

и если первые две «несомненно местного происхождения», то и третья, № 227, является черепицей из такой же глины. 3) Две последних черепицы, № 580 и А, резко отличаются от первых трех, они содержат между прочим большое количество извести СаО, и первая из них, № 580, содержит значительное количество соединенной угольной кислоты СО₂. Надо заключить, что она вместе с СаО входит в состав черепицы, образуя СаСО₃ (СО₂ поглощено глиной из воздуха).¹

	SiO ₂	Al ₂ O ₃ + Fe ₂ O ₃	CaO	MgO	SO ₃	CO ₂
Черепица с клеймом Βασιλική (инв. № 393)	89,90	6,78	1,02	0,16	0,11	—
Черепица с клеймом ΣΠΑΡ (инв. № 485)	85,62	10,66	1,68	0,21	0,11	—
Черепица с клеймом Βαλιδος (инв. № 227)	88,70	6,48	1,96	0,80	0,11	—
Черепица с клеймом Εδμήλου (инв. № 580)	77,78	9,92	6,16	0,56	0,14	имеется в значит. кол.
Синопская черепица с астиномным клеймом (А)	71,00	18,12	6,50	0,48	0,21	—

Наконец, в заключение нужно обратить внимание еще на одну важную деталь. Но предварительно в связи с этим приведем следующее соображение Б. Н. Гракова, высказанное им в связи с изучением керамических изделий, имеющих клейма астиномов: „Отметим отдельно одно интересное явление: поверхность как амфор, так и черепиц с астиномными клеймами, судя по некоторым экземплярам, была покрываема сплошь густым слоем темно-красной краски, в большинстве случаев исчезнувшей или оставшейся в виде отдельных пятен. Это — оригинальная особенность синопской крупной керамики“.² Мы должны заметить, что эта же особенность присуща и боспорским черепицам, верхняя сторона которых по обыкновению тоже покрыта краской, вернее — глазурью. Цвет ее колеблется от темно-красного до красновато-буро-коричневого. Накладывалась „краска“ на черепицы иногда весьма небрежно, неравномерно, часто видны отчетливые следы грубой кисти, которой она наносилась на поверхность черепицы. На некоторых фрагментах „краска“ сохранилась в виде незна-

¹ Приводя эти анализы, необходимо отметить их довольно существенный недостаток, заключающийся, в частности, в том, что содержащиеся в глине Al₂O₃ и Fe₂O₃ даны не отдельно, а в общей сумме; это безусловно делает анализ недостаточно полным, но все-таки, несмотря на это, картина получается довольно определенная. Поэтому результаты анализа могут быть использованы для наших целей, хотя и с некоторой оговоркой.

² Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 69.

чительных следов, на немногих черепицах она образует сплошной хорошо сохранившийся слой, иногда блестящий, напоминающий лак античной посуды.

То что казалось оригинальной особенностью синопской керамики, по существу является определенным техническим приемом, широко применявшимся в античном производстве черепиц. А. Wase, издатель клейменных черепиц, найденных в 1906 г. при раскопках в Спарте городских стен и являющихся местной лаконийской продукцией, отмечает, что черепицы эти покрыты глазурью, которая изменяется по цвету от красной до темно-красно-коричневой. Черная глазурь очень редка.¹

В Греции почти всюду применялось такое покрывание черепиц глазурью. Об этом свидетельствуют черепицы Олимпии, Аргоса, Микен,² Пергама,³ Самоса⁴ и т. д. Черепицы покрывались глазурью еще до обжига, примерно так же, как это делалось при выделке черно- и краснолаковой посуды.⁵ На всех приенских эллинистических черепицах заметны остатки красной облицовки. Она очень похожа, по словам издателей приенских древностей, на лак сосудов *terra sigillata*, но без присущего последней блеска.⁶

Какая же цель преследовалась покрытием черепиц краской? Несомненно, что окраска черепиц производилась в целях предохранения их от разрушительного действия атмосферных осадков. Иногда это достигалось несколько иным способом. В Эпидавре эпиграфическим текстом засвидетельствовано производившееся там осмоление кровельных черепиц.⁷ Все эти меры, как покрытие черепиц смолой, так и более широко применявшаяся окраска их поверхности, были направлены к тому, чтобы удлинить срок службы черепиц, сделать их более устойчивыми по отношению к вредным атмосферным осадкам.

Рассмотрев боспорские черепицы со стороны их форм, можно сказать, что по принципу технического устройства они представляют собою хорошо известные в античном строительном деле типы черепиц, состоящих обычно из плоских плитообразных *keramides* и предназначенных для закрывания швов между плоскими черепицами калиптеров. Так как для устройства кровель требовались при вышеуказанной системе два сорта черепиц — основные плитовые и покрывки для швов, то и продавались обыкновенно такие черепицы не поштучно, а парами. В греческих строительных надписях,

¹ Annual of the British School at Athens, т. XII, стр. 344; т. XIII, стр. 3.

² J. Durm, Die Baukunst, т. I, стр. 201.

³ Altertümer von Pergamon, т. VIII², Берлин, 1895 г., стр. 303.

⁴ E. Buschor, Heraion von Samos, Ath. Mitt, т. 55, 1930 г., стр. 88.

⁵ J. Durm, ук. соч., стр. 202.

⁶ Wiegand — Schrader, Priene, Берлин, 1904 г., стр. 306.

⁷ J. Durm, ук. соч., стр. 201, прим. 3.

содержащих перечисления закупок строительных материалов, очень часто черепицы исчислены в парах ($\zeta\epsilon\upsilon\gamma\eta$, иногда $\epsilon\pi\iota\zeta\upsilon\gamma\omicron\varsigma$).¹

Так, например, в упоминавшемся уже делосском храмовом отчете 279 г. отмечена покупка 175 пар черепиц для ремонта $\Pi\omicron\rho\tau\iota\omicron\varsigma$ $\nu\epsilon\omega\varsigma$, причем указана цена каждой пары — $\tau\mu\eta\ \tau\omicron\upsilon\ \zeta\epsilon\upsilon\gamma\omicron\varsigma$ — 5 обол. ² Продажа черепиц парами, как правильно указывает Н. Lattermann, имела смысл при том условии, если в каждую пару входили две разные черепицы — плоская и калиптер. Весьма возможно, что подобный порядок счета при продаже черепиц практиковался и на Боспоре, где черепицы выделялись именно таких двух сортов. В некоторых надписях Греции черепицы исчислены поштучно; обычно при этом черепицы называются „коринфскими“. По-видимому, в таких случаях речь шла об особом сорте черепиц, в которых плоская черепица и калиптер составляли одно целое. ³ На Боспоре, как, впрочем, и в других колониях северного Причерноморья, до сих пор не встречено применение таких $\kappa\epsilon\rho\alpha\mu\iota\delta\epsilon\varsigma$ $\kappa\omicron\rho\iota\nu\delta\iota\alpha\iota$, в которых калиптер и плоская черепица представляют одну штуку, органически связаны между собою. Выделка их была, несомненно, несколько сложнее, и они, видимо, совершенно не нашли применения в причерноморских колониях; впрочем, не широко они применялись и в самой Греции. ⁴

Что касается формы клейменных боспорских черепиц со всеми ее деталями, то ближайшей их аналогией являются черепицы Пергама, которые по своей форме во всех подробностях совершенно идентичны боспорским, только по размерам несколько крупнее. ⁵ Такие же черепицы найдены на острове Делосе ⁶ и в других местах. Судя по фрагментам черепиц Ольвии, там тоже применялись подобные формы. Трудно с

¹ Н. Lattermann, *Vaurechnungen von Delos*, *Bullet. de corr. hell.*, т. 32, стр. 298.

² T. Homolle, *Comptes et inventaires des temples Déliens en l'année 279*, *Bullet. de corr. hell.*, т. 14, стр. 470.

³ Н. Lattermann, *ук. соч.*, стр. 299; Dörpfeld, *Ath. Mitt.*, VIII, стр. 169. Ср. Н. Koch, *Studien zu den campanischen Dachterrakotten*, *Röm. Mitt.*, XXX, 1915 г., стр. 111.

⁴ Значительно более распространены в Греции были так наз. лаконийские черепицы. Это название показывает, что происхождение их связывалось с Лаконией. Они состояли из больших широких, слегка желобообразно вогнутых (без бортов) плит и полуцилиндрических калиптеров для покрытия боковых стыков. Черепицы такого типа считаются надревнейшими (Graeber, *Durm*). Они, действительно, широко применялись в Спарте, наряду, однако, с черепицами совершенно аналогичными, боспорским (см. *Excavation at Sparta, 1907 г.*, § 2. *The City Wall*. A. J. V. Wace, *Annual B. S.*, т. XIII, стр. 14). Черепицы лаконийского типа обнаружены были в Ольвии (находятся в Эрмитаже). Некоторые следы их применения в римское время были замечены нами при раскопках в Керчи в 1931 г. на Митридате.

⁵ *Altertümer von Pergamon*, т. VIII, стр. 394.

⁶ *Exploration archéologique de Delos*; G. Leroux, *La salle hypostyle*, Paris, 1909 г., стр. 41, рис. 62 и 64.

полной уверенностью сказать на основании одного сходства форм черепиц, откуда на боспорскую почву было перенесено это производство, вернее — из какого промышленного центра были взяты те технические силы, которые поставили, технически организовали данное производство на Боспоре. Не подлежит, конечно, сомнению, что в Боспоре, как и в других греческих колониях северного Причерноморья, организация различных отраслей производства, работавших на базе античной техники, происходила первоначально путем переселения туда определенных технических кадров из Греции, Малой Азии и т. д. Это могло происходить и в форме переноса туда целых ремесленных мастерских или переселения отдельных ремесленников, могло это происходить и в форме ввоза в колонию из крупных промышленных центров квалифицированных, обученных ремеслу рабов, при помощи которых могло быть на месте организовано то или иное производство. К сожалению, на этот счет у нас нет никаких документальных указаний, и поэтому возможны лишь те или иные более или менее вероятные предположения.

Материалы, которыми можно было располагать до раскопок последних лет, давали возможность выявить формы черепиц лишь более раннего времени, между тем как теперь удалось установить, что изготовление данного вида строительных материалов на Боспоре не на всем протяжении античной эпохи производилось по одним и тем же формам.

В 1931 году в Керчи происходили раскопки на южном склоне Митридата с целью отыскания продолжения линии оборонительной стены, остатки которой были обнаружены ранее, в 1930 г., на восточном склоне, над зданием старого Митридатского музея.¹ В местах раскопок 1931 г. стена оказалась совершенно разрушенной. В насыпи, закрывавшей разваленную стену, оказалась масса обломков черепиц. Наряду с известными уже нам плоскими черепицами и соответствующими им калиптерами, здесь встречались и желобчатые черепицы, чрезвычайно сходные по своей форме с современной „татаркой“, являющейся самым распространенным сортом черепиц, применяемых на юге, в частности в Крыму.

В особенно большом количестве эти желобчатые черепицы оказались в тех обильных мусорных отложениях, которые заполняли промежутки между беспорядочно разбросанными камнями, являвшимися, повидимому, остатками уничтоженной стены. В этих мусорных скоплениях, которые залегали в виде нескольких чередующих слоев золы, глины и огромнейшего количества пищевых отходов — костей животных, рыбных остатков, створок мидий, устриц и т. д., — оказалось значи-

¹ Отчет об этих раскопках, производившихся под руководством Ю. Ю. Марти, еще не опубликован. Пользуемся наблюдениями, сделанными лично во время участия в указанных раскопках.

тельное количество керамики, характеризующейся в основном наличием фрагментов узкогорлых типичных римских амфор из светлой глины, фрагментов стеклянной посуды и краснолаковой керамики. Судя по ряду признаков (в этом отношении особенно важна была находка целой серии поздних светильников), указанные массы материала нужно отнести к поздне-римскому времени. Для наших целей специальное значение имеет большое количество обломков черепиц, встреченных при раскопке указанных культурных отложений. Эти черепицы распадались по типовым признакам на две группы: плоские с вертикально стоящими бортами и желобчатые, напоминающие современную черепицу „татарку“. Поверхность последних обычно снабжена продольными желобками.

Указанные наблюдения во время раскопок 1931 г. давали право сделать вывод, что в римское время применялись черепицы желобчатые, причем можно было предполагать, что они не имели самостоятельного значения, а играли роль калиптеров, т. е. применялись в качестве покрышек к плоским черепицам, в которых, однако, наблюдался ряд особенностей, не свойственных эллинистическим клейменым боспорским черепицам.

Раскопки следующих годов в Камыш-Буруне (12 км к югу от Керчи), на городище предполагаемой Ди, дали материал, позволивший окончательно установить формы черепиц, характерные для римского времени.

В 1932 г. раскопки в Камыш-Буруне, производившиеся под руководством Ю. Ю. Марти, открыли часть мощной оборонительной стены и непосредственно примыкающий к ним комплекс рыбозасолочных цистерн. На территории, доступной археологическим раскопкам, выявлено 16 цистерн, из них 8 подвергнуто полной расчистке. В большинстве из раскрытых цистерн оказались рыбы остатки в виде рыбьей чешуи, костей и т. д., на основании чего и представилось возможным точно установить производственное назначение этих цистерн, как рыбозасолочных, применявшихся, как показало специальное исследование найденных рыбьих остатков, для засолки сельди.

Заготовка соленой рыбы в специальных цистернах в колониях северного Причерноморья была и раньше известна по раскопкам в Херсонесе, где подобные цистерны, обыкновенно римского времени, открывались неоднократно. Огромное значение открытия, сделанного в Камыш-Буруне, заключается, конечно, не в установлении факта промышленной обработки рыбы в специальных цемянковых цистернах, а в том, что впервые найден исключительно яркий конкретный показатель огромного размаха рыбного производства на Боспоре, показатель крупных масштабов существования там рыбопромышленных предприятий.

Кроме того, открытие комплекса рыбозасолочных цистерн в Камыш-Буруне точно локализирует, повидимому, один из крупнейших рыбопромышленных пунктов Боспорского царства на Керченском полуострове.

Раскопки камыш-бурунских рыбозасолочных цистерн, как уже указывалось, выявили образцы черепиц из более поздних сортов, о которых раньше можно было судить лишь весьма приблизительно. Реконструируя первоначальное устройство рыбозасолочных цистерн на основании данных, полученных во время раскопок, приходится считать несомненным существование в период их производственного функционирования специально построенной над ними черепичной крыши.

Когда цистерны прекратили свое существование, то в первую очередь подвергся разрушению черепичный навес. В мусорной засыпи, заполнявшей цистерны, оказалось очень много обломков кровельных черепиц. Особенно в большом количестве они встречались внизу, непосредственно на самом дне. Это обстоятельство вполне соответствует тому естественному ходу разрушения, который можно себе представить без труда. Навес стал разрушаться еще тогда, когда цистерны не успели засыпаться (или их не успели засыпать) мусором, и поэтому черепицы, разбиваясь, падали непосредственно на дно. В соответствии с этим при раскопках и обнаружилось, что в целом ряде цистерн на дне, поверх некоторого слоя рыбьих остатков, лежали многочисленные обломки черепиц. В некоторых цистернах, наряду с битыми черепицами, замечены были следы полустгнившего дерева, представляющего, несомненно, остатки стропил, на которых были уложены черепицы. Любопытно, что встречалась при этом и камка (морская трава), присутствие которой заставляет вспомнить о современном применении ее у нас на юге в качестве материала, подстилаемого под кровельные черепицы, благодаря чему достигается уменьшение теплопроводности кровли. Не должно ли обозначать вышеуказанное нахождение камки, совместно с остатками кровли в рыбозасолочных цистернах, об аналогичном же приеме, существовавшем в древности, т. е. о применении морской травы в качестве теплоизоляционного материала?

Черепицы, найденные в камыш-бурунских рыбозасолочных цистернах, изображены на рисунках 67 а, б, в. По своим типологическим признакам две из них относятся к разряду основных плоских плитовых черепиц, желобчатая же черепица, аналогичная современным черепицам, называемым „татарками“, играла роль покрышки-калпitera. Прежде всего нужно отметить, что плоские черепицы, найденные в Камыш-Буруне, по качеству выработки стоят неизмеримо ниже эллиптических боспорских черепиц, сделаны они довольно грубо, причем черепица, представленная на рис. 67, является

попросту браком: нижний конец ее во время обжига вспучился, и черепица от этого сильно покособилась. Совершенно невозможно допустить предположения, что откуда-то привозились черепицы с столь основательными дефектами. Это показывает, что перед нами продукция местная, изготовлявшаяся в керамических мастерских Дии. Существование в Дии

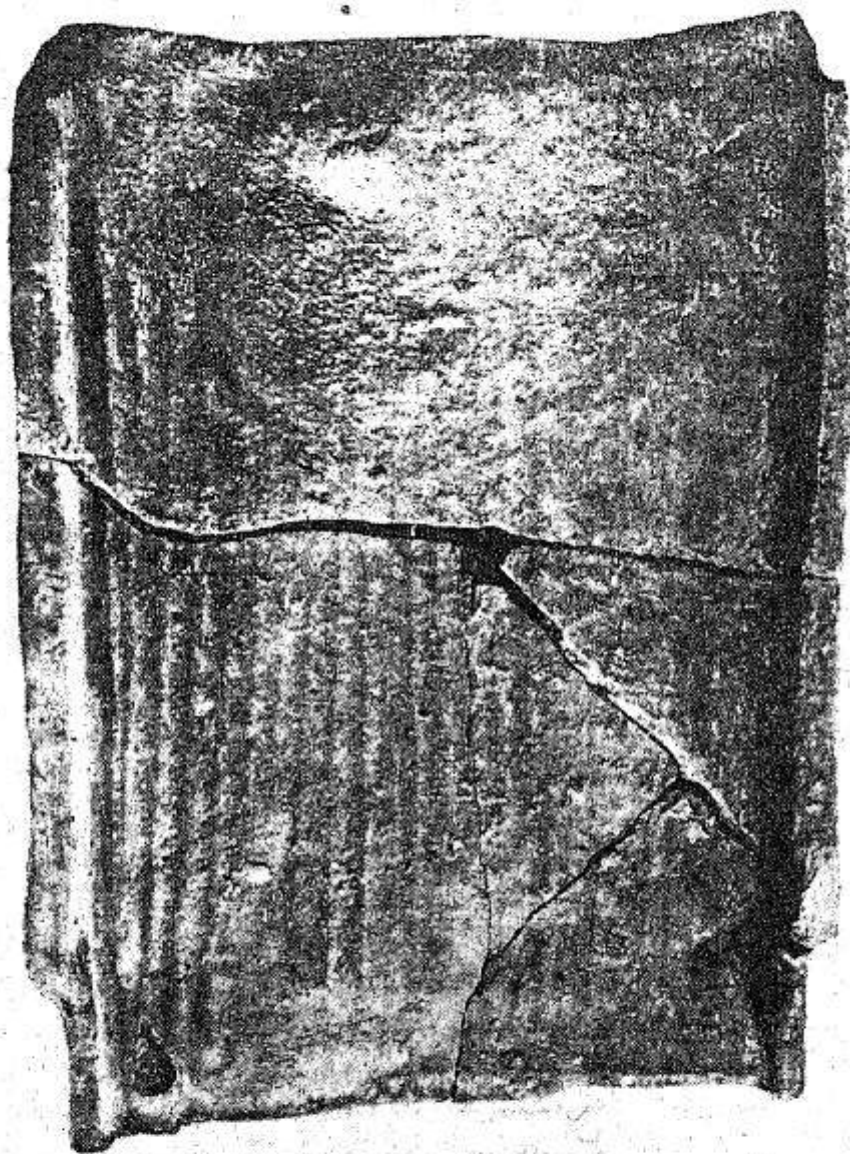

Рис. 67 а. Боспорская черепица, найденная в Камыш-Буруне.

керамического производства доказано благодаря многочисленным находкам терракот. В 1932 г. они обнаружены были в изобилии при закладке фундаментов обогатительной фабрики Камыш-Бурунстрой.¹ Здесь где-то поблизости, очевидно, находилась в древности керамическая мастерская, изготовлявшая терракоты. При осмотре места находок терракотт нами было между прочим замечено также присутствие фрагментов амфор, сделанных из глины, совершенно однородной с терракоттами. Вероятно, ассортимент изделий местного керамического производства отнюдь не ограничи-

вался терракотовыми статуэтками, здесь же на месте фабриковались, повидимому, и амфоры и другие виды простой хозяйственной посуды.

Находка черепиц в рыбозасолочных цистернах показывает существование в Дии в римское, а, может быть, уже в позднеэллинистическое время и этой отрасли керамического производства. Но, несмотря на их, так сказать, „провинциальное“

¹ Во время раскопок на территории Камыш-Бурунского городища, производившихся в 1933 г. экспедицией Гос. Академии истории материальной культуры, была обнаружена целая серия таких же терракотт, среди которых основное место занимает тип женского божества Кору-Персефоны.

происхождение, черепицы эти типичны для своего времени и в этом заключается их главный интерес. Плоская черепица, (рис. 66), реставрированная из пяти обломков, имеет следующие размеры: длина 0,61 и ширина в среднем 0,41 м, по краям длинных сторон возвышаются бортики, в устройстве которых

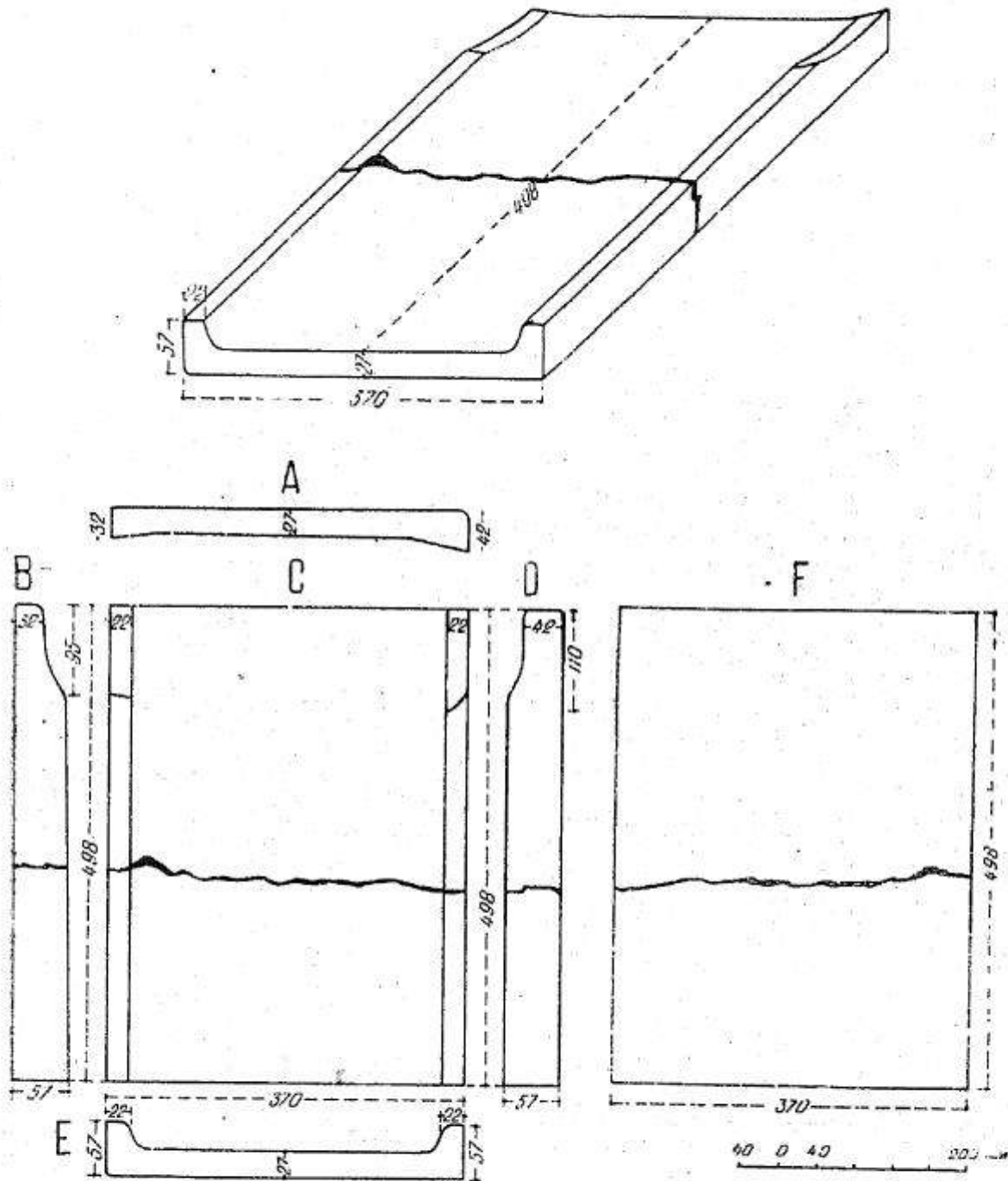

Рис. 676. Боспорская черепица, найденная в Камыш-Буруне (перспективный вид, план, разрезы).

нетрудно заметить некоторые особенности, которых нет ни на боспорских эллинистических черепицах, ни на одновременных черепицах привозных, с астиномными клеймами. На одном конце рассматриваемой черепицы борты не доходят до края, обрываясь на расстоянии 0,03 м, на другом конце они

уступчато сужены. Вообще же ширина черепицы несколько уменьшается по направлению к концу с сужеными бортами. Этот конец являлся нижним и вставлялся в следующую черепицу при укладке таковых на крыше. Следовательно, и здесь нижний конец одной черепицы перекрывал часть ниже-следующей другой черепицы и т. д., получался, таким образом, непрерывный продольный ряд черепиц. Стыки между смежно расположенными рядами перекрывались покрывками

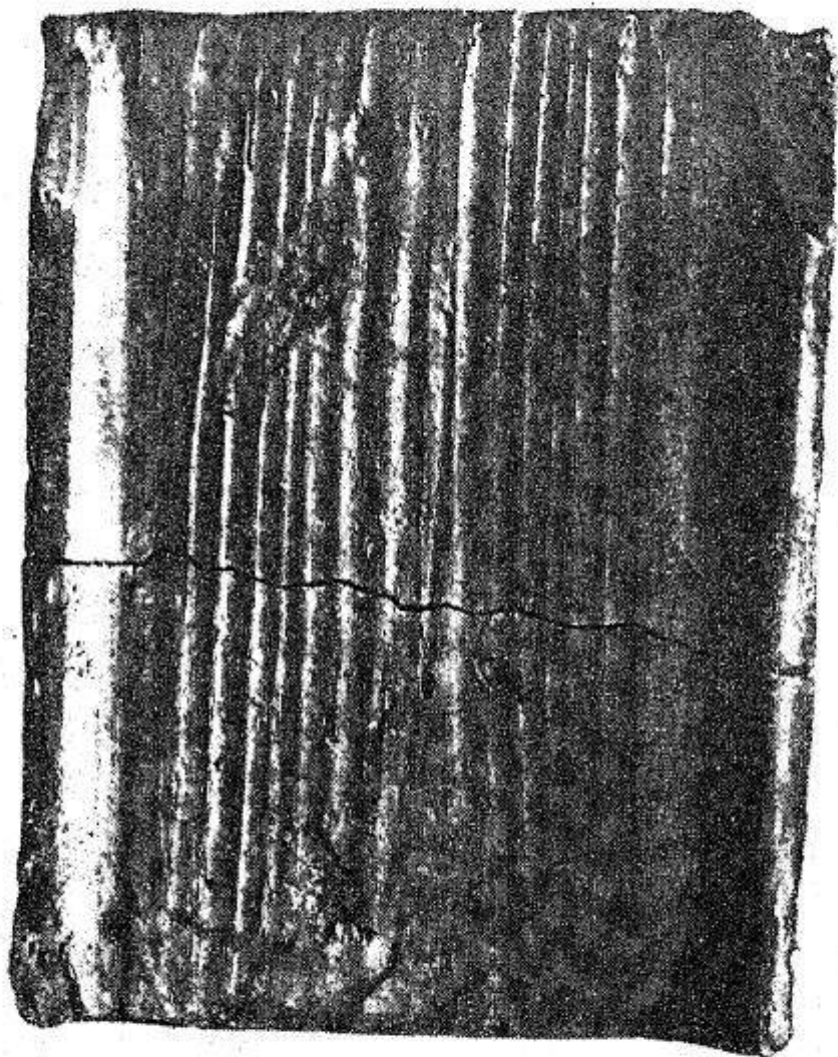

Рис. 67в. Веспорская черепица, найденная в Камыш-Буруне.

желобчатой формы (калиптерами). Конструктивный принцип здесь в общем совершенно тот же, что и в черепицах, рассмотренных выше, однако в деталях устройства черепиц данного типа выступают совершенно новые черты.

Второй образец камыш-бурунских черепиц представлен на рисунке 67в. Эта черепица несколько меньших размеров, ее длина 0,47 м, ширина 0,36 м. Верхняя поверхность сделана желобчатой. Тип последней черепицы очень близко соответствует форме привозных черепиц с астиномными клеймами.

Следов глазури на камышбурунских черепицах не заметно.

Форма калиптера камыш-бурунских черепиц, как мы видим (рис. 68), значительно проще, чем калиптера боспорских клейменных черепиц более раннего времени, — это простая желобчатая покрывка, напоминающая, как уже говорилось, современную желобчатую черепицу, называющуюся в Крыму „татаркой“. Камыш-бурунские черепицы интересны в том отношении, что они, во-первых, являются „провинциальной“ боспорской продукцией; техника их производства не отличается той тщательностью, тем высоким качеством, которые характерны для „столичных“ боспорских предприятий эпохи расцвета. Во-вторых, эти образцы черепиц, добытые раскопками в Камыш-Буруне, дают наглядное представление об ассортименте черепиц более позднего времени, поскольку применение этих типов, очевидно, вошло в широкое употребление преимущественно в римское время. На основании обнаруженных в камыш-бурунских рыбозасолочных цистернах материалов, главным образом в виде различного рода керамических фрагментов, черепицы, встреченные там же, нужно датировать римским временем. Но весьма возможно, что эти типы черепиц вошли в обиход строительного дела в римское время довольно рано. Преемственность форм от более ранних эллинистических черепиц здесь несомненна. В частности это особенно хорошо заметно на втором образце камышбурунских черепиц, который можно смело сравнивать с синопскими эллинистическими черепицами.

Вообще типологические особенности камыш-бурунских черепиц не являются специфическим признаком позднего времени. Напротив, желобчатые полуцилиндрические калиптеры счи-

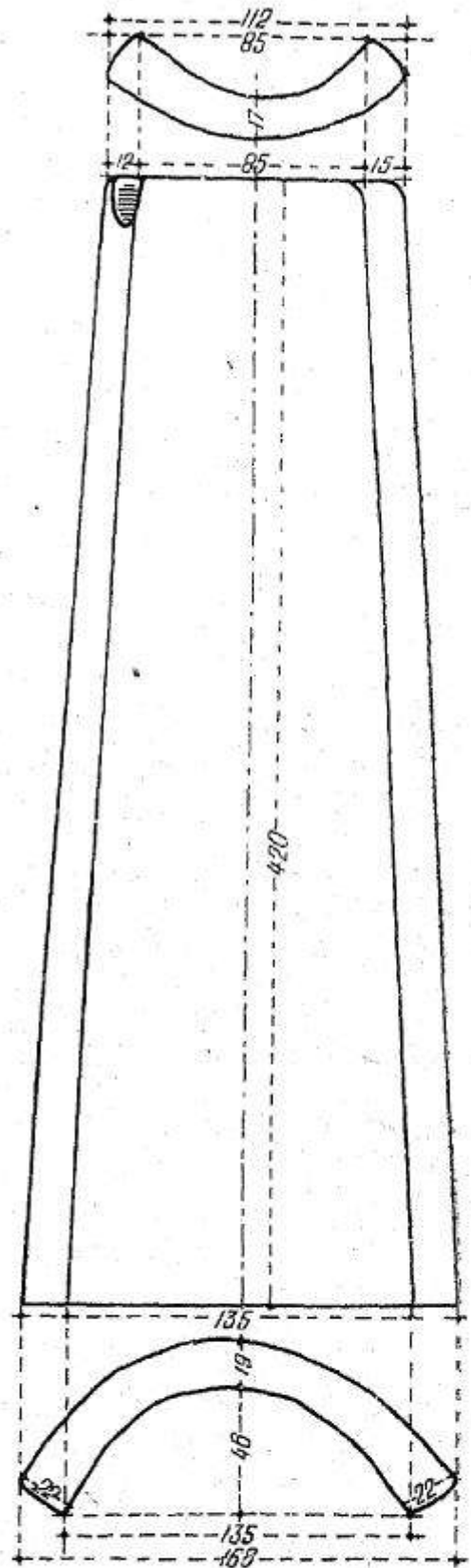

Рис. 68а. Калиптер, найденный в Камыш-Буруне (план — вид снизу и профили концов).

таются наиболее древними, эта форма признается исходной в развитии античных черепиц,¹ и она широко применялась как в классическое, так и в эллинистическое и в римское время. Что же касается деталей в устройстве концевых частей плоских камыш-бурунских черепиц, рассчитанных на определенное соединение их при укладке кровельного настила, то и они не дают права считать их признаком очень позднего времени, если вспомнить указание Graeber'a² о наблюдающемся в Греции таком обилии вариантов в этой части устройства черепиц, что даже трудно вообразить возможность изобретения еще каких-либо других комбинаций.

Ввиду этого будет правильнее считать, что камыш-бурунские черепицы дают образцы таких форм черепиц, которые нашли применение в Боспоре в более позднее римское время, однако не являются сами по себе исключительным признаком позднего времени вообще для античных черепиц.

Пока производство черепиц на Боспоре в IV—III вв. происходило в крупных мастерских (специально об этом мы говорить будем позднее), принадлежавших богатым промышленникам или государству, пока это производство было сосредоточено в одном-двух важнейших столичных центрах Боспора, — выделка черепиц производилась по одному определенному образцу, причем техника изготовления отличалась высоким качественным уровнем и тщательностью внешнего оформления.³

Позднее же, т. е., повидимому, уже со второй половины II в., когда прекратилось про-

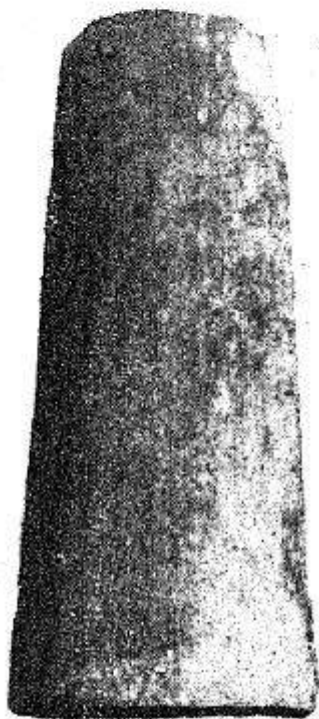

Рис. 686. Калиптер, найденный в Камыш-Буруне (вид сверху).

¹ Über die Verwendung von Terrakotten am Geison und Dache griechischer Bauwerke, глава II F. Graeber'a, 41 Programm zum Winkelmannsfeste der Archäol. Gesellschaft zu Berlin, Берлин, 1881 г., стр. 16.

² Там же.

³ То обстоятельство, что изготовление клейменных боспорских черепиц производилось по строго установленным формам, с допуском лишь весьма незначительных колебаний в размерах, а также сравнительная однородность технических приемов (состав глины, степень обжига и т. д.), применявшихся при выделке этих черепиц различными мастерскими, — все это делает боспорские черепицы эллинистического времени настолько характерными, что их нетрудно узнавать даже тогда, когда при раскопках встречаются фрагменты черепиц без клейм. Между тем не всегда признаки производственно-технического порядка учитывались при изучении данного вида керамической продукции, и это приводило иногда к большим недоразумениям. Мы имеем в виду опубликованное В. В. Шкорпилом монограммное клеймо, оказавшееся на двух обломках черепиц, найденных при исследовании Зеленского кургана (ИАК, в. 51, стр. 126). Монограмму эту В. В. Шкорпил расшифровал как обозначение имени Перисада, приурочивая его к IV в. до н. э. Ознакомившись с этими фрагментами клейменных черепиц, хранящимися в Керченском музее, мы вынуждены были

изводство клейменных боспорских черепиц, вместо крупных черепичных предприятий, принадлежавших государству или богатым рабовладельцам Боспора, эти строительные материалы стали изготавливаться, очевидно, более мелкими ремесленными мастерскими, часто располагавшимися в различных периферийных городских поселениях Боспора, где возникала потребность в таких материалах, что мы, повидимому, и видим в Дии. Качество этой продукции гораздо ниже, чем оно было в период расцвета Боспора.

Время, когда в античном строительном деле началось применение, а значит и изготовление керамических кровельных черепиц, поддается лишь более или менее приблизительному определению. Древнейшие постройки Трои и Тиринфа родового общества — в дорабовладельческую эпоху — имели преимущественно горизонтальные глинобитные крыши.¹ В частности, раскопки Трои показали, что все древнейшие слои, в том числе VI, называемый гомеровским, характеризуются полным отсутствием кровельных черепиц.² Там установлено применение земляных, вернее — глинобитных, кровель. На деревянный балочный потолок настилался камыш, поверх которого накладывался и утрамбовывался толстый слой глинистой земли. Такая крыша была почти горизонтальной, с небольшим наклоном от центра к краям. По словам Дёрпфельда, такие примитивные кровли и в настоящее время еще применяются в деревнях, расположенных в районе Трояды. Есть некоторые основания думать, что, наряду с горизонталь-

констатировать, что это — обломки средневековых черепиц с весьма характерным составом глины (огромное количество примеси крупнозернистого кварцевого песка) и типичной для средневековья конструктивной формой. Клеймо имеет вид большой рельефной монограммы. Не считаясь с этим, В. В. Шкорпил невольно допустил ошибку в дате, примерно, на полторы тысячи лет! [Изображение этих средневековых черепиц см. в статье Л. С. Барсамова „Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле 1929 — 1931 гг.“, Феодосия, 1932 г., таблица 14; там же, на таблице 9, представлена найденная в Коктебеле часть аналогичной черепицы с рельефной надписью, обозначающей имя гончара Феодорака. Точно такие же две целые черепицы, найденные в Фанагории, хранятся в Эрмитаже (Е. М. Придик, Инвентарный каталог, стр. 130, № 72—73); фрагменты черепиц с этим же клеймом имеются также в Керченском музее и в коллекции материалов Таманской экспедиции ГМИИ — все они найдены на городище Фанагории. По технике изготовления, форме и характеру клейм черепицы с именем Феодорака, датируемые, примерно, XI—XII вв. н. э., совершенно тождественны тем фрагментам, которые найдены Шкорпиллом при расследовании Зеленского кургана.]

¹ При раскопках в Тиринфе одной из древнейших построек, трактуемой как остатки „большесемейного дома“ эпохи родового общества, установлено, что крыша этой постройки была покрыта плоскими обожженными кирпичами (Б. Л. Богаевский, Первобытно-коммунистический способ производства на Крите и в Микенах, статья в Сборнике „Карлу Марксу Академия наук СССР“, Лгр., 1933 г., стр. 111). Эта чрезвычайно интересная находка, свидетельствующая о спорадическом применении черепиц в Греции в чрезвычайно глубокой древности, не меняет все-таки общего положения.

² W. Dörpfeld, Troja und Ilion, Афины, 1902 г., стр. 40 сл.

ными землебитными кровлями с тростниковой подстилкой, применялись также и просто камышевые крыши или кровли из гонта. Но это лишь довольно вероятное предположение.

Ф. Граебер, давший исследование античных черепиц на основании главным образом обильного материала, добытого раскопками в Олимпии, указывает, что олимпийские черепицы представляют ценный материал для изучения и сравнения, ибо они охватывают время от древнейшей греческой эпохи первого тысячелетия до позднейшего византийского времени.¹ Более определенных указаний в литературе не встречается. Во всяком случае, в VII в. до н. э. терракотовые украшения зданий и глиняные черепицы уже были в

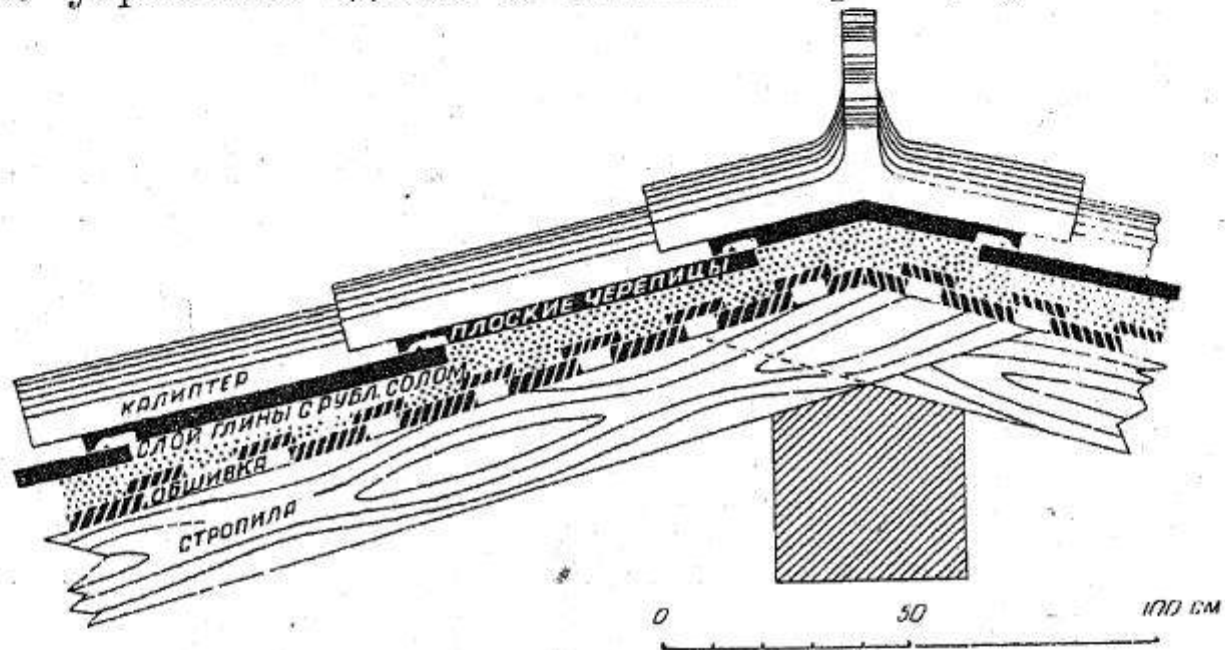

Рис. 69. Устройство античной черепичной кровли (по Дерпфельду).

ходу.² А в VI в. — по словам Durm'a — наряду с глиняными кровельными черепицами в Греции стали широко применяться „черепицы“ мраморные.³

Предполагают, что сначала настил из черепиц укладывался на глинобитной массе (глина с соломой), из которой делалось двухскатное основание для черепичной крыши. Затем уже перешли к стропильно-балочной системе устройства крыш. Но и при этом на досчатую обшивку стропил накладывался слой глины с соломой, на котором лежали черепицы. Чтобы слой глины не сползал с обшивки, последнюю делали неровной, ступенчатой (рис. 69).⁴ С этой же целью на обрешетку настился предварительно камыш, поверх которого накладывался слой глины, крепко таким образом сцеплявшийся с обрешеткой и служивший основой для чере-

¹ Ф. Graeber, ук. соч., стр. 16.

² Н. Koch, ук. соч., стр. 42.

³ J. Durm, ук. соч. (т. I), стр. 90.

⁴ Ath. Mitt., т. VIII, W. Doerpfeld, Die Skeuothek des Philon, стр. 161.

ниц, которые прочно связывались с подстилавшим их слоем глины. Камыш предотвращал сползание глиняного слоя.

В делосском храмовом отчете 208 г. до н. э, в перечислении купленных строительных материалов встречается упоминание о покупке 130 *καλαμίδες*, т. е. 130 вязанок тростника, камыша, который, очевидно, нужен был именно для вышеуказанной цели.¹

Между прочим, в Ольвии Б. В. Фармаковским было установлено при раскопках 1902 г. наличие среди остатков кровли, наряду с обломками черепиц, остатков горелой соломы.² По всей вероятности, здесь мы имеем применение того же способа, который практиковался, в частности, на Делосе.

Примитивное устройство кровель глинобитных, камышевых и т. п., являвшихся обычными в Греции в древнейшее время, в дорабовладельческую эпоху, — этот способ, очевидно, удерживался и в более позднее время в античном строительстве, как способ, которым пользовались беднейшие слои населения городов и деревень при устройстве своих жилищ. В этой связи представляет интерес показание Страбона, касающееся Илиона — поселения, существовавшего на месте древней Трои. Вот что пишет Страбон: „Илион, существующий еще и теперь, был как бы деревнею-городом в то время, когда римляне впервые вступили в Азию и вытеснили Антиоха Великого из области по сю сторону Тавра. По крайней мере Деметрий из Скепсиса, около того времени посетивший город, будучи еще мальчиком, утверждает, что он видел город запущенными до такой степени, что последний даже не имел домов с черепичными кровлями“.³ Это сообщение Деметрия, которое приводит Страбон, часто неправильно толковали как указание на то, что во время посещения Илиона дома стояли там без крыш, в результате разрушения города. Нам кажется, что Дерпфельд прав, считая, что Страбон и Деметрий подразумевали другое: подчеркивая отсутствие черепичных кровель в городе, они указывали на низкий уровень культуры, на большую бедность Илиона в соответствующий период времени.⁴

Следовательно, применение черепичных кровель требовало определенного уровня материального благосостояния. Беднейшая часть населения даже в античных городах (не говоря уже о деревнях) для своих жилищ, очевидно, применяла, глину, солому, камыш и т. п., а не керамиковые черепицы, которые, кстати сказать, и по своему устройству (большой вес, массивность) отнюдь не были рассчитаны на примитивный характер сооружения.

В этой же связи необходимо отметить полное отсутствие

¹ Н. Lattermann, ук. соч., стр. 291.

² ИАК, в. 13, стр. 68—69.

³ Strabo, XIII, 594, перевод Мищенко, стр. 606.

⁴ W. Dörpfeld, ук. соч., стр. 41.

остатков черепиц и в архаических слоях греческих причерноморских поселений. Это обстоятельство чрезвычайно наглядно выступает, например, в раскопках на Березани, где мы имеем, повидимому, наиболее древнее античное греческое поселение в пределах северного побережья Черного моря. Можно сделать вывод, что возникновение массового производства черепиц относится ко времени, когда та или иная колония достигает определенного уровня экономического благосостояния и когда соответствующее этому положению городское строительство, осуществляемое государством и зажиточными слоями населения колоний, начинает предъявлять спрос на данный вид строительного материала. До этого в строительном деле удовлетворялись, видимо, более примитивными средствами, каковые потом остаются в пользовании беднейшей части жителей рабовладельческих городов.

В этом аспекте социального и имущественного неравенства населения античных городов, находившего, разумеется, и свое выражение в жилищном строительстве, необходимо вести наблюдение при наших археологических раскопках античных причерноморских колоний.

Наконец, должно быть отмечено, что в столичных городских центрах Боспора применялись не только глиняные черепицы, но также и мраморные, как это имело место почти во всех крупных городах античного мира. Такого рода „черепицы“, представлявшие значительную стоимость, находили применение главным образом при постройке богатых, преимущественно общественных или государственных сооружений. По своей форме античные мраморные „черепицы“ представляли подражание черепицам керамическим, и уже известная нам система устройства черепичной кровли из больших плоских черепиц покрышек-калицтеров, служивших для закрытия продольных стыков применялась и при устройстве кровель из мраморных черепиц без существенных отклонений. В Керченском музее находится интересный калиптер (рис. 70 и 71), представляющий образец дорогих мраморных кровельных черепиц, применявшихся в древнем Пантикапее.¹ Сделан он из белого мрамора. Передняя его часть представляет антефикс с изображением головы Горгоны. Сверху антефикс имеет три высверленных углубления, назначение которых является неясным. Длина калиптера 0,50 м, ширина 0,14 м, высота 0,12 м; высота антефикса 0,19 м, ширина 0,15 м. Калиптер этот, несомненно, относится уже к римскому времени, вероятнее всего, еще к первому веку н. э.

¹ Приобретен директором Керченского музея Ю. Ю. Марти в 1930 г. от керченского жителя, нашедшего этот калиптер при земляных работах во дворе дома доктора Диаманди на Греческой улице в Керчи. Фрагмент аналогичного мраморного калиптера, без антефикса, найденный на городище Фанагории, хранится в Таманском музее.

Голова Горгоны близко напоминает некоторые гипсовые маски, применявшиеся в римское время в качестве украшений саркофагов.

Переходим теперь к изучению клейм, которыми снабжались глиняные кровельные черепицы боспорского производства. Но для того, чтобы правильно понять значение клейм на боспорских черепицах, чтобы можно было использовать их в качестве источника, способного осветить некоторые

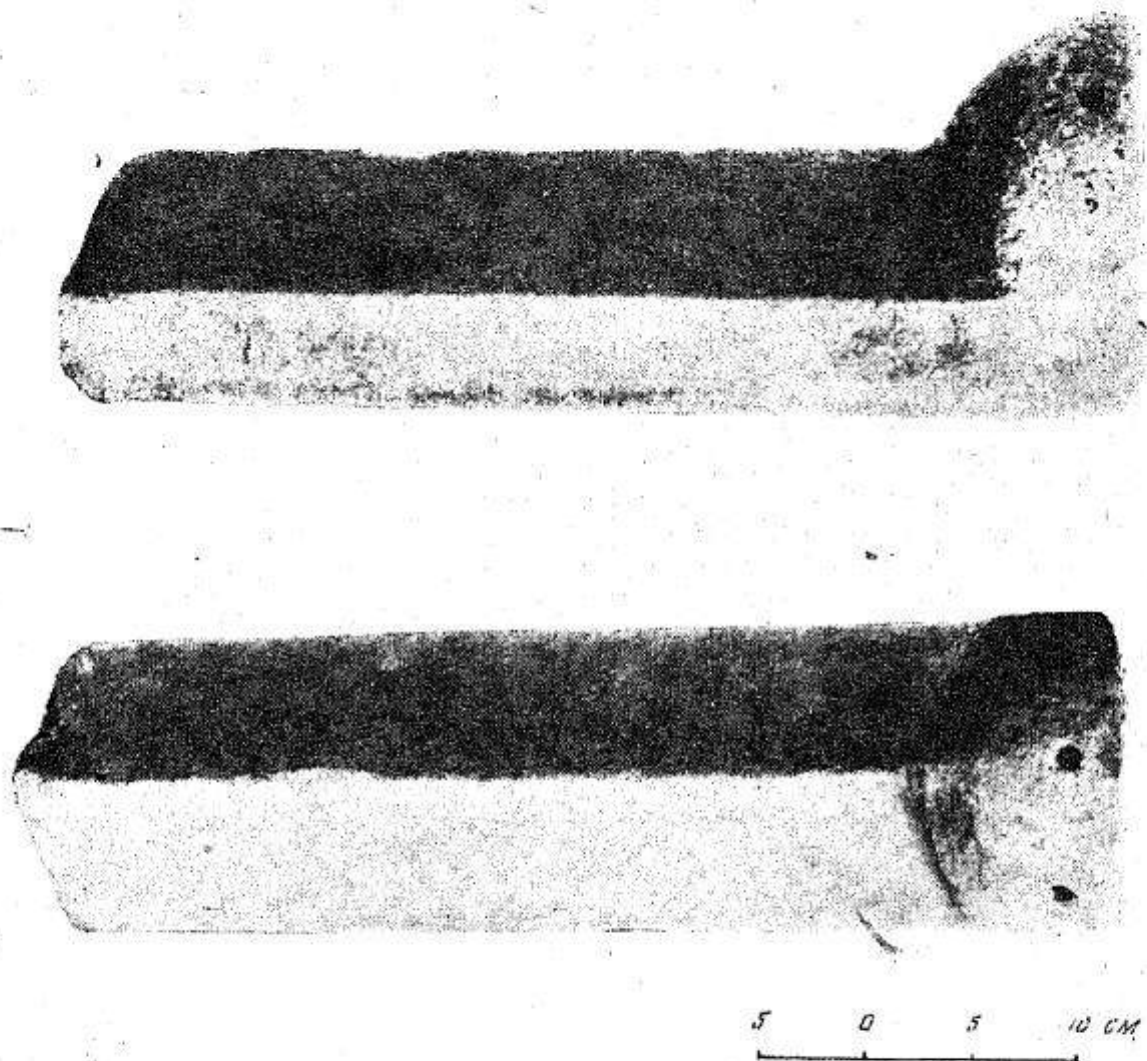

Рис. 70. Мраморный калипер, найденный в Керчи.

социально-экономические стороны материального производства Боспора, для этого прежде всего необходимо выяснить более общий вопрос о том, как исторически возникла в античной Греции необходимость клеймить керамические изделия, какие практические цели преследовались существовавшим в античном производстве обычаем снабжать специальными клеймами некоторые виды керамических изделий. В первую очередь это касалось строительных материалов (кирпичи и черепицы). Но, как известно, этот обычай распространялся также и на другой разряд массовой керамической продукции: в эллинистическую эпоху очень широко

применялось клеймение амфор, служивших коммерческой тарой для транспортировки различного рода товаров, главным образом вина и масла. По вопросам, связанным с изучением керамических клейм, имеется, как известно, обширная литература. Ряд работ посвящен изучению клейм, в огромном количестве находимых в греческих колониях северного Причерноморья. Мы не предполагаем здесь излагать все точки зрения, все гипотезы, высказанные различными исследователями по данному вопросу.¹ Представляется более целесообразным остановиться лишь на тех выводах, которые явля-

Рис. 71. Антефикс мраморного калитера с изображением головы Горгоны.

ются на данном этапе наиболее фактически обоснованными и близкими к исторической действительности.

Вопрос о назначении клейм на античной греческой керамической продукции наиболее четко и убедительно рассмотрен М. Nilsson'ом,² и его выводы, нам кажется, следует принять как одну из удачнейших гипотез. Nilsson в своем труде, посвященном публикации и интерпретации клейм на родосских амфорных ручках, найденных при раскопках в Линде (на Родосе), вынужден был в вводной части своей работы³ поставить вопрос о значении и происхождении обычая

клеймения гончарных изделий в древней Греции, поскольку без этого нельзя было правильно решить частного вопроса о значении клейм на родосских амфорах, что составляло непосредственную задачу исследования Nilsson'a. Прежде всего нужно отметить интересную и, по всей видимости, правильную гипотезу этого исследователя о том, что клеймение керамических изделий в древней Греции нашло первое применение

¹ Обзор основных мнений, высказанных в научной литературе о значении керамических клейм, у В. Н. Гракова, ук. соч., стр. 44 сл.

² М. Nilsson, *Timbres amphoriques de Lindos*, Копенгаген, 1909 г.

³ Nilsson, ук. соч., стр. 64—70.

в производстве строительных материалов, а не амфор, причем первоначально клейма заключали в себе данные, относящиеся не к сфере производства керамической продукции, а определяли исключительно лишь ее владельца или объект, для которого эта продукция предназначалась. Nilsson, суммируя показания многочисленных керамических клейм, найденных в Пергаме, Спарте, Приене и других местах, иллюстрирует целым рядом убедительных примеров свое положение, сводящееся в основном к тому, что клейма на черепицах и на кирпичах обозначали первоначально, кому принадлежит данный строительный материал, а не кем он сделан. Возникновение потребности снабжать изделия такими клеймами находится в связи с крупными государственными и общественными постройками, как то: сооружение храмов, крепостных стен и т. д. Практический смысл клейм заключался в том, что наличие их затрудняло расхищение строительных материалов, составлявших общественную собственность и в значительных массах скапливавшихся на месте строительства. При сравнительно невысоком уровне техники производство такого рода строительных материалов, как черепица, стоило, повидимому, не так-то уж дешево,¹ что, с одной стороны, создавало соблазн для воров из среды рядового гражданского населения, а, с другой, должно было вызывать специальные мероприятия, направленные к предупреждению этого зла.

Аналогичное мнение о значении клейм на древнегреческих черепицах из Спарты высказал также английский исследователь А. Уэс: „Целью клеймения черепиц, — по его мнению, — было, конечно, намерение предохранить их от расхищения. Если кто-нибудь подозревался в краже черепиц из городской стены или какого-нибудь другого здания, осмотр черепиц, обнаруженных в доме или владениях подозреваемого, мог дать сразу достаточные основания, чтобы его уличить или оправдать“.² Такими же практическими соображениями было обусловлено клеймение черепиц и кирпичей, предназначавшихся, например, для постройки или для ремонта храмов. Клеймо в таких случаях обозначало обыкновенно имя бога, которому посвящалось данное культовое сооружение. Из приводимых Nilsson'ом примеров укажем несколько характерных клейм этого рода.³ Известны клейма, найденные в Локрах,

¹ Что черепицы представляли в древней Греции довольно значительную материальную ценность, показывает тот факт, что лопнувшие черепицы часто подвергались починке с помощью свинцовых заклепок. Обломки черепиц с такими свинцовыми скрепами были найдены в Афинах, в Олимпии и в целом ряде других городов древней Греции. Durm, ук. соч., т. I, стр. 202.

² А. Уэс, *Annual of the British School at Athens*, XIII, стр. 18.

³ Излагая выводы Nilsson'a, пользуемся примерами, приводимыми им без указания изданий, откуда они почерпнуты, поскольку эти ссылки имеются в книге Nilsson'a. В тех случаях, когда нами приводятся примеры, которых нет у Nilsson'a, мы даем соответствующие ссылки на литературу.

на которых читается имя Зевса — „Διός“. Такая надпись указывала на принадлежность данного строительного материала храму Зевса. В Спарте найдены клейма с надписью „Ἀπόλλωνος ἐν Ἀμυκλαῖσι“, т. е. Аполлона Амиклейского; стало быть, эти черепицы были заказаны для храма Аполлона в Амиклах, древней столице Лаконии, находившейся недалеко от Спарты.¹ Подобных клейм найдено вообще немало. Иногда довольствовались тем, что клеймили кирпичи и черепицу лишь одним словом „ἱερά“ („священная“), или же к этому общему определению присоединялось еще и имя божества, например, Ἀθῆνας ἱερός — это означало, что черепица принадлежит храму Афины (храм Афины Кранайской в Спарте).

Ту же практическую цель преследовали клейма на керамических строительных материалах, предназначавшихся не для культовых, а для „светских“ построек, составлявших государственную и общественную собственность. Известна многочисленная серия клейм, встречающихся в различных местах собственно Греции и ее колоний, на которых стоит единственное слово „ἑαυτοῦσις“ („государственный“). Такие клейма найдены, например, в Тегее, в Танагре, в Велии (область Лукания в южной Италии), в Сицилии¹ и т. д. К этому разряду клейм примыкают клейма, происходящие из Приены, в которых читается одно слово „πόλις“ („города“), т. е. столь же кратко обозначено, что собственником данных черепиц является πόλις.

Нередко надписи клейм конкретно обозначают, для каких именно построек они предназначены. В этом отношении интересна целая серия черепичных клейм из Пергама. Там имеются клейма, обозначающие принадлежность черепиц городским стенам, дворцам, храмам. В Мегалополе найдены клейма, в которых читается „σκαυοθήκας“, это значит, что черепицы с такой надписью предназначались для „скенотеки“, т. е. для хранилища театрального реквизита.

Во всех вышеприведенных примерах есть одна общая черта: отсутствие указания, кто произвел ту или иную партию кирпича или черепиц. Клейма фиксируют принадлежность данного материала государству, городу, или в них дается конкретное обозначение того строительного объекта, для которого заказан данный стройматериал в виде кирпичей или черепиц. Но одного общего указания, кому принадлежит данный кирпич или черепица, или для какой постройки он заказан, было недостаточно, когда при больших строительных предприятиях, при возведении крупных общественных сооружений работы выполнялись группой подрядчиков, и требуемое количество строительного материала для таких обширных построек поставлялось не одной, а целым рядом различных керамических

¹ Факсимиле этих клейм см. W. Massow, Von Amyklaton в Ath. Mitt., 1927 г., т. LII, стр. 64, Beil. X, 7—10.

² Inscr. Gr. Sic. et It., 2396, 2403: 9, 10, 11, 12.

мастерских, из которых каждая доставляла лишь часть необходимого материала.

При таких условиях, когда строительные работы выполнялись несколькими подрядчиками и когда материал поступал из разных мастерских, в интересах охраны и учета материалов, а также в целях возможности контролирования качества продукции требовалось, чтобы в клеймо было включено имя промышленника, из мастерской которого поступил материал. Если качество строительного материала было ниже, чем полагалось, можно было без затруднения уличить виновного, поскольку в клеймах значилось имя владельца предприятия, несущего ответственность за качество своей продукции. Nilsson указывает на богатую коллекцию клейм из Спарты, в которых, наряду с указанием заказчика, каковым являлось там государство, обозначено также сооружение, для которого предназначался кирпич или черепица, и, кроме того, указано имя фабриканта-поставщика.

Вот несколько примеров из огромного множества таких клейм, найденных в Спарте: *δαμόσιος τεχνέων ἐργῶνα Ἰδαμέρου*, что значит: „государственная (черепица), (для) стен, фабриканта Эуамера“. Черепица, следовательно, была предназначена для устройства кровли на крепостных стенах. Слово *ἐργῶνα* иногда опускалось и тогда получалась более упрощенная формула: *δαμόσιος τεχνέων Ἀντιόχου*. Если сопоставить эти образцы спартанских клейм с теми клеймами, которые приведены раньше, то нетрудно будет заметить, что разница между ними заключается в том, что первые не давали никакой связи с производством, в последних эта связь устанавливается весьма конкретно благодаря включению в клеймо имени промышленника, ставившегося обычно в родительном падеже и лишь гораздо реже в именительном.

Выше уже упоминались приенские клейма, в которых фигурировало одно лишь слово „*πόλεως*“, означавшее принадлежность черепиц городу. Но в Приене были найдены также и клейма с более сложной надписью: *Δρόμωνος πόλεως*, где указано, следовательно, и имя промышленника. Nilsson делает правильный вывод, что, поскольку встречаются клейма с одним только именем Дромона, есть основание думать, что этот промышленник снабжал черепицами не только город, но и других заказчиков, т. е. следует предполагать частных лиц — в последнем случае на клеймах стоит только имя Дромона.

Наконец, последним этапом формирования клейм на керамических строительных материалах Nilsson считает момент, когда ко всем предыдущим обозначениям присоединяется имя эпонима, как обозначение года. Спарта опять дает наиболее яркие образцы таких полных клейм, включающих все обозначения. На кирпичах, найденных в Спарте при раскопках театра и датированных первым веком до нашей эры, оказались

клейма,¹ в своей совокупности образующие такую формулу: *πλινθοὶ δημοταὶ σκανοθήκας ἐπὶ Καλλικράτους ἐργῶνα Νικασίωνος*,² что значит: „кирпичи государственные (для) скенотеки, при (магистрате) Калликрате (от) фабриканта Никасиона“. Следовательно, к известным уже составным элементам керамических клейм здесь добавлен датировочный показатель в виде имени магистрата, являвшегося эпонимом. Каков практический смысл такой датировки, в достоверности неизвестно. По мнению Nilsson'a, существовавший обычай датировать лапидарные эпиграфические памятники способствовал включению и в керамические надписи датировочного показателя. Конечно, это сравнение, хотя и очень интересное, все же не может служить достаточным объяснением. Вопрос о включении в керамические клейма имен государственных должностных лиц — сложный, и мы не будем здесь специально на нем останавливаться, так как это завело бы нас чересчур далеко за рамки нашей работы.³

Клеймение вошло в практику сначала как мероприятие, направленное к охране общественных и государственных интересов. Но когда вошло в обычай снабжать клеймо именем промышленника, последний быстро уловил получавшуюся от этого выгоду. Товар теперь уже не был обезличен, он получил своего рода „фабричную марку“, которая приобретала рекламные свойства, делая производство определенной мастерской широко известным. Таким образом, клеймение, начавшееся на государственных заказах, перешло на продукцию, рассчитанную для частного потребителя. Но формула клейм на этих изделиях — речь идет о строительных материалах в виде кирпичей и черепиц — была более упрощенной. Клеймо обычно заключало в себе только имя промышленника, чаще всего в родительном падеже, иногда еще с присоединением какой-либо эмблемы. Этот обычай — клеймения керамической продукции, выпускавшейся на частный рынок, для частного потребителя, — вторичного происхождения, как, нам кажется, совершенно правильно полагает Nilsson. Но скоро этот обычай стал играть большую роль в практике керамического производства. Вот почему — говорит Nilsson — находят массу кирпичей и черепиц с клеймами, содержащими одно только собственное имя. В реконструированной таким образом Nilsson'ом эволюции клейм на строительных керамических материалах исходным пунктом является наиболее простая форма клейма, обознача-

¹ На каждом кирпиче стоит несколько клейм, из коих каждое содержит лишь часть обозначений.

² Annual B. S., т. XIII, стр. 192 сл. Новый интересный материал о лаконийских керамических надписях см. в XXX томе Annual B. S., статья A. Woodward, стр. 234.

³ Вопрос о датировочном значении включения в керамические клейма имен государственных чиновников рассмотрен Б. Н. Граковым, ук. соч., стр. 49.

ющая общественную собственность.¹ Затем прибавляется имя промышленника, что придает клейму значение, несколько напоминающее современную „фабричную марку“, вместе с тем это служит средством для контроля продукции со стороны заказчика, наконец к предыдущим элементам присоединяется дата выпуска изделий из производства, определяемая именем соответствующего эпонима.

Такова довольно убедительная схема развития клеймения керамических строительных материалов по Nilsson'у. Однако следует отметить, что Nilsson реконструирует отдельные этапы в эволюции клейм в значительной мере чисто логически, соответствующим образом группируя имеющийся в наличии материал.

Остается невыясненной абсолютная хронология этой эволюции. Причиной этого является то обстоятельство, что для огромной массы клейм не установлена их датировка, и поэтому расчленение всего имеющегося в наличии многочисленного фактического материала на хронологические группы не представляется еще сейчас возможным. Поэтому Nilsson, давая картину развития клейм, строит ее без конкретного хронологического определения появления отдельных слагаемых, из которых образовался затем наиболее полный и развитой тип клейм, образцом которых могут служить, например, клейма на черепицах Спарты. Нужно помнить, что различные типы клейм сосуществовали, и поэтому из схемы, изображенной Nilsson'ом, нельзя делать выводов о хронологическом соотношении керамических клейм лишь на основании принадлежности их по типологическим признакам к определенной группе, занимающей соответствующее место в схеме Nilsson'a.

Если мы теперь обратимся к рассмотрению клейм на боспорских черепицах, то не представит больших затруднений определить, к какому роду керамических надписей их следует отнести. В подавляющем большинстве своем клейма содержат исключительно лишь собственные имена, иногда представленные полностью (всегда в родительном падеже) или, как это бывает чаще, в сокращенном виде, нередко при этом в такой степени сокращения, что трудно с достаточной долей уверенности расшифровать их полностью, так как имеющиеся часто в клейме две-три начальные буквы имени допускают, при попытке восстановления, немало возможных вариантов. Часто при сокращении имени в клеймо включался особый знак сокращения, на подобие лунарной сигмы. Этот знак не имел строго

¹ У Nilsson'a речь идет о „владельце, для которого изготовлялись кирпич или черепица“. Но такая формулировка неверна. Дело-то в том, что обозначение владельца-частника не фигурирует в клеймах: если указывается „владелец“, то обычно это государство, город и т. д. И в тех случаях, когда в клеймах дается указание, для какого строительного объекта предназначен материал, речь идет опять-таки о собственности не частного характера.

определенного места, чаще он ставился в конце, что можно видеть на многих клеймах, например, в клейме Астидама (№ 11), причем он иногда изображался в обратном положении, напр., в клейме Аполлония (№ 6), но имеются и такие образцы клейм, в которых знак сокращения стоит впереди, напр., в клейме Афинодора (№ 1) и Деметрия (№ 16). При всех отмеченных индивидуальных особенностях отдельных клейм почти все они имеют в большинстве своем одну общую роднящую их особенность: в клеймах написаны лишь собственные имена, и, следовательно, они принадлежат к тому ряду частных клейм, которые являются по своему характеру в известной степени аналогичными современным „фабричным маркам“, сообщающим имена промышленников и тем самым рекламирующим их. Нужно, однако, сделать оговорку, что это относится не абсолютно ко всей массе боспорских черепиц. Исключение составляют клейма, образующие количественно весьма значительную группу и заключающие в себе надпись *Vasilikhē*. Значение этих клейм послужит в дальнейшем предметом особого рассмотрения, когда мы будем разбирать более детально содержание надписей, заключенных в клеймах боспорских черепиц.

Сейчас рассмотрим техническую сторону клеймения. Как клеймились боспорские черепицы? Прежде всего приходится отметить, что клейма на боспорских черепицах накладывались всегда на наружной верхней поверхности вблизи нижнего края, имеющего утолщение в виде особого выступа с обратной стороны (рис. 77). Это расположение клейма так строго соблюдалось, что почти ни на одном экземпляре боспорских черепиц мы не видели какого-либо заметного отклонения от указанного правила. „Направление клейма, — как верно заметил В. В. Шкорпил, — самое разнообразное: то они отпечатаны параллельно с краем черепиц, то примыкают к нему короткой стороной или каким-нибудь из четырех углов“.¹ В. В. Шкорпил сообщает еще и другое свое интересное наблюдение: на боспорских черепицах клеймо помещалось всегда на том конце, который не закрывался смежной черепицей при устройстве кровли. В этом он, между прочим, видит доказательство того, что „черепицы предназначались собственно для покрытия крыш, а не для устройства гробниц“.² Впрочем, вряд ли могли быть основания сомневаться в этом довольно самоочевидном положении. Клейма на боспорских черепицах имеют почти исключительно форму прямоугольника, большею частью продолговатого, иногда приближающегося к квадрату. Буквы на боспорских клеймах всегда выпуклые, рельефные. Одно лишь исключение составляет клеймо (№ 13), в котором

¹ В. В. Шкорпил, ук. соч. в сборнике Вобрицкого, стр. 42.

² Там же, стр. 42, примечание.

надпись состоит из углубленных букв и содержит имя: Βάκιδος. Но это клеймо вообще резко выделяется своей формой в виде сердцевидного листа, хорошо известной на черепицах Приены, Пергама и др. центров, но совершенно чуждой общепринятой форме клейм боспорских черепиц. Это могло бы даже быть основанием к тому, чтобы усомниться, принадлежит ли это клеймо боспорской продукции. Но качество глины¹ и форма черепиц, на которых это клеймо находится, местоположение клейма и то обстоятельство, что эти клейма встречались совместно с заведомо боспорскими черепицами, — все эти данные заставляют, невзирая на все своеобразие клейма с именем Βάκιδος, относить его к боспорскому производству.²

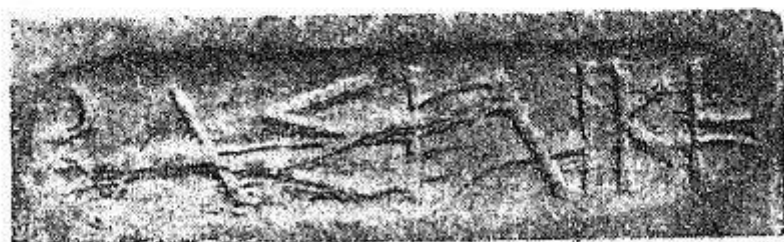
Клейма на черепицах ставились по сырой глине, разумеется, до обжига, причем не всегда это делалось с должной аккуратностью, почему и степень четкости клейм не всегда одинакова. Клеймение производилось с помощью несомненно специальных ручных штампов. Из какого материала эти штампы изготовлялись? Nilsson по этому поводу указывал, что так как ни одного штампа, служившего для клеймения древнегреческих керамических изделий, до сих пор не найдено, то можно полагать, что они не сохранились потому, что были сделаны из материала, неспособного противостоять разрушительному действию времени, вероятнее всего, из дерева.³ А. Вассе, издатель клейм на черепицах Спарты, совершенно определенно установил, что употреблявшиеся там для клеймения черепиц и кирпичей штампы были ручные и сделаны из дерева. Это указание А. Вассе достаточно убедительно доказывается тем, что на целом ряде клейм явно заметны от-

¹ Как уже отмечалось, химический анализ показал, что глина этих черепиц совершенно тождественна составу глин заведомо боспорских черепиц (см. стр. 234).

² Указанное клеймо с именем Бакида представляет значительный интерес. Сердцевидная его форма, вдавленные буквы, а не рельефные, применение эмблемы в виде канфара — все эти признаки совершенно чужды формам штампов, принятым в боспорских черепичных мастерских. Между тем местное (боспорское) происхождение этих черепиц несомненно. Можно поэтому предполагать, что промышленник Бакид первоначально имел гончарное производство в каком-то ином центре, где было принято применять подобного рода энглифические клейма, а затем свою промышленную деятельность перенес на Боспор. Допуская такое предположение, легко было бы объяснить появление столь несвойственной боспорской традиции формы клейма. Кстати заметим, что и само имя Βάκιδος не встречается в эпиграфике Боспора; в пределах северного Причерноморья это имя засвидетельствовано херсонесской эллинистической надписью (IosPE, IV, 80). Что касается формы клейма и его энглифического характера, то в этом нельзя не усмотреть чрезвычайно близкого сходства с энглифическими клеймами на горлах амфор, местом производства которых предполагается Гераклея Понтийская (Б. Н. Граков, Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор, Труды Рос. Ист. музея, т. I, табл. I, фот. 5, стр. 173).

³ Nilsson, ук. соч., стр. 56.

печатки древесины, следы жилок дерева.¹ Несмотря на столь веское доказательство применения штампов из дерева, Wase, Nilsson и др. считают нужным, в качестве еще одного довода, подтверждающего этот факт, сослаться на упоминание в инвентаре Делосского храма *τόπος ἑὸν κεραιίδων*. И это они делают совершенно напрасно, так как, по всей видимости, там речь идет не о штампе для клейм, а о деревянной форме для изготовления черепиц, для их формовки, что уже нами отмечалось в соответствующем месте.² Применение деревянных ручных штампов при клеймении боспорских черепиц устанавливается совершенно определенно, аналогично клеймам, найденным в Спарте, наличием на ряде клейм отпечатков древесины. На некоторых из клейм эти следы едва заметны, но встречаются и

1 0 1 2 x 3 см

Рис. 72. Клеймо с отпечатками древесины.

такие клейма, на которых чрезвычайно рельефно выступают признаки дерева. В собрании Керченского музея имеется 11 клейм с надписью *Βασιλική*, отпечатанных несомненно деревянным штампом (рис. 72).

Строение древесины настолько явственно заметно на этих клеймах, что не может быть никаких сомнений относительно материала, из которого был сделан штамп. Таким образом, употребление деревянных штампов при клеймении боспорских черепиц является совершенно несомненным фактом. Все ли штампы были изготовлены из дерева, это — вопрос, на который ответить затруднительно, так как не на всех заметны следы этого материала. Нам кажется, однако, что этот тип штампов, сделанных из дерева, был, во всяком случае, на Боспоре преобладающим.

¹ „The stamp used was a wooden hand stamp since the graining of the wood is visible in many cases“, ABS, т. XIII, стр. 17. Отчетливо видны следы древесины изображены на рис. 1 стр. 18 и на рис. 2 А на стр. 20. Ср. его же аналогичное замечание в XII томе ABS на стр. 344: „To judge by the broken letters and lines of graining visible in some examples the stamp with which the letters were impressed was of wood“. См. там же на стр. 192 в статье Н. Tallyard главу „The Stamped bricks“, где тоже указывается на применение для клеймения лаконийских кирпичей деревянных штампов.

² Существует еще и такое мнение, по которому упоминаемая в делосской надписи „форма“ являлась моделью для изготовления мраморных черепиц. Так, А. Jardé в указанной статье (у Daremberg — Saglio) пишет, что мраморные черепицы выделывались по образцу черепиц керамических, и если форма или украшение были более сложны, мастер-мраморщик снабжался соответствующей деревянной моделью, по которой производилось изготовление мраморных черепиц. Это объяснение заслуживает, конечно, значительно большего внимания, чем предположение тех, кто хочет в делосской надписи увидеть упоминание штампа для клеймения черепиц.

Издатель клейм на черепицах храма Афины Кранайской в Элатее Р. Paris указывал на то, что для всех найденных там черепиц является бесспорным, что штемпели для их клеймения изготовлялись в рельефном виде внутри форм, служивших для формовки черепиц.¹ Из формы выходила готовая черепица вместе с отпечатанным на ней клеймом (буквы получались вдавленные). Этот совершенно особый технический прием в производстве боспорских черепиц не применялся. Клеймение здесь производилось безусловно ручными штампами: никогда нельзя встретить двух черепиц с одинаковой надписью, у которых было бы совершенно одинаковое местонахождение на поверхности черепиц.

Надпись на штампах, употреблявшихся в боспорском черепичном производстве, вырезывалась обычно с обратным расположением букв, поэтому на клеймах получалось правильное начертание надписей слева направо. Однако из всего количества известных типов боспорских клейм (около 100) примерно 26 образцов клейм имеют неправильный порядок расположения букв справа налево. В свое время Р. Paris обратил внимание на то, что целый ряд клейм на черепицах (найденных в Пирее, в театре Диониса в Афинах, в Танагре и т. д.), привлеченных им в качестве сравнительного материала, имеет расположение букв, противоположное нормальному, т. е. надписи в клеймах читаются справа налево. По мнению Р. Paris, это обстоятельство указывает на применение подвижных букв (*caractères mobiles*), из которых набирались матрицы штампов. Здесь мы видим попытку показать, что античность знала принцип современного типографского набора из отдельных букв. В данном случае Р. Paris оказался единомышленником Дюмона (Dumont), который еще гораздо раньше пытался доказать, что в древней Греции для клеймения керамических изделий применялся наборный шрифт, иначе говоря, что надписи в штампах набирались из отдельных букв, подобно тому как это делается в современном книгопечатном деле.² Подтверждение своей теории Dumont видел в том, что керамические надписи содержат все технические дефекты, которые известны в современном книгопечатании: перевернутые буквы, буквы, вышедшие за линию строки, буквы в неправильном расположении справа налево и т. д. Доводы эти чрезвычайно слабы и настолько неубедительны, что предположение Dumont о применении *caractères mobiles* для керамических надписей приходится совершенно отклонить.³ Дело в том, что все

¹ Р. Paris, *Elatée*, Париж, 1892 г., стр. 116.

² Dumont, *Inscriptions céramiques de Grèce*, Париж, 1872 г., стр. 45—47 (*Usages de lettres mobiles dans l'antiquité grecque*).

³ Ср. U. Chapot, статья „*Signum*“ в IV т. *Dictionnaire Daremberg — Saglio*, стр. 1831.

те неправильности, которые перечисляет Dumont, доказывая свою гипотезу, происходили просто в результате недосмотра, ошибки резчиков, изготовлявших штампы. В частности мы можем совершенно уверенно сказать, что абсолютно никаких признаков применения наборных букв ни на одном клейме боспорских черепиц нет. Следы древесины, заметные, как указывалось, на целом ряде клейм, совершенно ясно показывают, что штампы для клейм боспорских черепиц по обыкновению вырезывались из дерева, но в то же время на боспорских клеймах встречаются почти все те дефекты, которые, по мнению Dumont, доказывают якобы применение наборных букв. На клейме с именем Аристагора (№ 10) буква Р изображена в неправильном положении (Ч). Совершенно ясно, что резчик, вырезывая штамп, располагал буквы в обратном направлении, чтобы получить правильный порядок расположения букв в клейме на черепице. Вырезывая штамп, резчик ошибся. Такие ошибки часто могли происходить оттого, что резчику трудно было отделаться от укоренившегося навыка видеть буквы в обычном их нормальном положении в надписях, эта трудность была иногда настолько значительной, что нередко надпись в штампе вырезывалась с правильным расположением букв, отчего в клейме получалась неверная конструкция надписи, что можно видеть на многих клеймах.

Итак, относительно техники клеймения боспорских черепиц могут быть сделаны следующие выводы: клеймение производилось по сырой глине, после изъятия черепицы из формы, до обжига. Штампы для клейм применялись ручные, вырезанные большей частью в дереве, что доказывается имеющимися на ряде клейм отпечатками жилок древесины. Встречающиеся неправильности в расположении отдельных букв, а также то обстоятельство, что около $\frac{1}{4}$ всего количества типов боспорских клейм содержат надписи с обратным расположением букв — справа налево, — все это ни в какой мере не может быть объяснено, по примеру Dumont, применением каких-либо наборных букв, — эти неправильности должны быть отнесены к работе резчиков, они связаны с процессом изготовления штампов резчиками.

Переходя к конкретному изучению содержания клейм на боспорских черепицах, прежде всего необходимо выяснить хотя бы в общих чертах вопрос о датировке клейменных черепиц Боспора. Разумеется, при решении этого вопроса меньше всего можно опираться на имена, на степень их применяемости в то или иное время, о чем можно в известной мере судить по лапидарно-эпиграфическим и литературным источникам. Хронологическим критерием для боспорских черепиц может служить в первую очередь стиль надписей, формы букв и т. д., т. е. палеографические данные. Однако выводы, сделанные с этой стороны, мы в праве считать достаточно

прочными и надежными, если их удастся подкрепить и проверить другим способом, а именно путем привлечения данных об условиях находок клейменных черепиц в соответствующих археологических комплексах, позволяющих сделать более или менее определенные датировочные выводы. Так, комбинируя все возможные хронологические показатели, можно установить некоторые руководящие вехи в решении вопроса датировки.

Беря клейма боспорских черепиц в общей массе, приходится сразу же констатировать, что среди них мы имеем очень значительную группу, в которой надписи, с точки зрения форм шрифта, представляют близкую аналогию монументальным эпиграфическим памятникам Боспора определенного времени. При индивидуальном рассмотрении этих клейм, количественно преобладающих, должно быть признано, что по характеру письма они родственны боспорским надписям еще IV в. Это настолько очевидно, что, пожалуй, не требует особых детальных доказательств. Крупный, изящный и вместе с тем чрезвычайно строгий и простой шрифт значительной части боспорских клейм прямо ведет нас к сравнению с боспорскими официальными надписями IV в. Гораздо проще выделить сравнительно немногочисленное количество клейм с явными более поздними признаками, чем перечислить клейма, восходящие по форме букв к надписям IV в., так как в последнем случае пришлось бы дать в таком списке значительнейшую часть клейм. К таким явно более поздним должны быть отнесены, например, клейма Орхама¹ (№ 65), Спартока (№ 84), Перисада² (№ 70), Архонта Игиэнонта³ (№ 92—93) и некоторые другие (клейма *Βασίλη* мы в расчет сейчас не берем).

Основное же количество клейм, повторяем, очень близко совпадает с стилем боспорских надписей IV в. Но, проследившая монументальные эпиграфические надписи по хронологически нисходящей линии, нельзя не заметить, как трудно бывает установить разницу между характером письма памятников последней четверти IV в. и первых десятилетий III в.⁴ Правда, при внимательном сличении боспорских лапидарных надписей можно, тем не менее, некоторые оттенки уловить, в частности можно подметить такую мелкую, но довольно характерную подробность: буква *ο* (омикрон) в надписях середины IV в. чаще всего мало отличается по своей высоте от прочих букв. В надписях же начала III в., при сохранении

¹ Значительное утолщение концов прямых черт, форма М с вертикальным боковым линиями, форма буквы Х, сильно уменьшенные размеры омикрон заставляют предполагать время не ранее второй половины III в.

² О них см. на стр. 274—275.

³ Датировка В. В. Шкорпила — вторая половина III в.

⁴ Это относится, конечно, не только к боспорским надписям. Ср. *Inschriften von Priene*, письмо Александра Великого (стр. 3) и надпись времен Лисимаха около 286 г. (стр. 20).

иногда чрезвычайно близких к IV в. форм шрифта в целом наблюдается тенденция к очень заметному уменьшению размеров о по сравнению с другими буквами.¹ Принимая во внимание эту подробность, нельзя не заметить, что в клеймах боспорских черепиц, по общему характеру письма апеллирующих к надписям IV в. [тип клейм Гипократа (№ 35), Менойтия (№ 55), Метродора (№ 59), и т. д.], буква о имеет форму, свойственную как раз надписям середины IV в. Из аналогий в области керамических надписей можно указать найденные при раскопках Ольвии в некотором количестве экземпляров черепичные клейма с именем Мосха (рис. 73), совершенно идентичные по стилю письма боспорским клеймам вышеуказанного типа. Интересно, что на ольвийских клеймах имя „фабриканта“, написанное по обыкновению в родительном падеже, дано по форме Мосхо, т. е. без о. Вряд ли в этом должно видеть результат сокращения; наблюдение показывает, что в такого рода крупных клеймах никогда не сокращалась одна последняя буква, обыч-

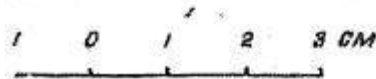

Рис. 73. Клеймо промышленника Мосха, найденное в Ольвии.

но опускалось не менее двух букв. Следовательно, клеймо Мосха, по форме родительного падежа определенно датирующееся временем, во всяком случае, не позже последней четверти IV в.,² может тоже служить некоторым хронологическим критерием и для боспорских родственных клейм, по аналогиям с лапидарными памятниками тянущих именно к этому же времени. Итак, можно сделать вывод, что по характеру письма довольно значительная масса клейм дает характерные признаки IV в. Это, конечно, не дает права сделать категорическое заключение о том, что часть клейм не принадлежит, на-

¹ Ср. датировки надписей, произведенные В. В. Шкорпилом в ИАК, в. 58, стр. 22, ИАК, в. 63, стр. 109—110 — надпись в честь Артемиды.

² Ср. В. В. Фармаковский, Памятники античной культуры, найденные в России, ИАК, в. 58, стр. 131, прим. 7; М. И. Ростовцев, К вопросу о датировке погребений Куль-Обы, Чертомлыка и Солохи, ИАК, в. 60, стр. 71; Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 111; Larfeld, Handbuch der griechischen Epigraphik, Лейпциг, 1907 г., т. I, стр. 306.

пример, первым десятилетиям III в., поскольку нет вполне объективного критерия для проведения резкой границы в развитии форм даже лапидарного алфавита в пределах этих хронологических рамок.

Все-таки будет вполне логично предположение, что стиль надписей боспорских клейм не только характерен для IV в., но и обусловлен временем происхождения, т. е. производства черепиц, на которых эти клейма находятся.

Попробуем проверить этот вывод посредством привлечения некоторых сведений о находке черепиц во время археологических раскопок. Воспользуемся, во-первых, некоторыми наблюдениями, которые были сделаны при раскопках на территории городища Пантикапея. При раскопках остатков городской стены, производившихся Ю. Ю. Марти в 1924 г. на северном склоне Митридата, на Эспланадной ул.,¹ была найдена целая серия обломков боспорских черепиц с клеймами. Приведем некоторые наиболее характерные данные из дневника раскопок.²

8/XI — найдены обломки черепиц с клеймам Βασιλική и с клеймом ἄρχοντος Ὑγιαίνοντος, наряду с этим обнаружены осколки мегарской чаши... И далее в тот же день дневник показывает: 4 штих. На глуб. 1½ арш. найдена черепица Βασιλική и автономная монета, родосская ручка, черепица горелая, и осколки мегарской чаши.

10/XI. 2 штих. 1 экземпляр царской черепицы.

3 штих. Ручка родосская с надписью, плохо сохранившейся, донышко большого чернолакового блюда.

4 штих. Сплошной мусор из черепиц, черепок с изображением дельфина, донышко чаши, ручка, 2 черепицы Βασιλική и клеймо в виде сердца с надписью Βάσιδ(ος).

Позднее, во время раскопок 1930 г., происходивших с 4/IX по 9/X, связанных с исследованием на восточном склоне горы Митридата остатков оборонительной стены, были найдены тоже обломки черепиц с клеймами. 4/IX³ найден обломок черепицы с клеймом ΣΠΑΡ и наряду с этим — фрагменты эллинистических амфор, фасосские клейма на амфорных ручках, чернолаковая керамика. 8/IX найден обломок боспорской черепицы с клеймом № 71 в том же „окружении“: чернолаковая керамика, амфорные фрагменты эллинистического времени и т. д. 29/IX обнаружен фрагмент черепицы с клеймом ΣΟΛΩΣ⁴ совместно с фасосской клейменной амфорной ручкой, тускло-чернолаковой керамикой. Чере-

¹ Во дворе Сургучевой, между домами Калины и Вас. Иванова.

² Дневник в архиве Керченского музея.

³ Данные взяты из дневника раскопок, находящегося в архиве Керченского музея.

⁴ Впервые найденное клеймо с именем Солон.

пица *Βασιλική* (с лунарной сигмой) обнаружена была в аналогичной обстановке; в дневнике отмечена находка совместно с этой черепицей черепка мегарской чаши.

Находки боспорских клейм во время раскопок на Митридате как в 1924 г., так и в 1930 г. показательны в том отношении, что массовый археологический материал, который сопутствовал этим клеймам, в своей сопокушности относится к эллинистическому времени, но не позже середины II в. до н. э. Отсутствие в этих раскопках находок, характерных для римского времени, позволяет сделать заключение, что боспорские клейменные черепицы производились в эллинистическое время не позднее середины II в. Но для более конкретной датировки отдельных клейм или групп данные, которые получены во время раскопок городища, еще не дают возможности. Принято считать, что современные черепичные кровли служат, при-

Рис. 74. Применение черепиц для устройства гробниц.

мерно, в среднем от 60 до 100 лет. Эти сроки в древности были не меньше, так как прочность черепиц была, как мы знаем, очень большая. Следовательно, попадание черепиц в мусор в виде обломков, что происходило главным образом при разрушении построек и их кровель, могло отделяться от времени производства в среднем промежутком в 100 лет и даже больше. Это обстоятельство надо иметь в виду, когда клейма боспорских черепиц с характерными для раннеэллинистического времени формами надписей встречаются вместе с позднеэллинистическими материалами.

Более определенные выводы позволяет сделать привлечение данных о находке черепиц, использованных в качестве материала для сооружения гробниц (об устройстве черепичных гробниц дает представление рис. 74).¹ Правда, наблюдения показывают, что очень часто черепицы использовались для указанной цели значительно позже времени их производства. В качестве примера можно указать, что черепицы с клеймами *Βασιλική* были обнаружены в качестве заклада в подбойной гробнице римского времени (в гробнице найдена terra sigil-

¹ Древности Восточного Босфора Киммерийского, Атлас, виды и чертежи Б, №№ 9 и 10.

lata),¹ и наряду с этим известна находка черепицы с таким же клеймом в гробнице, где оказалась монета IV в. до н. э.² Эти примеры красноречиво свидетельствуют о том, как долго иногда служили черепицы практическим потребностям и сколько продолжительное время отделяло иной раз момент производства черепиц от момента последнего использования их.

Не будем поэтому перечислять всех случаев обнаружения клейменных боспорских черепиц в качестве материала гробниц. Укажем только на наиболее показательные примеры, которые при всей их малочисленности убеждают, тем не менее, в том, что уже в IV в. производились клейменные боспорские черепицы. В этом отношении представляет большой интерес раскопанная в 1908 г. В. В. Шкорпилом черепичная гробница,³ датируемая на основании найденной в ней краснофигурной пелики и монеты последней четвертью IV в.⁴ На черепицах этой гробницы оказалось клеймо с именем Менойтия (№ 55), которое является весьма типичным по форме шрифта для значительной серии боспорских клейм. То обстоятельство, что его можно датировать последней четвертью IV в., дает право и остальные аналогичные по характеру письма клейма относить к тому же времени, т. е., примерно, ко второй половине IV в., допуская при этом возможность некоторого отклонения на одно-два десятилетия в ту и другую сторону. В характерном комплексе была обнаружена также и черепица с клеймом Гермократа (№ 19). Вот что сказано по этому поводу в „Древностях Босфора Киммерийского“: „В черепичных гробницах часто находили драгоценные вещи, так что когда открывали такую гробницу в кургане, то считали это хорошим предзнаменованием. Г. Ашиком были найдены две такие гробницы в 1838 и 1841 гг. в кургане неподалеку от Карантинного шоссе. В первой находилась прекрасная амфора... которая содержала в себе жженые кости и еще следующие вещи... [перечисление]... На одной черепице этой гробницы находится надпись ΕΡΜΟΣ“. ⁵ Ваза, найденная в указанном погребении и воспроизведенная на таблице 52 в „Древностях Босфора Киммерийского“, представляет собою краснофигурную кальпиду развитого роскошного стиля.⁶ Она может быть опреде-

¹ Архив Керченского музея. Дневник В. В. Шкорпила, 28 февраля 1914 г. Гробница найдена на „Пенелище“ между 2-м креслом Митридата и Скалкой.

² См. об этом дальше на стр. 293.

³ ИАК, в. 40, стр. 84, гробница № 38 (1).

⁴ Датировка любезно сообщена нам М. М. Кобылиной, занимавшейся специально изучением боспорских краснофигурных пелик, в связи с чем ею была пересмотрена при содействии А. Н. Зографа, датировка монет, встречающихся совместно с пеликами.

⁵ Древности Босфора Киммерийского, стр. LX.

⁶ С. С. Лукьянов и Ю. П. Гриневич, Керченская кальпиды 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись, Питгр., 1915 г., Материалы по археологии России, в. 35, приложение IV.

ленно датирована последней четвертью — концом V в. Учитывая, что клеймо Гермократа по форме письма характерно для IV в., находка черепицы с этим клеймом в вышеуказанном погребении является весьма показательным фактом. Дело в том, что использование вазы в качестве урны в данном погребении вряд ли намного отстояло от времени ее производства. Это дает все основания предполагать наиболее вероятную дату погребения, приблизительно, около середины IV в., что, в свою очередь, соответственно датирует клеймо Гермократа, которое по форме букв является опять-таки чрезвычайно типичным для значительного количества клейм, наиболее характерные образцы которых были упомянуты выше. Таким образом, принадлежность довольно значительного количества клейм IV в., как видим, подтверждается. На этом основании необходимо сделать вывод, что производство клейменых боспорских черепиц начинается в IV в. К этому времени, скорее всего ко второй половине IV в., относится большое количество клейм, надписи которых воспроизводят формы крупного строгого шрифта лапидарных эпиграфических памятников этого периода. Некоторая часть клейм, по всей вероятности, заходит и в III в., но не особенно далеко, так как клейм с характерными признаками алфавита III в. немного, что уже, впрочем, отмечалось раньше. Наблюдения во время раскопок, как известно, показали, что клейменные боспорские черепицы не идут дальше первой половины II в. Следовательно, производство интересующих нас боспорских клейменых керамических строительных материалов начинается около середины IV в. и продолжается до первой половины II в. включительно. Наиболее, однако, интенсивный период производства черепиц связан, как показывает рассмотрение всех клейм, со второй половиной IV и, повидимому, с первой половиной III в., что соответствует периоду экономического расцвета Боспора, когда оживленная жизнь городов Боспора и широко развернувшееся при этом строительство предьявляли обширный спрос на строительные материалы, в частности на черепицы.

Уже давно было обращено внимание на чрезвычайно интересное обстоятельство, что боспорские черепицы имеют клейма с именами царей Боспора, представителей царского рода Спартокидов. Вряд ли простым совпадением решится кто-нибудь объяснить наличие в клеймах имен Левкона, Спартока, Перисада и т. д., которые известны на Боспоре почти исключительно как имена членов боспорской династии Спартокидов. К тому же имеются прямые указания на то, что в клеймах фигурируют имена боспорских царей, — мы имеем в виду клейма, в которых имя Спартока стоит в непосредственной связи с упоминанием его царского титула Βασιλεύς Σπαρτόκου (№ 83). Это рассеивает последние сомнения.

В. В. Шкорпил в своей статье, посвященной архонту Игиэ-

ноту, дал следующий перечень встречающихся на черепицах „имен боспорских царей и особ из царского рода Спартокидов“: Левкон, Метродор, Горгипп, Спартоки, два первых Перисада, Аполлоний, Сатир, Притан и Евмел.¹ Из этого перечисления видно, что Шкорпил считал Левкона I наиболее ранним боспорским архонтом, имя которого находится на черепичных клеймах. С ним он связывал клейма, содержащие сокращенную надпись ΛΕΥ (№ 45). Все имена, следующие за Левконом, представляют, по мнению В. В. Шкорпила, последовательный ряд боспорских царей, заканчивающихся Перисадом II,² к которому В. В. Шкорпил отнес клейма с полным начертанием имени Перисада (№ 70). Таким образом, согласно В. В. Шкорпилу, на протяжении IV в. и отчасти лишь в III в. на Боспоре производились клейменные черепицы с именами Спартокидов. Эта схема безусловно нуждается в серьезном критическом пересмотре, для чего необходимо произвести тщательный индивидуальный анализ клейм с именами Спартокидов. Общая датировка боспорских клейм, установленная выше, действительно позволяет считать IV век, особенно его вторую половину, временем, когда происходило уже массовое производство клейменных черепиц. И с этой стороны нет препятствий к тому, чтобы считать клейма с именем Левкона принадлежащими Левкону I. Но, с другой стороны, нужно признать и то, что для такого отождествления еще нет достаточно прочных оснований. Думаем поэтому, что эти клейма следует рассматривать как марку производства, принадлежавшего одному из Левконов — представителю Спартокидов, не уточняя более конкретно, какому именно. Далее идет имя Метродора. Имя это известно по рассказу Полиэна (VIII, 55, 30), посвященному описанию борьбы между боспорским царем Сатиром и меотянкой Тиргатао; в повести участвует царский сын Метродор. Рассказ Полиэна является исторической новеллой, в которой на фоне действительной исторической обстановки Боспора IV—III вв. изображены события с не соответствующими действительности подробностями.³ Несмотря на это, следует считаться с тем фактом, что имя Метродора засвидетельствовано литературным источником как имя члена царской семьи.⁴ По стилю надписи клейма Метродора вполне могут быть отнесены к IV в. (ср. с клеймом Менойтиса).

Далее идет серия клейм Аполлония в различных вариантах (№№ 5—9). Имя Аполлония известно по афинскому декрету 346-7 г., изданному в честь сыновей Левкона I.

¹ В. В. Шкорпил, ук. соч., стр. 33.

² Был боспорским царем с 284 г., умер после 252 г. до н. э.

³ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 138, в немецком издании стр. 124.

⁴ В критическом разборе рассказа Полиэна М. И. Ростовцев отмечает: „Благоприятное впечатление производят и имена, которые несомненно не придуманы ad hoc“. Там же, стр. 131.

Затем должны быть отмечены клейма с именами Сатира (№№ 77—78) и Притана (№ 71), которые могут быть отождествлены с сыновьями Перисада I.

Из вышеизложенного рассмотрения клейм можно сделать вывод, что клейма на боспорских черепицах содержат ряд имен, принадлежащих представителям Спартокидов, живших в IV в. Если мы оставим в стороне клейма Левкона, как еще недостаточно выясненные, то по отношению к остальным нельзя не констатировать, что в них упоминаются не сами боспорские архонты, а их ближайшие родственники. Имена Аполлония, Метродора известны как имена царских сыновей. Что касается Сатира и Притана — сыновей Перисада I, то их деятельность в роли промышленников могла протекать главным образом при жизни Перисада, так как после смерти последнего оба они просуществовали только около года, причем в течение этого времени, согласно Диодору, происходила ожесточенная междоусобная борьба за власть между царскими сыновьями.

Стало быть, до известного времени сами боспорские цари непосредственно как будто не выступают в роли промышленников в данной отрасли производства.

Но вот обращает на себя внимание группа клейм, на которых значится не одно имя, а два, причем целый ряд различных имен встречается в сочетании, повидимому, с одним и тем же Перисадом. Так, имя Перисада в одном клейме стоит вместе с Гермократом (№ 67), в другом совместно с Пританом (№ 69). В указанных клеймах два имени расположены одно под другим, в две строки, причем имя Перисада написано с пропуском первой *ι*, т. е. в форме *Παριάδοο*; кроме этого, имеются еще клейма, где имя Перисада (в сокращенном виде ΠΑΙ) находится в соединении с известным уже именем Гермократа (№ 21); в отличие от клейма типа № 67 последнее имеет несколько иную форму: оба имени в сокращенном виде написаны в одну строку. Несмотря на это внешнее различие, имеются все основания видеть в обоих случаях упоминание одних и тех же лиц.

Аналогичное по форме клеймо содержит имена Перисада и Алкима.¹ Наконец должны быть упомянуты парные клейма. В последнем случае на черепице имеются два отдельных клейма, расположенных рядом, чаще всего под прямым углом по отношению друг к другу (рис. 19), при этом каждое клеймо содержит особое имя. На одной паре клейм читаются имена Перисада и Астидама,² на другой имена Перисада и Гипшократа (№ 68). Итак, Перисад фигурирует на черепичных клей-

¹ По материалам Е. М. Придика к III тому IosPE. Пользуемся возможностью, чтобы выразить глубокоуважаемому Е. М. Придику благодарность за любезное разрешение ознакомиться с этими материалами и использовать нужное для нашей работы.

² По материалам Е. М. Придика.

мах в пяти сочетаниях с различными именами — с Гермократом, Гипократом, Пританом, Астидомом и Алкимом. Все внешние формальные различия в этих клеймах, дающих комбинацию двух имен, существенного значения, очевидно, не имели. На основании имеющихся аналогий, о которых скажем подробнее несколько дальше, вполне допустимо предполагать, что все перечисленные клейма при любом варианте обозначили одно и то же, а именно, что предприятие, выпустившее данную черепицу, возглавлялось двумя владельцами. Иначе говоря, является возможность предполагать, что клейма эти обозначали „двойные фирмы“, т. е. организованные на принципе промышленно-коммерческого товарищества.

К этой же категории необходимо отнести также клеймо с двумя именами Пантера и Неокла (№ 66), а также клейма с сильно сокращенными именами (№№ 75—76).

Подобная форма организации керамических промышленных предприятий в античной Греции известна по целому ряду клейм на гончарных изделиях, происходящих из различных промышленных центров. Так, например, на ручках квидских амфор нередко встречаются клейма „двойных фирм“, т. е. клейма с двумя, а иногда и тремя именами владельцев предприятия.¹ Иногда эти имена, стоящие в родительном падеже, соединяются союзом „и“ (*καί*), что особенно убедительно подтверждает правильность толкования таких клейм как обозначение принадлежности соответствующей продукции — гончарному предприятию с двумя или несколькими совладельцами.

Кроме квидских амфор, клейма с двумя именами промышленников также известны на лаконийских черепицах.² Их содержание таково: *δαμόσια ἐπὶ Εὐδαμίδα τεχνέων ἐργασῶν Νικίωνος Εὐδαρχου*, т. е. „государственные (черепицы), при (магистрате) Евдамиде, (для) стен, фабрикантов Никиона и Ксенарха“. Издатель этих клейм Wase отмечает, что встречаются также клейма, где Ксенарх и Никион стоят отдельно, самостоятельно. Из этого он совершенно правильно делает вывод, что в какой-то промежуток времени указанные промышленники действовали самостоятельно, независимо друг от друга, но затем объединились в одно более крупное промышленное товарищество. Wase, впрочем, указывает и другой возможный вариант: вначале эти фабриканты, может быть, действовали сообща, а затем разделились. Хотя мы не можем детально выяснить организацию таких промышленных товариществ, в которых принимало участие несколько компаньонов, но все-таки самый факт существования подобного рода промышленных предприятий керамического производства является чрезвычайно интересным. На основании показания боспорских клейм

¹ Nilsson, ук. соч., стр. 104; Е. М. Придик, Инв. катал., стр. 59.

² А. Wase, ABS, т. XIII, стр. 23—24.

можно заключить, следовательно, что и на Боспоре производство черепиц велось не только отдельными промышленниками, но нередко такие предприятия являлись собственностью двух владельцев.

В связи с рассмотрением двойных клейм необходимо еще раз особо отметить, что целый ряд упоминавшихся уже выше лиц связан в клеймах с одним и тем же именем Перисада. Как известно, в одном клейме находятся имена Перисада и Притана (№ 88). Это сочетание имен является весьма показательным. Дело в том, что из трех сыновей боспорского царя Перисада I один носил имя Притана, к тому же Перисад I в декретах упоминается не один, а с сыновьями. Например, проксения пирейскому купцу издана от имени Перисада и его сыновей (*Παισιάδης καὶ παῖδες*).¹ На основании этого мы в праве предполагать, что в вышеуказанном клейме обозначен царь Перисад и его сын Притан.

Вопрос о том, как следует трактовать двойные клейма, мы уже рассматривали и пришли к выводу, что тут мы имеем дело с данными, свидетельствующими скорее всего о существовании на Боспоре промышленных предприятий с двумя совладельцами. Теперь же приходится констатировать, что в целом ряде клейм фигурирует в качестве участника нескольких промышленных предприятий один и тот же Перисад, очевидно, Перисад I. Чрезвычайно любопытно отметить еще и то важное обстоятельство, что все те пять имен, которые встречаются в связи с именем Перисада, имеются также и на клеймах совершенно самостоятельных. Известна серия клейм Притана (№ 71), Гермократа (№№ 19—20), Гипократа (№ 38), Астидама (№ 11—12) и Алкима (№ 4), где эти имена фигурируют отдельно и независимо. Нам кажется, что все указанные наблюдения позволяют сделать некоторые выводы. Ранее было установлено, что на черепичных клеймах имеется ряд имен, несомненно связанных с царским родом Спартокидов. Сопоставляя имена клейм с именами лиц, известных по эпиграфическим и литературным источникам, удается заметить, что на протяжении IV в. владельцами черепичных предприятий являлись чрезвычайно близкие боспорским архонтам лица, о чем говорят имена Аполлония, Метродора, Притана и т. д. Исходя из этого, можно предполагать, что и остальные промышленники, имена которых встречаются на черепичных клеймах, принадлежали к высшему слою боспорского рабовладельческого общества. Очевидно, производство черепиц, как одна из прибыльных отраслей промышленности, находилось в руках боспорской „аристократии“, верхушку которой составляли Спартокиды.

Спрашивается, однако, являлись ли сами архонты в IV в. промышленниками, владевшими предприятиями по изготов-

¹ IosPE, II, 1.

лению черепиц? Достаточно уверенно можно говорить об участии боспорских архонтов в данной отрасли производства, начиная лишь с Перисада I, имя которого находится в ряде клейм, но не отдельно, а совместно с другими именами. Что в этих клеймах упоминается именно Перисад I — вряд ли возможно сомневаться. Уже отмечалось характерное сочетание имен Перисада и Притана; кроме того, по характеру письма клейма с именем Перисада вполне могут быть отнесены к IV в.; наконец, черепица с именем Гермократа (а это имя встречается и совместно с Перисадом) найдена, как известно, в условиях, определенно датирующих ее IV в. Принимая в соображение все вышеуказанные обстоятельства, представляется весьма вероятной гипотеза о том, что при Перисаде I целый ряд частных промышленников был в некоторой зависимости от боспорского архонта-царя.

Эта зависимость, возможно, была вызвана тем, что источники сырья, карьеры, где добывалась глина, с какого-то момента были объявлены государственной собственностью. В. В. Шкорпилом высказана в примечании к одной из его статей следующая интересная мысль: „В Боспорском царстве глинища и кирпичные заводы составляли, насколько можно судить по надписям на черепицах, достояние или угодие царей“.¹ Гипотеза В. В. Шкорпила относительно принадлежности источников глины боспорским царям представляется весьма заманчивой. И нам кажется, что в двойных клеймах с именем Перисада мы имеем, может быть, конкретное подтверждение этого предположения. В самом деле, допустив предположение, что Перисад предъявил права на участие в доходах черепичных предприятий, объявив глинища своими угодьями, легко понять, почему промышленники стали, наряду с своими именами, включать в клейма и имя Перисада: архонт в известном смысле стал соучастником промышленных предприятий. Но даже если усомниться в правильности этой попытки конкретизировать зависимость частных промышленников от архонта Перисада I, то во всяком случае факт существования какой-то связи между ними неоспоримо вытекает из рассмотрения соответствующих клейм. Отсюда вытекает, что уже при Перисаде I боспорский архонт имел какое-то касательство к данной отрасли местного промышленного производства. Вряд ли возможно вполне уверенно установить, что было раньше: сначала ли Гермократ, Гипократ и др. выпускали продукцию с своими именными клеймами без упоминания Перисада и лишь позже включили его имя в „фабричные клейма“, или же это произошло в обратном порядке. Скорее всего можно думать о последнем.

¹ В. В. Шкорпил, Название гончарных мастеров в керамических надписях, оттиск из ИАК, Птгр., 1914 г., стр. 10, прим. 2.

У В. В. Шкорпила в перечне имен боспорских правителей, встречающихся на черепицах, находится и Евмел, преемник Перисада I. Как известно, после смерти Перисада началась, согласно Диодору, ожесточенная междоусобная борьба за власть между его тремя сыновьями, закончившаяся победой Евмела и смертью его конкурентов. С точки зрения изучения интересующей нас области боспорской промышленности представляется важным выяснить, имеются ли данные о касательстве Евмела к этому производству, поскольку для Перисада I уже имеются в данном отношении довольно определенные выводы.

Действительно, на территории Керчи были найдены клейма Евмела (рис. 75), но можно ли, спрашивается, их связывать с боспорским архонтом конца IV в., носившим это имя? В Кер-

Рис. 75. Клеймо Евмела.

ченском музее хранится один экземпляр черепицы с именем Евмела. Эта черепица куплена была К. Е. Думбергом у некоего керченского мещанина Юрьевича, в саду которого, находящемся в Булганакском переулке (в Керчи), встречались древние гробницы, подвергшиеся, однако, разграблению кладовщиками.¹ К сожалению, черепица с клеймом Евмела, хотя и была куплена цельной, в настоящее время сохранилась лишь наполовину. Несмотря на это, можно заметить в ней некоторые признаки, необычные для боспорских клейменных черепиц. Клейма на боспорских черепицах всегда ставились у нижнего края, это правило очень педантично выполнялось. Между тем клеймо Евмела стоит не у нижнего края, а посередине черепицы и тем самым является редким исключением из общего правила клеймения боспорских черепиц. Кроме того, химический анализ глины этой черепицы показал, что по составу своему она отличается от обычных боспорских черепиц. Особенно же важно отметить, что с палеографической стороны клейма Евмела вызывают большие сомнения относительно возможности того отождествления, которое

¹ Архив Керченского музея, Опись древностей за 1892 г. под № 32.

допускал В. В. Шкорпил и из которого вытекает датировка клейм концом IV в. Можно ли отнести по палеографическим данным клеймо Евмела к этому времени?

Буква М с дугообразной соединительной чертой по своей форме совершенно не соответствует указанному времени. Стиль буквы М (а отчасти и Λ), явно заимствованный из рукописного письма, не вяжется с тем обычным начертанием этой буквы, которое встречается во всех остальных клеймах раннеэллинистической эпохи, и не только боспорских, но в астиномных.¹

На основании всех вышеприведенных соображений мы считаем необходимым отнести к клейму с именем Евмела с большим сомнением, связь его с царем Евмелом следует считать маловероятной и уж во всяком случае не такой бесспорной, как это представлялось В. В. Шкорпилу.

Итак, приходится считать, что прочных доказательств связи Евмела с производством черепиц пока нет.² Но зато следующий за Евмелом боспорский правитель Спарток III безусловно засвидетельствован черепичными клеймами. Мы не сомневаемся в том, что клейма с надписью Βασιλέως Σπαρτόχοу (№ 83) относятся именно к Спартоку III (304-3—284-3), при котором произошла, как известно, замена двойного титула архонта и царя, применявшегося ранее, единым царским титулом. И это, несомненно, нашло свое отражение в клеймах, где подчеркнуто царское звание Спартока. Поскольку причастность Спартока III к черепичному производству устанавливается на основании указанных клейм, можно почти без колебания считать относящейся к нему и ту серию клейм, в которых имя Спартока дано в виде сокращенной надписи ΣΠΑΡ (№№ 81—82).

Судя по форме букв, они вполне могут быть датированы этим временем, т. е. концом IV и началом III в. Допустимо

¹ На астиномных амфорных ручках аналогичная курсивная форма буквы М встречается спорадически в той (третьей) хронологической группе клейм, которую В. Н. Граков относит ко времени с 220 по 183 г. См. В. Н. Граков, ук. соч., стр. 132, табл. 2; ср. там же табл. 14, № 4. Можно еще указать на надпись херсонесского надгробия, Λατοῖς Παρμένοντος, в которой буква М второго имени напоминает начертание той же буквы в клейме Евмела. Надпись эту Латышев счел возможным, но без особенной уверенности, отнести в III в. *IosPE*, IV, 109.

² Из рассказа Диодора видно, что для того, чтобы стать боспорским правителем, Евмел не только перешагнул через трупы своих братьев, но и применил такие террористические мероприятия, как убийство друзей побежденных конкурентов, а также их детей и жен. С другой стороны, Евмелом, видимо, был осуществлен ряд экономических мер, рассчитанных на снятие симпатии со стороны торгово-рабовладельческих слоев Боспора. С этой целью, согласно Диодору, было восстановлено право беспрошлости (*ἀτέλεια*) для жигелей столицы и, кроме того, обещано более широкое освобождение всех граждан от податей (*εἰσφορά*). В связи с этим возможно, что наметавшаяся при Персиаде I тенденция вмешательства государства в керамическую промышленность при Евмеле не получила временно своего дальнейшего развития.

предположить, что последние клейма относятся к тому периоду, когда за Спартоком еще не утвердился окончательно общий титул царя, что произошло, вероятно, около 80-х годов, насколько можно судить по афинскому декрету от 286 г., в котором, впервые за все время отношений с Афинами, боспорский правитель официально именуется царем. Основываясь на указанных соображениях, мы в праве считать, что боспорский царь Спарток был владельцем черепичного производства.

Попытка отрицать такой смысл вышепоименованных клейм царя Спартока находилась бы в полном противоречии с общим толкованием значения боспорских клейм, как клейм, содержащих имена промышленников, в чем сомнений, конечно, быть не может.

Суммируя сделанный конкретный разбор некоторых клейм, в частности группы двойных клейм с именем Перисада, приходим к выводу, что Перисад I, вероятнее всего, не имел своих черепичных мастерских, он лишь в какой-то форме соучаствовал в частных предприятиях некоторых промышленников, являвшихся, впрочем, нередко непосредственными членами царской семьи. И лишь несколько позднее боспорский царь (Спарток III) становится, видимо, уже непосредственным владельцем черепичного дела, хотя и его предприятие действовало, наверное, наряду с другими аналогичными частными мастерскими.

За вычетом уже рассмотренных, теперь остаются следующие клейма с царскими именами: клейма Спартока (№ 84—86) и Перисада (№ 70). Нетрудно разглядеть в них, при сравнении с уже привлекавшимися ранее клеймами, признаки значительно более позднего времени. В клейме Спартока буква А имеет излом поперечной линии, форма совершенно не характерна для раннеэллинистических надписей, те же поздние признаки наблюдаются и в отношении сигмы. Увеличенные размеры А и Р с выходом за верхнюю линию строки при сильно уменьшенных формах О делают весь шрифт весьма неравномерным, „беспокойным“. К этому клейму очень близко примыкает и клеймо Перисада. При близком сходстве форм букв этих двух клейм (Π, Ρ, Σ, Ο) в клейме Перисада еще больше нарушается принцип симметрии шрифта, буквы имеют наклон, размеры их не выдержаны. Но крупный характер шрифта надписей сохраняется, в общем, и в этих клеймах, и это заставляет усмотреть здесь зависимость от форм шрифта лапидарных письменных памятников, что находит подтверждение в ряде аналогий. Достаточно хотя бы привлечь для данной цели найденную в 1914 г. в Тамани надпись о посвящении бывшим жрецом Каллоном статуи в честь Аполлона Врача при царе Перисаде, сыне Перисада. Сличив стиль письма этой надписи с клеймом Перисада, нельзя не увидеть

разительного сходства между ними. Та же „растрепанность“, разнокалиберность букв, полное совпадение формы сигмы, дельты и т. д., утолщение концов прямых черт. Лишь в букве А заметно некоторое небольшое отличие, не имеющее существенного значения: в клейме альфа имеет косую поперечную черту, в таманской надписи — с изломом, как в клейме Спартока. По мнению В. В. Шкорпила, упоминаемый в изданной им надписи Перисад — то же лицо, которое упоминается в посвячительной надписи фиасотов в честь Афродиты Урании (IosPE, II, 19), в которой Перисад именуется „матерелюбивым“ (φιλομήτωρ) и упоминается одновременно с „детолюбивой“ царицей Камасарией, дочерью Спартока.¹ В. В. Латышев считал, что эта надпись по форме букв не древнее начала II в. На основании же упоминания в списке приношений Аполлону Дедимийскому, найденном в Бранхидах, царицы Камасарии наряду с вифинским царем Прусием II, время царствования которого падает на 180—149 г., В. В. Латышев высказал весьма вероятное предположение, что названная в боспорской надписи Камасария — современница Прусия II.² Привлекая все приведенные данные, следует признать, что надпись Перисада, найденная в 1914 г., относится к первой половине II в. Эту датировку, на основании констатированных признаков сходства характера письма, мы в праве распространить и на клейма с полным именем Перисада, но лишь с той оговоркой, что последние, вероятнее всего, принадлежат времени Перисада, который упоминается в Таманской надписи в отчестве царя. Иначе говоря, дата клейм определяется первыми десятилетиями II в. Указанную датировку клейм с полным именем Перисада подтверждает, между прочим, и наблюдение над статером Перисада из Парижского собрания,³ который, по характеру фактуры и стилю изображения головы царя, датируется А. Н. Зографом началом II в. Форма надписи с именем царя на этом статере чрезвычайно близко напоминает черепичное клеймо Перисада. Таким образом, время этих клейм может быть с тем большей уверенностью отнесено к первым десятилетиям II в. Клейма Спартока, повидимому, не на много расходятся с клеймами Перисада. Наиболее ранней их датой может быть конец III в.

Таким образом, мы значительно расходимся с датировкой, данной В. В. Шкорпилом, который без достаточных, как нам

¹ ИАК, вып. 58, стр. 17—18.

² В. В. Латышев, *Понтия*, стр. 87 и 288, ср. Minns, ук. соч., стр. 581.

³ Переиздан А. В. Орешниковым в „Zur Münzkunde des Bosporus“, Москва, 1883 г., на табл. под № 3. В статье „Монеты Херсонеса Таврического, царей Воспора Киммерийского и Полемона II Понтийского“ (оттиск из II т. Нумизматического сборника, стр. 39) А. Орешников относит этот статер к третьей, т. е., по его классификации, предпоследней группе золотых статеров царей Перисадов.

кажется, оснований относить эти клейма к гораздо более раннему времени. К сожалению, при существующих скудных данных о находках черепиц в археологических комплексах не представляется возможным уже сейчас проверить и этим способом правильность наших выводов.

Из обзора клейм, в которых фигурируют имена боспорских царей, при тех выводах, которые до сих пор получены, выясняется картина значительного прорыва на протяжении III в. Констатируя, что при Спартоке III несомненно происходило производство черепицы в принадлежавших царю черепичных мастерских, затем мы смогли установить лишь для значительно более позднего времени (конец III в. — первые десятилетия II в.) наличие клейм с царскими именами (Спартока и Перисада). Значит ли это, что в течение III в. боспорские цари, после Спартока III, не играли роли промышленников, не были заинтересованы в данной отрасли производства, не были непосредственно с нею связаны? Можно смело сказать, что для подобных выводов нет решительно никаких оснований. И дело тут не только в том, что имеются клейма архонта Игизнонта, которые совершенно правильно отнесены В. В. Шкорпилом ко второй половине III в. Постараемся сейчас показать, что именно III век, особенно в его первой половине, был тем временем, когда государство прибрало к своим рукам данную отрасль производства; боспорские цари, повидимому, под влиянием падавшего значения хлебного экспорта, крупнейшими поставщиками которого в Грецию они являлись, компенсировали сокращение торговых доходов по линии промышленности. К сожалению, источники не дают данных по этому вопросу, тем более, что именно для III в. наблюдается особенная скудость сведений о Боспоре. Тем большее имеет значение показание даже такого скромного источника, как керамические клейма. В. В. Шкорпил имел все основания сказать, что для того, „чтобы хоть до некоторой степени восполнить эти пробелы и „пустые летописи“ (по выражению Бека), приходится теперь с величайшим усилием и вниманием собирать каждое, даже малейшее сведение, начертанное на камне, металле или даже на глине“.

Вернемся еще раз к Спартоку III. Связь его с черепичным производством установлена на основании соответствующих клейм. Дальнейшее же участие боспорских царей в этой отрасли производства получило свое отражение, как нам кажется, уже не в именных клеймах, а в обильной массе клейм с надписью *Vasilikhē*. Перейдем к специальному изучению этой группы клейм, представляющей значительный интерес как по своему большому удельному весу в общей массе клейменной боспорской продукции черепичного производства, так и ввиду своего специфического содержания.

Итак, совершенно особое место среди боспорских черепич-

ных клейм занимает группа клейм, содержащих не собственные имена промышленников, а надпись Βασιλική. По своей численности она занимает первое место. Это значит, что на Боспоре было произведено значительное количество черепиц, снабженных клеймами вышеуказанного содержания. В коллекции Керченского музея среди 570 клейм, принадлежащих боспорским черепицам, оказалось 128 экземпляров, относящихся к интересующей нас в данном случае группе, что составляет 22,4%. Общий подсчет, с включением клейм, находящихся в Эрмитаже и ГМИИ, дает 21,6% клейм Βασιλική, следовательно, больше $\frac{1}{5}$ всей клейменной продукции черепичного производства Боспора относится к особой категории, отличающейся от остальной массы специфическим характером клейм. Клеймение всей этой группы черепиц произведено не одним штампом, а многими. При внимательном рассмотрении этих клейм замечается, что они отличаются и размерами и характером выполнения букв: на некоторых клеймах буквы более толстые, на других шрифт более тонкий. Некоторые клейма по форме очень близки к четырехугольному прямоугольнику, другие же имеют округленные углы. Это особенно хорошо видно в клеймах, на которых отчетливо заметны отпечатки дерева, из которого был сделан штамп. Они же имеют еще и ту особенность, что начальная буква Β и последняя Η сливаются с краем клейма, буквы как бы срезаны, между тем как другие подобные клейма имеют довольно большие промежутки между краем штампа и надписью

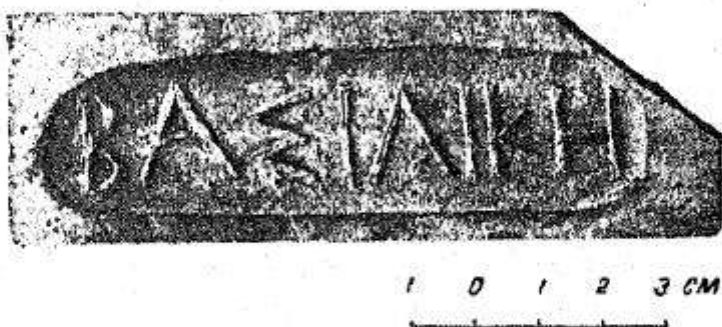

Рис. 76а. Клеймо Βασιλική (ф. № 95).

Рис. 76б. Клеймо Βασιλική (№ 96).

клейма. Это разнообразие штампов, которыми клеймились черепицы, составляющие столь многочисленную группу, подчеркивает особенно массовый характер производства данного рода черепиц, что требовало большого количества штампов.

Что касается формы букв, то наибольшее количество клейм, примерно $\frac{3}{4}$, стилистически совершенно однородно, и характерным признаком этой самой многочисленной группы¹ яв-

¹ В керченском собрании их 75 штук.

ляется форма сигмы с равномерно расходящимися верхней и нижней линией (рис. 76 б); кроме того, имеется несколько клейм, в которых верхняя и нижняя черты сигмы горизонтальны, хотя остальные буквы, однако, ничем существенным не отличаются от клейм с сигмой первого вида. Наконец, должна быть упомянута группа клейм с лунарной сигмой (рис. 76 в); эти клейма¹ имеют еще и ряд других отличитель-

1 0 1 2 3 см

Рис. 76в. Клеймо Βασιλική (№ 97).

ных признаков в форме букв: Α и Λ имеют вогнутые линии, поперечная черта у альфы дугообразная, а на некоторых экземплярах с переломом. Кроме этого, обычного для боспорских черепиц типа клейм без всяких эмблем, имеются клейма Βασιλική, у которых под надписью расположены две эмблемы: изображенные трезубца и дельфина (рис. 76 г). По этому поводу В. В. Шкорпил писал, что „те же изображения трезубца и дельфинов, которые виднеются на статере Игизнонта под Афиной, имеются и на статерах Перисада и на боспорской черепице с надписью Βασιλική, изданной нами в ИАК, в. 11, стр. 154, № 694 в. Весьма правдоподобно, что эта эмблема была именным знаком Спартокидов“.²

1 0 1 2 3 см

Рис. 76г. Клеймо Βασιλική (№ 98).

Кроме клейм Βασιλική, имеются аналогичные же клейма, но в другом грамматическом варианте, то же слово выражено в иной родовой форме: Βασιλικός.³ Эти клейма всегда

меньших размеров, чем клейма женского рода, причем на одном экземпляре такого клейма надпись изображена с неправильным обратным расположением букв, чего ни на одном клейме

¹ В керченской коллекции их насчитывается 14 экземпляров.

² В. В. Шкорпил, статья в сборнике Бобринского, стр. 41.

³ Керченская коллекция клейм содержит их в количестве 22 экземпляров.

в форме Βασιλική не встречено. У Е. М. Придика, в его материалах к III тому IosPE имеется скопированное такое же клеймо с аналогичным расположением букв, причем сигма имеет лунарную форму. Это единственный пример клейма Βασιλικός, имеющего лунарную сигму. Все клейма Βασιλικός, которые прошли через наши руки, имели сигму из четырех линий (Σ). Интересно, однако, еще и то обстоятельство, что упомянутое клеймо Е. М. Придик видел в Херсонесе (sic!). Это, кажется, единственный пример, когда боспорское черепичное клеймо встретилось далеко за пределами Боспора. К сожалению, никаких данных об условиях находки этого клейма в Херсонесе в записях Е. М. Придика нет.¹

Нужно сказать, что, несмотря на многочисленность черепиц с клеймами Βασιλική и Βασιλικός, происходящих в основном из Керчи, условия, при которых они были находимы, для большинства из них неизвестны. Известно несколько случаев находок черепиц с этими клеймами в качестве строительного материала для гробниц. Ряд клейм был найден при раскопках в Керчи в последние годы. Эти данные особенно важны, так как при наличии точной фиксации условий находок они могут способствовать решению вопроса датировки данных клейм.

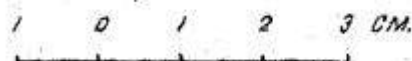

Рис. 76д. Клеймо Βασιλικός (№ 99).

Заметим, что хотя о существовании боспорских клейм Βασιλική было известно по ряду упоминаний в различных изданиях, они до сих пор оставались совершенно не изученными, исторически не осмысленными и не датированными. Между тем они несомненно представляют большой интерес в плане изучения материального производства Боспора.

Должно быть сразу же отмечено, что клейма Βασιλική, в таком обилии встречающиеся на Боспоре, имеют поразительную аналогию в Малой Азии. При раскопках Пергама найдено немалое количество черепиц, вернее — фрагментов черепиц, с клеймами Βασιλική. Они опубликованы С. Schuchhardt'ом в издании надписей на глиняных изделиях, найденных в Пергаме.²

Стало быть, в двух крупных центрах античного мира: с одной стороны в Пергаме, с другой — на Боспоре — известны совершенно сходные по своему содержанию керамические клейма. В связи с этим обстоятельством у некоторых исследователей возникла мысль, что указанное сходство пергамских

¹ К сожалению, разыскать это клеймо в Херсонесе теперь не удалось.

² *Altertümer von Pergamon*, т. VIII, 2. *Die Inschriften von Pergamon*, II, Берлин, 1895 г., стр. 393 сл.

и боспорских черепичных клейм является результатом торгового распространения черепиц, изготовлявшихся в одном из этих центров. Четко выражено такое мнение Б. Н. Граковым. Последний в своей диссертации об астиномных клеймах полемизирует с Е. М. Придиком, который в качестве довода об ольвийском происхождении клейм, определяемых Б. Н. Граковым как синопские, выставлял тот факт, что эти клейма чрезвычайно часто встречаются на черепицах в Ольвии. Транспортировка же такого громоздкого товара, как черепицы, издалека морским путем представляется Е. М. Придику мало вероятной, и он склонен был считать их продуктом местного ольвийского производства.¹ Против этих соображений Е. М. Придика Б. Н. Граков приводит известную выдержку из делосской надписи 279 г., в которой между прочим упоминается закупка черепиц на острове Сиросе для ремонта „туфового“ храма, при этом специально оговорена оплата провоза, разумеется, морским путем с Сироса на Делос, а затем уже сухопутная доставка от берега к храму.² Этот документ неоспоримо свидетельствует о том, что черепицы являлись товаром, который транспортировался морским путем торговыми судами, и в этом отношении аргументация Б. Н. Гракова безусловно попадает в цель. Но затем Б. Н. Граков выдвигает против Е. М. Придика еще одно — довольно неожиданное — доказательство.

„Это же обстоятельство (т. е. транспортировка черепиц в целях их торгового сбыта в отдаленные от места их производства пункты) подтверждается, — пишет Б. Н. Граков, — находками черепиц с надписью *Βασιλική* в Пергаме и южной России“.³ По мнению Б. Н. Гракова, стало быть, клейма *Βασιλική*, находимые на Боспоре, и аналогичные клейма, встречающиеся в Пергаме, происходят из одного производственного центра.

Мы должны, однако, со всей решительностью заявить, что для подобного рода предположений нет никаких реальных оснований. Сделаем для этого детальное сравнение пергамских и боспорских черепиц, имеющих одинаковые по содержанию клейма. Что между ними несомненно общего — это смысловое содержание надписей. В обоих случаях клейма содержат совершенно идентичное слово *Βασιλική*. Но наряду с этим имеются весьма существенные различия, на которые необходимо обратить внимание.

В Пергаме имеются клейма только в одном варианте *Βασιλική*, боспорские же клейма дают две разновидности: *Βασιλική* и *Βασιλικός*. Кроме этого, клейма пергамские отлича-

¹ Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 17.

² Перевод этой надписи см. в хрестоматии „Античный способ производства в источниках“, Известия ГАИМК, в. 78, стр. 370 сл.

³ Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 18.

ются от боспорских целым рядом технических особенностей. На пергамских черепицах клейма эти всегда имеют вдавленные буквы („immer vertieft“),¹ в то время как на боспорских буквы надписи в клейме всегда рельефные, выпуклые. Местоположение клейм на боспорских и пергамских черепицах тоже совершенно различное. На боспорских черепицах клейма отпечатаны всегда на верхней поверхности у нижнего края, на пергамских же клейма расположены на передней грани, образуемой нижним утолщенным концом (Die Vorderseite dieser Verdickung ist regelmässig der Platz für die ausgeschriebenen Inschriften βασιλική, βασιλείων, τευχῶν, ἱερῶν usw).² Рисунок 77 наглядно поясняет констатируемое различие в местоположении пергамских и боспорских клейм Βασιλική на черепицах.

Наконец, высота букв в пергамских клеймах колеблется от 0,029 до 0,03, на боспорских же они всегда меньше, максимальная высота достигает 0,02 только в единичных случаях. После вышеуказанного сличения вряд ли кто-нибудь станет возражать против вывода, что перед нами две совершенно самостоятельные группы клейм, однородные по смыслу, но происходящие из разных центров производства: одна из них связана с керамическим производством, существовавшим в Пергаме, другая принадлежит боспорскому производству.

Издатель пергамских керамических надписей Schuchhardt поместил клейма Βασιλική в группу клейм, обозначающих принадлежность (Zugehörigkeit) черепиц. Наряду с Βασιλική туда вошли клейма βασιλείων, трактуемые как обозначение принадлежности черепиц с этим клеймом дворцам, клейма τευχῶν, обозначающие, что черепицы предназначены для городских стен, клейма ἱερῶν, обозначающие принадлежность черепиц храмам, и т. д. Чтобы объяснить смысл пергамских клейм Βασιλική, Schuchhardt приводит в качестве параллели черепицы, происходящие из целого ряда центров древней Греции, с клеймами содержащими термин δαμόσιος, как указание на государственную собственность, принадлежность государству. Между прочим в качестве аналогии Schuchhardt приводил известное тогда по публикации Becker'a клеймо Βασιλική „aus Südrussland“, которое Becker толковал как πλίνθος βασιλική — царский кирпич. Schuchhardt пришел к выводу, что пергамские клейма Βασιλική следует считать как обозначения κεραμικς или πλίνθος βασιλική (т. е. „царская черепица“); первый вариант он считал более вероятным, так как слово πλίνθος применялось преимущественно для обозначения кирпича. Понимая так смысл пергамских клейм Βασιλική, Schuchhardt считал, что в них приходится видеть или происхождение черепиц из царского кирпичного завода, или обозначе-

¹ С. Schuchhardt, ук. соч., стр. 399.

² Ibid. стр. 393.

ние принадлежности их царской постройке („In Ausdruck *πλίνθος* oder *κεραμὶς βασιλική* wird man dann entweder die Herkunft aus einer königlichen Ziegelei oder die Bestimmung für ein königliches Gebäude sehen dürfen“).¹

Более предпочтительным ему казалось первое объяснение. М. Fränkel'ю, возглавлявшему издание пергамских надписей, не понравилась гипотеза Schuchhardt'a о том, что пергамские цари совмещали в своем лице „прозаическое“ положение фабрикантов. М. Fränkel выступил с возражениями, адресованными Schuchhardt'у. Он предлагал другое толкование. По его мнению, клейма *Βασιλική* нужно понимать как обозначение *βασιλική στοά* („царский портик“), т. е. как обозначение принадлежности царю специального рода сооружений, носивших название *στοά*. Fränkel шел еще дальше. По его мнению, в клеймах *Βασιλική* возможно видеть не прилагательное, а имя существительное, как обозначение особого вида построек, носивших в античности название базилик. Таким образом, Fränkel допускал предположение, что в эллинистическую эпоху в Пергаме мог применяться термин „базилика“ для обозначения соответствующего типа архитектурных построек. Подтверждением своей точки зрения он считал наличие в Пергаме соответствующих клейм, в которых несомненно указывается принадлежность черепиц определенным сооружениям. В конце концов пергамские черепицы, снабженные клеймами *Βασιλική*, стали объектом упорных разногласий между целым рядом ученых-античников.

Некоторые вслед за Schuchhardt'ом стали толковать эти клейма как „фабричную марку“, свидетельствующую о наличии в Пергаме кирпично-черепичного производства, составлявшего собственность пергамских царей. Под этим углом зрения указанные надписи на черепицах давали интересные данные для характеристики экономической роли пергамских царей в эллинистическую эпоху.

Другая же группа исследователей, воспользовавшись теорией Fränkel'я, стала оперировать термином *βασιλική* как доказательством существования в эллинистическую эпоху зданий, носивших название базилик.

А. Conze при описании находок, извлеченных во время расследования храма в Mamurth-Kale, неподалеку от Пергама, отмечает обломок черепицы с уцелевшей частью клейма *Βασ(ι)λική*). По его мнению, эта находка свидетельствует, что потребность в черепицах для данного сооружения, т. е. храма, удовлетворялась царской фабрикой („Eit mit Inschrift *ΒΑΣ...* gefundener Ziegel bezeugt, dass sie diesen Bedarf auf den königlichen Fabrik bezogen“).² Между прочим, N. Nilsson, также

¹ С. Schuchhardt, стр. 395.

² А. Conze und P. Schatzman, Mamurth - Kale. Ein Tempel der Göttermutter um weit Pergamon, Берлин, 1911 г., стр. 38.

как и Schuchhardt, ставил пергамские клейма Βασιλική в параллель клеймам с термином *δαρσίσιος*, которым определялась принадлежность строительного материала государству. По его мнению, клеймо Βασιλική соответствует такому же значению, но выражает это в специфической форме, обусловленной монархическим строем эллинистического Пергама. Nilsson также упоминает керченские аналогичные клейма. О наличии в Пергаме царских „фабрик“ по производству строительных материалов Nilsson высказывается вполне определенно. „Царь Пергама, очевидно, не делал заказов частным фабрикантам, он имел кирпичные заводы сам“.¹

Таковы выводы, к которым приводят пергамские клейма одних. Наряду с этим в исследованиях, посвященных изучению архитектурных памятников Пергама и других центров Греции, целым рядом крупных исследователей стала проводиться мысль о существовании в эллинистическую эпоху зданий, называвшихся базиликами, поскольку-де найдены такие черепичные клейма. В частности, стали определенно называть базиликой одно из раскопанных в Пергаме зданий времени Евмена II.

Распутать этот вопрос взялся французский ученый G. Leroux в специальной статье под заглавием „Мнимая пергамская базилика и эллинистические базилики“.² В ней он вынужден был детально разобрать различные толкования пергамских клейм Βασιλική, и в этом главный интерес его статьи для нас.

Fränkel, как мы уже знаем, считал, что надпись в клеймах пергамских черепиц Βασιλική следует рассматривать как название постройки „базилика“. Это мнение противопоставилось Schuchhardt'у, который трактовал эти же клейма как βασιλική *κεραμικ* в смысле „царская черепица“, т. е. черепица, произведенная в царской мастерской. Fränkel, указывая на клейма Βασιλική, как на первый пример употребления в греческом этого прилагательного в качестве имени существительного „базилика“, т. е. названия соответствующего вида здания, не пытался, однако, уточнить, к какому именно памятнику, к какому именно сооружению может относиться это название. Эти „уточнения“ сделали другие. Дёрпфельд подал мысль, что „базиликой“, вероятно, назывался двухэтажный портик, состоящий из двух нефов, расположенный к северу от *τέρμενος* Афины Полиады перед Библиотекой, построенный, по видимому, Евменом II.

Михаэлис безоговорочно присоединился к Fränkel'ю, а тем самым и к Дёрпфельду, и пришел к аналогичному заключению, что *στοά* Афины Полиады есть базилика; он согласен с

¹ Nilsson, ук. соч., стр. 68.

² G. Leroux, La prétendue basilique de Pergame et les basiliques hellénistiques, *Bullet. de corr. hell.*, т. 33, 1909 г., стр. 238 сл.

тех пор^е давать это название всем постройкам такого типа, например, двум большим *στοαί* Евмена и Аттала в Афинах.

Все эти умозаключения покоятся единственно на толковании клейм *Βασιλική*, находимых при раскопках Пергама и его окрестностей.

G. Legoux решительно отвергает возможность толкования, предложенного Fränkel'ем и встретившего сторонников в лице таких маститых буржуазных ученых античников-археологов, как Дёрпфельд, Михаэлис и др. Legoux доказывает, что у греков до римской эпохи не было зданий, которые назывались бы базиликами. Термин этот появляется в греческих литературных и эпиграфических памятниках не раньше императорского времени, причем он был непосредственно заимствован из латинского.

Legoux, кроме того, обратил внимание на бросающееся в глаза противоречие, которое допускают те, кто, понимая пергамские клейма *Βασιλική* в смысле „базилики“, ссылаются в качестве доказательства на клейма *τεγῶν, βασιλείων* и т. д., действительно указывающие сооружения, для коих предназначены были черепицы.

Дело в том, что все эти надписи даны в родительном падеже и предполагают дополнительно подразумеваемое слово *κεραμίς* — „черепица городских стен“, „черепица дворцов“ и т. д. Между тем *Βασιλική* стоит в именительном падеже и, следовательно, не может быть истолкован по аналогии с вышеупомянутыми клеймами как обозначение архитектурного объекта, для которого предназначалась черепица. Такие обозначения делались непременно в форме родительного падежа.

Очень поучительно сделанное G. Legoux, по примеру Schuchhardt'a, сопоставление пергамских клейм с кирпичами Спарты, дающими наиболее полную формулу надписей на строительных материалах: *πλίνθοι δαμόσαι σκανοθήκας ἐπὶ Καλλικράτους ἐργῶνα Νικαίωνος*.

Именительный падеж *πλίνθοι δαμόσαι* в точности соответствует по смыслу *Βασιλική*, причем в последнем случае следует подразумевать *κεραμίς* (черепица). Следовательно, это обозначение указывало, кому принадлежит данный строительный материал. Слово *σκανοθήκας* в родительном падеже определяет, для какого сооружения предназначен кирпич, следующее за тем обозначало дату и имя промышленника.

В Пергаме не найдено ни одного клейма с такой полной формулой, какая употреблялась для кирпичей и черепиц Спарты. В Пергаме имеются клейма или с одним только названием сооружения, или с прилагательным эпитетом, указывающим, кому принадлежит или кем произведена данная продукция — в последнем случае мы имеем клейма с надписью *Βασιλική*.

Таким образом, Legoux целиком присоединяется к выводу

Шухгардта: клейма Βασιλική обозначали собственность пергамского царя, причем это было связано, повидимому, с происхождением строительных материалов из царских кирпично-черепичных „фабрик“. Опровергая неправильное толкование значения клейм Fränkel'я и иже с ним, Legoux вполне убедительно доказывает, что нет никаких оснований для того, чтобы считать, что термин Βασιλική употреблялся в Пергаме в эллинистическое время для обозначения каких-либо зданий акрополя. Следовательно, совершенно напрасны разыскания, к какому городскому портику следует присоединить это название и т. д. „Было бы странным, — говорит Legoux, — допустить мысль, что клеймо на черепицах является единственным свидетельством употребления термина Βασιλική в смысле базилики, в то время как тексты литературные и эпиграфические не дают ни одного аналогичного примера“.¹

Из всего вышесказанного видно, что пергамские клейма Βασιλική причинили немало беспокойства западноевропейским ученым. Вокруг этих клейм завязался спор, в котором противники пытались доказать различные толкования. Заметим при этом, что существование аналогичных клейм Βασιλική в Керчи было известно всем участникам указанного спора; эти керченские клейма упоминаются у G. Legoux („Из Керчи... происходят несколько кирпичей, снабженных, как и в Пергаме, клеймом Βασιλική“) и у др. Но сведения о керченских клеймах в литературе были столь скудны, что они не могли послужить серьезным материалом при обсуждении значения пергамских клейм. Между тем, как мы теперь знаем, боспорские клейма Βασιλική составляют более 1/3 всей клейменной продукции керамических строительных материалов, а отнюдь не „несколько кирпичей“, как думал Legoux. Со всей определенностью можно сказать, что боспорский материал дает возможность внести полную ясность в вопрос как о значении этих клейм на Боспоре, так и о значении аналогичных клейм, связанных с производством Пергама.

Отмечалось уже, что в отличие от Пергама, где имеются клейма только в форме Βασιλική, боспорские черепицы дают два варианта Βασιλική и Βασιλικός, т. е. одно и то же прилагательное выражается то в женском роде, то в мужском.

В Керченской коллекции клейм оказалось 107 клейм Βασιλική (из них 4 особого типа, с эмблемой в виде дельфина и трезубца), а наряду с этим 22 клейма с надписью Βασιλικός (рис. 76). В каталоге керамических клейм, хранящихся в Эрмитаже, составленном Е. М. Придилом, находится 5 клейм первого рода и 6 клейм второго.²

Чем вызвано такое различие? У Е. М. Придика к клеймам

¹ G. Legoux, ук. соч., стр. 242.

² Е. М. Придик, Инвентарный каталог, стр. 129, №№ 21—25 и 27—32.

Βασιλική присоединяются в качестве подразумевавшегося существительного два слова — *κεραμῖς* и *πλίνθος*, а для клейм с надписью *Βασιλικός* предполагается *κέραμος*. Следовательно, по Е. М. Придику, выходит, что разница в формах *Βασιλική* и *Βασιλικός* была обусловлена наличием в греческом языке нескольких терминов, обозначавших одно и то же понятие „черепица“. Это совершенно правильное в принципе предположение в данном своем виде может повести к неверному выводу, что существование двух указанных форм клейм на боспорских черепицах в известной мере явление случайное, обусловленное простым наличием нескольких тождественных по своему значению слов, выражавших один и тот же объект. В действительности же дело обстоит не совсем так. Изучение боспорских черепиц показало, что все без исключения клейма *Βασιλικός* находятся только на так называемых калиптерах, т. е. на тех жолобообразных, с внешней стороны имеющих граненую форму покрывающих, которыми перекрывались боковые стыки между большими плоскими черепицами. На этих же больших плоских черепицах всегда фигурирует надпись *Βασιλική*. После этих наблюдений становится понятно, что данное прилагательное варьировало в двух родах, мужском и женском, в зависимости от названия различного рода черепиц. Наименование плоских черепиц требовало прилагательного *βασιλική*, а название черепиц-покрывок требовало *Βασιλικός*. Различия эти зависели, стало быть, от технической номенклатуры.

Среди археологов-античников распространено мнение, будто плоские большие черепицы носили в древности название соленов (*σωλήνες*). Из западной археологической литературы этот термин был заимствован Б. В. Фармаковским.¹ По его почину это наименование для плоских черепиц укоренилось в практике раскопок Ольвии, а оттуда пошло и дальше. В. В. Шкорпил, характеризуя основные формы боспорских черепиц, писал, следуя за Б. В. Фармаковским, что „на Боспоре встречаются два вида черепиц, а именно большие плоские (*σωλήνες*) и узкие закругленные (*καλυπτῆρες*), формы, хорошо известные всему эллинскому миру“.²

Но дело-то в том, что *σωλήν* — слово мужского рода. Обычно оно приводится в словарях в значении „жолоб, канал, труба“.³ Совершенно ясно, что клейма с надписью *Βασιλική*

¹ ИАК, в. 13, стр. 68.

² В. В. Шкорпил, ук. соч. Сборник Бобринского, стр. 32.

³ В *Thesaurus linguae graecae* Stephanus'a приведены следующие данные о значении этого термина: „*σωλήν, ἦνος, ὁ* — *canalis, tubus, siphon, fistula... velut in aqueducta*“. У Геродота солен применяется в смысле канала при описании водопроводного туннеля на о-ве Самосе (Herodot, III, 60). Это, очевидно, основное первоначальное значение данного термина. У лексикографов (напр., у Гезихия) этот термин приводится и в смысле названия черепиц. Но это обстоятельство именно подчеркивает малую употребительность данного слова в указанном

Теперь уже совершенно не остается места для гипотезы Fränkel'я и его единомышленников о значении клейм Βασιλική в смысле „базилики“, т. е. как названия определенного вида архитектурного здания. Как явственно вытекает из приведенных нами соображений, надпись Βασιλική на боспорских черепицах следует понимать как прилагательное „царская“, т. е. „царская черепица“, *keramīs basilikḗ*; параллельно с этим употреблявшиеся клейма Βασιλικός соответствовали названию калиптеров: царский калиптер, *kaluptḗr basilikós*.

Черепицы Боспора с клеймами Βασιλική решают вопрос и о значении пергамских аналогичных клейм. В Пергаме они имели, несомненно, тот же смысл. Заметим только, что в Пергаме эти клейма употреблялись в одной только форме женского рода. И это обстоятельство легко объяснимо. Дело в том, что все найденные до сих пор клейма Βασιλική в Пергаме

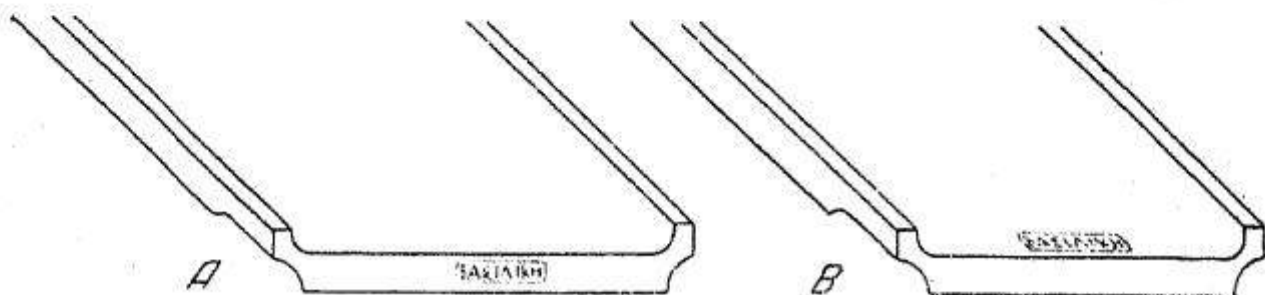

Рис. 77. Расположение клейм Βασιλική на пергамской черепице (А) и боспорской (В).

относятся к плоским черепицам. Калиптеры там, видимо, не подвергались клеймению, поскольку они играли лишь вспомогательную роль в образовании кровли. Совершенно очевидно, что поэтому-то не встречаются в Пергаме клейма с надписью Βασιλικός. Заметим, что и среди боспорских черепиц наблюдается вообще крайне незначительное количество клейменных калиптеров. Черепицы с клеймами Βασιλικός в этом отношении представляют редкое исключение. Как уже указывалось, в коллекции Керченского музея из 128 клейм этого типа 22 клейма в форме Βασιλικός принадлежат калиптерам. На всю же остальную массу клейм боспорских черепиц (в том же собрании) приходится всего только 6 клейм, связанных с калиптерами, причем все они принадлежат более позднему производству, связанному с именами царей.¹ Как правило, подвергались клеймению, следовательно, почти исключительно плоские черепицы. Таким образом, тот факт, что в Пергаме не найдено клейменных калиптеров, соответствующих плоским черепицам с клеймами Βασιλική, не является при сравнении с боспорским материалом значительной особенно-

¹ 4 клейменных калиптера с полным именем Спартака, 1 калиптер с клеймом Перисада и 1 калиптер с клеймом архонта Игиэоннта.

стью. Повидимому, как на Боспоре, так и в Пергаме клеймились главным образом только основные черепицы, плоские *κεραμίδες*. Стало быть, боспорские калиптеры с клеймами *Βασιλικός* представляют значительно большее исключение из общего правила, чем то, что в Пергаме встречаются только клейма *Βασιλική*, связанные с плоскими черепицами.

Перейдем теперь к вопросу о датировке боспорских клейм *Βασιλική*. Не подлежит сомнению, что продукция боспорского черепичного производства с этими клеймами могла появиться не раньше начала III в. до н. э., когда вместо обычного до этого титула „архонта Боспора и Феодосии, царя синдов, меотов и т. д.“ стал употребляться титул царя как в отношении туземных „варварских“ племен, подчиненных Боспору, так и в отношении греческого населения боспорских городов. Эта эволюция титулатуры боспорских правителей была, конечно, связана с определенным процессом формирования политического строя Боспора, протекавшим в теснейшей связи с экономическим его развитием.

С. А. Жебелев, сравнивая государственную организацию Боспора и его метрополии Милета, констатирует различные пути развития, по которым они пошли. „В то время как в Милете руководящая роль представителей аристократических родов привела от олигархии к установлению демократического строя, просуществовавшего с некоторыми перерывами по крайней мере в течение полутора столетий, единоличная власть пантикапейского „архонта“, по мере политического и экономического роста Боспора, повела к образованию в нем единоличной власти царя“.¹

Развитие экспортной торговли, составлявшей краеугольный камень экономики Боспора, было основано на выкачивании огромной массы продуктов, главным образом хлеба, производителем которых являлось туземное коренное население. В соответствии с этим перед государственной организацией стояла задача максимального расширения внутренней экспансии, вовлечения в сферу эксплуатации греческих колоний как можно большей массы производителей. Как известно, эта задача осуществлялась путем территориальных захватов. Но мало того, что определенные районы, населенные меотами, синдами, псессами, дандариями и т. д., входили в состав Боспорского государства. Необходимо было всей этой системе обеспечить определенную устойчивость, стабильность, требовавшуюся нормальным ходом экономических функций Боспора, как античной колонии.

Классовая верхушка туземного общества была несомненно втянута в сферу экономических интересов Боспора, интересов

¹ С. А. Жебелев, Возникновение Боспорского государства, Известия Академии Наук СССР, отделение гуманитарных наук, 1930 г., № 10, стр. 820.

колонизаторов, и это положение чрезвычайно облегчало процесс эксплуатации масс туземного населения. Однако подчинение значительных масс „варваров“, из которых выкачивалась соответствующая продукция, не могло быть достаточно обеспеченным „смычкой“ греков-рабовладельцев с туземными „верхами“.

Вопрос решался в конечном счете наличием у боспорского рабовладельческого государства неотъемлемого элемента всякого государства¹ — вооруженной силы, в данном случае наемной армии, с помощью которой Боспор, как обширная античная колония, организованная рабовладельцами, осуществлял свои экономические интересы.

В соответствии с тем довольно сложным положением, в котором находился Боспор, осуществляя экономическую эксплуатацию обширных районов, населенных „варварскими“ племенами, со стороны которых всегда следовало ожидать проявления попыток освободиться от гнета, эта реальная обстановка предъявляла определенные требования структуре государственного строя Боспора. Интересы господствующего торгово-рабовладельческого класса Боспора могли быть должным образом обеспечены, при указанных условиях, мощной централизованной властью с значительной самостоятельной инициативой. Этим требованиям и отвечала „единоличная“ власть боспорских архонтов, являвшихся, по существу, наследственными монархами и совмещавших, повидимому, в своем лице и функции верховного начальника армии. В титулах боспорских правителей фигурировало два названия: „архонт“ Боспора и Феодосии и „царь“ синдов и т. д. (перечисление туземных племен). По отношению к туземным народам, подчиненным Боспору, применялся термин царя, как бы особо подчеркивающий *диктаторский* характер государственной власти Боспора в лице его архонтов, в то время как в отношении греческого населения колоний оттенялась зависимость власти боспорских династов от воли народа, „демократии“, т. е. класса рабовладельцев.

IV век, как известно, явился временем блестящего экономического расцвета Боспора. Боспор смог стать крупнейшим поставщиком хлеба в Грецию. Особенно важное значение боспорский хлебный экспорт имел для Афин. Заинтересованность Афин в боспорском хлебе привела к установлению тесных „дружеских“ отношений, что выражалось в политике, говоря

¹ „Существовавшему и существующему до сих пор обществу, которое движется в классовых противоположностях, было необходимо государство, т. е. организация эксплуататорского класса для поддержания его внешних условий производства, значит, в особенности для насильственного удержания эксплуатируемого класса в определяемых данным способом производства условиях подавления (рабство, крепостничество, наемный труд)“. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1931 г., стр. 265.

языком современной дипломатии, „взаимного наибольшего благоприятствования“. Архонты Боспора, являвшиеся крупнейшими экспортёрами, главными поставщиками хлеба в Атику, стали объектом особого благосклонного внимания и почестей со стороны Афин.¹ Экономический подъём, рост материального благосостояния рабовладельческого общества колоний, в особенности его верхушечных слоев, внешнеполитические успехи, осуществление политики вовлечения в границы Боспорской державы новых территориальных районов, — все это способствовало росту политического престижа власти боспорских правителей в глазах господствующего класса Боспора, это же вело к упрочению их положения в качестве монархов. Термин „Архонт Боспора и Феодосии“ теряет постепенно свое специфическое, хотя и условное значение.

В. В. Латышев указывал,² что Спарток III³ в одних надписях называется архонтом, в других только царем; по мнению Латышева, это может быть объяснено скорее всего тем, что в то время уже исчезло всякое различие между титулом архонта и царя, и царь безразлично назывался то одним именем, то другим, то обоими. Во всяком случае не подлежит сомнению, что со времен Спартока III получает на Боспоре преобладание царский титул.⁴ На боспорских черепицах встречаются, как известно, клейма с надписью Βασιλέως Σπαρτόκου (№ 83). В коллекции Гос. Музея изобразительных искусств имеются два фрагмента таких клейм, найденных в Фанагории. По поводу этого клейма Латышев писал: „К этому же Спартоку, судя по форме букв, может быть отнесена надпись Βασιλέως Σπαρτόκου на кирпиче, рисунок которого издал Орешников в сочинении Гиля“.⁵

Очевидно, надписи Βασιλική — Βασιλικός в черепичных клеймах могли появиться не раньше того времени, когда за боспорскими правителями упрочился общий титул βασιλεύς. Так, с одной стороны, мы устанавливаем на основании косвенных соображений, что интересующие нас боспорские клейма Βασιλική могли появиться около начала III в.

Но, с другой стороны, необходимо принять во внимание показания палеографических данных. Дело в том, что стиль букв основной группы клейм Βασιλική не позволяет отодвигать даты очень далеко в глубь III в. Шрифт этих надписей — изящный, строгий, по форме своей необычайно близок к лапидар-

¹ В. В. Латышев, *Ποινικά*, стр. 74, 77, 78, 81 и 83.

² Там же, стр. 85.

³ У Латышева он Спарток IV; но более, повидимому, верному расчету Миннса, этот Спарток, сын Евмела, вероятно, третий боспорский царь с таким именем. См. Minns, *Scythians and Greeks*, стр. 580 и 583; время царствования этого Спартока приурочивается к 304-3—284-3 гг.

⁴ Латышев, *ук. соч.*, стр. 8; Minns, *ук. соч.*, стр. 581.

⁵ В. В. Латышев, *ук. соч.*, стр. 86, прим. 2.

ным, эпиграфическим памятникам второй половины IV в. Таким образом, с значительной долей вероятности можно считать, что продукция боспорского черепичного производства стала снабжаться клеймами *Βασιλική* если не в первые же годы III в., то во всяком случае уже в первые его десятилетия.

Но наряду с 75 экземплярами клейм, принадлежащих к 1-й группе с характерной ранней формой сигмы, в керченской коллекции имеется 4 клейма, у которых сигма имеет горизонтальное направление верхней и нижней черты; сюда же могут быть присоединены клейма с эмблемой в виде трезубца и дельфина. Сигма такой формы характерна для надписей III в. Наконец, последняя третья группа этих клейм выделяется наличием лунарной сигмы, альфы с переломом горизонтальной поперечной черты, форма ламбды здесь носит на себе следы влияния рукописного шрифта. Nilsson показал, что временем появления в греческих керамических надписях лунарной сигмы следует считать середину III в. Судя по астиномным клеймам на херсонесских амфорах, лунарная сигма появляется в керамических надписях северного Причерноморья в конце III в. — начале II в.¹ Так как есть основания утверждать, что клеймение боспорских черепиц закончилось в первые десятилетия II в., то можно сделать вывод, что выпуск продукции с клеймами *Βασιλική* происходил в течение III в. и лишь отчасти, может быть, во II в. Наиболее поздние образцы этих клейм с лунарной сигмой, очевидно, хронологически близки клеймам с полным именем Спартока и Перисада, которые относятся, по видимому, к концу III в. — первым десятилетиям II в. Однако необходимо подчеркнуть, что главная масса черепиц *Βασιλική* с ранней формой сигмы должна быть отнесена, в общем, еще к первой половине и середине III в. Археологические данные об условиях находок черепиц с этими клеймами не могут дать вполне точную датировку ввиду малого количества зафиксированных до сих пор наблюдений. Тем не менее они представляют несомненно серьезное значение уже и сейчас.

Показания наиболее ранней даты дает находка одной черепицы с клеймом *Βασιλική*, использованной в качестве заклада подбойной гробницы. Предоставим слово отчету В. В. Шкорпила: „№ 71. На юг от Малой скалы, возвышающейся на хребте горы между 2-м креслом Митридата и Круглой скалой. Земляная подбойная гробница дл. 1,61, шир. 0,52, с дном, находящимся на глубине 0,72. Заложена с севера большими черепицами, на одной из них выдавлена надпись *Βασιλική*. Клеймо

¹ При исследовании остатков обжигательной печи, открытой в Херсонесе в 1900 г., было обнаружено 28 раздавленных амфор, представляющих продукцию последнего обжига данной печи. Ручки амфор, по словам отчета, носили именные печати все одного и того же астинома: Истрона, сына Аполлонида. причем сигма имела круглое очертание, ИАК, в. 2, стр. 23.

имеет 0,11 м в длину и 0,03 м в ширину. Во рту костяка, обращенного головою на В, найдена медная монета с бычьей головой и бюстом Пана (Бурачков, XIX, 37). Над ступнями костяка оказались обломки простого сосуда из глины с одной ручкой¹. Монеты указанного типа, по определению А. Н. Зографа, относятся к самому началу III века. Таким образом, находка черепицы в указанном погребении может служить подтверждением сделанного вывода о том, что начало производства черепиц с клеймами Βασιλική относится к первым десятилетиям, т. е. к 90—80 годам III века.

Клейма Βασιλική и Βασιλικός следует, конечно, трактовать как обозначение происхождения соответствующей продукции из керамических предприятий, принадлежавших государству в лице боспорских царей. Если бы в нашем распоряжении были только эти клейма, мы не смогли бы, пожалуй, сделать вывода о том, кому принадлежали промышленные предприятия, в которых изготовлялись черепицы. В самом деле, вспомним спартанские клейма на кирпичах и черепицах, в них написано: κλίνοιοι δαμόσιαι, σκαποθήρας, ἐπὶ Καλλικράτεος, ἐργόνα Νικασίωνος, или другой пример: δαμόσιοι, παστάδος, ἐπὶ Μυασιστράτου, ἐργόνα... Здесь черепица и кирпич — государственные δαμόσιαι, они сделаны, иначе говоря, по государственному заказу и в соответствии с этим являются собственностью государства, но производит их частник — отсюда указание в клейме ἐργόνα... На Боспоре дело могло обстоять так же, и тогда Βασιλική можно было бы понимать только как *термин, фиксирующий собственность*. Такое предположение было бы допустимо, если бы мы не имели клейм, где имена боспорских царей фигурируют, как обычные имена промышленников, наряду с именами других подобных же промышленников, хотя, видимо, и принадлежавших к „высшему обществу“, но не занимавших, однако, столь высокого места в государственной организации Боспора.

Но тогда, естественно, встает вопрос, почему же вместо обычно практиковавшегося клеймения черепиц именами промышленников, даже когда таковыми являлись сами цари (вспомним клейма Спарток III), с какого-то момента начался выпуск продукции с безыменными клеймами Βασιλική? Необходимо к тому же учесть преобладание этих черепиц над всеми прочими группами. В керченской коллекции среди 570 клейм выявлено около 50 имен промышленников, и при этом свыше 1/5 всего количества относится, однако, к группе клейм Βασιλική. Было бы непозволительной натяжкой объяснять такое количественное соотношение клейм простой случайностью. Несомненно, что элемент случайности, объясняющийся случайностью самого собранного материала, имеется налицо, но, несмотря на это, безусловно следует признать, что в какой-то период

¹ ЦАК, в. 30, стр. 19.

времени выпуск этой продукции, т. е. черепиц с клеймами *Βασιλική*, был весьма значительным по сравнению с производством отдельных частных мастерских.

Попытаемся еще определеннее выяснить время производства черепиц с клеймами *Βασιλική*. Начало их выпуска, согласно тем соображениям, которые высказаны ранее, могло иметь место уже в начале III в., при Спартоке III, вслед за появлением или одновременно с клеймами *Βασιλέως Σπάρτοκου*. Но если это предположение только более или менее вероятно, зато не подлежит сомнению, что при Перисаде II (284-3—252) было, несомненно, произведено большое количество черепиц с клеймами *Βασιλική*. В. В. Шкорпил приписывал этому второму Перисаду клейма, в которых данное имя написано полностью. Но, как уже нами показано выше, имеются все основания для того, чтобы отнести эти клейма к гораздо более позднему времени. В самом деле, стоит хотя бы бегло сравнить надписи клейм Перисада (№ 70) и *Βασιλική* (раннего типа), чтобы не было сомнений в том, что вторые (т. е. *Βασιλική*) имеют все признаки более раннего времени. Имея в виду данную нами датировку клейм с полным именем Перисада, мы вместе с тем должны констатировать, что среди именных клейм не находится таких, которые можно было бы связать с Перисадом II. Это обстоятельство является, с нашей точки зрения, весьма характерным. Клейм Перисада II нет, потому что есть клейма *Βασιλική*.

В развитие уже ранее высказанной гипотезы о том, что именно в III в. данная отрасль производства была сосредоточена в руках боспорских царей, коснемся еще следующих моментов. Черепичное производство, как источник дохода, по всей видимости, постепенно привлекало внимание государства. Уже Перисад I как-то был связан с этим делом. Спарток III, очевидно, уже имел самостоятельное производство. Количественное обилие клейм *Βασιλική* указывает на то, что дальше царское производство становится особенно производительным, активным. Напрашивается предположение, не имеем ли мы здесь признаков даже монополизации производства? Не стало ли оно на известном этапе монополией государства, привилегией боспорских царей? Появление клейм *Βασιλική*, обилие черепиц с такими клеймами, несомненно, наталкивают на вышеуказанную гипотезу, особенно, если принять во внимание ту тенденцию постепенного вмешательства боспорского правительства в эту отрасль производства, которая явственно выступает при хронологической систематизации клейм.

Вопрос о том, имела ли место монополизация производства боспорскими царями, было бы легче решить, если бы представлялась возможность совершенно точно выяснить, сколько клейм частных промышленников следует отнести к III в. Тогда более отчетливо определился бы удельный вес царского

производства. Но, даже не имея таких точных данных, можно считать, что с первых десятилетий III в. значение государственного производства в области фабрикации черепиц стало прогрессивно увеличиваться, и вполне возможно, что это завершилось даже установлением полной или почти полной государственной монополии. В этой связи появление клейм Βασιλική было бы особенно понятным. Как ни ограничено значение керамических клейм в качестве исторического источника, изучение их дает возможность заметить, что в Боспорском государстве, повидимому, имели место те же тенденции экономического развития, которые особенно ярко и рельефно нашли свое проявление в эллинистическом Египте. „Податные законы“ Птолемея II Филадельфа (259-8 г.) уже включают в себе законы о масляной и полотняной монополии, причем эти законы, повидимому, лишь окончательно закрепили, юридически оформили существовавшую еще и до того государственную монополию, например, на производство растительного масла.¹ Заметим, что эти мероприятия Птолемея по времени почти совпадают с появлением на Боспоре черепичных изделий с клеймами Βασιλική. В эллинистическом Пергаме, очевидно, также имело место государственное керамическое производство. Имеются убедительные свидетельства о существовании кирпично-черепичного производства пергамского царя Аттала I (241—197 гг.). Кирпичи и черепицы, выпускавшиеся этими царскими мастерскими, снабжались клеймами с буквами АВ, т. е. Αττάλου Βασιλέως.² Напомним, что мы имеем боспорские клейма Βασιλέως Σπάρτόκου — аналогия, как видим, поразительно близкая.

Наличие государственного производства в эллинистическом Пергаме и Египте позволяет рассматривать черепичное производство, принадлежавшее на Боспоре царям, не изолированно, не как специфическое локальное явление, а как проявление определенных экономических тенденций, характерных для целого ряда эллинистических рабовладельческих монархий. Попутно должен быть отмечен чрезвычайно интересный факт прямых дипломатических сношений Боспора с Египтом. Как известно, в 254—253 гг. посольство боспорского царя Перисада II посетило Птолемея II Филадельфа, при котором, как уже отмечалось, и были изданы „Податные законы“, фиксирующие государственную торгово-производственную монополию по некоторым отраслям промышленности. Разумеется, нельзя объяснять явления экономической жизни Боспора заимствованием хозяйственно-организационных форм извне. Но вполне возможно допустить, что государственные монополии

¹ М. Хвостов, Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. I. Текстильная промышленность в греко-римском Египте, Казань, 1914 г., стр. 116—117.

² Schuchhardt, ук. соч., стр. 397, 401; ср. М. Nilsson, ук. соч., стр. 68.

в птолемеевском Египте, где они проводились особенно широко и последовательно, могли служить своего рода образцом для других эллинистических государств, хотя бы в том смысле, что, например, боспорские цари могли более уверенно идти по пути монополизации некоторых отраслей производства, поскольку эллинистический Египет давал пример широко проводившейся политики монополий и поскольку для этого уже были достаточные внутренние предпосылки в самом Боспоре. Таким внутренним стимулом к концентрации некоторых отраслей боспорской промышленности в руках правительства мог служить упадок экспортной торговли хлебом, которая в III в. в некоторой степени должна была сократиться под влиянием появления на греческом рынке египетского хлеба.¹ Это обстоятельство могло послужить одной из серьезных предпосылок к тому, чтобы привлечь особенное внимание боспорских царей к таким видам источников дохода, как производство керамических строительных материалов. Активнейшая роль боспорских архонтов в торговле хлебом общеизвестна — это крупнейшие экспортеры хлеба в Афины. Они же являлись, как показывает изучение керамических клейм, и крупными промышленниками.

Вопрос о государственной монополии в области производства черепиц на Боспоре окончательно решить на основании только керамических клейм пока нельзя из-за полного отсутствия указаний по этому вопросу в других источниках. Но считаться с теми выводами, на которые наталкивает исследование клейм, конечно, необходимо. Во всяком случае не подлежит сомнению факт существования на Боспоре черепичных производств, составлявших собственность царей. И, конечно, производство это было рассчитано не только на удовлетворение государственных потребностей в данного рода строительных материалах, оно выпускало продукцию, повидимому, и для сбыта частному потребителю. Одним из доказательств этого служит то положение, что черепицы с царскими клеймами находятся нередко в качестве строительного материала в рядовых частных гробницах, дата которых довольно близко совпадает с вероятным временем выхода черепиц из производства. Дальнейшее накопление наблюдений об условиях находок клейменных черепиц при раскопках боспорских городищ, несомненно, должно будет подтвердить этот вывод.

Относительно организации боспорских промышленных мастерских, в которых производились черепицы, источники не дают никаких сведений, — впрочем, это равным образом касается и всех прочих отраслей производства.

Некоторые соображения могут быть высказаны на основа-

¹ С. А. Жебелев, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, Известия ГАНМК, в. 70, 1933 г., стр. 10—11.

нии изучения керамических клейм, встречающихся на древнегреческих амфорах и черепицах. Они позволяют установить существование двух основных типов эллинистических мастерских, занимавшихся фабрикацией крупной керамики. Одни мастерские специализировались на производстве только черепиц или амфор, другие же производили кровельные черепицы одновременно с выделкой других видов гончарных изделий — главным образом крупной керамической тары в виде амфор. Известна целая серия клейм с обозначением имен владельцев (*κεραμειός*), которые встречаются как на амфорах, так, равным образом, и на черепицах.¹ Следовательно, в мастерской, принадлежавшей такому промышленнику — „керамевсу“, выделывались одновременно и строительные материалы — черепицы и амфоры. Это совмещение в одном предприятии изготовления различного рода изделий, требовавших и разных специальных навыков рабочей силы и соответствующих разнообразных технических средств, может служить косвенным указанием на довольно значительные масштабы таких предприятий как по количеству применявшейся в них рабочей силы, так вместе с тем и по количеству выпускавшейся ими продукции. Боспорские черепичные мастерские, повидимому, изготовляли главным образом только строительные материалы, во всяком случае мы не знаем других видов гончарной продукции с клеймами, аналогичными тем, что имеются на черепицах. Несмотря на это, нет оснований думать, что эти мастерские были мелкими. Тот факт, что их владельцы составляли богатую рабовладельческую верхушку Боспора, уже достаточно хорошо свидетельствует, что черепичные мастерские приносили им немалые барыши, иначе едва ли стоило им заниматься этим делом; получать же более или менее солидный доход можно было, конечно, только при том условии, если производство было сравнительно крупным. Рентабельность этих мастерских, повидимому, не в малой степени обуславливалась также и наличием достаточно дешевой рабской рабочей силы, которая и являлась, надо думать, основной силой, осуществлявшей производственный процесс. Мы не знаем стоимости рабов на Боспоре, но совершенно очевидно, что здесь они стоили сравнительно дешево, поскольку Боспор являлся поставщиком рабов в главнейшие экономические центры Греции.

Что касается вопроса о рынках сбыта боспорских клейменных черепиц, то имеющиеся данные говорят о их распространении лишь в границах Боспора, главным образом — в пределах крупнейших боспорских поселений Керченского и Таманского полуостровов.

¹ E. Pridlik, Die Astynomennamen auf Amphoren und Ziegelstempeln aus Südrussland. Sonderabdruck aus den Sitzungsbericht der Preuss. Akad. der Wissen., 1928 г., XXIV, стр. 28 и 30—31.

Целый ряд клейм найден как в Керчи, так и в Фанагории,¹ например, клейма с именем Βάκι(ος), Ἐρμιο(κράτου), Κρατίπ(που). Черепица с именем Κοί(ου) найдена в 1930 г. в античных слоях городища Тамани,² такие же клейма встречались ранее в Керчи. Клейма с двумя именами — Πανθήρος и Νεοκλέους — найдены в Керчи, Фанагории и при раскопках Тизенгаузена на Таманском полуострове.³ Клейма Σπαρ(τόκου) были встречены в Керчи, в Кубанской области в селении Михаэльсфельд,⁴ в Анапе.⁵ Клейма Βασιλική до сих пор были обнаружены в Керчи, Фанагории, в Китее⁶ и Дии.⁷ Клейма Βασιλική с трезубцем и дельфином встречались до сих пор, кажется, исключительно в Фанагории, во всяком случае все клейма этого типа, происхождение которых известно, относятся к Фанагории. Таким образом, даже при этом крайне ограниченном материале по черепичным клеймам с точно зафиксированным местом их находок, можно заметить, что черепицы имели главное распространение в пределах основных городских центров Боспора. Экспорта черепиц за пределы Боспорского царства, по всей видимости, совершенно не было.

Приложение

Печатаемый ниже перечень форм клейм, встречающихся на боспорских черепицах, составлен по материалам, хранящимся в Керченском археологическом музее и представляющим основную массу находок этой продукции боспорского керамического производства. По количеству клейм наш список охватывает материалы, собранные в Керченском музее за время до 1933 г. включительно. Клейма расположены в алфавитном порядке имен, с выделением в особую группу клейм с надписями Βασιλική и Βασιλικός, помещенных в конце перечня. Номера форм клейм, заключенных в списке, соответствуют номерам их факсимиле, которые расположены в конце предложения.⁸

Ввиду того, что большое количество имен дано на боспорских клеймах в значительном сокращении, чтение их, т. е. восстановление их полного начертания, встречает большие затруднения, так как очень часто имеющиеся в клеймах

¹ Сведения о находке клейм в Фанагории основаны на материалах Таманских экспедиций ГМИИ, которые были нам предоставлены для соответствующего использования Л. П. Харко.

² Клеймо находится в материалах Таманской экспедиции ГАИМК 1930 г.

³ Е. М. Придик, Инвентарный каталог клейм, стр. 131, № 96.

⁴ Там же, №№ 47—53.

⁵ Сообщение об этой находке получено от Зав. Анапским музеем т. Чайковского.

⁶ Ю. Ю. Марти, Раскопки городища Китея в 1928 г., Изв. Тавр. общ. ист., арх. и этнографии, т. III, стр. 60.

⁷ Найдены во время раскопок 1933 г.

⁸ Все факсимиле клейм воспроизводят оригиналы в $\frac{3}{4}$ натуральной величины.

док, сделанных на городище Фанагории во время разведочно-топографических обследований его, производившихся сотрудниками ГМИИ в течение ряда лет во главе с Л. П. Харко.

б) Кроме того, дается указание работ, в которых те или иные боспорские черепичные клейма были опубликованы или подготовлены к изданию.

в) В заключение сообщаются сведения о находках клейменных боспорских черепиц, если таковые сведения имеются.

Примечание. Кроме общепринятых сокращений, как то:

ИАК — Известия Археологической комиссии,
ОАК — Отчет Археологической комиссии,
ЗОО — Записки Одесского общества истории и древностей,

в перечне клейм употреблены следующие сокращения:

Орешников у Гиля — сообщение А. В. Орешникова о клеймах на черепицах в сочинении Гелья „Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands“, Москва, 1886 г.

Шкорпил, 1903—5 и Шкорпил, 1906—7 — подготовленные к изданию, но оставшиеся неопубликованными две рукописи В. В. Шкорпила: 1) „Керамические надписи, найденные и приобретенные Керченским музеем древностей в 1903—1905 гг.“, 2) то же в 1906—1907 гг. Обе рукописи заключают в себе обширный материал по керамическим клеймам. Хранятся в архиве Керченского музея.

Шкорпил в Сборнике Бобринского — статья В. В. Шкорпила „К вопросу о времени правления архонта Игнагона“ в Сборнике археологических статей, посвященных А. А. Бобринскому, Спб., 1911 г.

Придик, Каталог — Б. М. Придик, Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания, Петроград, 1917 г.

1, 2, 3 'Αθη(νοδώρου) — восстановление по Шкорпилу; возможно — 'Αθη(νίππου), 'Αθη(ναίου). В Керч. музее клейм формы № 1 — 5 экз., ф. № 2 — 2 экз., ф. № 3 — 1 экз. Орешников у Гиля, стр. 41, № 20 (ф. № 2); Шкорпил, 1903—5, № 454 (ф. № 3). Клеймо ф. № 3 было найдено в 1894 г. в Феодосии, см. Юргевич, ЗОО, XVIII, стр. 167, № 5.

4 'Αλχιμ(άρχου) — восстановление по Придику; возможно — 'Αλχιμ(ου) В Керч. музее 11 (2/2) экз. Придик, Каталог, стр. 130, № 59.

5, 6, 7, 8, 9 — Απολ(λωνίου) — восстановление по Шкорпилу; предполагается Аполлоний, сын боспорского архонта Левкона, упоминаемый в афинском декрете от 347/6 г., посвященном сыновьям Левкона (Minns, стр. 651, 28). В Керч. музее клейм ф. № 5 — 7 (5/5) экз.; ф. № 6 — 8 экз., ф. № 7 — 2 экз.; ф. № 8 — 5 экз.; ф. № 9 — 2 экз. Орешников у Гиля, стр. 41, № 15; Шкорпил, ИАК, 3, стр. 162, № 1 (ф. № 9); Шкорпил, ИАК, 11, стр. 154, № 693а (ф. № 6), 693б (ф. № 8). Клеймо ф. № 5 было найдено в 1894 г. в Феодосии, см. Юргевич, ЗОО, XVIII, стр. 167, № 4.

10 'Αριστα(γάρου) — восстановление по Шкорпилу. В Керч. музее — 3 (2/1) экз. Шкорпил, ИАК, 3, стр. 162, № 5; Шкорпил, 1906—7, № 805.

1 ΔΘ

2 ΔΘ

3)ΗΘΑ

4 ΑΛΚΙΜΣ

5 ΠΑ

6 ΑΠ)

7 ΑΠ

8 ΠΑ

9 ΑΘΛΣ

10 ΑΡΙΣΤΑ

11 ΑΣΤΥΣ

12 ΑΣΤΥΔΑ

11, 12 *Ασπιδά(μαντος)* — восстановление по Шкорпилу. В Ъ музее клейм ф. № 11 — 8 ($\frac{3}{8}$) экз; ф. № 12 — 4 ($\frac{3}{1}$) экз. ОАИ, 1867, стр. 208, № 25 (ф. № 12); Шкорпил, 1906 — 7, № 806. См. примеч. к клеймам ф. № 69.

13 *Βάμιδ(ος)* — восстановление по Шкорпилу. Клеймо английское, с эмблемой в виде изображения канфара. В Керч. музее — 8 ($\frac{7}{1}$) экз. Шкорпил, 1906—7, № 807. 1 экз. такого же клейма имеется в материалах Таманской экспедиции ГМИИ, найден в Фанагории.

14 *Γοργύππου* — клеймо с этим именем было издано В. В. Латышевым в „Материалах по археологии России“, № 17, стр. 71, № 7, откуда мы и заимствуем рисунок клейма. Второй экземпляр такого же клейма, происходящий также из Анапы, находился в Мелек-Чесменском кургане в Керчи, но был впоследствии оттуда похищен. В настоящее время имеется один экземпляр в Новороссийском музее. Все это показывает, что и в Горгии существовало в определенное время местное производство черепиц, принадлежавшее правителю Горгии Горгиппу, связанному с правившей на Боспоре династией Спартокидов (Minns, Scythians and Greeks, стр. 573). Ср. А. В. Орешников, Этюды по нумизматике Черноморского побережья, Известия ГАИМК, т. II, 1922 г., стр. 122. Однако производство черепиц в Горгии, повидимому, носило сугубо локальный и временный характер.

15 Δ и эмблема в виде изображения лука. В Керч. музее — 2 экз. Шкорпил, ИАК, 3, стр. 162, № 11.

16. *Δημ(ητρίου)*, возможно: *Δημ(οφώντος)*, *Δημ(άρχου)* В Керч. музее — 2 экз.

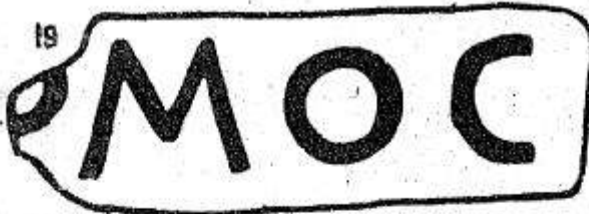
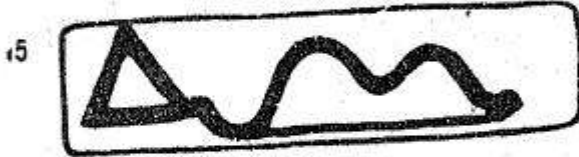
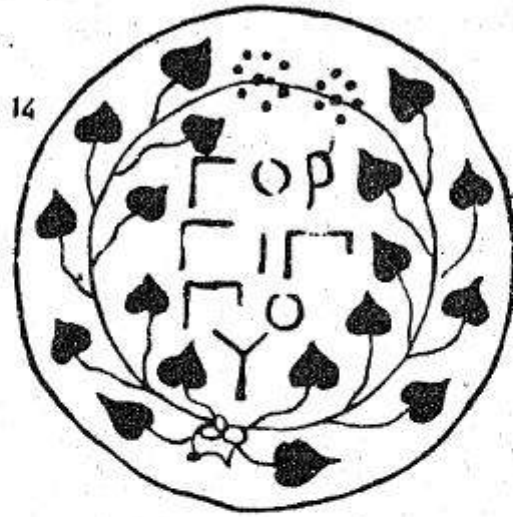
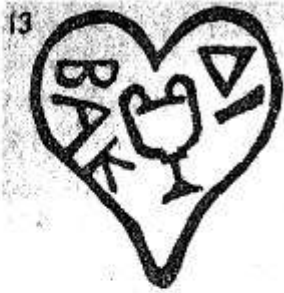
17 *Διοτίμου*. В Керч. музее — 1 фрагментированное клеймо [*Διοτίμου*]. В материалах Таманск. экспедиции ГМИИ имеется такое же целое клеймо, найденное в Фанагории.

18 *Ἐπιλό(χου)?* В Керч. музее — 2 экз. Возможен и другой вариант восстановления с выделением *ἐπι* в предлог, но такое восстановление будет мало обоснованным, так как боспорские клейма не дают подобного рода аналогий; имеющаяся в коллекции черепичных клейм Керч. музея группа клейм с надписью *ἐπι Γοργίου* (ИАК, 11, стр. 154, № 695) еще недостаточно ясна в смысле возможности ее происхождения из боспорских производственных центров.

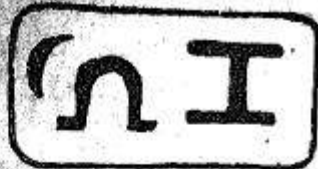
19, 20 *Ἐρμο(χράτεος)*. В Керч. музее клейм ф. № 19 — 2 ($\frac{1}{1}$) экз., ф. № 20 — 3 ($\frac{0}{3}$) экз. В материалах Таманской экспедиции ГМИИ имеется фрагмент клейма ф. № 20, найденный в Фанагории. О находке клейма ф. № 20 в черепичной гробнице в Керчи см. „Древности боспора Киммерийского“, стр. LX; Придик, Каталог, стр. 130, №№ 67 и 68.

21 *Ἐρμο(χράτεος) (καὶ) Παυ(ρισάδεος)*. В Керч. музее 6 ($\frac{3}{1}$) экз. Ср. клейма ф. № 67.

22 *Ζη(ώνος)*. В Керч. музее 1 экз. Орешников у Гиля, стр. 41, № 23.

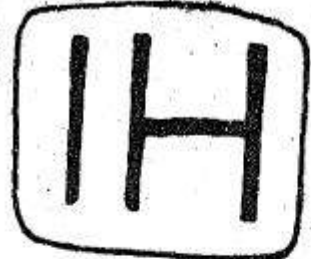
24

32

33

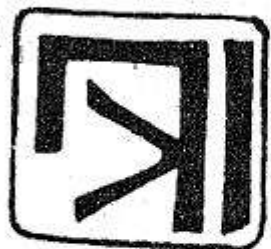
25

34

38

26

35

27

28

36

29

37

30

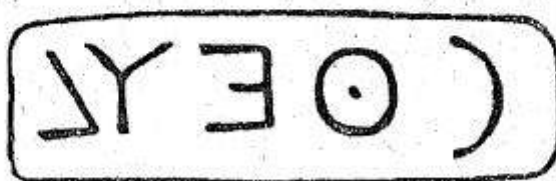
40

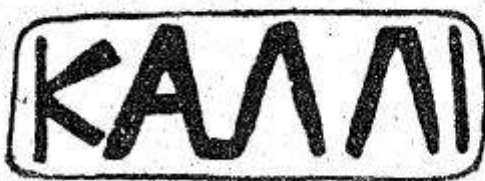
41

31

39

№ 60 (ф. № 42); Орешников у Гиля, стр. 41, № 19 (ф. № 42); Шкорпил, ИАК, 11, стр. 155, № 699 (ф. № 42); Шкорпил, 1906—7, № 817 (ф. № 40 и 42); Придик, Каталог, стр. 130, № 78—79 (ф. № 42). 1 экз. клейма ф. № 41 был найден в 1930 г. археологической экспедицией ГАИМК в античных слоях Таманского городища.

43, 44 *Κρατίπ(που)*. В Керч. музее клейм ф. № 43 — 5 ($\frac{4}{1}$) экз. и ф. № 44 — 4 экз., из них одно — на обломке калиптера. Шкорпил, ИАК, 3, стр. 130, № 80 (ф. № 43). В материалах, собранных экспедициями ГМИИ на городище Фанагории, имеется фрагмент клейма ф. № 43. 12 VII 1917 на южном склоне Митридата в Керчи найдена в качестве покрытия детской земляной гробницы черепица с клеймом ф. № 43 (архив Керч. музея, дневник раскопок за 1917 г.).

45 *Δεύ(χωνος)* — восстановление по Шкорпилу. В Керч. музее — 2 экз. Шкорпил, 1903—5, № 460; Придик, Каталог, стр. 130, № 82 (без восстановления).

46, 47, 48 *Δεω(δίκου)* — восстановление по Шкорпилу, может быть — *Δεω(στράτου)*? В Керч. музее клейм ф. № 46 — 1 экз., ф. № 47 — 2 экз. и ф. № 48 — 2 экз. Орешников у Гиля, стр. 41, № 12 (ф. № 46); Шкорпил, ИАК, 11, стр. 155, № 701 (ф. № 46); Шкорпил, 1906—7, № 818 (ф. № 46); Придик, Каталог, стр. 130, №№ 83—86 (ф. № 47). Клеймо ф. № 46 было найдено в 1894 г. в Феодосии, см. Юргевич, 300, XVIII, стр. 167, №№ 24 и 25.

49 ΔΥ, над Δ горизонтальная черта. В Керч. музее — 3 экз. + цельная черепица с таким же клеймом, хранящаяся в Мелек-Чесменском кургане.

50 ΔΥΟ или ΟΥΔ. В Керч. музее — 4 экз.

51 *Αυσι(ου)* — восстановление по Шкорпилу. В Керч. музее 6 экз. Шкорпил, ИАК, 11, стр. 155, № 702. Шкорпил, 1906—7, № 819.

52, 53, 54 *Μέδωντος*. В Керч. музее клейм ф. № 52 — 2 экз., ф. № 53 — 3 ($\frac{2}{1}$) экз., ф. № 54 — 2 ($\frac{0}{2}$) экз. Шкорпил, 1903—5, № 461 (ф. № 53). По предположению Шкорпила (см. его статьи в Сборнике Бобринского, стр. 34), *Μέδων*, фигурирующий в черепичных клеймах, является тем же лицом, которое упоминается в посвятельной надписи времен Левкона I („Креуса, дочь Медонта, Деметре... посвятила при Левконе и т. д.“ — *IosPE*, II, № 7).

55 *Μενοι(τρου)* — восстановление по Шкорпилу и Придику. В Керч. музее — 15 ($\frac{11}{4}$) экз. Имя *Μενοίτιος* в боспорской монументальной эпиграфике неизвестно. ОАК, 1867, стр. 208, № 26; Придик, Каталог, стр. 130, № 88—89. В Керчи были открыты две гробницы, построенные из черепиц с клеймами ф. № 55 (см. ИАК, 9, стр. 156, гробница № 460; ИАК, 40, стр. 84, гробница № 38).

56 *Μήσ(τορος)* — восстановление по Шкорпилу. В Керч. му-

42 ΚΟΙΣ

44 ΚΡΑ

43 ΚΡΑΤΙΓΣ

45 ΛΕΥ

46 ΛΕΩΣ

47 ΛΕΥ

48 ΛΕΥ

52 ΜΕ

49 ΝΥ

50 ΝΥΟ

51 ΝΥΛ

53 ΜΕΔ

54 ΜΕΔΟΝΤΟ

зее — 8 ($\frac{6}{2}$) экз., в том числе одно клеймо на цельной черепице, инв. № 577. По предположению Шкорпила (см. его статью в Сборнике Бобринского, стр. 34), *Μῆτωρ*, упоминаемый в клеймах на боспорских черепицах, является тем же лицом, которое отмечено в посвятельной надписи времен Перисада I („Местор, сын Гиппосфена, бывший агонифетом, за отца посвятил Аполлону при Перисаде и т. д.“ — *IosPE*, II, № 345). Придик, Каталог, стр. 130, № 90.

57, 58, 59 *Μητρο(δωρου)* — восстановление по Шкорпилу. В Керч. музее клейм ф. № 57 — 7 экз., ф. № 58 — 1 экз. и ф. № 59 — 8 экз., в том числе одно клеймо на цельной черепице, инв. № 575. ОАК, 1861, стр. 169, № 9 (ф. № 59); Орешников у Гиля, стр. 41, № 17 (ф. № 59); Шкорпил, ИАК, стр. 155, 11, № 703 (ф. 58 и 59); Придик, Каталог, стр. 130, № 91 (ф. № 59). О находке черепиц с клеймами № 59 в качестве затвора подбойной гробницы на северном склоне Митридата в Керчи, см. ИАК, 47, стр. 55, № 42.

60 Верхняя строка ΜΗ, нижняя ΘΥ или ΟΥ. В Керч. музее — 1 экз. Шкорпил, ИАК, 3, стр. 162, № 13.

61, 62, 63 *Μο(νίμου)* — восстановление по Шкорпилу. Придик предполагал *Μο(λοσσός)*; может быть, *Μό(σχοῦ)*? В Керч. музее клейм ф. № 61 — 3 экз., ф. № 62 — 1 экз., ф. № 63 — 5 экз. Шкорпил, ИАК, 3, стр. 162, № 15 (ф. № 61); Шкорпил, 1903—5, № 463 (ф. № 61); Шкорпил, 1906—7, № 822 (ф. № 61); Придик, Каталог, стр. 131, № 93 (ф. № 61).

64 *Νιχο(μάχου)? Νιχο(στράτου)?* В Керч. музее — 3 экз.

65 *Ορχάμου* — несомненно имя собственное (дважды упоминается в горгипсийском агонистическом списке — *IosPE*, IV, № 432). Придик неправильно читал это клеймо как обозначение должностного титула. В Керч. музее — 3 экз. В материалах Таманской экспедиции ГМИИ имеются два фрагментированных клейма этого типа, найденные в Фаногории. Придик, Каталог, стр. 129, № 34.

66 *Πανθήρος (καὶ) Νεοκλέους*. В Керч. музее — 9 ($\frac{5}{4}$) экз. ОАК, 1867, стр. 208, № 27; Шкорпил, ИАК, 11, стр. 156, № 705; Придик, Каталог, стр. 131, № 96—100 (указаны места находок). В материалах, собранных Таманской экспедицией ГМИИ, имеются 3 фрагментированных клейма этого типа, найденных в Фаногории. В 1933 г. один фрагментированный экземпляр такого клейма был найден при раскопках на городище Дии (Камыш-Бурун),

67 *Πα(ι)ρισά(θεος) (καὶ) Ἐρμιοκρ(άτεος)*. В Керч. музее — 7 ($\frac{6}{1}$) экз. Ср. с клеймами ф. № 21.

68 *Πα(ι)ρισά(θεος) (καὶ) Πρωτάνι(ος)*. В Керч. музее — 6 ($\frac{3}{3}$) экз. ОАК, 1861, стр. 169, № 6; Орешников у Гиля, стр. 41, № 2; Шкорпил, ИАК, 3, стр. 162, № 14-а; Придик, Каталог, стр. 129, № 35 (второе имя неправильно истолковано как обозначение должностного титула; неправильность такого толкова-

55 ΜΕΝΟΙΟ

56 ΜΗ

57 ΜΗΞ

58 ΜΗΤ

59 ΜΗΤΡΟΟ

60 ΜΗ
Ο Υ

61)ΟΜ

64 ΝΙΚΟΟ

62 ΟΜ

65 ΟΡΧΑΜΟΥ

63 Μ

66 ΓΑΝΘΗΡΟΣ
ΝΕΟΚΛΕΟΥΣ

67 ΕΒΜΟΚΡ
ΠΑΡΙΣΑ

ния очевидна при сравнении клейм ф. № 68 с клеймами ф. № 67).

69 На одном клейме Παρι(σάδης), на другом Ἴπποκρά(τες) — оба клейма расположены рядом на одной черепице. В Керч. музее находятся 2 обломка черепиц, на каждом из них имеется по два указанных клейма. ОАК, 1861, стр. 169, № 5; Орешников у Гиля, стр. 41, № 6; Придик, Каталог, стр. 129, №№ 41 и 42 (второе имя ошибочно восстановлено как Ἴππο(δάμας). Изданные там же клейма, ΠΑΡΙΣ, сохранившиеся на фрагментах черепиц, несомненно, не являлись самостоятельными, а фигурировали на черепицах в сочетании с клеймом Гипократа (как на клеймах ф. № 69) или с клеймами Астидама (ф. № 11 и 12); о последнем варианте имеются данные в материалах Е. М. Придика к III тому IosPE. Несколько клейм ф. № 69 были найдены на черепицах гробницы, открытой на Митридате в Керчи в 1860 г. (дело № 6 1860 г. в архиве ГАИМК, Журнал археологических разысканий...); в этой гробнице, между прочим, были найдены так наз. акварельные вазы.

70 Παρισάδου. В Керч. музее — 3 ($\frac{2}{1}$) экз. ОАК, 1861, стр. 169, № 3; Орешников у Гиля, стр. 141, № 1; Шкорпил, ИАК, 11, стр. 156, № 704; Придик, Каталог, стр. 129, № 36.

71 Πο(σιδέου)? Πό(σις)? В Керч. музее — 1 экз. Шкорпил, ИАК, 11, стр. 156, № 706.

72 Πρωτά(νιος). В Керч. музее — 5 ($\frac{4}{1}$) экз. В боспорской монументальной эпиграфике это имя не встречается; Диодором оно засвидетельствовано как имя сына боспорского архона Перисада I (ср. клеймо ф. № 68). Шкорпил, ИАК, 11, стр. 156, № 707; Шкорпил, 1906—7, № 824.

73. 74 Πυδο(δώρα) — восстановление по Шкорпилу. В Керч. музее клейм ф. № 73 — 4 экз., ф. № 74 — 3 ($\frac{2}{1}$) экз. Шкорпил, ИАК, 11, стр. 156, № 708-а и № 708-б; Придик, Каталог, стр. 131, № 104 (ф. № 74).

75, 76 Σα(τόρου)? (καί) Ἴπ(ποκράτου)? В Керч. музее клейм ф. № 75 — 1 экз.; ф. № 76 — 1 экз. Придик, Каталог, стр. 131, № 108 с восстановлением Σα(τυρίωνος)? Ἴπ(ποστράτου).

77, 78 Σατό(ρου). В Керч. музее клейм ф. № 77 — 7, из них одно на цельной черепице, инв. № 578, ф. № 78 — 5 ($\frac{4}{1}$) экз. Орешников у Гиля, стр. 41, № 14 (ф. № 78).

79 Σατυρίωνος. В Керч. музее — 2 ($\frac{0}{2}$) экз.; по предположению Шкорпила (см. его статьи в Сборнике Бобринского, стр. 34), Σατυρίων, упоминаемый в клеймах ф. № 79, является тем же лицом, которое указано в посвянительной надписи времени аПерисада I („Сатирион, сын Патека, бывший жрецом, посвятил Аполлону Врачу и т. д.“ — IosPE, II, 10). ОАК, 1861, стр. 168, № 7; Орешников у Гиля, стр. 41, № 16 (в обоих изданиях ошибочно ΣΑΤΥΡΙΟ). Придик, Каталог, стр. 131, № 109.

68.

ΠΑΡΙΣΑ
ΠΡΥΤΑΝΙ

69

ΠΑΙΡΙΚ

ΙΠΠΟΚΡΑΣ

70

ΠΑΙΡΙΣΑ ΔΟΥ

71

Π

72

ΠΡΥΤΑ

73

ΠΥΘ

74

ΠΥΘΟΥ

80 Σόλων(ος). В Керч. музее — 1 экз., найден 26 IX 1930 г. при раскопках на горе Митридата в Керчи.

81, 82 Παρ(τόκου). В Керч. музее клейм ф. № 81 — 28 ($17/11$) экз.; ф. № 82 — 12 ($10/2$) экз. ОАК, 1861, стр. 168, № 2; Орешников у Гиля, стр. 41, № 5; Шкорпил, ИАК, 3, стр. 162, № 3; Шкорпил, ИАК, 11, стр. 156, № 709; Шкорпил, 1903—5, № 465; Шкорпил, 1906—7, № 825; Придик, Каталог, стр. 129, №№ 47—53.

83 Σπартόκου βασιλέως. Воспроизводим рисунок клейма, изданный у Гиля. Орешников у Гиля, стр. 41, № 7, там же рисунок клейма. В материалах, собранных Таманской экспедицией ГМИИ, имеются два обломка черепиц с сохранившимися фрагментами аналогичных клейм: 1) Σπ[артόκου] βασι[λέως] и 2) Σπ[артόκου] βασιλ[έως]. Оба фрагмента найдены на территории городища Фанагории.

84, 85, 86 Σπартόκου. В Керч. музее клейм ф. № 84 — 1 экз., ф. № 85 — 14 ($7/7$) экз., из них 4 клейма находится на калиптерах, ф. № 86 — 1 ($0/1$) экз. ОАК, 1861, 176, № 1; Орешников у Гиля, стр. 141, № 4; Шкорпил, 1903—5, № 465; Шкорпил, 1906—7, № 826; Придик, Каталог, стр. 129, № 43—45. Черепицы с клеймом ф. № 85 были найдены в Керчи в черепичной гробнице, см. ИАК, 30, стр. 77. В Анапском музее хранится обломок черепицы, найденный в Анапе, с клеймом [Σπα]ρτόκου (первые три буквы отбиты).

87, 88, 89 Τιμο(θέου). Шкорпил предполагал Τιμο(θέου). В Керч. музее клейм ф. № 87 — 2 экз., ф. № 88 — 5 экз. и ф. № 89 — 5 ($4/1$) экз. Шкорпил, ИАК, 11, стр. 156, № 710 (ф. № 89); Шкорпил, 1906—7, № 827 (ф. № 88) и № 828 (ф. № 89). Черепица с клеймом ф. № 89 была найдена в 1906 г. в Керчи в качестве затвора подбойной гробницы, см. ИАК, 30, стр. 60, там же на стр. 77 о находке черепичной гробницы, сложенной из 5 черепиц с клеймами ф. № 85 (Σπартόκου) и 4 черепицы с клеймом ф. № 89.

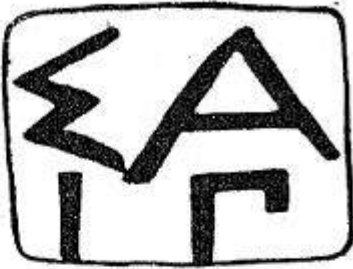
90, 91 Τῷ(ος)? В Керч. музее клейм ф. № 90 — 6 экз., ф. № 91 — 1 экз. Шкорпил, ИАК, 3, стр. 162, № 2.

92, 93 Ἄρχοντας Ἰγιάωντος. Воспроизводим факсимиле клейм по рис. 1 и 2 в статье В. В. Шкорпила „К вопросу о времени правления архонта Игиэоннта“ в Сборнике статей, посвященных Бобринскому. В Керч. музее имеется клейм ф. № 92 — 4 экз. (все на калиптерах) и ф. № 93 — 9 ($6/3$) экз. В указанной статье Шкорпила исчерпывающе приведена литература, к ней лишь можно прибавить издание эрмитажных клейм ф. № 93 у Придика, Каталог, стр. 129, №№ 54—58.

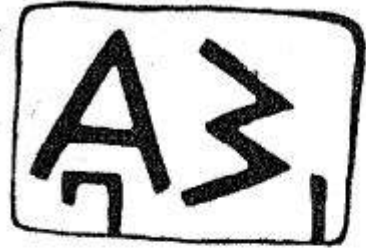
94 Φοί(βου)? Φοί(βίδου)? В Керч. музее — 8 ($7/1$) экз. Шкорпил, ИАК, 3, стр. 162, № 4.

95 Βασιλική (рис. 76а на стр. 277). В Керч. музее клейм ф. № 95 — 85 ($20/36$) экз. Macpherson, Antiquities of Kertch, Лондон, 1857, стр. 75; ОАК, 1861, стр. 168, № 10; Орешников у

75

76

77

78

79

80

81

82

83

84 ΣΤΤΑΡΤΟΚΟΥ

85 ΣΤΤΑΡΤΟΚΟΥ

86 ΣΤΤΑΡΤΟ

87 ΤΙ

88 ΤΙ)

89 ΤΙΜΟΣ

90 ΥΤ

91 VT

92 ΑΡΧΟΝΤΟΣ
ΥΓΙΑΙΝΟΝΤΟΣ

93 ΑΡΧΟΝΤΟΣ
ΥΓΙΑΙΝΟΝΤΟΣ

94 ΚΦΟΙ

Гиля, стр. 41, № 11; Шкорпил, ИАК, 11, стр. 154, № 694-а; Шкорпил, 1903—5, № 456; Шкорпил, 1906—7, № 808-б; Придик, Каталог, стр. 129. №№ 21—25. О находках черепиц с клеймами ф. № 95 во время раскопок в Керчи см. ИАК, в. 30, стр. 19, № 71; ИАК, 47, стр. 4, № 3; там же, стр. 5, № 4. В материалах, собранных Таманской экспедицией ГМИИ, имеется найденная на городище Фанагории половина черепицы с уцелевшей частью клейма ф. № 95.

96 *Βασιλική* (рис. 76б на стр. 277). В Керч. музее — 4 ($\frac{2}{2}$) экз. Шкорпил, 1903—5, № 456.

97 *Βασιλική*, под надписью находятся изображения трезубца и дельфина (рис. 76в. на стр. 278). В Керч. музее — 3 ($\frac{1}{2}$) экз. Шкорпил, ИАК, 11, стр. 154, № 694 в. В материалах Таманской экспедиции ГМИИ имеется 2 полных и 2 фрагментированных клейма ф. № 97, найденных в Фанагории.

98 *Βασιλική* (рис. 76г на стр. 278). В Керч. музее клейм этого типа 14 ($\frac{8}{9}$) экз. Беккер, 300, VII, стр. 32, № 59; Шкорпил, ИАК, 11, стр. 54, № 694-б; Шкорпил, 1903—5, № 456; Шкорпил, 1906—7, № 808-в; Марти и Шкорпил, 300, XVIII, № 276. Один экземпляр клейма ф. № 98 был найден 26 IX 1930 г. во время раскопок на восточном склоне г. Митридата в Керчи. Фрагмент такого же клейма, найденный на городище Фанагории, находится в материалах Таманской экспедиции ГМИИ.

Изданное Е. М. Придином в его Каталоге на стр. 129 под № 26 двухстрочное клеймо ΒΑΣΙΛΙΚΗ ΔΙΑΝΟΥΜΗ, читается теперь издателем, согласно его разъяснению, как *Βασιλική διὰ Νουρη(γίου)*. К сожалению, остается неизвестным место, где это клеймо было найдено, что в свою очередь делает весьма неопределенным и вопрос о месте производства. Ввиду этого мы вынуждены были воздержаться от включения этого клейма в наше исследование о боспорских черепицах.

99 *Βασιλικός* (рис. 76д на стр. 279). В Керч. музее — 22 ($\frac{7}{15}$) экз., все расположены исключительно на калиптерах, причем два клейма (фрагментированные) имеют неправильное расположение букв справа налево. Орешников у Гиля, стр. 41, № 10; Шкорпил, 1903—5, № 457; Шкорпил, 1906—7, № 809; Придик, Каталог, стр. 129, №№ 27—32. Орешников, в своем сообщении о боспорских клеймах, помещенном в сочинении Гиля, трактовал (стр. 42) клейма *Βασιλική* и *Βασιλικός* как обозначения имен собственных (sic!).

ЗАМЕЧЕННЫЕ СУЩЕСТВЕННЫЕ ПОГРЕШНОСТИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует
11	12 сверху	κλεισιος	Κλείσιος
11	12 сверху	Τεακίωσης	Τεαχόωσης
15	18 снизу	VI — начало V в.	V — начало IV в.
30	9 сверху	от нее	от него
48	18 сверху	διαπόλιον	δαπόλιον
48	5 снизу	λαραγώγιον	παραγώγιον
51	2 снизу	κατεργάζεται	κατεργάζεται
52	12 снизу	ἐγκυκλικός, λόγος	ἐγκυκλικός λόγος
81	11 снизу	акатами	скатами
93	6 снизу	меоты	меоны
137	1 снизу	желтый, оранжево-красный	оранжево-красный
194	12 снизу	рис. 58, 3	рис. 58, 4
198	таблица на- ходок	в раскопках	в раскопах
201	2 сверху	ΜΙΘΡΑΔΑΤΗΥ	ΜΙΘΡΑΔΑΤΗ
241	3 сверху	рис. 66	рис. 67 а
242	4 снизу	рис. 67 в	рис. 67 б и 67 в
242	3 снизу	длина 0,47, ширина 0,36	длина 0,49, ширина 0,37
284	17 снизу	σκανοθήκας	σκανοθήκας
284	14 снизу	κεραμίς	κεραμίς

На плане (стр. 123, рис. 27) северная часть внешней ограды городища должна идти не по берегу протока, а от крайних восточной и западной ее точек по направлению к с.-в. и с.-в. углам внутренней ограды.

ИЗВЕСТИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Выпуск 76

С. И. Ковалев. Проблема социальной революции в античном обществе.

А. И. Тюменев. Разложение родового строя и революция VII—VI вв. в Греции.

О. О. Брюгер. Рабские восстания II—I вв. до н. э., как начальный этап революции рабов.

А. В. Мишулин. Восстание Спартака в древнем Риме.

Прения по докладам.

223 стр. Цена 2 р. 80 к.

Выпуск 77

В. В. Струве. Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока (доклад).

Прения по докладу В. В. Струве.

Заключительное слово В. В. Струве.

188 стр. Цена 2 р. 50 к.

Выпуск 78

Античный способ производства в источниках.

596 стр. Цена 10 р.

Выпуск 80

В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжитательные печи.

116 стр. Цена 2 р. 20 к.

Выпуск 97

В. В. Струве. Очерки социально-экономической истории древнего Востока.

75 стр. Цена 1 р.

ИЗВЕСТИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Выпуск 101

Из истории античного общества

Содержание

- Б. Л. Богачевский. Современное состояние изучения «агейской культуры» на Западе и в Америке и наши исследовательские задачи.
Р. В. Шмидт. Из истории Фессалии.
О. О. Крюгер. Движение античных рабов в доэллинистическую эпоху.
С. А. Жебелев и С. Н. Ковалев. Великие восстания рабов II—I вв. н. э. в Риме.
А. Н. Тюменев. К выяснению классовой позиции Цицерона.

198 стр. Цена 3 р.

Выпуск 108

Из истории материального производства античного общества

Содержание

- О. О. Крюгер. Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте.
М. С. Альтман. Техника виноделия в древней Греции.
В. Н. Граков. Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции VI—IV вв. до н. э.
С. А. Ласковский. Наука о сельском хозяйстве в связи с общим развитием естествознания в классической Греции до Теофраста.
Р. В. Шмидт. Очерки из истории горного и металлообрабатывающего производства в античной Греции.

Стр. 342. Цена 6 р. 50 к., пер. 1 р. 50 к.

ИЗДАНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Имеются в продаже:

- В Ленинграде { магазин № 1 Ленкогиза, пр. 25 Октября, 28.
 { магазин № 109 Ленигиза при Гос. университете.
В Москве { магазин № 2 Могиза, Моховая, д. 17.
 { магазин № 15 Могиза для научных работ., ул. М. Горького, 26.
По СССР магазины Когиза.

Издания ГАИМК имеются во всех библиотечных коллекторах.

Издания можно выписывать наложенным платежом,

направляя заказ по адресу:

Ленинград, улица Халтурина, 5.

Государственная Академия Истории Материальной Культуры.